

Последняя версия, декабрь 2016 г.

Под большевиками

Как известно, 25 октября / 7 ноября 1917 года большевики совершили антиправительственный переворот (который затем нарекли «Великой Октябрьской социалистической революцией»). И стали железной рукой наводить «революционный порядок», в т.ч. и в Первопрестольной. Поскольку Р.Э. Классон не оставил по этому поводу каких-либо «живых свидетельств», то обратимся к впечатлениям его старого знакомого Л.Б. Красина.

Из писем последнего из Петрограда жене за границу от 1 и 7 ноября ст. ст.:

В Москве, по слухам, жестокие бои и даже погромы. Я уповаю лишь на то, что обычно слухи и молва преувеличивают все в десятки раз, но, конечно, события такие, что всякое случиться может. <...> Большевики, разбив Керенского и завладев Москвой, не идут ни на какие соглашения, жарят себе ежедневно декреты, работа же всякая останавливается, транспорт, продовольствие гибнут, армии на фронтах начинают умирать с голода.

Все видные большевики (Каменев, Зиновьев, Рыков (Алексей-заика) etc.) уже откололись от Ленина и Троцкого, но эти двое продолжают куролесить, и я очень боюсь, не избежать нам полосы всеобщего и полного паралича всей жизни Питера, анархии и погромов.

<...> Районы Арбата, Пречистенки, Никитской, а также центр – Дума, Метрополь, сильно, говорят, пострадали. Известия о разрушении Кремля и Василия Блаженного оказались, по счастью, ложными.

Продолжение больной темы в письме Л.Б. Красина от 8 декабря:

Вся интеллигенция, включая меньшевиков, обозлившись на большевиков за переворот и все их озорства (а, надо отдать им справедливость, они делают все, чтобы восстановить против себя всех), занялись столь любезным российскому сердцу ничегонеделаньем и полагают, что ведут геройскую войну, страна же вся катится в пропасть голода, обнищания и анархии. (Как мы уже отмечали, эти письма хранятся в Международном институте социальной истории, Амстердам и были введены в российский документооборот Ю.Г. Фельштинским в 2002 году.)

Некоторые записи в связи с Февральской революцией и октябрьским переворотом оставил, уже в преклонном возрасте, И.Р. Классон. Их мы приведем в очерке «Классонята».

Но даже прозорливый Л.Б. Красин (самолично сделавший немало для расшатывания императорского престола и подрыва нефтедобычи в Баку, до октябрьского переворота, а вскоре после оногo – для утверждения «советской власти») не мог предвидеть, какие бедствия российскому народу принесут семидесятилетние «куролесение» и «озорства» большевиков.

И Р.Э. Классону, его родным и знакомым пришлось все это испытать на собственной шкуре, и не только «всеобщий и полный паралич всей жизни». Его сын Павел отсидел перед войной три года за «антисоветские высказывания», затем, в самом начале войны, вместе с семьей был выслан как советский немец в восточный Казахстан и погиб в 1942-м при не выясненных до сих пор обстоятельствах, после очередной мобилизации в «трудовые лагеря». Его внучатый племянник Николай Некрасов (старший брат будущего писателя Виктора Некрасова) был заподозрен чекистами Миргорода в шпионаже и заперт до смерти шомполами еще в гражданскую войну.

Но обо всем по порядку.

**СОВЕТЪ НАРОДНЫХЪ
Комиссаровъ.**

Петроградъ.

1917 г.

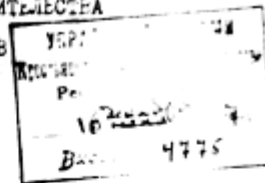
ЛБ

№ 89 11/12 1917

ДЕКРЕТЪ

РАБОЧАГО И КРЕСТЬЯНСКАГО ПРАВИТЕЛЬСТВА

СОВЕТА НАРОДНЫХЪ КОМИССАРОВЪ

*Министерство электрическаго освещенія, шведск. общества 1886 г. в
П. М. М. Д. Оруженія Виршица швед.*

В виду того, что «Общество Электрическаго Освѣщенія 1886 года», получая в теченіи цѣлаго ряда лѣтъ правительственныя субсидіи, своимъ управленіемъ привело предприятие к полному финансовому краху и конфликту со служащими, грозящему прекратить работу предприятий, Совет Народныхъ Комиссаровъ постановляет ^{своимъ} конфисковать все имущество, О.Э.О. 1886 г., в чемъ оно это имущество ни состояло и объявить его собственностью Россійской Республики.

Весь служебный и техническій персонал ^{должен} ~~обязан~~ оставаться на мѣстахъ и исполнять свои обязанности.

За самовольное оставленіе занимаемой должности или саботажъ виновные будутъ преданы Революціонному Суду.

Порядокъ управленія дѣлами общества въ Петроградѣ и условія передачи отдѣльныхъ станцій, заводовъ, предприятий и отраслей въ временное веденіе мѣстныхъ Советовъ Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ, Фабрично-Заводскихъ Комитетовъ, Городскимъ Самоуправленіямъ и подобнымъ учрежденіямъ будутъ опредѣлены особыми постановленіями Народнаго Комиссара Торговли и Промышленности.

Предсѣдатель Сов. Нар. Комиссаровъ *В. Г. Плехановъ*
Народные Комиссары *А. Шляпниковъ*
Управляющій Дѣлами Совета *В. Плехановъ*
Секретарь Совета *Т. Плехановъ*

В декабре 1917-го Совнарком выпустил декрет о национализации «Общества 1886 г.»:
Ввиду того, что «Общество Электрическаго Освещения 1886 года», получая в течение целого ряда лет правительственные субсидии, своим управлением привело предприятие к полному финансовому краху и конфликту со служащими, грозящему прекратить работу предприятий, Совет Народных Комиссаров постановляет конфисковать все имущество «О.Э.О. 1886 г.», в чем бы это имущество ни состояло, и объявить его собственностью Российской Республики.
Весь служебный и технический персонал должен оставаться на местах и исполнять свои обязанности. За самовольное оставление занимаемой должности или саботаж виновные будут преданы Революционному Суду.
В феврале 1918-го вышел аналогичный декрет о конфискации активов акционерного общества «Электропередача».

В самом начале своего правления большевики еще снизошли до объяснения, хотя бы и лживого, причин, побудивших их конфисковать предприятия электроэнергетики. Здесь стоит пояснить, что правительственные субсидии выплачивались под исполнение государственного заказа на первоочередные поставки электроэнергии военным заводам. Отметим для себя также угрозу предать «Революционному Суду» (читай, расстрелу на месте или в Чека) тех сотрудников, которые – изголодавшиеся и больные, не смогли по этой причине продолжать работу или же опоздали на нее из-за транспортной разрухи.

Забавно в то же время, что на полях декрета о национализации «Общества 1886 г.» секретарь Совнаркома Н.П. Горбунов приписал: *«напечатать [в газетах] непременно сегодня, иначе останемся без света».*

В пучину I мировой войны и последовавших в результате двух революций царская Россия втянулась вынужденно (чтобы защитить славян в «братской Сербии», которой Австро-Венгрия предъявила ультиматум из-за убийства эрцгерцога Франца Фердинанда; по союзническим договорам с Францией и Англией; для отпора Германии и Австро-Венгрии, претендовавшим на немалые российские территории), это отдельная большая тема, которую мы, естественно, здесь не в состоянии сколько-нибудь подробно затронуть.

Приведем лишь выстраданное мнение Великого князя Александра Михайловича об опрометчивых действиях своего племянника Никки:

Пятнадцать миллионов мирных русских крестьян должны были оставить в 1914 г. домашний очаг, потому что Александр II и Александр III считали необходимым защищать балканских славян от притязаний Австрии. Вступительные слова Манифеста, изданного Царем в день объявления войны, свидетельствовали о послушном сыне, распятом на кресте своей собственной лояльности. «Верная своим историческим традициям, наша Империя не может равнодушно смотреть на судьбу своих славянских братьев...», – трудно добиться большего нагромождения нелогичности на протяжении этой коротенькой фразы. Самая могущественная Империя перестанет быть таковой в тот момент, когда сентиментальная верность традициям прошлого отклоняет ее от победоносного шествия вперед. («Книга воспоминаний»)

В то же время и большевики с эсерами немало поспособствовали созданию в стране обстановки «разброда и шатания». Это и «пораженческая» пропаганда в войсках, агитация на предприятиях, террор против чиновников и офицеров, попытки захватить власть в Петрограде и других городах еще до 25 октября 1917-го. И «Общество 1886 г.», в отношении якобы «финансового краха и конфликта со служащими», тут ни при чем.

В отличие от других предприятий, на электростанциях «Общества» саботажа не было. Р.Э. Классон и его сотрудники считали своим долгом снабжать потребителей электричеством при любой власти. Хотя, под давлением большевиков во главе с Г.М. Кржижановским, давно окопавшихся на московских станциях, в конце октября 1917-го их персоналу пришлось прекратить на несколько дней электроснабжение Кремля и других мест, занятых юнкерами. Однако после того как Москва окончательно перешла к Советам, 3 ноября обычная работа Раушской (после национализации – 1-й Московской государственной электростанции, 1-й МГЭС) и Трамвайной (2-й МГЭС) станций и «Электропередачи» возобновилась.

Сослуживец В.Д. Кирпичникова, А.В. Винтера и Р.Э. Классона Ф.А. Рязанов оставил о «революционном периоде» такие воспоминания:

Февральскую революцию на станции встретили с большим энтузиазмом. Проходили общие собрания, на которых выступали большевики и меньшевики. Меньшевиков было значительно больше; из них основными ораторами были Епифанов, Гурьев, а также Яновицкий, который вернулся с фронта и стал заместителем Кирпичникова.

К выборам в Учредительное собрание энергично готовились все партии. П.Г. Смидович, как депутат Московского Совета, был в эти месяцы очень занят и на станционных собраниях бывал очень редко – один-два раза. Г.М. Кржижановский и В.В. Старков на этих собраниях никогда не бывали. Они вдвоем часто ходили на большие общественные предвыборные собрания, которые происходили на больших заводах и фабриках и, кажется, в Политехническом музее. Там они изучали настроение собравшихся и выступали, осторожно проводя большевистскую линию.

Октябрьская революция большинством рабочих и служащих станции была воспринята молчаливо, но персонал станции вел себя лояльно и продолжал честно работать. Лишь в 1960-х я узнал от [большевика] М.С. Радина, что в октябрьские дни партия для надежности поручила ему взять станцию под свою ответственность. <...> Но все это прошло так, что многие работники станции об этом даже не знали. На станции продолжали работать все ее работники. Но в Правление были введены представители партии.

<...> Наряду с огромным большинством москвичей мы тоже в первые годы после революции голодали. Заметно улучшилось в нашей семье положение с продовольствием лишь после постановления Совнаркома или СТО от 30 октября 1920 г. о предоставлении работникам Гидроторфа совнаркомовских пайков. (ф. 9592 РГАЭ)

Ф.А. Рязанов запомнил и «неправильное поведение» своего непосредственного начальника В.Д. Кирпичникова:

<...> Февральскую революцию, как и большинство работников станции, Виктор Дмитриевич принял с энтузиазмом. На одном большом собрании инженеров в помещении Политехнического музея, наряду с другими докладчиками, он выступил с докладом о необходимости интенсификации труда для поднятия промышленности.

Октябрьскую революцию он встретил несколько настороженно – боялся, что производство может сильно пострадать, если во главе предприятий будут поставлены недостаточно подготовленные к этому партийные работники. Это ярко выразилось в его поведении, когда в октябре на станцию пришел назначенный партией в качестве ответственного за ее работу большевик Михаил Степанович Радин.

Вместо Р.Э. Классона для переговоров [почему-то] вышел В.Д. Кирпичников. Когда ему М.С. Радин сообщил о его назначении и потребовал ключи от кабинета, Виктор Дмитриевич в довольно резкой форме сказал, что как заведующий станцией отвечает за ее работу он.

При этом вел себя столь вызывающе, что сопровождавшие М.С. Радина молодые вооруженные рабочие, среди которых находились и латыши, хотели взять Виктора Дмитриевича в штыки. М.С. Радин остановил их, а Виктору Дмитриевичу посоветовал не упорствовать и уйти.

<...> О вызывающем поведении Виктора Дмитриевича Михаил Степанович сообщил мне лично, прибавив при этом, что тогда он, несомненно, спас Виктору Дмитриевичу жизнь, остановив вооруженных рабочих. Не одобряя в некоторых случаях действия большевиков в первое время после Октября, Виктор Дмитриевич тем не менее всегда честно работал, как на станции, так и по гидроторфу.

Поясним, что М.С. Радин, член РСДРП с 1906 г., устроился кабельщиком на Раушскую станцию, при содействии Г.М. Кржижановского, в 1911 году, задолго до октябрьского переворота 1917-го.

При власти Советов условия работы энергетиков резко изменились, и совсем не в лучшую сторону. Об этом немало сказано в подготовленной в 1920-м докладной записке «В ГОЭЛРО» и других материалах, написанных для служебного пользования или опубликованных Р.Э. Классоном.

Его секретарь В.А. Бреннер вспоминал в 1926-м:

Роберту Эдуардовичу в расцвете сил, с его авторитетом в Западной Европе ничего бы не стоило, конечно, бросить работу на станции и уехать за границу, где ему были бы обеспечены несравненно лучшие материальные условия, но он, будучи глубоко русским человеком по духу, никогда об этом не думал.

По крайней мере, он никогда не высказывался на эту тему ни перед сослуживцами, ни перед детьми, возможно считая ее непатриотичной. Поэтому Классоны продолжали выживать в России, как и многие Мотовиловы.

С 1918-го Роберта Эдуардовича и его коллег власти привлекли к работам по планированию электрификации России. Высший совет народного хозяйства (ВСНХ) 10 июня (нового стиля, введенного 1 февраля) направил письмо правлению 1-й МГЭС «*о немедленной организации Бюро по подготовке электрификации Московского района, которая поручается высшему техническому персоналу национализированных предприятий в лице инженеров: В.Д. Кирпичникова, Р.Э. Классона, Г.М. Кржижановского, Б.Н. Смирнова, В.В. Старкова*».

В октябре 1918-го по инициативе Л.Б. Красина (опять пошедшего на службу к большевикам в конце декабря 1917-го) был создан и институт постоянных консультантов при управлении электротехнических сооружений Комитета государственных сооружений (Комгосоора) – Центральный электротехнический совет (ЦЭС). Роберта Эдуардовича тоже ввели в его состав. После двухлетней работы в совете он в докладной записке «В ГОЭЛРО» (конец ноября – начало декабря 1920-го) сделал следующий вывод: «*Пример ЦЭСа подтверждает, что техническая интеллигенция отнюдь не чуждается государственной работы*».

При этом за год в этой консультативной организации можно было заработать не более 6 000 рублей, или фунт сахара. Почему же инженеры так охотно участвовали в заседаниях? Потому что «*не эта оплата труда заставляет участников ЦЭСа посещать заседания, приходить пешком с разных концов города и приезжать из Петербурга, а интерес к реальной работе. Никто не мешает работе ЦЭСа, она протекает совершенно спокойно, и в этом заключается объяснение того, что она столь плодотворна*». (здесь и ниже, если особо не отмечено, – ф. 9508 РГАЭ)

В ноябре 1918-го Московское отделение ЦЭСа одобрило предложения членов совета Р.Э. Классона и В.В. Старкова о разработке предварительных проектов районных станций на шатурских болотах, а также под Иваново-Вознесенском и Нижним Новгородом. В решении указывалось, что проект Шатурской станции должен быть составлен с таким расчетом, чтобы к началу строительного сезона 1919-го можно было приступить к ее сооружению.

29 января 1919 года Р.Э. Классон доложил на секции сильных токов ЦЭСа «Основные положения проекта Шатурской электрической станции» мощностью 30 мегаватт. Он во время проектирования и строительства Шатурской временной, а затем и большой станции был консультантом проектных работ, неоднократно выезжал на стройку.

Вот, например, след его пребывания на Шатуре, зафиксированный в дневнике десятилетнего Алеши Радченко 20 февраля 1920 года:

Сегодня у нас в школе по случаю масляницы были на завтрак блины из мёрзлой картошки с крупой, с приправой в виде селёдки и «сметаны», т.е. простокваши. Приезжал папа и мы с ним, с изобретателем Гидроторфа (инженером Классоном) и с инженерами радиотелеграфа ездили на стройку нашей электростанции. И оттого, что у нас собираются строить ещё и радиостанцию, я от нетерпения заболел чем-то вроде радиолихорадки!

Кстати, А.В. Винтер в 1951-м указывал советской общественности:

В истории развития нашей отечественной энергетики не должно оставаться забытым, что идея строительства Шатурской электростанции принадлежит Р.Э. Классону, который еще в 1914 г. осматривал шатурские и другие торфомассивы с целью выяснения возможности постройки второй, более мощной, подмосковной районной электростанции. (Выдающийся инженер-новатор в области энергетики Р.Э. Классон. // Известия АН СССР, Отделение технических наук. №9, 1951)

Зимой 1918/19 года здоровье Роберта Эдуардовича заметно ухудшилось. Он уже давно страдал приступами «грудной жабы» (стенокардии, по-современному). Его старые товарищи Л.Б. Красин и Э.Р. Ульман решили отправить Р.Э. Классона для лечения в Швейцарию, используя оказию – из России уезжало швейцарское посольство.

Из письма Л.Б. Красина жене от 21 февраля 1919 года:

Пишу тебе в надежде послать это письмо с Классоном, если только ему удастся получить пропуски в Швецию. С ним такая история: у него давно уже бывали припадки какой-то желудочной болезни – образование газов в желудке, давление на сердце, которое доходит до двухсот и больше ударов в минуту. Раньше эти припадки бывали редко, а теперь повторяются чуть не через две недели. И вот на днях был один такой, после которого Роберт наш едва не отдал Богу душу. Мы с Ульманом решили отправить его за границу и вот выдумали командировку в Швейцарию, и возможно, что его, как политически нейтрального, и пропустят. Хорошо бы, если бы ему удалось вас повидать, вы бышний раз убедились, что я тут совсем благополучен и за меня беспокоиться нет основания.

В начале марта Р.Э. Классон, с заграничным паспортом, необходимыми визами и запасом иностранной валюты на несколько месяцев, отбыл из Петрограда за границу через Белоостров и Финляндию с последним из поездов, в которых уезжали швейцарцы. Белоостров – это железнодорожная станция на границе с Финляндией, проходившей по реке Сестра (до советско-финской зимней войны 1939/40 г., по итогам которой эта граница была отодвинута от Ленинграда).

Сын Иван оставил по этому случаю такие воспоминания:

В феврале 1919 г., в связи с учащением у отца сердечных припадков, его старые товарищи – Ульман, Винтер, Л.Б. Красин решили послать его на лечение в Швейцарию. Я провожал отца в Петербург, несколько дней мы жили с ним в квартире Ульманов на Морской. Их [другая,] большая кооперативная квартира на Петроградской стороне [(за Троицким мостом)], как и весь дом его владельцев-кооператоров, не отапливалась (когда мы в нее зашли с Алей Ульман, то оказалось, что в ней 7 градусов мороза) и была законсервирована: водопровод и водяное отопление опорожнены, а водяные замки канализации заполнены керосином.*

В корпусе, где квартиры были поменьше, некоторые жильцы продолжали жить. Я видел, как они через форточки выбрасывали «барашков в бумажках» (завернутые в бумагу фекалии).

По совету Ульмана, отец съездил со мной по поводу своей грудной жабы к медику Манухину. Он лечил [пациентов] чуть ли не рентгеновским облучением. Во время приема Манухин сообщил, что из-за недоедания в Петрограде у многих женщин прекратились менструации.

* Морская ул., 54, кв. 13.

23 февраля отец выехал на поезде со швейцарцами, но в Белоострове его за границу не выпустили, так как у него не оказалось разрешения на вывоз валюты. Мы с Ульманами с Финляндского вокзала заехали в центр Петрограда и видели парад по случаю первой годовщины образования Красной армии. Придя домой, мы увидели, что отец [тоже] вернулся.

Дня через три разрешение на вывоз валюты было получено в Москве. Артельщик Филиппов привез его в Петроград, и 1 марта отец благополучно выехал через Белоостров в Финляндию с последним поездом швейцарского посольства.

Весьма известный терапевт Иван Иванович Манухин (1882-1958) занимался в Петербурге частной практикой и даже стал личным врачом Горького! После хлопот последнего И.И. Манухин с семьей в 1921-м смог покинуть советскую Россию. К сожалению, Иван не сообщил, что посоветовал доктор его отцу «по поводу грудной жабы» – больше ходить, меньше нервничать?

В отношении же фекалий («барашков в бумажках») Анатолий Мариенгоф в своем романе «Циники» сделал весьма смелое, даже антисоветское обобщение:

Ольга смотрит в мутное стекло.

– В самом деле, Владимир, с некоторого времени я резко и остро начинаю чувствовать аромат революции.

– Можно распахнуть окно?

Небо огромно, ветвисто, высокопарно.

– Я тоже, Ольга, чувствую ее аромат. И знаете, как раз с того дня, когда в нашем доме испортилась канализация.

Позволим себе опять же процитировать Л.Б. Красина, у которого, конечно, имелось более широкое представление о разрухе в России, чем у 20-летнего И.Р. Классона. Из письма жене от 14 марта 1919 года:

Мы тут боремся с самыми элементарными бедствиями, и я не знаю, что случилось бы тут с тобой и ребятами. Сейчас, например, Москва остается без дров и температура во всех домах 4-6° [тепла], а морозов предстоит еще целый месяц. Я хожу весь в коже, имею толстую фуфайку, кожаную куртку на меху или, когда теплее, надеваю шикарную куртку, <...> ношу также валенки и даже купил себе доху, хотя ее и не пришлось пускать в дело. Но все это пустяки по сравнению с трудностями, которые приходится выносить обыкновенному обывателю и семейным людям. <...> Гнетет всех не столько самое необходимое, сколько сознание неуверенности в возможности регулярно получать продовольствие. Тут у нас такое идиотское устройство, что сами народные комиссары питаются в Кремле в столовой, семьи же их не могут из этой столовой получать еду, и потому Воровский, например, питается в столовой, Д.М. [Воровская] и Нинка пробавляются неизвестно как и чем.

Купить же что-либо можно лишь за невероятные цены: сахар – 100 руб. фунт, хлеб – 20 руб. фунт, мука – 1 200 руб. пуд и т.п. Как вообще люди живут – загадка. Красины тоже зябнут все и едят плохо. Масла совсем нет, и еще от меня они немного его получают, я же получаю временами из Вологды <...>. Положение русских больших городов теперь почти как осажденной крепости, деревня же живет в общем, пожалуй, как никогда! У мужика бумажных денег накопилось без счету, хлеб и все продукты есть, самое необходимое он за дорогую цену всегда найдет, городу же ничего не продает иначе как по сумасшедшим сверхспекулянтским ценам. Главная причина всей этой разрухи – продолжающаяся [гражданская] война и изоляция от всего внешнего мира.*

* Имеется в виду семья Г.Б. Красина.

Война – ведь, как-никак, не менее 1½ миллиона человек отвлечены от труда и превращены в дармоедов – высасывают из страны последние соки, металл, ткани, кожу, продовольствие – все это в первую голову идет на снабжение [Красной] армии, транспорта; железные дороги заняты воинскими перевозками, не оставляющими почти ничего для снабжения оставленного населения.

Работы всех фабрик и заводов, транспорт и заготовка топлива не идут из-за недостатка продовольствия и невозможности его подвезти. Расстройство одной стороны экономической жизни парализует работу другой, получается порочный круг, и все катится под гору.

В предшествующие годы разруха не так сказывалась, ибо всюду были еще запасы, да и внутренняя война не захватывала еще стольких областей. Многие заводы, так же трамваи уже остановились. Волжский флот так же будет стоять: дров нет и 15% против самой крайней потребности. Заготовка идет плохо: нет хлеба для рабочих и овса для лошадей. Я с ужасом думаю о будущей зиме. Если не случится чуда, вроде всеобщего мира, и не откроется еще в мае-июне возможность вывоза нефти из Баку или хотя бы Грозного, то вся Россия осуждена на замерзание и голод, ибо дровами мы не сможем обеспечить фабрики и заводы, но и железные дороги, а стало быть, и подвоза хлеба, топлива, сырья. Размеры и формы бедствий сейчас трудно себе представить.

<...> Если дело дойдет до перемены режима, несколько недель и даже несколько месяцев могут оказаться очень неопределенными, и никакие гарантии <...> не будут действительными. Во всяком случае я не настолько наивен, чтобы на них полагаться, и знаю, что в таких обстоятельствах надо надеяться прежде всего и даже исключительно на самого себя, а тут опять быть одному – значит иметь все шансы на удачу, если же попасть в такое положение сам-пятым или седьмым, то, наверное, не унесешь ног. Уверен, что если ты видела Классона, то он все это подтвердил тебе в полной мере.

Через нейтральную Швецию и послевоенную Германию Роберт Эдуардович довольно быстро добрался до Швейцарии. В Цюрихе он выполнил поручение ВСНХ: получил согласие фирмы Escher Wiss заключить соглашение о предоставлении ею российскому Совнаркому лицензии на изготовление паровых турбин системы Celli.

Далее Р.Э. Классон полтора месяца лечился в санатории Вальмон Террите над Монтре на берегу Женевского озера, а затем долго искал путей возвращения в РСФСР.

Из письма Л.Б. Красина жене от 18 мая 1919 года:

Постарайся передать Ульману, чтобы он осведомил нас, где Классон и что с ним? Его скорейший приезд нужен, чтобы двинуть им особенно энергично пропагандируемый способ получения торфа, а без него дело тут не пойдет. <...> Дети Р.Э. здоровы, я недавно у них был: сдавал старой уже престарой няне купленную зимой доху на сохранение от моли.

Наконец Р.Э. Классон поехал в Москву через Германию и Литву. При этом сын Иван в своих воспоминаниях по этому поводу не поясняет, почему Роберт Эдуардович не вернулся через тот же Белоостров. Однако весь 1919-й советская Россия была в состоянии войны, как минимум холодной, с «буржуазной» Финляндией. Как известно, в декабре 1917-го финский парламент принял декларацию об объявлении своей страны независимым государством.

А в январе 1918-го был образован Совет народных уполномоченных, «рабочие дружины» захватили власть на юге Финляндии. В марте 1918-го советская Россия заключила договор с этой Финляндской социалистической рабочей республикой – большевики использовали любую возможность экспортировать в мировом масштабе свою революцию. В мае 1918-го финские белые отряды вместе русскими белыми отрядами и немецкими частями подавили революцию.

В то же время, с ноября 1918-го по ноябрь 1919-го, в Финляндии и Эстонии находился известный белый генерал Н.Н. Юденич. Он вел переговоры с не менее известным финским генералом Карлом Маннергеймом о том, как бы совместными усилиями ударить по Петрограду. С К. Маннергеймом (и Финляндией) у Н.Н. Юденича по разным причинам не получилось. В сентябре 1919-го он, будучи военным министром Северо-Западного правительства, почти самостоятельно (получая снабжение от англичан и действуя не очень согласованно с эстонскими частями) развивал наступление на Петроград от границ Эстонии.

В октябре белые войска взяли Царское Село, Павловск, Гатчину, Лугу. После тотальной мобилизации населения и передислокации в Петроград самых надежных частей красные войска в ноябре 1919-го прижали Северо-Западную армию Н.Н. Юденича к эстонской границе. В мае 1920-го «Известия» сообщали: *«Финны перешли границу, стреляют без причины по Кронштадту <...>. Чичерин протестует»* (из записи в одесском дневнике И.А. Бунина).

И лишь в октябре 1920-го между «буржуазной» Финляндией и советской Россией был заключен мирный договор. Так что у Р.Э. Классона, по-видимому, не было возможности вернуться в Россию через Белоостров в качестве частного лица в августе 1919-го.

Литва формально тоже была в состоянии войны с РСФСР, хотя практически боевых действий давно уже не было, а линия фронта застыла. Как известно, в феврале 1918-го Литовский совет издал акт о независимости (от советской России), а до этого (в сентябре 1917-го) заявил о «вечных союзных связях Литовского государства с Германией».

Осенью 1918-го Красная армия пошла на Литву и в декабре 1918 – январе 1919-го захватила часть страны. В декабре 1918-го Совет народных комиссаров советской России издал декрет о признании независимости советской Литвы. В феврале 1919-го было создано советское правительство Литовско-Белорусской республики. В марте на Литву стали наступать поляки, одновременно выступили литовские национальные части, польские легионеры и прибалтийские немцы. 1 июня 1919 года Всероссийский ЦИК за подписью М. Калинина принял декрет «Об объединении Советских Республик: России, Украины, Латвии, Литвы, Белоруссии для борьбы с мировым империализмом». В августе 1919-го Красной армии пришлось покинуть Литву.

Тем не менее, как вспоминал сын Иван, «буржуазное» литовское правительство оказало содействие Р.Э. Классону в переходе его через линию фронта, воспользовавшись этим, чтобы передать через него Наркоминделу РСФСР предложение о мирных переговорах. К Роберту Эдуардовичу присоединились два попутчика: литовец, у которого в России осталась семья, и практичный немец, у него там застряли вещи. Переход линии фронта в начале августа 1919-го оказался непростым делом. Все же через несколько дней, после нападения мириадов блох в поезде прифронтовой дороги, после, к счастью, оставшейся нереализованной угрозы литовских солдат убить всех троих и тому подобное, они добрались до границы.

И три попутчика пошли по ничейному отрезку шоссе. Впереди шагал Р.Э. Классон с белым флагом, за ним его спутники везли тележку с багажом. Вскоре они услышали окрик «стой», увидели пулемет, навстречу им вышел красноармеец. Их отправили в штаб полка, затем – дивизии и 12-й армии. Спутников ненадолго задержали, а Роберт Эдуардович выехал поездом в Москву. Но был арестован при проверке документов в буфете одной из железнодорожных станций и возвращен в штаб 12-й армии.*

Оттуда его снова направили в Москву, но с политработником штаба, который сопровождал его до тех пор пока не получил в Наркоминделе РСФСР расписку от члена коллегии этого ведомства М.М. Валлаха-Литвинова. Р.Э. Классон передал ему предложение литовского правительства, позже переговоры состоялись и закончились заключением мира в июне 1920-го. Поездка из советской России за границу и обратно меньше чем за полгода была в то время исключительным явлением.

По возвращении в Россию обстоятельный Роберт Эдуардович написал доклад о политико-экономической обстановке в Европе, что называется «из первых рук» (по данным его сына Ивана, он доложил президиуму ВСНХ о своих впечатлениях уже 7 августа 1919 г.). Приведем лишь те пассажи, которые касаются непосредственно Р.Э. Классона и, конечно же, реакции Запада на большевистский переворот в России:

2 марта я выехал из России по поручению тов. Красина – приобрести чертежи турбин и ознакомиться с общим положением электротехнической промышленности. Поручение относительно турбин я исполнил быстро и по сравнительно дешевой цене. Относительно промышленности в Германии мне, прежде всего, бросилась в глаза разница между Германией в марте и Германией – в июле.

Я проезжал и через Швецию, и через Швейцарию. Проезд из одной страны в другую представляет невероятные трудности. Туда я ехал 12 дней, оттуда – 2 месяца. Сидел 3 дня в Швейцарии в карантине от сыпного тифа.

<...> В некоторых областях промышленности немцы сделали чрезвычайные успехи, особенно в области дистилляции угля, я вез по этому поводу массу интересных документов, но в Вержболове немцы их все у меня отобрали.

Благодаря дистилляции угля, при низких температурах, немцы хотят стать совершенно не зависимы от нефти, т.к. будут получать бензин и масла из угля.

<...> В отношении России трагично то, что о ней совершенно забыли, с ней перестали считаться. До тех пор, пока она служила источником сырья, с ней считались. Теперь же о ней забыли. Некоторые нейтральные страны готовы были бы начать с ней товарообмен, но боятся национализации и конфискации.

В газетах о России пишут очень мало. Французские газеты пишут преимущественно о победах Колчака. Пишет иногда о России Frankfurter Zeitung – крупнейшая немецкая газета, совершившая большой сдвиг влево и требующая полной национализации [частной собственности в Германии].

* К сожалению, ни Роберт Эдуардович, ни его сын Иван не упомянули, в каком именно месте удалось перейти линию фронта в августе 1919-го. Ведь и это время было достаточно жарким:

Активные боевые действия польских войск в Белоруссии и Литве начались во второй половине марта 1919-го. В марте поляки отбили Слоним и Пинск, в апреле – Вильнюс, Лиду, Барановичи. С мая 1919 г. польско-советский фронт стабилизировался. Поляки вновь перешли в наступление в июле 1919-го, захватив важные железнодорожные узлы Вилейку, Молодечно и Лунинец. В середине июля поляки приостановили наступление с целью перегруппировки сил и подтягивания тылов. Красная Армия попыталась во время этой передышки отбить Вилейку и Молодечно, но эти попытки не увенчались успехом. 8 августа польские войска взяли Минск, затем достигли реки Березина, а 29 августа заняли Бобруйск. Тем временем в конце июля 1919 12-я красная армия, отбросившая к Галиции украинские войска, вступила в боевое соприкосновение с польскими войсками в районе Ровно. – Из Интернета

Но Ровно – это уже Западная Украина, а не Литва...

Курьезно, что один крупный немецкий финансовый деятель, директор целого ряда крупнейших предприятий доктор Вальтер Ратенау проявил себя сторонником большевизма. Он заявляет, что только в социализации спасение.

<...> Рабочие союзы вначале следовали русским образцам. Потом произошел целый ряд эволюций, они постепенно меняли характер. <...> Процесс направлен теперь вправо, т.е. рабочим отводится хозяйственная область [(например, строгое соблюдение 8-часового рабочего дня)], в административной же остается старая администрация. <...> Профессиональные союзы стояли весной на точке зрения близкой к Советской, но отличающейся тем, что они настаивают на постепенном, эволюционном переходе к социализации. Их испугал наш пример.

<...> Относительно газет повторяю, что немецкие газеты не пишут почти совсем о России, они заняты своими делами. <...> [Английская] Times пишет обязательно еженедельно статью о России. Остальные совсем не пишут о России, разве только нелепые сенсации вроде сообщений о «национализации женщин» и т.п. Социалистическая пресса требует невмешательства в дела России.

<...> Относительно вопроса о ввозе товаров в Россию дело обстоит пока безнадежно: американское правительство запретило своим подданным входить в соглашение с Россией, «пока там не будет демократическое учреждение». То же самое сделали Франция и Англия. Германия и Швейцария готовы вступить в торговые сношения, но боятся, как я уже говорил, национализации и конфискации.

Интересно заметить, что оный доклад прочитал затем и председатель Совнаркома:

Не ранее 30 августа. Ленин знакомится с докладом инженера в области энергетики Р.Э. Классона об экономическом положении Германии; на препроводительном отношении президиума ВСНХ от 30 августа 1919 г. делает пометку: «в архив». (В.И. Ленин. Биографическая хроника)

В то же время разруха продолжала усиливаться. Из письма Л.Б. Красина жене от 25 октября 1919 года:

В прошлом году еще были кое-какие запасы, был еще каменный уголь и частью нефть, теперь все это дочиста израсходовано, а заготовка дров из-за войны, отсутствия фуража и продовольствия не дала и десятой доли того, что нужно для удовлетворения самых насущных потребностей. Не только не хватает топлива, но есть основательные опасения, что, может быть, не удастся даже обеспечить снабжение топливом кухонных печей.

Можете себе представить, что это будет за жизнь. В большинстве домов, вероятно, полопаются трубы не только отопления, но и канализации, а это создаст невозможные санитарные условия. Так уже было в прошлую зиму в ряде домов, в эту же зиму это станет общим явлением.

Когда я думаю о всех предстоящих бедствиях, я каждый раз благословляю судьбу, позволившую мне уберечь вас, родные мои, от всех этих страданий. Вы скажете, а как же ты-то будешь жить, но мне одному много легче, я в крайнем случае поселюсь у Классона на станции, либо даже в свой салон-вагон перееду, всем же нам спастись было бы много труднее.

Поясним здесь, что до весны 1920-го Л.Б. Красин занимал пост наркома путей сообщения. В письме жене от 7 декабря 1919 г. Л.Б. Красин приводил интересные бытовые детали:

Ну, квартира наша пока что цела и невредима. Вещей, за исключением теплых, нательного платья и т.п., я не трогаю: все равно негде их хранить, настоящей оседлости ведь никто не имеет, разве еще Классон, у которого я летом хранил, например, свою доху.

Кстати, у него за границей нашли отравление поваренной солью и, посадив на диету, почти совершенно его вылечили. Ребята у него большие, и все пошли в какую ни есть работу, как и наши Наташа, Аня, Митяй.

Речь здесь идет о детях Г.Б. Красина, т.е. о племянниках Л.Б. Красина, которых он очень любил (как и своих приемных дочерей – Екатерину, Людмилу и Любовь) и которые остались в Советской России. А подробности насчет «больших ребят, пошедших в какую ни есть работу» мы приведем в очерке «Классонята».

Зимой 1919/20 года в Первопрестольной разразился самый настоящий топливный кризис. Московские «Вечерние Известия» сообщали 1 ноября в заметке «Электроснабжение Москвы»:

Вчера состоялось заседание комиссии по электроснабжению Москвы и ее района. На заседании выяснилось следующее: вследствие исчерпания запасов нефти и недостатка дров на прошлой неделе создано настолько тяжелое положение с электроснабжением, что чрезвычайная комиссия [далее – ч.к.] вынуждена была вынести постановление об отпуске электроэнергии лишь наиболее нуждающимся районам. В настоящее время кризис прошел, и постановление об отключении некоторых районов аннулировано. Но в то же время вопрос с электроснабжением Москвы продолжает быть острым. В виду этого ч.к. решила обратиться к населению с воззванием экономить электричество. За ноябрь, декабрь и январь на каждую комнату можно расходовать не более 90 килоуатт-часов [не более 90 гектоуатт-часов! – МК], причем воспрещается пользоваться лампочками более 16 свечей [лампочка мощностью не более 30-35 ватт, с вольфрамовой нитью накаливания, при 3-часовом горении каждый день потребит за 3 мес. 8-9 кВт-ч – МК]. Потребление электроэнергии театрами сокращается на 50% по сравнению с прошлым годом.

В то же время в ноябре большевики, как известно, праздновали самое большое свое событие – Октябрьский переворот 1917 года. В связи с этим «Вечерние известия» сообщали 5 ноября, в подборке материалов «К октябрьским торжествам»:

На 8 ноября в Замоскворецком районе назначены концерты-митинги в Даниловском театре, на фабрике Цинделя и в двух районных клубах, митинг – в клубе милиционеров и спектакли-митинги на 1-й Государственной электростанции и в обозных мастерских.

Скорее всего, Р.Э. Классону пришлось присутствовать на этом помпезном «спектакле-митинге» с выносом красных знамен и пением то ли «Вихрей враждебных», то ли «Интернационала».

Однако топливный кризис после этого почему-то не рассосался. 11 ноября «Вечерние известия» опубликовали постановление президиума Моссовета от 10 ноября:

О прекращении пассажирского движения трамвая

В виду необходимости усиления товарного движения для разгрузки Московского узла и недостатка топлива прекратить временно на 1 месяц пассажирское движение трамвая с 12.XI, поручив Отделу Советских Предприятий освобождающуюся часть рабочих использовать для работ по очистке путей, а также по соглашению с Москвотопом для работ по заготовке топлива в пределах 8-верстной полосы [от Окружной ж.д.]. <...>

Как сообщали те же «Вечерние известия» 9 декабря, трамвайное движение было частично восстановлено, в том числе маршрут №9: Виндавский вокзал – Сухаревская пл. – Кр. ворота – Мясницкая – Лубянская пл. – Китайский проезд – Москворецкий мост (с обратным движением через Садовническую ул. и остановкой у д. 15) – Кузнецкая ул. – Саратовский вокз. и т.д. Классоны вполне могли пользоваться этим маршрутом.

В том же номере «Вечерних известий» было опубликовано и постановление Отдела труда Москвы о порядке оплаты труда на предприятиях, перешедших на сокращенный рабочий день – с 8-ми до 6 часов, по причине отключения электроэнергии только от 10 час утра до 4 час дня и от 24 час до 8 час утра.

Автор сих очерков, зацепившись за «информашку» «О перерыве в освещении Москвы 16-го ноября» из Протокола заседания Правления Государственной Электрической станции «Электропередача» от 3 декабря 1919 г. (где присутствовали, в том числе, Г.М. Кржижановский и Р.Э. Классон), почему-то решил, что в Первопрестольной в этот ноябрьский день случился блэкаут. Однако, поразмыслив, пришел к выводу: сей сюжет касается в первую очередь «Электропередачи», которая 16 ноября не справилась с подвозом торфа к топкам котлов и допустила перерыв в подаче электричества в Москву. То есть за нее пришлось отдуваться ГЭС-1 на Раушской набережной! Или же, скорее всего, были попросту отключены «незабронированные потребители»!

К ситуации на «Электропередаче» мы еще вернемся, а здесь отметим лишь, что советские газеты, по крайней мере «Вечерние Известия» и «Известия», которые автору пришлось листать, о столичном блэкауте не сообщали.*

«Известия» 17 декабря 1919 года информировали о прошедшем накануне пленуме Моссовета, где бодро отмечалось: кризис с заготовками дров и их подвозом к Москве якобы уже преодолен: если в октябре в город поступало всего 80-100 вагонов/день, в ноябре – до 150-ти, затем до 225 вагонов, то в последние дни поступает уже 285 вагонов/день. При этом такой важный сюжет – на чем работали электростанции – не был отражен ни одним словом.

20 декабря «Известия» опубликовали постановление этого самого пленума Моссовета от 16 декабря, в котором констатировалась невозможность полного удовлетворения потребителей путем подвоза дров в Москву по железным дорогам (т.е. в ведомстве тогдашнего наркома путей сообщения Л.Б. Красина!). Поэтому Моссовет призывал всех жителей Москвы и подмосковных районов усиленно разрабатывать дрова в 8-ми и 30-верстной полосах от Окружной железной дороги. Решено было также указать крестьянам 30-верстной полосы вокруг Москвы на важность исполнения гужевой повинности (т.е. возить дрова для горожан на полузамороженных лошаденках!).

26 декабря «Известия» напечатали отчет с заседания исполкома Моссовета, на котором рассматривался, в том числе, вопрос о грузовом трамвайном движении. Как потом удастся понять, этот сюжет уже затрагивал и топливоснабжение электростанций, которые, за дефицитом бакинской нефти, переводились на частичное сжигание дров! Приняты были традиционные для большевиков мобилизационные меры: объявить Московский трамвай военным учреждением, усилить ремонт грузовых платформ, согласовать с Московским советом профсоюзов зарплату трамвайных рабочих на уровне тарифа рабочих-металлистов и т.д. Ну и в тот же день «Вечерние известия» тоже опубликовали репортаж с заседания Моссовета:

* На ресурсе (www.runivers.ru/new_htmlreader/?book=5600&chapter=83877) приведены потрясающие свидетельства молодых людей, но они тоже не заметили блэкаута 16 ноября:

Москва в ноябре 1919 года: Сочинения учащихся научно-популярного отделения Университета им. А.Л. Шанявского / Публ. [у вступ. ст.] М.В. Катагощиной, А.В. Емельянова // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1992. — С. 362—376. — [Т.] II—III.

В Государственном Историческом музее хранится комплекс ученических сочинений на тему «Москва в ноябре 1919 года», предположительно принадлежащих перу слушателей Московского городского народного университета им. А.Л. Шанявского. <...>

<...> С докладом о грузовом трамвайном движении выступает тов. Фельдман, указывающий, что в городе с декабря 1918 г. по декабрь 1919 г. в среднем ходили ежедневно 41 грузовая платформа. В настоящее время их ходит 80 и распределяются они следующим образом: для перевозки топлива – 30-45 вагонов, почтового ведомства – 15, М.П.О. [(Московского потребительского общества)] – 4, водокачки – 4, остальные – по требованию различных ведомств. За истекшее время пути московского трамвая развились. Все станции [(остановки)] соединены трамвайными сетями, проложены и пролагаются новые трамвайные пути и ветки. <...>

28 декабря 1919 г. «Известия» опубликовали постановление исполкома Моссовета от 25 декабря, по докладу отдела советских предприятий о грузовом трамвайном движении:

Заслушав доклад [тов. Фельдмана] о грузовом трамвайном движении, Исполком Московского Совдепа, признавая всю важность и крайнюю необходимость трамвайного движения, в связи со все более растущим кризисом грузового и автомобильного транспорта, постановил:

1) предложить О.С.П. [Отделу Советских Предприятий] увеличить ремонт трамвайных платформ, доведя их до 200 [в работоспособном состоянии].

2) Утвердить план зимнего пассажирского движения, как необходимого для поддержания грузового движения [т.е. плата от пассажиров переводилась грузчикам и возчикам дров – МК].

3) Предложить Москвотопу аккуратно снабжать трамвай топливом [по-видимому, Трамвайную электростанцию дровами – МК] в количестве 24 вагонов в день.

4) Предложить Москвотопу создать 5-дневный запас дров для трамвайной электрической станции. <...>

Параллельно в газетах отражался и сюжет с жесткой нормировкой электроэнергии для московских потребителей. Приведем теперь публикации из «Экономической жизни», корреспондент которой регулярно ходил на заседания чрезвычайной комиссии по электроснабжению Москвы (а журналистам «Известий» было недосуг?).

Начнем с материала «Электроснабжение г. Москвы» в «Эконом. жизни» от 4 декабря 1919 г.:

Во вчерашнем заседании ч.к. по электроснабжению Москвы и ее района обсуждался вопрос о контроле электроснабжения. В период с 20-го по 30 ноября с.г. контрольно-нормировочный подотдел ч.к. по электроснабжению обследовал 35 учреждений, фабрично-заводских предприятий, домов-коммун и частных и советских магазинов, в т.ч. 2-й [(бывш. гост. «Метрополь»)] и 4-й дома советов [(бывш. меблированные комнаты «Петергоф», Воздвиженка/Моховая, д. 4/7)], 4-й дом моссовета [(в адресной книге «Вся Москва-1923» значился 4-й Дом Коммуны по адресу Неглинный пр., Звонарский пер., д. 1)], клуб им. Ленина [Дом народа им. Ленина, Бутырская, 45? – МК], всероссийский закупочный союз сельскохозяйственного кооператива, цупвосо [(Центр. управление военных сообщений, Знаменка, 19)] и др. Установлено, что за исключением 4-го дома советов на Воздвиженке, где в квартирах самых ответственных работников расходование электричества не превышало установленной нормы, во всех остальных домах, и в особенности во 2-м доме советов, было везде резкое нарушение правил пользования электричеством.

Ч.к. постановила: все магазины, нарушившие норму, выключить из общественной сети, а остальные учреждения частью оштрафовать, частью – объявить предупреждение. Обнаружено также, что многие моторные предприятия производили работу в неустановленное время. Эти предприятия оштрафованы, с предупреждением, что в случае дальнейшего нарушения нормы потребления электричества они будут лишены тока.

Положение с топливом на электрических станциях несколько улучшилось, и если доставка дров в том же количестве будет продолжаться и впредь, то недели через две можно будет производить выдачу тока на всех фидерах круглые сутки.

И всей этой хренью – отключить фидер, включить фидер, отключить торговую точку (платившую за электричество!), включить торговую точку – приходилось каждодневно заниматься монтерам МОГЭС, а Р.Э. Класону, по-видимому, оставалось только пожимать плечами.

Из статьи «Электроснабжение Москвы» («Эконом. жизнь» от 23 декабря 1919 г.) можно понять, что самой болевой точкой, после налаживания интенсивного грузового трамвайного движения, стала работа электростанций, которые давали свет Кремлю и столичным зданиям с заседавшими там многочисленными комиссарами и совчиновниками*:

*На заседании ч.к. по электроснабжению Москвы и ее района был заслушан доклад о положении с топливом на электростанциях. По данным доклада, поступление дров для электростанций увеличивается, а ежедневный расход нефти **уменьшается**. В среднем за неделю с 12 по 19 декабря поступал 21 вагон дров в сутки, вместо прежних 19-ти, а расход топлива выразился в 2 500 пуд. в сутки вместо прежних 2 000 [? – МК]. Увеличились и запасы нефти на станции [(бывш. 1886 г.)] – до 35 тыс. пуд. вместо прежних 23 400 пудов. В виду того, что неполучение полной нормы дров ставит электростанцию под постоянную угрозу выключения ряда фидеров, ч.к. постановила обратить внимание Главтопа на увеличение подачи дров для государственной электростанции до 30 вагонов в сутки. В связи с [сетевым] объединением государственной электрической и Трамвайной станций предположено часть световой и моторной нагрузки передать на Трамвайную станцию. Препятствием является недостаток рабочих на Трамвайной станции, но в настоящее время это устранено, и в период наибольшей нагрузки световой энергии утром и вечером каждого дня Трамвайная станция будет дополнять государственную электростанцию.*

Не разрешен вопрос о полном обеспечении торфом станции «Электропередача». В то время как рядом со станцией, в 5-6 верстах от нее, имеется много торфа, принадлежащего текстильным предприятиям, «Электропередача» принуждена получать торф с Шатурских болот, расположенных в 60 верстах. Ч.к. считает необходимым поднять вопрос о регулировании торфяного хозяйства, обезличить весь торф и распределять его по географическому положению. Постановлено воспретить вывоз торфа без ведома ч.к. по электроснабжению и без совместного постановления Главтекстиля и «Электропередачи» с расположенных вблизи «Электропередачи» болот: Елагиных, Кудина, Соколикова, Шибяевых, Миронова, Лабзин-Грязнова и Гагмана. Главтопу постановлено предложить выяснить вопрос о закреплении за «Электропередачей» от 500 тыс. до 1 млн. пудов торфа.

По электроснабжению обследовано много советских предприятий и контролируются частные жилища. В советских предприятиях установлено крайнее нарушение норм потребления энергии. При обследовании частных жилищ за перерасход установленных норм энергии свыше 100% наложен штраф в размере 1 рубля за гектоуатт-час и постановлено в случае повторения нарушения выключать абонентов на время от 2 недель до 2 месяцев.

* Приведем данные из «Руля» за 13.7.1921, т.е. парой лет позднее:

Армия чиновников

На заседании Моссовета выяснилось, что население Москвы к 1 июня 1921 г. сократилось до 1 млн., причем в одной Москве сов. служащих 228 000, между тем как во всей Российской империи, включая Польшу и Финляндию, в 1897 г. госслужащих насчитывалось до 223 000.

Из статьи «Электроснабжение Москвы» («Эконом. жизнь» от 27 декабря 1919 г.) можно сделать вывод, что работа электростанций продолжала оставаться болевой точкой, разумеется, вместе с обеспечением многочисленных совслужащих и чуть менее многочисленных рабочих госпредприятий пайками:

Вчера состоялось заседание ч.к. по электроснабжению г. Москвы и ее района, на котором обсуждался вопрос о том чрезвычайном положении, в котором находится сейчас электроснабжение Москвы. Все электростанции переживают в настоящее время топливный кризис. «Электропередача» могла бы обойтись собственным торфом, но подвозу его мешает отсутствие транспортных средств. Нет частей железнодорожного хозяйства, продовольствия, ощущается недостаток в грузчиках, машинистам приходится работать по 21 часу в сутки и т.д. В результате действует только одна турбина, дающая около 5 тыс. килоуатт.

Московская государственная электростанция не получает дров вследствие [снежных] заносов. Пришлось перейти на нефть, расходы которой за последние дни возросли в 2½-3 раза. То количество нефти, которое имеется на симоновском складе и в пути, недостаточно, и его может хватить [лишь] на 2 недели. Трамвайная станция до сих пор не может приступить к совместной работе за отсутствием дров, с одной стороны, и рабочих рук для разгрузки и распиловки дров, с другой.

Ч.к. по электроснабжению стала перед необходимостью сократить отпуск электроэнергии как для световых, так и для моторных абонентов. Как экстренная мера принято следующее постановление: прекратить отпуск энергии для всех предприятий, пользующихся электроэнергией для моторов, начиная с 28 декабря с.г. впредь до 11 января включительно, за исключением мельниц, хлебопекарен, прачешных, бань, канализационных и насосных станций, фабрик изготовления государственных знаков и типографий «Известий ВЦИК» и «Эконом. Жизни», если фидер находится под током. В отношении световой нагрузки принято следующее постановление: вся Москва разделена на 6 очередей, из которых 2 забронированы, остальным 4-м очередям свет будет даваться через день, по очереди. Главкам и центрам постановлено предложить не позже понедельника, 29 декабря, пересмотреть список находящихся в их ведении предприятий и представить в ч.к. сведения о тех предприятиях, которые могут быть остановлены. Отпуск энергии работающим предприятиям должен быть сокращен до минимума.

*В целях улучшения положения на электростанциях постановлено войти с ходатайством в Совет обороны о предоставлении трамвайным служащим и рабочим Трамвайной станции красноармейского пайка и о предписании Компроду немедленно удовлетворить станцию «Электропередача» фуражем – не менее 45 тыс. пудов сена – из имеющихся в Наркомпроду в наличности ресурсов. В целях своевременной постройки подъездных путей к станции «Электропередача» [с торфоразработок] решено просить Совет обороны о выдаче станции специального удостоверения, по образцу выданного каширской государственной станции на производство строительных работ, с правом приглашения рабочих на специальных условиях, по усмотрению заводууправления. Для выхода из создавшегося положения признано необходимым пустить в ход электростанции **Богородского куста**, который полностью оборудован, но для которого Главтоп не отпускает топливо.**

* С ресурса «Веб-журнал Григория Андреева» (l-flow.ru):

Из отчета Центрального правления Объединения государственных электрических станций (ОГЭС).

Март 1921 г. ... К началу 1920 г. электрические станции Российской Республики находились вне всякой общей организации, за исключением Петроградских и Московских станций, объединенных под ведением Центрального Правления ОГЭС (Ц.П. ОГЭС входило в состав Электроотдела ВСНХ).

Что касается топливоснабжения Москвы и в том числе электростанций нефтью, то здесь стоит привести некоторые тезисы из глобального доклада А.И. Рыкова на VII всероссийском съезде советов («Эконом. жизнь» от 9 декабря 1919 г.):

Говоря о топливном кризисе в советской России, наряду с указанным явлением мирового, общеевропейского характера, необходимо учитывать и чисто русское явление, рожденное гражданской войной. Я должен указать на то, что ответственность – во всяком случае, часть ответственности – за наши неудачи на бакинском фронте по отношению к нефтезапасам в свое время лежала и на оппозиции, на меньшевиках. В отношении жидкого топлива наиболее ярко сказываются те противоречия, которые переживает Европа в связи с недостаточной победой [мировой] революции. В нашем распоряжении имеются данные, свидетельствующие о том, что Баку, например, перегружен нефтью, что рабочие бакинского района выдвигали в своих стачках требования возобновить отношения с советской Россией. Нам известно, что эти же требования выставлялись и бакинским промышленникам, но усилиями Антанты до сих пор не удается использовать богатейшие запасы нефти в пределах Баку. То же относится и к району Грозного.

Блокада, которая была провозглашена Антантой, наиболее сильное значение имеет для нас постольку, поскольку для этой цели ими был захвачен Баку. И в то же время бакинская нефть остается неиспользованной не только для России, но и для западной Европы. Количество нефти в Баку настолько велико, что там поставлен вопрос либо о прекращении добычи на бакинских промыслах, либо о спуске части нефти в Каспийское море, чтобы не разрушать нефтяных промыслов и вышек.

<...> Как я указал, в последние 2 года мы имели в своем распоряжении около 80 млн. пудов нефти против 500 млн., которые обыкновенно расходовались за предыдущие годы [(до 300 млн. пудов в 1914 году)]. Очевидно, что запасы жидкого топлива теперь настолько ничтожны, что мы должны экономить каждый фунт нефти, чтобы спасти лишь те предприятия, которые не могут работать на другом топливе [(водопроводы, электрические станции, дизеля внутреннего сгорания)].

А вот фрагменты обзорной статьи «Топливоснабжение в 1919 г.» («Эконом. Жизнь» от 11 января 1920 г.), конкретизирующие жуткие условия, в которых приходилось работать российским энергетикам, в том числе и московским:

С февраля до середины сентября 1919 г. железные дороги пополняли свои недостаточные запасы топлива за счет 50%-ной реквизиции всех подвозимых к станциям дров – право, предоставленное им по декрету от 15 февраля. Зачастую реквизировалось, кроме того, и топливо на колесах, в пути следования, <...>.

Вследствие утраты связи с нефтедобывающими районами, отрезанными от советской России в процессе гражданской войны и блокады, нефть в пределы республики в 1919 г. не поступала вовсе. Всю годовую потребность в жидком топливе пришлось покрывать поэтому за счет скудных остатков от завоза 1918 г., поставившего около 250 млн. пудов (нефти и мазута).

Окончание примечания

Таких станций было четыре в Петрограде: 1-я, 2-я, 3-я и 4-я Государственные электростанции, две в Москве: 1-я и Трамвайная Государственные электростанции и шесть в Богородском уезде: «Электропередача», Павлово-Посадская, Богородско-Глуховская и три Орехово-Зуевских.

Для ближайшего заведования Петроградскими станциями имелось в Петрограде Техническое бюро Ц.П. ОГЭС, а Богородские станции, кроме «Электропередачи», объединены были общим эксплуатационным управлением электрических станций Богородского района (Богородский куст). Для общего планомерного регулирования распределения нагрузки между Государственными станциями и станциями Богородского района и для планомерного распределения выработанной энергии в конце декабря 1918 г. учреждена была «Чрезвычайная комиссия по электроснабжению г. Москвы».

*Заготовка дров для электростанции, Петроград, 1918 г., ЦГАКФФД
(такую же картину можно было наблюдать и на 1-й МГЭС)*

Был в этой обзорной статье «Эконом. Жизни» и традиционный сюжет насчет «чрезвычайных мер», к которым часто прибегали власти в период военного коммунизма. Так, из-за дефицита нефти электростанциям выделялся керосин, который сжигался в смеси с мазутом, при этом расход керосина на осветительные нужды населения сводился до минимума!

10 января 1920 г. в «Вечерних известиях» появился поразительный материал некоего Мих. Горева* «Электроснабжение и восковые свечи»:

* Оказывается, по ссылке (www.rusbibliophile.ru/Book/Gorev_M_Troickaya_Lavra_) можно узнать, кто такой этот «Мих. Горев», так хорошо владевший «церковно-свечной тематикой»:

Горев М. *Троицкая Лавра и Сергей Радонежский: Опыт историко-критического исследования*. М., издание народного комиссариата юстиции, 1920. 52 с., с илл. 26,9 x 18 см. Тираж 20 000 экземпляров. Издание вышло в серии «Антирелигиозная библиотека журнала «Революция и церковь», вып. 3-й. В издательской обложке и в современном художественном футляре. Обложка выполнена по рисунку художника Владимира Соколова. Очень хорошая сохранность. Настоящее издание представляет собой яркий образец антирелигиозной пропаганды периода масштабных гонений на русскую Церковь. Оно вышло в Восьмом (так называемом «ликвидационном») отделе Народного комиссариата юстиции, а ее автором был инструктор этого отдела, священник-расстрига Михаил Горев (Галкин).

Михаил Владимирович Галкин (лит. псевдоним Михаил Горев) некоторое время был священником Спас-Голутвинской церкви в Петербурге, впоследствии он стал одним из наиболее активных деятелей атеистической пропаганды и движения безбожничества 1920-х годов. Михаил Горев сделал «карьеру», выполняя разные ответственные поручения, связанные как со вскрытиями мощей, так и с изъятиями церковных ценностей (и не только в Троице-Сергиевой Лавре). В 1918 г. Горев участвовал в разработке декрета «Об отделении церкви от государства и школы от церкви».

Москва переживает острый топливный кризис. Из-за отсутствия электрического тока остановился целый ряд необходимейших для населения фабрик и мануфактур; в отношении освещения Москва разделена на 6 очередей, из коих четырем дают свет через день по очереди, от 6-ти до 10 час вечера.

На рынке полное отсутствие каких бы то ни было осветительных материалов. За фунт разбавленного водой керосина приходится платить 400-500 руб., почти ту же сумму дерут на Сухаревке и за обыкновенную стеариновую свечу. Такие деньги шутя может платить спекулянт, но эти суммы абсолютно не по карману рядовому московскому обывателю, в особенности советским сотрудникам, ведущим сейчас полуголодное существование и еле сводящим концы с концами.

Продуктивность работы в советских учреждениях еще более понизилась. Большинство ответственных советских сотрудников в последнее время буквально работали за четверых, часто до глубокой ночи, исполняя на дому срочную и имеющую государственное значение работу. Теперь они сидят дома, по углам, в крошечной тьме.

Далее автор развивал идею о прекращении снабжения церковей восковыми свечами и переключении поставок этих «осветительных приборов» на Центрожир, который и смог бы снабжать оными «ответственных соработников». Речь шла о так называемых «3-копеечных свечах», которые до войны продавались как раз по 3 коп, а теперь у церковников стоили от 10-15 до 25 руб.

Невозможно себе представить, чтобы Роберт Эдуардович и «Классонята» сидели по вечерам при свечах, когда в результате активной деятельности первого был давно освоен 3-фазный ток, а во многие московские дома проведены электросети напряжением 110 вольт. Скорее всего, дома на Садовнической ул. служащих бывшего Общества электрического освещения 1886 г. попали в одну из двух «забронированных очередей», поскольку у них была весьма ответственная работа – как раз освещать Кремль, все эти «дома Советов» и т.д. И негоже им было бы жить и ходить на оную работу в потемках.

11 января 1920 г. «Эконом. жизнь» опубликовала одновременно скандальный и невразумительный материал «В президиуме ВСНХ»:

На заседании президиума ВСНХ от 9 января первым был заслушан доклад тов. Ломоносова о замешательстве в подаче электроэнергии в первой половине декабря. Непосредственную причину катастрофы тов. Ломоносов видит в исключительно неблагоприятной погоде и в отсутствии запасов жидкого топлива на электростанции [какой? – МК].

Помимо ряда мелких упущений со стороны различных учреждений тов. Ломоносов констатирует исключительные невнимательность и нераспорядительность, проявленные отделом советских предприятий московского Совдепа [(Моссовет)]. Это учреждение не приняло никаких мер к приведению в порядок пресненского дровяного склада и допустило загрузку двора станции [какой? – МК] торфом, который по техническим условиям не мог быть использован и в то же время не давал возможности подвезти дрова. Вследствие этого не были разгружены предоставленные для нужд электроснабжения 84 вагона дров, а 74 вагона торфа были переадресованы на другой склад.

Президиум ВСНХ постановил войти в Совнарком с предложением о привлечении к законной ответственности учреждений, виновных в замешательстве в подаче электроэнергии. В отношении подотдела топлива отдела советских учреждений, в действиях которого имеются налицо признаки уголовного преступления, президиум ВСНХ предлагает Совнаркому возбудить против него уголовное обвинение.

Для предупреждения аналогичной катастрофы в электроснабжении в будущем решено снабдить топливом электростанции Богородского куста. Главтоп отпустил для этих станций в январе 300 вагонов дров. Президиум ВСНХ постановил предложить инспекции наблюдать за тем, чтобы наряд на получение 300 вагонов топлива был фактически выполнен. <...>

Предположим, что двор именно Трамвайной станции на Болотной наб. был забит торфом, причем такой высокой влажности, что его невозможно было сжечь даже с дровами, а требовалась для этого нефть, которая «отсутствовала». Ну и дальше пошла дикая неразбериха в многочисленных советских инстанциях, которая привела к «замешательству в подаче электроэнергии».

В продолжение темы стоит упомянуть, что 18 мая 1920 г. Политбюро ЦК РКП(б) рассматривало сюжет о Москвотопе и поручило «тов. Лацису сегодня же сговориться с президиумом МСРД [(Моссовета)] об аресте коллегии Москвотопа».

На ресурсе «Ленин и ВЧК» (eknigi.org/istorija/176237-v-i-lenin-i-vchk-sbornik-dokumentov-19171922.html) к соответствующему документу дается пояснение:

Вопрос об аресте некоторых руководящих работников отдела топлива Моссовета (Москвотопа) и ряда сотрудников Главного топливного комитета ВСНХ (Главтопа) рассматривался Политбюро ЦК РКП (б) в связи с выдвинутым против них обвинением в злоупотреблениях по службе. 21 мая 1920 г. ВЧК арестовала членов коллегии Москвотопа Татаринова, Ефимова и других. Следствием, которое проводилось органами ВЧК, МЧК и Верховного трибунала при ВЦИК, было установлено, что отдельные сотрудники, ответственные за распределение топлива, нередко отпускали его в нарушение установленных планов и норм, брали взятки. Все виновные в преступлении по должности были приговорены к различным мерам наказания.

В общем, сей скандально-уголовный сюжет выходит за рамки нашего формата биографических очерков и требует отдельного расследования. По крайней мере, сотрудники 1-й МГЭС тут были ни при чем, хотя двор этой электростанции тоже не один месяц был завален дровами...*

* Будущим исследователям подарим одну зацепку – Москвотоп занимался не только дровами, но и продовольствием. Возможно, что прибыльное «занятие» вторым делом мешало ему исполнять свои прямые обязанности по полноценному снабжению московских потребителей теми же дровами и торфом. В 1921 г. Москвотоп опять стал «героем дня», в связи с расхищением продовольствия. С того же ресурса «Ленин и ВЧК»:

*ИЗ ПРОТОКОЛА №217 ЗАСЕДАНИЯ СТО
27 мая 1921 г.*

Председательствует В.И. Ленин

Слушали: 3. Доклад комиссии, назначенной СНК 24/V по вопросу об отзыве председателя Москвотопа Лаврова, результатах рассмотрения материалов по обвинению его в незаконном распоряжении продовольствием и о предании его суду, и по докладу т. Мулявко вообще (Красиков).

Постановили: 3. а) Единогласно утвердить заключение комиссии, назначенной СНК от 24/V. б) Предложить ВЧК по соглашению с Рабкрином назначить не более чем по одному лицу для производства ревизии распределения органами Москвотопа продовольствия на местах и способов расплаты, а также для обследования штатов служащих и методов их довольствия в Главлескоме согласно заключению комиссии. в) Фамилии назначенных ревизоров должны быть сообщены в СТО. г) Доклад о ревизии слушать в СТО в присутствии представителя Московского Совета.

Речь идет об использовании не по назначению продовольствия, предназначенного для лесозаготовителей. Первое обсуждение этого вопроса состоялось на заседании СТО 20 мая 1921 г. СТО поручил ВЧК выделить специального работника (был выделен П.С. Мулявко) для расследования дела.

12 января 1920 года «Вечерние известия» опять обратились к острой теме «электроснабжения»:

Ч.к. по электроснабжению г. Москвы и ее района напоминает всем потребителям электроэнергии, что впредь, до введения новых осветительных норм, остаются в силе нормы потребления энергии от 4 X 19 г. и декрет Совнаркома от 15 XI 19 г. об экономии электричества в советских учреждениях. Освещение частных торговых заведений на основании постановления ч.к. от 9 X 19 г. безусловно воспрещается.

За перерасход энергии при освещении виновные подлежат штрафу, а при вторичном перерасходе лишаются пользования энергией. За нарушение обязательного постановления ч.к. о потреблении электроэнергии виновные привлекаются к судебной ответственности. Агентами ч.к. за декабрь 1919 г. было проконтролировано 410 квартир, из которых подвергнуто штрафу 260, и 90 предприятий и учреждений, ответственные лица коих привлечены к судебной ответственности и оштрафованы [на суммы] до 10 000 руб. <...>

С 12 января отпуск электрического тока производится на тех же основаниях как до 25 декабря прошлого года, со следующими изменениями:

Моторы, имеющие от Э.Ч.К. разрешения на работу, днем работают от 9 час утра до 5 час дня, ночью – от 11 час вечера до 7 час утра. Моторная работа от 5 час до 11 час вечера безусловно запрещается, если нет специального разрешения от Э.Ч.К. Световая энергия для всех абонентов включается с 5 час вечера.

Окончание примечания

24 мая СНК под председательством В.И. Ленина обсудил доклад представителя ВЧК и постановил: «Одобрить в общем доклад Мулякко и назначить комиссию... Поручить комиссии: 1) завтра же, 25/V 21 г., вырешить окончательно вопрос об отзыве председателя Москвотопа Лаврова и о замене его другим товарищем с тем, чтобы никакого ущерба в ходе работы Москвотопа произойти не могло, 2) рассмотреть по материалам дело т. Лаврова о незаконном распоряжении продовольствием и о предании его суду; 3) по остальным пунктам доклада т. Мулякко рассмотреть вопрос по существу и сделать также доклад в пятницу в СТО, 28/V 21 г. Созыв комиссии и доклад об исполнении всего постановления назначить за т. Красиковым в пятницу, 28/V 21 г., в СТО». Комиссия СНК определила, что оснований для предания суду или отстранения от должности Лаврова нет. Однако факты неправильного распределения продовольствия местными органами Москвотопа подтвердились. Исходя из этого, комиссия внесла предложение назначить тщательную ревизию, «для чего весь материал передать в ВЧК для производства следствия».

Дело Москвотопа

13 июля в Московском революционном трибунале началось слушаться дело Москвотопа, переданное МЧК. На скамье подсудимых около 20 человек. Более или крупными фигурами являются: Домшлаг, [зав. заготовками] Гольдман, Соколов, Ефимов, Бройде, Семенов, Попиков, Израилевич, Третьяков, Лукичев, Шрейдер и др.

Чтение протоколов МЧК вскрывает суть дела – организацию продовольственной «панамы» в Москвотопе. Люди, которым было поручено большое ответственное дело, не только не исполнили своего долга в борьбе с хозяйственной разрухой, но бесконечно увеличили ее.

Компания москвотопцев широко развернула дело хищения [мат. ценностей] народного хозяйства. С этой целью были пущены все средства: ответственные должности, связи, обман, подлог, фиктивные документы и тесная связь с крупными спекулянтами. Один подписывает распределительные ведомости, ордера, другой получает накладные, везет на своих и чужих лошадях фураж якобы учреждению, затребовавшему его, третий продает его. Другие вольно или невольно способствуют технически, в качестве агентов и посредников. Мелькают маленькие и большие цифры расхищенных продуктов: ржи, пшеницы, соли, масла, сахару, махорки, спичек. <...>

«Известия», 15 июля 1921 г.

А «Эконом. жизнь» 13 января 1920 года опубликовала репортаж с прошедшего накануне заседания ч.к. по электроснабжению Москвы:

Доставка дров на центральную электростанцию (бывш. 1886 г.) выражается в среднем в 21 вагоне в сутки. Запасы нефти весьма ограничены. Все наряды на нефть выполнены, и в пути находится лишь 40 тыс. пудов. Необходимо произвести дополнительный отпуск нефти для станции.

На станции «Электропередача» железнодорожный аппарат налаживается, что дает возможность своевременно подвозить к станции торф. Получен также овес, необходимый для возчиков торфа [конечно, для лошадей, а не для людей! – МК].

Трамвайная станция получает не более 10 вагонов в сутки. Недостающее количество топлива заменяется торфом, что препятствует правильной работе котельной.

Не обеспечены так же топливом и электростанции Богородского куста.

Ч.к. по электроснабжению постановила обратить внимание Главтопа на необходимость увеличить поступление дров на Трамвайную станцию до 24 вагонов в сутки, а на [станцию] бывш. 1886 г. до 25 вагонов в сутки, а также принять меры к скорейшему обеспечению топливом станций Богородского куста.

Нынешнее положение электроснабжения признано ч.к. не отличающимся существенно от положения до последних снежных заносов [в ноябре], что вызвало катастрофу [16.11]. Первые же заносы или какой-либо перерыв в подаче энергии с «Электропередачи» при нынешнем [кризисном] положении неминуемо поведет к новому выключению световой и моторной нагрузки.

В виду того, однако, что поступление дров дает возможность получать 11-14 тыс. к.-в. в сутки [11-14 мегаватт], решено с 12 января восстановить прежний декабрьский режим, с некоторыми изменениями. Все население Москвы получает освещение от 5 час дня минимально до 11 час ночи. Распределение предприятий на работающих днем и ночью остается прежним. Ночью разрешается работать от 11 час ночи до 7 час утра и днем – от 9 час утра до 5 час дня. Работа с 7-ми до 9 час утра и с 5 час дня до 11 час вечера разрешается только с ведома ч.к. по электроснабжению.

Из материала «Электроснабжение Москвы» в «Эконом. жизни» от 5 февраля можно было понять, что государственная электростанция (бывш. 1886 г.) из-за недостатка нефти (а исключительно на дровах она работать не могла) давала не более 3 мегаватт, а «Электропередача», испытывая недостаток в гужевом транспорте (местные крестьяне не рвались предоставлять своих лошадок под перевозку торфа?) и страдая от заноса снегом железнодорожных подъездных путей, вырабатывала лишь 6 мегаватт.

При таком положении, констатировала ч.к. по электроснабжению, все работающие станции могут дать мощность лишь в 10-12 мегаватт вместо необходимых 18 мегаватт. Поэтому еще 2 котла переделывались на сжигание дров, правда, непонятно, на какой станции, что даст возможность усилить световую нагрузку. Для получения «Электропередачей» торфа было решено прибегнуть к принудительной гужевой повинности и таким путем обеспечить до 300 подвод в сутки. Упоминалось также о «мерах, принятых для расчистки железнодорожных подъездных путей» «Электропередачи», но без «ненужных деталей», типа мобилизации населения пристанционного поселка и окрестных деревень и сел.

«Вечерняя Москва» того же 5 февраля тоже напечатала статью «Положение электростанций», по материалам последнего заседания ч.к. по электроснабжению:

В заседании выяснилось, что топлива в последние дни поступает на электростанции в крайне недостаточном количестве и что Москва вынуждена будет остаться без освещения, если положение с топливом не изменится к лучшему.

Государственная электростанция [(бывш. 1886 г.)] имеет небольшой запас дров, но она работает одновременно и на нефти, а последней осталось всего 2 500 пудов и немногим более на путях в московском узле. Трамвайная электростанция вместо 25 вагонов по «голодной норме» получает в сутки от 6 до 7 вагонов [дров]. Запасы торфа на станции не могут быть использованы без дров. Станция «Электропередача» так же испытывает недостаток топлива, в связи с заносом подъездных железнодорожных путей.

В виду создавшегося положения московские электростанции могут давать вместо необходимых для освещения Москвы и района 18 000 киловатт всего 10-12 тысяч. Вследствие этого из 62 фидеров за последние дни работает всего 17 забронированных. Полученная Государственной электростанцией нефть дает возможность отпускать населению свет от 7-ми до 10 час вечера. Кроме того, должны улучшить положение производимые работы по переустройству двух станционных котлов на дровяное отопление. Ч.к. по электроснабжению приняла срочные меры к обеспечению электростанций топливом и рабочей силой.

К сожалению, ни один из сотрудников станции бывш. 1886 г., включая и Р.Э. Классона, не оставил воспоминаний об этих варварских работах по приспособлению нефтяных топков котлов к сжиганию дров. Даже инженер Федор Алексеевич Рязанов в своих подробных воспоминаниях почему-то посчитал сию тему малоинтересной:

В 1918-1920 гг. я продолжал работать в качестве заведующего Техническим бюро станции и в основном вел работу по проектированию машин для Гидроторфа. В течение летних торфяных сезонов 1918 и 1919 годов я работал на опытных установках гидроторфа на болотах при станции «Электропередача». Некоторое время я жил там в доме Р.Э. Классона. Утром часто завтракал вдвоем с Робертом Эдуардовичем, так как его дети вставали позднее. Помню, как однажды он сказал, что с интересом прочитал взятую у сына книгу Дюма «Три мушкетера». При этом он выразил сожаление, что в юные годы у него не было времени на чтение подобных книг – слишком много занимался техникой и общим образованием [(например, штудированием К. Маркса)].

Иногда мы вместе ходили на гидроторф или вместе возвращались домой. Это были приятные и поучительные прогулки, так как Роберт Эдуардович был исключительно остроумным и интересным человеком.

<...> В начале двадцатых годов Гидроторф настолько окреп, что встал вопрос о выделении его от 1-й МГЭС в самостоятельное предприятие. В связи с этим Классон предложил мне и турбинному мастеру станции А.Г. Штумпфу, который, так же как и я, большую часть времени уделял гидроторфу, решить вопрос о дальнейшей нашей работе – либо полностью перейти в Гидроторф, либо заниматься только станцией.

Решили мы по-разному – А.Г. Штумпф порвал со станцией, а я остался на станции и целиком занялся [ее] эксплуатацией.

В качестве одного из помощников заведующего станцией я последовательно был заведующим котельной, турбинным залом и электроотделом. Кроме того, через каждые 3 дня нес ответственное дежурство в качестве дежурного инженера станции. Так как все помощники заведующего станцией жили в домах при ней, то после рабочего дня дежурили дома. В случае необходимости дежурные помощники мастеров соответствующих отделов звонили [нам] по телефону и получали необходимое распоряжение по телефону же или лично, по прибытии на станцию.

В начале марта 1920 года острота ситуации с «топливным кризисом» несколько ослабла («Эконом. жизнь» от 2 марта):

На государственной электростанции (бывш. 1886 г.) имеется 14 700 пудов нефти на складах станции и 22 тыс. пудов на симоновском складе. Дрова получают регулярно, в среднем около 30 вагонов в день, что обеспечивает нормальную работу станции [какой мощностью? – МК].

<...> «Электропередача» дает регулярно в московскую сеть 6-6½ тыс. киловатт. Работает 2 турбины. Необходимо дополнительно снабдить станцию торфом с окрестных болот.

<...> Ч.к. по электроснабжению постановила обратить внимание Главтопа на необходимость срочно предоставить станции «Электропередача» еще 1 млн. пудов воздушно-сухого торфа, согласно постановления президиума ВСНХ от 27 ноября минувшего года. Обращено внимание на то, что многие пользуются электроэнергией для моторов в те часы, когда допускается только пользование энергией для освещения. Тех абонентов, которые будут потреблять энергию для моторов от 7 до 11 час вечера без особого письменного разрешения ч.к. по электроснабжению, решено немедленно выключать из сети индивидуально [а как обнаружить? по доносам сознательных граждан? – МК].

Из доклада председателя правления Объединения ГЭС, инж. А.И. Эйсмана на 2-й Всероссийской конференции рабочих электропромышленности («Эконом. жизнь» от 6 июля 1920 г.) можно было понять масштаб «топливного кризиса» в Первопрестольной прошедшей зимой и структуру «моторной нагрузки»:

В качестве председателя ч.к. по электроснабжению тов. А.И. Эйсман ознакомил собрание с деятельностью комиссии и теми условиями, в которых ей приходилось работать в тисках топливного кризиса.

Производство электроэнергии в 1916 г. на московской г.э.с. выражалось в 127 млн. квт-ч, в 1919 г. на той же станции было выработано всего 32 млн. квт-ч [в 4 раза меньше! – МК]. Пришлось значительно сокращать и перераспределять потребление электроэнергии, прибегая к переводу предприятий частично на ночь, частью же полностью выключая отдельные группы предприятий.

<...> В настоящее время в Москве зарегистрировано 922 предприятия с общей мощностью установленных моторов в 40 тыс. л.с., из них на механическую группу падают 265 предприятий со 115 тыс. л.с., на текстильную – 18 предприятий с 8 тыс. л.с., на электротехническую – 55 предприятий с 4,6 тыс. л.с., на химическую – 61 предприятие с 4,5 тыс. л.с., на полиграфию – 90 предприятий с 4,2 тыс. л.с. и др.

Положение в смысле топливоснабжения станций в последнее время в значительной мере улучшилось, и с 20 мая с.г. по постановлению ч.к. по электроснабжению Москвы вся Москва находится круглые сутки под током, и, таким образом, всем заводам и мастерским предоставляется возможность работать дневными сменами. В связи с получением нефти [нарядов на нее – МК] картина электроснабжения резко изменится к лучшему, т.к. на текущий осветительный сезон для московских станций Главтопом назначено 3 млн. пудов нефти. В настоящее время на р. Москве находится уже первый транспорт – 150 тыс. пудов для электростанций.

9 сентября 1920-го Роберт Эдуардович надиктовал секретарю «Некоторые соображения по поводу отмены взимания платы за отпускаемую электрическую энергию». По-видимому, появление этого материала было связано с захватскими намерениями большевиков реализовать сию «революционную меру» в рамках формирования режима так называемого «военного коммунизма» и ликвидации денег.

В преамбуле статьи приводился такой тезис:

Помимо чисто принципиальных соображений о необходимости отмены взимания платы за электрическую энергию, которых в данной записке мы касаться не будем, одной из причин отмены выставляется возможность сильного сокращения аппарата, учитывающего электрическую энергию и даже уничтожения его если не целиком, то частично. Посмотрим, насколько правилен такой взгляд, по крайней мере, по отношению к МГЭС.

И после подробных расчетов Р.Э. Классон приходил к следующим выводам:

Даже при вполне бесплатном отпуске тока всем желающим необходим будет учет отпуска тока, потому что в противном случае потребление электрической энергии может вырасти до таких размеров, что никакая станция не сможет выдержать нагрузки. При современном же состоянии техники единственным рациональным способом учета является счетчик, следовательно отдел установки и ремонта счетчиков должен остаться полностью и даже увеличиться ввиду неперемного усиления спроса на электрическую энергию.

По изложенной выше причине и при бесплатном отпуске тока все же необходимо установление какой-то нормы пользования электрической энергией. Будет ли установлена эта норма в отношении к площади квартиры, конторы, склада и т.д. или же в отношении к числу обитателей таковой, все равно учет показаний счетчиков должен вестись регулярно.

В настоящее время показания счетчиков снимаются раз в два месяца (до революции – ежемесячно), при бесплатном же отпуске показания должны будут сниматься ежемесячно, так как при назначении нормы обывателям нельзя разрешить пользоваться освещением в июле в той же норме, как в сентябре, а в сентябре – в том же количестве, как в декабре.

Следовательно, нормы должны быть, как и теперь, не годовые, а сезонные:

<i>май, июнь, июль</i>	<i>летняя норма</i>
<i>август, сентябрь, октябрь</i>	<i>осенняя норма</i>
<i>ноябрь, декабрь, январь</i>	<i>зимняя норма</i>
<i>февраль, март, апрель</i>	<i>весенняя норма.</i>

Затем, чтобы контроль пользования освещением был действителен, необходимо, чтобы он производился непрерывно. Существующий в настоящее время контроль над соблюдением нормы не достигает цели потому, что он является случайным и ловит лишь отдельных абонентов. Вследствие этого обыватель в настоящее время почти не следит за соблюдением нормы, рассчитывая, что случайно он не попадет в число штрафных.

Но сейчас есть такой фактор, заставляющий хотя бы немного следить за расходом электрической энергии, – это определенная плата. Для действительного контроля необходимо ввести обязательную оплату за энергию, потребленную сверх нормы, а следовательно учитывать непрерывно отпуск тока.

При разделении норм на 4 периода с первого взгляда кажется необходимым снимать показания счетчиков через каждые три месяца, т.е. 4 раза в год, но это встретит технические затруднения, так как при 80 000 абонентах затруднительно сразу снять показания у всех счетчиков, а при ежедневном снятии показаний работа эта может быть произведена в больший период времени.

Но, допустим, что возможно будет снимать показания счетчиков раз в 3 месяца. Сейчас показания снимаются раз в два месяца, и существующий штат не управляется со своей работой, при снятии же показаний раз в три месяца существующий штат едва, едва управится со своей работой.

Следовательно, все 4 счетные отделения должны остаться полностью, сокращение коснется лишь отдела ресконтро и сборщиков денег. Отделы для переговоров с абонентами должны остаться и лишь быть реформированы сообразно с усилением контроля за соблюдением норм потребления электрической энергии.

Таким образом, сокращение штатов коснется лишь кассовых артельщиков (80 человек) и отдела ресконтро* (30 человек) – приблизительно 110 человек на сумму 1 000 000 рублей в месяц. Каковая сумма, по сравнению с общим числом служащих [аппарата станции, учитывающего электрическую энергию] (1 100 человек на сумму около 10 000 000 рублей в месяц), и поступлением в кассу от частных абонентов около 20 000 000 рублей в месяц, составляет ничтожную величину.

Тем не менее, 11 декабря 1920 года появился декрет СНК РСФСР «Об отмене некоторых денежных расчетов», который, в том числе, вводил бесплатное пользование электричеством для государственных предприятий и учреждений, а равно для их рабочих и служащих (в квартирах). Выходит, власти не прислушались к доводам Р.Э. Классона? Правда, «военный коммунизм» продержался недолго, 25 августа 1921 года Совнарком выпустил декрет «О взимании платы за электроэнергию». Большевики, как известно, вынуждены были, из-за угрозы полного паралича хозяйственной жизни, временно отступить и допустить некоторые элементы рыночной экономики, этот недолгий период, как известно, получил название НЭПа.

В тот же день, 9 сентября 1920 года, Р.Э. Классон надиктовал еще одно письмо – «Соображения о себестоимости тока на МГЭС во 2-ой половине 1920 года и связанных с ней тарифах за отпускаемую электрическую энергию»:

Из расчета отпуска с Московской станции 20 000 000 к.в.ч израсходовано уже в июле-августе:

2 720 куб. сажень дров по 8 000 руб. за сажень	22 000 000 руб.
35 000 пуд. керосину по 100 руб. пуд	3 500 000 руб.
228 000 пуд. нефти по 11 руб. за пуд	2 500 000 руб.

Предстоит израсходовать в сентябре-декабре около 800 000 пуд. нефти (13 000 000 к.в.ч по 0,06 пуд.), из них около 100 000 пуд. по 11 руб./пуд, а остальное – по 100 руб. за пуд, ввиду того, что такая цена, по полученным нами от Главконефти сведениям, будет введена с сентября месяца текущего года. Итого предстоит израсходовать на топливо 100 000 000 руб.

<...> Ремонт и общие расходы. Расходы по этой статье особенно трудно поддаются учету, ввиду тенденции к сильному ежемесячному повышению, что видно из следующего сопоставления:

Январь	2,8 миллиона рублей
Февраль	4,0 миллиона рублей
Март	5,6 миллиона рублей
Апрель	7,5 миллиона рублей
Май	12,0 миллиона рублей
Июнь	24,0 миллиона рублей
Июль	27,0 миллиона рублей.

В среднем за 1-ое полугодие 1920 года получается ежемесячно около 10 000 000 рублей. Пред[по]лагая (как видно из приведенных выше цифр по месяцам 1-го полугодия), что не будет сделано большой ошибки, если мы примем за 2-ое полугодие двойное повышение – 20 000 000 рублей в месяц или же всего в 120 000 000 руб.

* Ресконтро – <...> Бухгалтерская книга для записи частных лицевых счетов. – Толковый словарь Ушакова

Итак, Московская станция топила котлы не только сравнительно дешевой нефтью, но и дорогущим керосином, а также дровами (к вынужденному использованию последнего «топлива» на крупном промышленном предприятии мы еще вернемся)!! Кроме того, инфляция за первую половину 1920 года составила около 900%!!!

В феврале 1920-го была создана, как известно, Государственная комиссия по электрификации России (ГОЭЛРО), которая подготовила к декабрю итоговый доклад VIII съезду Советов рабочих, крестьянских, красноармейских и казачьих депутатов. Р.Э. Класону поручили возглавить группу из инженеров и ученых, которая планировала электрификацию Центрального промышленного района. Прагматичные большевики понимали, что кому как не ему, участвовавшему в проектировании, строительстве, эксплуатации, модернизации двух электростанций в этом регионе еще в царское время, заниматься этим делом.

Наиболее заметный след Р.Э. Класон оставил в VI главе Доклада ГОЭЛРО, посвященного электрификации Центрального района. Он, в частности, написал совместно с профессором Высшего технического училища М.К. Поливановым подготовительный материал, который был озаглавлен так: «Общие соображения о будущем развитии Москвы»^{*}. В самом начале его приводятся подробные дореволюционные данные, а затем делается вывод:

Все приведенные статистические сведения позволяют характеризовать Москву прежде всего как центр Русской внутренней торговли и распределения товаров на значительной части [европейской] территории России, Кавказе, Сибири и Восточных рынках и как промышленный центр, особенно по обработке волокнистых веществ и по разным производствам ремесленного характера, из которых особо выделяются производства одежды и туалета. (ф. 5208 РГАЭ)

А вот далее начинается самое интересное: переходя к перспективам развития Первопрестольной, авторы, как честные исследователи, вынуждены были учитывать существовавшую в то время разруху и народившуюся на месте рынка распределительную систему. Но чья-то начальственная рука (уж не Г.М. Кржижановского ли?) все эти неприятные для большевиков констатации методично вычеркивает (данные купюры заключены в квадратные скобки):

В настоящее время социальный строй коренным образом изменился, [однако вместо прежнего торгового аппарата в настоящее время становится аппарат распределительный и так как Москва по своему географическому положению явится центром распределения, так же как она была до сих пор центром торговли, то]^{**} изменятся [только] формы организации, [в значительной степени сократится мелкая розничная торговля и заменится крупными распределительными центрами]. Поэтому те цифры, которые были приведены, сохраняют свою силу на ближайшие годы, и нет основания считаться с резким изменением количества занятых людей.

<...> Наступившая революция сразу прекратила всю работу на оборону, а кризис топлива и сырья, последовавший вслед за этим, окончательно остановил московскую промышленность, [которая в данный момент почти вся бездействует].

^{*} Правда, в итоговом документе этот важный материал превратился в скромное приложение – «Соображения о будущем развитии Москвы», упомянутое лишь этим самым названием в «Списке работ сотрудников Комиссии по электрификации Центрального промышленного района, послуживших материалом для составления плана электрификации» в разделе «Электрификация Центрально-промышленного района» Доклада Г.О.Э.Л.Р.О. VIII съезду Советов (М., 1920).

^{**} Большевикам, похоже, весьма не понравился этот, первый пассаж Р.Э. Класона, хотя к 1922-му число «совслужащих» вырастет до 2,5 млн человек и станет на порядок больше, чем в царской России. Большая их часть разместится именно в Москве: аппараты Совнаркома, Совета труда и обороны, ВСНХ, многочисленных наркоматов и главков и т.д. и т.п.

Возрождение московской промышленности начнется[, по-видимому в этом году, как только промышленность получит двигательную силу и топливо], причем двигательная сила нужна, главным образом, в виде электрической энергии от Московской Государственной станции и других, параллельно с ней работающих электрических станций.

[Достаточное снабжение нефтяным топливом Московской станции сразу оказало бы чрезвычайно оживляющее влияние на промышленность, целый ряд фабрик и заводов пришел бы в действие и тот острый товарный голод, который ощущается в настоящее время, был бы смягчен уже по истечении сравнительно короткого времени.]

<...> [Расстройство транспорта не даст возможности перевозить большое количество топлива в Москву в ближайшие годы, и] поэтому самый характер промышленности должен несколько измениться, а именно – перейти от изготовления громоздких предметов в железодельной промышленности к изготовлению более ценных, требующих сравнительно мало металла, но много рабочей силы. Такую интенсификацию промышленности можно только приветствовать, так как она должна освободить страну от теперешней чрезвычайной зависимости от иностранного рынка.

<...> Огромное количество мелких промышленных предприятий, работавших до 1917 г. и остановившихся во время социального переворота, несомненно вновь начнут работать по наступлении более нормальных условий. Потребность в товарах так велика, что работы хватит и на крупные производства, которые должны приспособиться к новым условиям и не скоро еще достигнут высокой производительности труда, и на мелкие. И потому мелкие производства, как более эластичные и более зависящие от личной воли лиц, непосредственно в них работающих, долгое время будут еще работать вполне успешно и создавать недостающие товары.

<...> Вместе с тем Москве, как столице страны, предстоит совершить большую работу по благоустройству самого города, а именно необходимо создать мощную сеть трамваев, и несомненно будет построен метрополитен, в котором Москва нуждалась уже во время войны и до нее. Затем неизбежно должна наступить большая строительная деятельность, так как в течение последних лет всякая строительная деятельность в Москве прекратилась и [несомненно по наступлении нормальных условий] получится такой же квартирный голод, какой наблюдается теперь всюду в Западной Европе, особенно в связи с изменившимися социальными условиями.

Вероятным выходом из положения явится постройка пригородных поселков со всеми культурными усовершенствованиями, применяемыми в так называемых «городах-садах».

Следом в VI главе доклада ГОЭЛРО обосновывались потребности Москвы в электрических мощностях – 200 мегаватт к 1930 году. Говорилось о возможности создания нескольких «комбинированных тепло-силовых установок» (по-современному, теплоэлектроцентралей – ТЭЦ) суммарной мощностью до 10 мегаватт. Но это уже, можно сказать, «технические детали», не очень интересные большинству читателей. По-видимому, Р.Э. Классона не удовлетворила такая скромная констатация разрухи народного хозяйства и народившейся распределительной системы, и в конце 1920-го он отразит все это «весомо, грубо, зримо» в записке «В ГОЭЛРО» (см. ниже).

Кстати, вызывает удивление цинизм большевиков: в предисловии к Докладу ГОЭЛРО VIII Съезду Советов перечисляется не один десяток известных специалистов и ученых, внесших свой вклад, но только не Р.Э. Классон. Далее упоминается, что в их подготовке участвовало более 180 человек. Т.е. опытейший электроэнергетик попал в безликое «и др.» (sic!).

Позволим предположить, что приложил к этому руку не кто иной, как «верный ученик» Р.Э. Классона в царские времена, но уже его начальник в советские – председатель ГОЭЛРО и затем Госплана Г.М. Кржижановский. Косвенным подтверждением этому служит черновая запись И.Р. Классона: *«отец как-то вспоминал, что Радченко всегда третировал Гидроторф, но лично к нему относился хорошо и много раз оказывал помощь, а Кржижановский наоборот, после признания гидроторфа Лениным в 1920 г., [уже] не действовал против Гидроторфа, но зато не было такой гадости, которую Кржижановский не сделал бы лично отцу»*. (ф. 9508 РГАЭ)

И еще, в развенчание «благородного облика» Г.М. Кржижановского (из той же черновой записи И.Р. Классона):

Ни в одной статье, книге, очерке о Кржижановском не отмечен ни один существенный его недостаток или поступок. Он как бы причислен к лику святых! Но со слов отца и его и моих товарищей я знаю следующее.

До революции Кржижановский открыто не выступал против деятельности отца. Но за его спиной Кржижановский с двумя другими руководителями «Электропередачи» убеждали самого молодого «гидроторфиста» – тогда практиканта П.Н. Ефимова перейти на другую работу, т.к. он испортит свою карьеру, занимаясь безнадежным делом, на котором вдруг помешался отец. Ефимов их не послушался и в дальнейшем стал выдающимся специалистом в торфяной промышленности.

В 1917-20 гг. Кржижановский, будучи председателем правления «Электропередачи», в той или другой форме отстранял отца от руководства этой станцией и допускал разложение дисциплины. В феврале 1920 г., когда в результате технического и организационного разложения на станции вышли из строя два из трех турбогенераторов, Кржижановский предложил отцу организовать их ремонт.*

На замечание отца, что при последней, проведенной Кржижановским реорганизации руководства «Электропередачей» он, Классон, вообще был выведен из него, Кржижановский ответил, что это не будет иметь никакого значения. Если и последний турбогенератор выйдет из строя, то тогда никто не станет разбираться в таких [не существенных по сравнению с прекращением «Электропередачей» энергоснабжения Москвы] вопросах.

*В 1930 г. Кржижановский во время следствия, а затем и суда по делу Промпартии дважды выступал с докладами и своим авторитетом поддерживал это дело (хотя после разоблачения культа Сталина [расстрелянные инженеры МОГЭС] Кирпичников, Яновицкий, Барсуков были реабилитированы). Причем Кржижановский заявил, что профессор Кириш**, если бы он не умер в 1919 г., тоже был бы осужден как вредитель.*

* 03.12.1919 г. Протокол заседания Правления Государственной Электрической станции «Электропередача»

Присутствовали члены Правления: пред. Правления Г.М. Кржижановский, Р.Э. Классон, В.В. Старков, Б.Н. Смирнов, А.И. Эйсман, М.В. Кудряшов, М.Ф. Акимцев, С.А. Медведев, Н.Л. Голованов; зав. кабельной сетью И.Ю. Осипов; архитектор В.Н. Никольский.

Об изменении Формы Управления: вместо Дирекции, состоящий из Директоров – Г.М. Кржижановского, В.В. Старкова и Р.Э. Классона, избран один ответственный руководитель – Г.М. Кржижановский и заместитель – В.В. Старков; <...> Архив Московской области, ф. 2121

** Карл Васильевич Кириш в 1901-м окончил Императорское высшее техническое училище и остался преподавать в нем, с 1906-го читал курс заводских топок и котельных установок.

Флаксерман очень расписывает, что Кржижановский в 1930-е был снят в Госплане, т.к. был противником неправильного планирования энергетики («борьба с гигантоманией», сооружение средних электростанций), в результате чего эта отрасль в начале войны, особенно на Урале, куда была эвакуирована большей частью оборонная промышленность, стала узким местом.

Но Флаксерман не приводит ни одного документа (или даты), где Кржижановский пытался бы выступить за обеспечение ведущего места энергетике*.

В 1950-х в Энергетическом институте травили, с участием самого [директора ЭНИИа] Кржижановского, выдающегося инженера, бывшего мозговца Н.А. Поляка, который отказался участвовать в липовом выпуске прежней своей работы под новым названием, чтобы не обнаружилось невыполнение целого пункта производственного плана, о котором руководство [ЭНИИа] забыло.**

Руководство же Теплоэлектропроекта, услышав об этой травле и зная Поляка по его деятельности в течение трех десятков лет и по опубликованным трудам, приняло его к себе. Так что он не был затравлен до конца, как это у нас иногда происходило. Как утверждал Н.А. Поляк при встрече со мной, [заместитель директора ЭНИИа] Винтер в этой травле не участвовал.

Здесь автор должен повиниться перед читателем по поводу приведенного выше лихого пассажа: «в трудах ГОЭЛРО перечисляется не один десяток известных специалистов и ученых, внесших свой вклад, но только не Р.Э. Классон, и приложил к этому руку не кто иной, как Г.М. Кржижановский». Сей скоропалительный вывод был сделан после посещения музея-квартиры онтого деятеля по случаю 135-летия со дня его рождения.

Во время экскурсии по этому музею я увидел выложенную на столе в бывшем кабинете Роберта Эдуардовича книгу «План электрификации Р.С.Ф.С.Р. Введение к докладу VIII Съезду Советов Государственной Комиссии по Электрификации России» (Москва, 1920), взял ее и быстро просмотрел предисловие... На более обстоятельный просмотр у меня, приглашенного в числе многих журналистов, времени не было.

А вот в преддверии уже 140-летия Г.М. Кржижановского я достал эту книгу в РГБ для более обстоятельного изучения и вот что там обнаружил. Итак, в предисловии было отмечено: «<...> Кроме вышеперечисленных лиц [(членов комиссии)] особо деятельное участие в работах Комиссии принимали: <...> и др. Общее число отдельных сотрудников-специалистов, привлеченных к участию в работах комиссии – свыше 180 человек. С начала своего существования по 20-е декабря 1920 г. Комиссия имела 67 заседаний, не считая еще многих заседаний Президиума и рабочих подкомиссий. <...>».

А в предисловии к уже отдельному, VI разделу сообщалось, за подписью В.Д. Кирпичникова, следующее: «Изложенный ниже проект электрификации Центрального района разработан по поручению «Гоэлро» Комиссией, избранной ЦЭС'ом в составе В.А. Белоцветова, С.Д. Гефтера, В.Д. Кирпичникова, Р.Э. Классона и М.К. Поливанова и пополненной, по желанию «Гоэлро», представителями Теплокома – К.А. Кругом и Парэлькома – Б.Э. Стюнкелем и А.И. Таировым. Ответственными лицами и председателями этой Комиссии были: первые два месяца – Р.Э. Классон, остальное время до конца работ, ввиду отказа Р.Э. Классона, – В.Д. Кирпичников».

* По-видимому, речь идет о книге: Ю.Н. Флаксерман. Глеб Максимилианович Кржижановский / М., Наука, 1964.

** Натан Акимович Поляк работал в МОГЭС ст. инженером электрической группы техотдела, уволился в 1939-м; о том, что «он не был затравлен до конца», говорит хотя бы публикация им фундаментального труда: Современные крупные двухполюсные турбогенераторы. Машиностроение, М, 1972, 471 с.

Зная нелюбовь Роберта Эдуардовича к различного рода комиссиям, расплывшимся при большевиках, можно с большой долей уверенности предположить, что он сам отказался войти в центральную комиссию ГОЭЛРО и ее подкомиссий (и даже через два месяца после начала работ с многочисленными заседаниями вышел из «ответственных лиц» Комиссии по Центральному промышленному району), чтобы свое драгоценное время инженера-электротехника больше посвящать «живому делу».

Но он наверняка был в курсе продвигавшихся в последней комиссии дел через своего коллегу Виктора Дмитриевича Кирпичникова. Так что здесь Г.М. Кржижановский был вроде бы и ни при чем... Однако этот факт все же не снижает одиозность отмеченной выше Р.Э. Классоном натуры Глеба Максимилиановича – «падкой на гадости».

Поработав в архивах, сотрудница существовавшего раньше музея Мосэнерго на Садовнической улице Мария Семеновна Абрамова обозначала сей персонаж в разговоре с автором не иначе как презрительным эпитетом «суслик» (правда, «Суслик», оказывается, был подпольной кличкой Г.М. Кржижановского!!!). Но мы отвлеклись на лирику...

Кстати, опять же обстоятельное изучение Доклада ГОЭЛРО VIII съезду Советов позволило обнаружить любопытный пассаж (в разделе «Электрификация Центрального промышленного района»), связанный с последствиями гражданской войны и разрухи, за которые пришлось отдуваться энергетикам:

По своему техническому оборудованию станция для нефтяного отопления [на Раушской наб.] является вполне современной, технически достаточно совершенной и экономичной. Нефтяное топливо станция получает по нефтепроводу из «Симонова», что под Москвой, куда оно может доставляться или по железной дороге или водюю, по Москве-реке.

Когда в прошлом, 1919 году имел место недостаток жидкого топлива, грозивший перейти в полное его отсутствие, станция несмотря на крайнюю стесненность в месте и непригодность для дровяного отопления принуждена была все же перейти на дрова. Дрова доставлялись с железнодорожных станций на набережную у электрической станции, обращенную в склад и закрытую для проезда, трамваем на грузовых платформах, для чего по набережной специально была проложена трамвайная ветка, примыкающая к общей сети.

Со склада же на набережной дрова в особых вагонетках, приводимых в движение частью от механической лебедки, частью вручную, подавались в котельную.

При искусственно сокращенных потреблении и нагрузке станции и при частичном отоплении ее жидким топливом расход дров в зимнее время составлял в среднем около 60 куб. сажень в день, что составляет около 24 вагонов в день. Не говоря уже о крайне затруднительном обслуживании котельной, совершенно не приспособленной, как уже упомянуто, ни по своим размерам, ни по своему расположению для отопления дровами, доставка в центр города даже такого количества дров является с государственной точки зрения крайне нерациональной.

Дальняя доставка дров по железной дороге, перегрузка их в Москве на трамвайные платформы, передвижение последних по городу и проч. – все это, если учесть затраты на это энергии, топлива и труда, настолько нерационально, что является допустимым лишь в силу крайней необходимости. Теплового комитет еще в 1919 г. обратил на это внимание и указал на необходимость усилить электроснабжение Москвы со станций, расположенных вне Москвы (в Богородском районе) и могущих работать на местном топливе – торфе и дровах.

Посмеём предположить, что Роберт Эдуардович, вернувшись из-за «железного занавеса», с болью в подлеченном сердце наблюдал как «вполне современная» Раушская электростанция – в том числе и его детище – загромождается дровами! Большевики, из своих пропагандистских соображений, весьма раздули значение деятельности комиссии ГОЭЛРО (при этом автор этих строк ни в коем случае не подвергает сомнению важность электрификации России – хоть при царе, хоть при советской власти).*

Действительно, И.Р. Классон в 1978-м сделал выписки из обзора А.А. Веллера «Карты водных сил р. Ангары и возможности их использования» (на 288 листах), «Проекта электрификации юга России» (составленного в 1916-м Российским акционерным обществом «Углеток» на 371 листе), доклада В.Г. Глушкова «Водные силы России» (на 55 листах), где была изложена весьма обширная и ценная информация. Все эти материалы находились в «трудах комиссии ГОЭЛРО».

А еще в 1900-х отечественная научно-техническая общественность будировала тему использования энергетического потенциала рек. Так, в 1909 г. на V Всероссийском Электротехническом Съезде инженеры Б.А. Бахметев, Г.О. Графтио и С.П. Максимов выступили с докладом «Об организации изучения водяных сил России». В нем они обрисовали такую ситуацию: *«Если теперь обратиться к России, то приходится констатировать, что в деле собирания и опубликования данных об источниках водяной силы у нас (исключая Финляндию) сделано очень мало, хотя число учреждений, так или иначе изучающих водные богатства России весьма значительно».*

* Из книги Ф.И. Дана (Гурвича) «Два года скитаний. Воспоминания лидера российского меньшевизма. 1919-1921», которому все же дали выступить на VIII съезде Советов в Большом театре:

Съезд явно умирал от худосочия. Заседания назначались все реже. Голосование резолюций откладывалось – пока не закончится закулисная стряпня. Надо было чем-нибудь занять и подбодрить съезд, и было придумано непредусмотренное развлечение: инсценирована была новейшая большевистская пьеса под названием «Электрификация».

Много было у большевиков чудесных рецептов для немедленного осуществления коммунизма: были субботники, комитеты бедноты, трудармии, была продразверстка, был приказ № 1042 [о ремонте паровозов и вагонов], намечались посевкомы (посевные комитеты). Каждый раз торжественно объявлялось, что найдено наконец самое действенное средство для уврачевания всех бед.

Рисовались грандиозные перспективы очередного «великого почина»; составлялись сводки; летели телеграммы о блестящих успехах – ровно до тех пор, пока всем не становилось ясно, что «почин» оказался лишь очередным мыльным пузырем. Тогда пускался в ход новый лозунг – ровно с тем же самым успехом. Так и теперь. Все предыдущие козыри были явно биты.

*Был придуман новый: электрификация. Надо лишь покрыть Россию целой сетью мощных электрических станций, использующих водяную силу, и тогда – нечего бояться нехватки угля и нефти: фабрики и заводы, электрические плуги и молотилки, электрические поезда – все придет в движение, и Россия превратится наконец в цветущий коммунистический сад! «Коммунизм – это советский строй плюс электрификация», – провозгласил Ленин, и нашлось достаточное число дураков, которые верили или делали вид, что верят этой галиматье. **Что сама электрификация требует материальных, технических, социальных и культурных предпосылок, каких в современной России и в помине нет, – над этим, разумеется, не задумывались.** На бумаге все было высчитано и расписано гладко. Делегатам раздали толстенный том докладов.*

Притащили громадную карту России с натыканными в ней разноцветными электрическими лампочками, изображавшими будущее «районные станции». Г. Кржижановский, главный режиссер этой мистерии-буфф, два битых часа втолковывал слушателям все величие будущего электрического благополучия, а в это время разноцветные лампочки вспыхивали на карте, как праздничная иллюминация в честь грядущего торжества.

Увы, фантастическая пьеса не произвела того впечатления, на которое рассчитывали ее авторы. Электрификация немедленно же была перекрещена [народом] в электрофикацию и пошла с таким прозвищем гулять по матушке-России. А затем... кто еще помнит теперь знаменитое ленинское: «плюс электрификация?»

Перечислив эти многочисленные учреждения, авторы доклада предлагали:

Приходится поневоле сузить задачи и выдвинуть в первую голову необходимость организации специального учреждения для систематического исследования гидравлических сил России и опубликования данных, необходимых для проявления общественной и частной предприимчивости в деле их утилизации.

Казалось бы, важность предмета и возможное значение гидравлических сил для развития русской промышленности достаточно оправдывает предложение о сосредоточении этого дела в специальном учреждении.*

На том же V Всероссийском Электротехническом Съезде от имени VI (Электротехнического) Отдела Императорского Русского технического общества (ИРТО) выступил председатель отдела М.А. Шателен с докладом «Об утилизации гидравлических сил в России», который напомнил собравшимся:

Уже на Первом Съезде по выслушании доклада Добротворского «Электропередача силы порогов Волхова, Наровы, Вуоксы в С.-Петербурге», на котором была образована Комиссия для рассмотрения ряда вопросов, вытекающих из доклада, Комиссия в ряде заседаний выработала четыре ходатайства, касающиеся права частных лиц и обществ на утилизацию водяных сил, составляющих государственную собственность, и условий осуществления этого права, а также права принудительного отчуждения земель для устройства гидротехнических сооружений и права участия в пользовании землей для постановки линейных столбов.

Но дело не в этом – никому не возбраняется пользоваться наработками своих предшественников для развития производительных сил России-СССР. А дело в том, что большевики, всюю пропагандируя свою программу ГОЭЛРО, одновременно замалчивали то обстоятельство, что еще российская дореволюционная инженерно-техническая общественность действовала в данном направлении вполне систематически.

Так, после первых двух Всероссийских Электротехнических съездов (в 1899 и 1901 годах) была образована упомянутая Постоянная комиссия по рассмотрению вопросов о применении электрической тяги на железных дорогах, водных и шоссейных путях (и, в первую очередь, об утилизации водных сил).

В 1908-м ИРТО подняло эту же тему. Был создан ряд правительственных комиссий как по разработке юридических вопросов в области утилизации водной энергии России, так и по обследованию рек (комиссия при Министерстве путей сообщения, по утилизации Волхова, по утилизации вод Кавказа). В результате при позднейших исследованиях рек для целей судоходства и ирригации учитывались интересы утилизации водных сил. И Управление внутренних водных путей МПС постоянно финансировало изыскательские партии, выезжавшие «в поле». Была развернута обширная сеть водомерных постов. Одновременно в Министерстве земледелия были выполнены большие работы по изучению рек Закавказья, Туркестана и Сибири, учреждена специальная Гидрометрическая часть.

Попытки собрать и систематизировать данные о водной энергии, кроме Бюро исследования водных путей МПС и Отдела земельных улучшений Министерства земледелия, делались и в Особом совещании по топливу, и в Постоянной комиссии Академии наук по изучению естественных производительных сил России.

* Историческая справка по вопросу о белом угле в России, составленная инженером С.П. Максимовым, с таблицей приблизительного исчисления гидравлических сил некоторых рек Европейской России, помещена в «Железнодорожном Деле от 16 апреля 1907 года». См. также доклад г. Токарского III Всероссийскому Электротехническому съезду «Электропередача водяной энергии». – Примеч. авторов доклада.

В 1993-м журнал «Энергетическое строительство» опубликовал очень интересную статью к.т.н. А.А. Белякова (МИСИ) – «План ГОЭЛРО в технико-экономическом и историческом аспектах». Ее автор, изучив дореволюционные и советские публикации, делал примерно такие же выводы в отношении ГОЭЛРО, как и И.Р. Классон пятнадцатью годами ранее. Но под конец пришел к уже совсем неожиданным заключениям.

Как сообщал А.А. Беляков, в 1909-12 гг. под председательством тайного советника В.Е. Тимонова работала Междуведомственная комиссия. Ее целью было составить план работ по улучшению и развитию водяных сообщений Империи. В то же время в программе работ комиссии, утвержденной 20 февраля 1909 г. Министром путей сообщения, тайным советником С.В. Рухловым, в качестве одного из средств покрытия казенных расходов на улучшение и развитие водяных сообщений значилось *«использование силы падения воды в судоходных плотинах для промышленных целей»*.

В 1910 г. была разработана программа исследования водных путей на 1911-15 гг. (изыскания на магистралях и вне их, составление проектов и прочее) и в 1911-м – план капитальных работ на 1912-16 гг. Из-за начавшейся в 1914-м войны ассигнования на водное строительство пришлось сократить.

Поэтому некоторые работы по постепенному созданию в России сплошной воднотранспортной сети, начать которые Междуведомственная комиссия планировала не позднее 1916 г., были отложены. В их числе значились шлюзование Днепровских порогов с использованием гидроэнергии, соединение Волги с Обью и другие проекты.

После упразднения в 1912 г. Междуведомственной комиссии ее функции были возложены на Управление внутренних водных путей и шоссейных дорог МПС. Разработанный им план был опубликован 25 февраля 1917 г. Многие в содержании этого документа обуславливалось *«размерами возникшей войны и порожденными ею новыми взглядами»*.

Важной составной частью создания сплошной водной сети теперь стала гидроэнергетика. Составители плана считали, что использование силы падения воды в реках поможет разрешению возникшего тогда из-за войны топливного кризиса.

Первую очередь работ по отмеченному плану предполагалось выполнить в 1918-24 гг., вторую – в 1925-29 гг. Общая мощность запланированных к сооружению гидроэлектрических установок составляла 712 тыс. лошадиных сил (530 мегаватт), с развитием до 1 156 тыс. л.с. (850 мегаватт). Стоимость работ оценивалась в 600 миллионов руб. А.А. Беляков тут же сравнивает эти цифры с показателями плана ГОЭЛРО (в части сооружения ГЭС): 825 тыс. и 1 425 тыс. лошадиных сил соответственно. То есть большевики ничего особенно нового здесь не выдумали.

Но зато к использованию энергии рек (как и других топливно-энергетических ресурсов, а также рабочих рук) они подошли, по мнению А.А. Белякова, весьма утилитарно и даже цинично. Так, Управление царского МПС ставило конечной (хотя бы и отдаленной) целью создание охватывающей всю страну воднотранспортной сети, призванной многократно уменьшить затраты труда и топлива на перевозку товаров от мест производства к местам потребления. Гидроэнергетика при этом должна была создаваться попутно (как следствие улучшения судоходства за счет шлюзования рек) и понималась как возможность сбережения топлива и высвобождения людей, занятых его добычей и перевозкой.

Напротив, ГОЭЛРО, планировавшая многократное (по сравнению с довоенным уровнем) увеличение добычи и перевозок топлива, рассматривала гидростанцию как предприятие по производству электроэнергии для снабжения района, где мало топлива, но есть участок реки.

Такое предприятие стоит дорого и потому весьма невыгодно, отчего и приходилось прибегать к привлечению средств от смежных водно-хозяйственных отраслей (судоходство, ирригация). Река как целое и тем более как составная часть целого более высокого порядка не рассматривалась.

Если планом Управления царского МПС, продолжал сравнивать А.А. Беляков, для преодоления вызванного войной топливного кризиса предполагалось использовать *«напрасно теряющуюся водную энергию рек»*, то ГОЭЛРО в своем плане электрификации требовала многократного увеличения добычи топлива, особенно торфа. Будучи убежден, что *«электрическим станциям на торфу предстоит громадная будущность»*, Г.М. Кржижановский считал, что *«неизбежно придется декретировать торфяную повинность»*.

Тот факт, что *«рядом с торфяниками-мужчинами на наших болотах уже работает такая же армия женщин-крестьянок, в преобладающем количестве – девушек-подростков»*, председателя ГОЭЛРО-Госплана не смущал:

Пусть на наших торфяных залежах в возможно ближайший срок ветхозаветная дубинушка, столь характерная для средневекового темпа крестьянской работы, заменится величавыми и бодрящими звуками рабочего Интернационала. (Основные задачи электрификации России. Харьков, 1920)

Чисто большевистское намерение Г.М. Кржижановского сделать физически тяжелую добычу торфа (еще до внедрения гидравлического способа) принудительной (мобилизовать на них «бывших»?) и сопровождать их исполнением «Интернационала» мы предлагаем читателю сравнить с глубоко человеческой позицией Роберта Эдуардовича:

Художественно красивая натура Классона органически не выносила вида человека-торфяника, как приписка к [элеваторной] машине, прикованного к ней в своей нечеловечески тяжелой работе, и последние 14 лет своей жизни он посвятил поискам и изобретению способа добычи торфа, делающего человека не рабом, а господином машины. Способа – исключаящего необходимость применения физически изнурительной ручной работы человека.

И он нашел его в гидравлическом способе: в удачном сочетании энергии воды и электричества, в использовании ее при добыче торфа с минимальной затратой энергии человека. (из воспоминаний в 1926-м председателя правления Госторфа И.И. Радченко)

Секретарь Р.Э. Классона В.А. Бреннер в своих воспоминаниях на том же вечере памяти в 1926-м привел такое свидетельство в отношении «красивой природы», а также эпистолярных наклонностей своего шефа:

Богато и разносторонне образованный, Р.Э. мог беседовать на любые темы за исключением, конечно, чисто бытовых, не говоря уже о своем «коньке» – электропромышленности, где он обладал чисто энциклопедическими познаниями, он мог рассказывать о любом европейском городе, музее. Во время революции он много писал, главным образом, в экономической прессе по вопросам, связанным с электростроительством, с хозяйством электростанций. Статьи эти всегда отличались большим знанием вопроса, были блестящи по своей форме и дышали всегда большим остроумием. В дореволюционное время, как это ни странно покажется, Р.Э. писал много фельетонов на злободневные темы, опять-таки имевшие отношение к электрическим станциям. Фельетоны эти были написаны таким литературным языком и были так захватывающе интересны, что редакторы дореволюционных буржуазных газет, шутя, конечно, предлагали ему отказаться от места директора-распорядителя на Московской станции и заняться журналистикой.

В.А. Бреннеру можно доверять, поскольку именно ему шеф диктовал в Москве свои записки и статьи. Их мы будем неоднократно цитировать – из советского периода. Кое-что удалось разыскать и из публикаций Р.Э. Классона в дореволюционное время (см., например, очерки «В Северной Пальмире и на Охте» и «Особенности Бакинского колорита»). В очерке «Торфяные страдания» мы уже ссылались на одну такую статью-фельетон – «Прогресс русской техники и Карл Карлович Мазинг» (под псевдонимом «Промышленник»).

А по воспоминаниям сына Ивана, Роберт Эдуардович обдумывал статью или докладную записку, которую намечал написать, во время обычной вечерней прогулки, утром диктовал стенографисту (стенографистке), потом исправлял или переделывал в машинописи и очень редко, при коренном изменении текста, заново все надиктовывал.

В 1920 г. заместитель Р.Э. Классона В.Д. Кирпичников удостоился первого «внимания» чекистов. Из воспоминаний Ф.А. Рязанова:

«...» Виктор Дмитриевич увлекся боксом. В своей квартире он выделил почти пустую большую комнату, в которой около десятка спортсменов начали заниматься боксом под руководством приглашенного тренера т. Никифорова – ныне члена судейской коллегии по боксу. Совершенно неожиданно в начале ноября 1920 г. на квартиру Кирпичникова являются уполномоченные ЧК и спрашивают Виктора Дмитриевича. Им отвечают, что его нет дома. На вопрос, где же он, ответили, что в доме ВЧК. Оказывается, что бухгалтер ВЧК был любитель винта, и винтеры иногда собирались у него на квартире. Виктор Дмитриевич был там арестован, а на квартире последнего произвели обыск и оставили засаду, которая задержала нескольких случайно зашедших лиц. В тот же вечер были арестованы все участники кружка бокса [кроме одного], и у всех произведены обыски и устроены засады.

«...» Оказывается, аресты были произведены по доносу легкомысленного и не совсем нормального младшего сына уважаемого инженера-энергетика, профессора Н.И. Сушкина. В результате хлопот за Виктора Дмитриевича со стороны ряда лиц, в том числе и И.И. Радченко, и после соответствующей проверки все участники кружка через несколько дней были отпущены без каких-либо последствий. (ф. 9592 РГАЭ)*

В Интернете можно найти такое определение упомянутой карточной игры: «Старинные справочники характеризуют винт как исключительно великобританскую игру. В России он сделался известным и почти сразу же широко популярным. Его оценили истинные любители игры «умственной», игры не для «простого картобросания», а для тех, кто «далеко и очень далеко не дурак». Предшественники винта, во многом определившие его нынешний облик, – вист и преферанс».

Р.Э. Классон хотя и был увлекающейся натурой, как мы уже знаем, но к боксу интереса не проявлял и потому под чекистское око пока не попал – до поры до времени.

В июле 1920-го была пущена в эксплуатацию временная Шатурская электростанция мощностью 5 мегаватт, на которой предусматривалось смонтировать три котла, снятые с военных кораблей (затопленных на Черном море по Брестскому договору?). Она должна была питать строительство большой станции мощностью 40 мегаватт и торфоразработки. В связи с этим Р.Э. Классон опубликовал в Торгово-промышленной газете статью «Значение Шатурской торфяной станции».

* Николай Иванович Сушкин неоднократно упоминался в очерке «Опять в Первопрестольной», в советское время он, как мы видим, стал преподавать в МВТУ. В 1930-м проходил по сфабрикованному чекистами «делу Промпартии» в составе «вредительской, высшей цепочки» по энергетической промышленности.

И обозначил роль будущего важного объекта ГОЭЛРО:

Шатурская государственная электрическая станция строится в центре больших торфяных массивов общей площадью 10-15 тысяч десятин.

<...> Торфяное топливо при рациональной постановке дела является наиболее дешевым топливом для центрального района, и широкое применение его предохранило бы леса центрального района от дальнейшего хищнического истребления, которое, к сожалению, в настоящее время происходит.

Торфяные болота сами по себе бесплодны, и утилизация их в виде топлива в высшей степени желательна, так как выработанные торфяные площади могут быть пущены под земледелие и представлять при надлежащей мелиорации чрезвычайно плодородную землю, увеличив таким образом площадь удобных для земледелия земель в центральном районе. С торфяными работами связан целый ряд мелиоративных работ, которые уже проведены на Шатурском болоте и которые имеют целью понижение уровня грунтовых вод и общее осушение местности.

Подача большого количества электрической энергии в московский район будет иметь огромное значение для поднятия промышленности в этом районе, так как сейчас московская промышленность бездействует в значительной степени за недостатком топлива, и население Москвы чрезвычайно страдает от того же недостатка.

Рассчитывать на подачу большого количества топлива по железным дорогам в ближайшие годы не приходится за недостатком подвижного состава, и поэтому подача электрической энергии, несущей свет и тепло в Москву по проводам, не обременяя совершенно железных дорог, явится истинным благодеянием для населения.

Что касается слов Роберта Эдуардовича о том, что выработанные торфяные площади при надлежащей мелиорации могут представлять чрезвычайно плодородную землю, то они не были просто красивой фразой. Приведем по этому поводу воспоминания рабочего Мудрова:

В 1915 г. я работал на «Белом Мху», пахарем на волах. В августе меня послали на «Скворцы». Там был мелкий карьер, и этот карьер мне велели засеять рожью и часть – клевером. Отправившись на паре волов с одним рабочим, захватив с собой борону и полольник, очистив карьер от пней, начали боронить, потом рыхлить землю плугополольником, затем опять пробороновали и засеяли семенами. Все это мы проделали по распоряжению и инструкции Р.Э. Классона. Спустя месяца полтора мне пришлось работать на «Старых Скворцах», и я первым делом пошел посмотреть на ту заимку. И что же – озимое возшло сверх ожидания и возшло неизмеримо лучше, чем на крестьянских наделах. Очень жаль, что это был только опыт. Весной все это пропало из-за полой воды. Все это Р.Э. Классон предвидел, но ему вероятно хотелось узнать, как богата земля после торфа теми веществами, которыми питаются растения. (Памяти Р.Э. Классона. МОГЭС, 1926)

В этой же статье в Торгово-промышленной газете было обозначено и важное место маленькой Шатурской станции мощностью 5 мегаватт:

Значение опытной Шатурской станции велико еще потому, что здесь впервые производится опыт применения для электрических станций котлов, снятых с миноносцев, которые при наступлении мирного строительства гораздо целесообразнее могут быть применены на электрических станциях для мирных целей, чем как орудие истребления на военных кораблях. Таких котлов имеется большое количество, и чрезвычайно желательно утилизировать их как можно быстрее в настоящее время, когда нет возможности ни получать из-за границы котлы обычного типа, ни построить таковые на русских заводах.

Удачное решение этого вопроса на Шатурской станции могло бы оказать большое влияние на постройку котельных зданий для центральных станций вообще, так как применение котлов морского типа означает чрезвычайную экономию места. И при известных условиях скорость постройки такой котельной может быть чрезвычайно велика, что так же очень важно для быстрого сооружения районных электрических станций.

<...> При усиленном направлении на шатурское строительство строительных материалов, рабочей силы и продовольствия, главная Шатурская станция могла бы через 2 года работать полным ходом. И тогда московская промышленность была бы в значительной степени независимой как от иностранного капитала, так и от привозного топлива из Донецкого и Бакинского районов. И в этом условии заключается огромное значение мощной районной станции, работающей на местном топливе.

Первые опыты с бывшими морскими котлами на временной Шатурской станции (которые были спроектированы на сжигание высококалорийного кардиффского угля) оказались не совсем удачными – через несколько часов решетки и стены топки забивало шлаком от высокозольного и влажного торфа. Тем не менее, станцию большевики торжественно запустили (хотя из трех запроектированных последовательно котлов было установлено только два, и в отсутствие третьего, который должен был выполнять функцию экономайзера, дымовые газы уходили в трубу горячими). Кочегары ценой больших усилий приспособились сжигать несколько менее влажный торф.

На второй очереди опытной Шатурской станции, на уже проектных котлах Бабкок и Вилькокс, были поставлены и испытаны шахтно-цепные топки для торфа конструкции Т.Ф. Макарьева. Генеральные испытания этих котлов прошли осенью 1922-го. По просьбе Р.Э. Классона в их наладке участвовали Борис Аркадьевич Телешев от МОГЭС и уже известный нам Б.В. Мокршанский от Гидроторфа.

Сам Роберт Эдуардович тоже неделями пропадал на Шатуре. По его настоянию с болот «Электропередачи» доставили несколько вагонов гидроторфа, чтобы убедиться – гореть в макарьевских топках он может хорошо.

Из книги «Гидроторф», вышедшей в 1923-м:

Мы считаем необходимым отметить и один неудавшийся опыт сжигания гидроторфа с Шатурских разработок, происходивший 16 октября 1922 года. Во время испытания выяснилось, что сжигаемый гидроторф отличается высокой зольностью (16,6% абс. сух.) и что принятый в начале опыта режим котла (нагрузка 1 кв. метра [поверхности] около 45 кг [образуемого пара в час]) удержать нельзя вследствие сильного шлакования решетки, приведшего к необходимости прекратить испытание.

Как признала Комиссия, этот опыт совершенно не приходится считать характерным ни для топки Макарьева, ни для гидроторфа с Шатурских разработок. Во-первых, возможно, что топка могла работать на топливе с такой зольностью при другом, более ослабленном режиме, во-вторых, самая зольность в 16%, безусловно, не характерна даже для Шатурского гидроторфа. Нужно отметить, что таковой добывался в 1922 году на Шатуре впервые, без применения последних усовершенствованных машин, при помощи неопытного еще персонала. Отсюда возможность случайного повышения зольности от неудачного размыва залежи. Что Шатурский гидроторф по своим качествам нормально не уступает машиноформовочному торфу, вытекает из опыта, произведенного 10 ноября в присутствии Комиссии.

В октябре 1922 г. в адрес В.И. Ульянова-Ленина ушел победный рапорт от имени Технического персонала, Заводского комитета и Коммунистической ячейки РКП:

Шатурская электростанция поставила в широком промышленном масштабе опыты по рациональному сжиганию торфа. Сегодня, после шестимесячной пробы торфяных топок системы инженера Макарьева, произведены официальные испытания под руководством авторитетных теплотехников, причем эти испытания дали блестящие результаты, выражающиеся в экономии не менее 40% топлива при совершенной механизации всех работ в котельной. Вопрос о превосходном и технически совершенном сжигании торфа в топке Макарьева можно считать решенным <...>. (Г.В. Липенский. Московская энергетическая. «Московский рабочий», 1976)

Понятно, что именно беспартийные Р.Э. Классон, Б.А. Телешев и Б.В. Мокршанский были упряты в безликое «авторитетные теплотехники». Зато к успешным испытаниям примазалась Коммунистическая ячейка РКП.

К сожалению, прогноз Роберта Эдуардовича не подтвердился: «главная» Шатурская станция заработала на полную мощность (48 мегаватт) не в 1922 г., а лишь в 1927-м. Большевики решили больше не ставить бывшие морские котлы, а заказали в Чехословакии новые, самые крупные в мире (правда, с собственными макарьевскими топками). Заказали за границей и самые мощные турбины и генераторы по 16 мегаватт. И в итоге потеряли пять лет. Правда, бывший практикант Р.Э. Классона, а теперь и сам начальник строительства Шатурской станции А.В. Винтер вспоминал о технических переживаниях вполне оптимистично:

<...> Временная станция послужила также крупной экспериментальной базой для решения вопроса рационального сжигания торфа.

С 1921 г. видный ленинградский теплотехник, профессор и практический инженер Тихон Федорович Макарьев занимался конструированием новой топки для сжигания кускового торфа, известной под названием «шахтно-цепной топки Макарьева». Первые же результаты, полученные в этой топке на одной из ленинградских станций, оказались настолько удовлетворительными и даже непревзойденными в практике торфосжигания, что шатурские строители решили немедленно продолжить опыты. До лета 1923 г. производились весьма тщательные балансовые испытания двух котлов Б и В, оборудованных топками Макарьева. Прекрасные результаты этих испытаний в свое время были опубликованы («Электричество», №1, 1926). Строители Шатуры твердо остановились на топках Макарьева для будущей станции.

Следует отметить, что результаты этих испытаний решили вопрос не только для Шатуры. Они выявили новые возможности в топочной технике, они продемонстрировали возможность более напряженного и более эффективного использования топочных объемов и поверхностей нагрева всех существующих котлов при их эксплуатации.

В июне 1923 г. возглавляемая мною за границей комиссия по размещению заказов на оборудование для будущей станции имела встречу с проф. Мюнцингером, одним из наиболее видных в то время теплотехников Германии. Когда он узнал о превосходных результатах, полученных нами в топке системы Макарьева, он выразил свое недоверие одним словом: «невозможно» [(«unmöglich»)]. На этом наша беседа и закончилась. Затем было решено отдать заказ на котлы для Шатуры Витковицкому заводу в Чехословакии, который согласился принять заказ на котлы лишь при условии, что автор топки Т.Ф. Макарьев даст эскизы, спецификации и т.п.

Информация о новой топке Макарьева, появлявшаяся в советских журналах, вызвала живейший интерес за границей. К нам, на Шатурскую временную станцию, приезжали многие иностранные инженеры знакомиться с работой топки на месте. Один из них, очевидно наиболее неверующий, просидел в котельной безвыходно целые сутки. Когда котлы были смонтированы, и первый котел был затоплен в присутствии специально присланного из-за границы к пуску заводского инженера, мы сразу начали поднимать производительность котла и с легкостью прошли показания паромера с 30 на 40, а затем на 50 и 60 кг [образуемого пара в час] с м² [поверхности котла]. Приезжий инженер пришел в ужас и потребовал немедленно залить топку и прекратить испытание, что на этот раз мы для успокоения его и сделали.

Вопрос о заказе первых турбин для Шатурской станции так же не обошелся без серьезных технических споров. Имея в виду соорудить не только образцовую, но и крупную торфяную районную электростанцию, руководство строительством потребовало установки наиболее мощных и технически наиболее, совершенных машин.

Это было связано с известным риском, ибо в 1923 г. наибольшая мощность, парового турбинного агрегата составляла всего 10 тыс. квт, причем такие машины работали при 1500 об/мин. В то время шли горячие споры: одни доказывали необходимость переходить на мощные турбины с 3000 об/мин, другие соглашались строить такие машины, но мощностью не более 10000 квт. В решении чисто технических вопросов решающее слово принадлежало нам, представителям двух комиссий по заказам оборудования, и для Шатуры были заказаны мощные (по тому времени) агрегаты по 18000 квт, а для Штеровской и Горьковской районных станций – по 10000 квт. (25-летие Шатурской грэс имени В.И. Ленина. «Электричество», №11, 1950)

В 1925-м, в год пуска первых двух агрегатов на Шатурской станции случилось ЧП:

Грозой был выведен из строя генератор. Вся трудовая жизнь на стройке замерла <...>. На ремонт генератора требовалось не менее двух недель. Такой срок срывал график всех строительных работ станции. Молодой электромонтер коммунист Н.Н. Макалкин, беспартийные рабочие Глебов, Каменский, Ефремов под руководством [беспартийного] инженера Классона, работая день и ночь, отремонтировали генератор в четверо суток. (Из книги «Свет над Россией», Госполитиздат, 1960)

Сопоставим два документа. Первый был опубликован во многих советских газетах, но и эмигрантский «Руль» (Берлин) 8 декабря тоже его перепечатал:

Открытие Шатурской электрической станции (Москва, 7.12)

Советское телеграфное агентство сообщает:

В воскресенье [6 декабря] в Шатуре состоялось торжественное открытие государственной электрической силовой станции, постройка которой была начата в 1923 году.* Станция отапливается торфом и развивает 65000 л.с. [48000 квт в трех агрегатах, лишь в 1927 г. – МК] Она будет снабжать часть фабрик московского района электрическим током. В постройке станции кроме советских предприятий участвовали германские, чехословацкие и английские фирмы. Это с удовлетворением было отмечено Троцким, открывшим станцию в качестве начальника государственного электротехнического бюро. Французский посол Эрбетт приветствовал открытие станции от имени дипломатического корпуса.

* Рабочий пуск первого агрегата мощностью 16 тыс. квт (без почетных гостей) состоялся 23 сентября 1925 г., второго (уже с почетными гостями) – в означенную здесь дату, третьего – лишь в 1927 году.

Второй документ был опубликован значительно позже, уже в послесоветские времена, в ряду писем Л.Б. Красина жене Л.В. Миловидовой за границу:

5 декабря [(продолжение письма от 4 декабря 1925 года)]

Миланчики мои! Должен кончать письмо, ибо почта уходит в 1 час, а у меня в 12 уже Совнарком, куда надо хоть на 20 м[инут] захватить. Стоит у нас полная зима, сейчас около 10 мороза, снег ослепительно сияет на солнце, чудный воздух. Завтра открытие Шатуры. Гости в особом поезде выезжают в 9 утра из Москвы, а в 8 вечера нас уже доставят обратно в Москву. Станция фактически уже работает 2 месяца без сучка без задоринки, как заведенные часы, и является действительно образцовым сооружением, которое не стыдно показать любым Европам и Америкам.

По-видимому, непосредственно в «особом поезде» или же по прибытии его на Шатуру встретились старые знакомые и новые «совтоварищи» – Р.Э. Классон, Л.Б. Красин, начальник строительства А.В. Винтер, Л.Д. Троцкий и другие советские чиновники. Лев Давидович в феврале 1926 года пришлет соболезнование в связи со смертью Роберта Эдуардовича...

Отметим, кстати, явное или невольное вранье Л.Б. Красина: «Станция фактически уже работает 2 месяца без сучка без задоринки, как заведенные часы, и является действительно образцовым сооружением, которое не стыдно показать любым Европам и Америкам». 29 сентября 1925 года «Шатурка» стала «спусковым механизмом» тяжелейшей системной аварии в Московской энергосистеме (см. ниже).

Вернемся в год 1920-й, в декабре Р.Э. Классон направляет в ГОЭЛРО уже упоминавшуюся обширную докладную записку, где, по сути, поставил жесточайший диагноз насажденному большевиками централизованному планированию.

Оказывается, в своем неприятии военного коммунизма Роберт Эдуардович совпал с Л.Д. Бронштейном-Троцким, который еще в феврале 1920-го, побыв перед этим несколько месяцев на Урале, представил в ЦК проект замены продовольственной разверстки хлебным налогом и введения товарообмена с деревней.

Предложение было тогда в ЦК отвергнуто одиннадцатью голосами (включая В.И. Ульянова-Ленина) против четырех. См.: Лев Троцкий. Моя жизнь.

Правда, это версия самого Л.Д. Бронштейна-Троцкого. В то же время американский историк Стивен Коэн в своей книге – Бухарин (политическая биография, 1888-1938), «Прогресс», М., 1988 – отмечал, что Л.Д. Бронштейн-Троцкий в нэпе увидел первый признак вырождения большевизма и утраты радикального характера русской революцией. Его предложения о диктатуре промышленности, развертывании трудовых армий, необходимости «крови и нервов» для достижения цели, при внешнем левачестве, были, по мнению С. Коэна, крайне опасны.

А летом 1919-го Особый отдел ВЧК раскрыл очередную контрреволюционную организацию – «Национальный центр». И у главы его Московского отделения, бывшего кадета Н.Н. Щепкина была изъята существенно более радикальная (чем замечания Р.Э. Классона) и обширная «Программа экономического возрождения страны», которую составили «буржуазные спецы» Яков Маркович Букшпан и Лев Борисович Кафенгауз («Неизвестная Россия. XX век», т. 1, 1992).

Но вернемся к упомянутому документу. Выдержки из записки «В ГОЭЛРО» публиковались в книге М.О. Каменецкого (Роберт Эдуардович Классон. Госэнергоиздат, 1963). Однако советская цензура опустила наиболее одиозные примеры, которые он приводил в обоснование своих предложений по скорейшей отмене не только существовавшего в то время военного коммунизма, но и многих абсурдных положений т.н. «плановой экономики».

Вот, между прочим, яркий пример «эффективности» «добровольного труда» в свободное от работы время:

На одном из московских вокзалов на субботнике работало 6 000 человек. Им была дана задача перенести рельсы из одного склада в другой. Когда рельсы были перенесены, выяснилось, что эта работа не нужна, и, наоборот, рельсы должны лежать в первом складе, и их тотчас же пришлось нести обратно. Здесь, несомненно, был очень интенсивный труд, но не было организации.

В связи с этим Р.Э. Классон предложил большевикам обратить особое внимание на оптимизацию организации труда:

<...> Если подсчитать количество труда, затраченного на производство каждого данного продукта, то оказалось бы, что оно во много раз больше, чем при прежнем неорганизованном производстве, регулируемом только законами рынка, без всякой государственной регламентации.

Для того чтобы бороться с этим злом, предстоит произвести полную мобилизацию всех сил, преимущественно интеллигентных, и необходимо во главу угла поставить вопрос организации. Председатель ГОЭЛРО [Г.М. Кржижановский] в своем докладе указал на необходимость повысить производительность труда тремя способами: интенсификацией, механизацией и рационализацией труда.

Несомненно, что все эти три фактора тесно переплетаются друг с другом, и с четвертым фактором – организацией. Но, мне кажется, в первую голову надо поставить вопросы организации промышленности, а затем уже к ним применять перечисленные методы.

Далее Роберт Эдуардович резко критиковал тотальную централизацию управления народным хозяйством, породившую чудовищную схему составления, рассмотрения и утверждения фантастически огромных заявок на потребные материалы и работы и приводил конкретные примеры.

Например, такой:

Как раз в настоящее время электрические предприятия составляют сметы своей потребности в материалах на первое полугодие 1921 г. С этой целью Электроотделом [Госплана] указана точная инструкция и указан подробный перечень того, что должно быть сделано. <...> При этом указывается, что все, что будет пропущено и не указано заранее в смете, впоследствии не будет дано, хотя бы в этом была настоящая потребность. Эта оговорка совершенно несообразна, а результаты ее еще более несообразны: если можно будет получить материал только в том случае, если он упомянут в смете, притом не только упомянут, но и указано количество, которое потребуется, то единственный выход – указать все материалы и против них поставить возможно большее количество, так как иначе рискуешь, пропустив материал, впоследствии его не получить.

В частности МГЭС представила огромную сводную смету, состоящую из 19 отдельных смет, каждая во многих экземплярах, словом, огромное количество бумаги, заполненное цифрами. И все эти цифры совершенно нелепы, т.к. пришлось указать потребности, в частности, для железа – на все сорта железа, какие имеются.

Конечно, фактически не понадобится даже десятой доли, а может быть и сотой доли того, что написано, но приходится исполнять строгое предписание центра и перечислять на всякий случай вещи, которые, может быть, понадобятся, а, может быть, и не понадобятся.

Так как это делают все предприятия, то сводная ведомость приобретает фантастические размеры, а соответствующий главк, в данном случае Продрасмет для смет на железные изделия, получит чудовищную, ни с чем не сообразную смету по всем заводам, вероятно в сотни раз превышающую фактическую потребность и возможность изготовить.

Не исполнять этих смет нельзя, центр их требует, и критика не допускается. Результаты составления смет явно нелепы, и работа произведена не в государственном масштабе, а, напротив, в антигосударственном: затрата труда огромна, как на проставление цифр, так и на переписку целых фолиантов смет.

В ф. 9508 РГАЭ, кстати, хранится одна из подобных анекдотических «отдельных смет», по которой МГЭС приходилось заказывать разнообразную техническую и канцелярскую мелочь:

<...> свечей – 10 пудов, спичек – 5 ящиков, <...> клея столярного 10 пудов, <...> замков висячих разных – 150 штук, замков шкафных врезных – 50 штук, [измерительных] метров – 20 штук, аршинов – 20 штук, толя кровельного – 100 кусков, железа кровельного – 300 пудов, <...> шурупов с полукруглой и плоской головкой для дерева 1" №5 и 6, 1½" №7 и 9, 2" №10 и 12, 2½" №9 и 12 и 3" №10 – по два комплекта по 5 gross [144 шт.], <...> серебра для предохранителей – 1 пуд, батареек для карманных фонарей – 500 штук, лампочек к ним – 500 штук, ламп электрических 120 вольт 10, 16, 25, 33 и 50 свечей – по 300 штук, можно заменить угольными, ламп экономических 120 вольт 100, 200 и 300 свечей по 50 штук, ламп электрических 120 вольт 600, 1000 и 2000 свечей по 10 штук, <...> щеток половых – 200 штук, щеток-сметок – 100 штук, кистей малярных – 100 штук, бумаги упаковочной – 20 пудов, вязки (шпагата) – 10 пудов, <...> тряпок аптекарских – 50 пудов, швабр мочальных – 200 штук, метел – 1000 штук, лопат деревянных – 1000 штук, лопат железных – 100 штук, ведер железных разных размеров – 50 штук, бидонов железных [емкостью] от 10 фунтов до 1 пуда – 20 штук, машин пишущих – 7 штук, лент для пишущих машин – 50 штук, <...> карандашей чертежных «кох-нор» – 2 дюжины, кальки полотняной – 10 рулонов, бумаги светочувствительной – 50 рулонов, бумаги ватманской – 100 штук, туши черной – 15 флаконов <...>.

В докладной записке «В ГОЭЛРО» Р.Э. Классон так продолжал разоблачать абсурдную идею централизованного снабжения:

Как это ни странно, но чрезмерная централизация приводит к фактической децентрализации во многих случаях. Так, например, необходимость обращаться за всякими материалами в центры приводит к тому, что, помимо центральных органов снабжения, каждое предприятие должно иметь свой собственный орган снабжения и так называемых «толкачей», без которых никакая работа сейчас идти не может.

По идее каждый главк должен снабжать учреждения необходимыми материалами и отпускать их со своих складов. На деле – каждому предприятию приходится содержать огромный штат людей, которые сами разыскивают эти материалы или за ними ездят в разные города. Для примера укажу на то, что недавно МГЭС должна была послать одного агента в Коломну за 200 штук рогож, другого агента – на Урал за асбестом, третьего – за пятью пудами гипса в Саратов, четвертого – за резиновыми кольцами в Переславль-Залесский и т.д.

Все эти люди обременяют железные дороги, сами ездят в тяжелых условиях, непроизводительно затрачивают свое время, но другого способа нет. Если не посылать агентов, то ничего доставлено не будет и материалов получить нельзя.

С государственной точки зрения, это является хищническим расходом человеческого труда, благодаря несовершенству организации. Через центральные учреждения можно провести какую-нибудь бумагу только в том случае, если о ней напоминать. Бумаги, о которых не напоминают, считаются устаревшими и сдаются в архив. Если предприятие хочет интенсивно работать, оно должно иметь большой штат этих толкачей. И чем больше толкачей, тем лучше предприятие снабжается.

Схема централизованного снабжения, как известно, просуществовала до самого конца правления большевиков, а в ее рамках существовала миллионная армия «толкачей».

Роберт Эдуардович продолжал отважно подкапываться под большевистскую плановую экономику и уродливые «советские учреждения»:

Центральные учреждения переполнены огромным количеством служащих, далеко превышающим всякую потребность, и эти огромные тяжеловесные механизмы задыхаются от собственной громоздкости и не могут работать. При капиталистическом строе всякое плохо организованное предприятие не выдерживало конкуренции с другими и естественным отбором уничтожалось. Сейчас дело происходит, к сожалению, наоборот: чем хуже организовано учреждение, чем оно бестолковее, тем больше оно влияет на соседние, соприкасающиеся с ним учреждения, заражая их и заставляя держать лишний персонал.

С хорошо функционирующим учреждением можно работать по телефону или деловой перепиской. Если же предприятие плохо организовано, то каждое письмо приходится повторять по нескольку раз. И, наконец, в самых плохих учреждениях приходится постоянно держать людей, которые «протаскивали бы» письма из одной комнаты в другую и следили бы, чтобы дело не задерживалось. В некоторых учреждениях надо сидеть безотлучно, иначе дело вести нельзя. Конечно все эти толкачи и «напоминатели» являются совершенно бесполезным и даже вредным, с государственной точки зрения, элементом.

Уже в 1920-е централизованная организация производства с миллионной армией «толкачей» и «напоминателей» породила чудовищно неэффективную экономику:

Почти никто не боится бесполезной, ежедневной затраты труда сотен и тысяч людей, но почти все боятся больших цифр, большого числа денежных знаков. «Миллионы» [рублей] пугают людей, и зачастую спешные и важные работы остаются неисполненными только потому, что пугают цифры.

Нельзя заплатить специалисту – кузнецу или слесарю дороже ставки, но можно послать того же слесаря хотя бы на Урал за несколькими пудами асбеста, и потеря его рабочего времени от такой несообразной поездки ни во что не ценится. Нельзя купить пуд гипса дороже твердых цен, но можно послать за пятью пудами гипса, как это нам пришлось сделать, в Саратов. Ясно, что саратовский гипс [при доставке в Москву оказался] в десятки раз дороже самого дорогого гипса, купленного в Москве. Можно тратить сколько угодно ценностей в скрытой форме, можно жечь без всякого смысла драгоценное топливо, но нельзя заплатить сотни тысяч за переустройство топки, если эти сотни тысяч, деленные на рабочие дни, превышают ставки.

В погоне за экономией денежных знаков, потерявших всякую ценность, приносятся в жертву реальные ценности, иногда совершенно незаменимые, имеющие огромную ценность. Летом этого года, после взрывов на Ходынском поле и повреждения складов, два электромотора стояли под открытым небом, и мы их хотели взять, нуждаясь в этих моторах для торфяных работ. Но после получения, наконец, разрешения мы не могли их перевезти к себе, так как стоимость перевозки на ломовых извозчиках не утверждалась соответствующим учреждением.*

Само же учреждение смогло перевезти моторы только поздней осенью по окончании [торфяного] сезона, когда моторы уже много раз были под дождем, вероятно, испортились, и когда надобность в них уже миновала.

Наконец, Р.Э. Классон вкратце охарактеризовал громоздкую командно-бюрократическую систему, которая, с некоторыми модернизациями, опять-таки дождалась до самого краха большевистского режима:

Работа на заводах чрезвычайно трудна еще потому, что всюду слишком много начальства. Взять хотя бы МГЭС: помимо прямого естественного начальства, в виде Центрального правления, Электроотдела [Госплана] и ВСНХ, кто только не приказывает и не предъявляет требований Московской станции – тут и Главтоп, и Москвотоп, и Автосекция, Автобаза, транспортные учреждения, Комитет обороны, профессиональные союзы, всевозможные «тройки».

*Словом целый ряд учреждений отдает распоряжения, грозит, требует и, так или иначе, вмешивается в жизнь станции. От всех этих учреждений приходится отписываться, сноситься с ними, и реальную работу делать некому и некогда.***

* Не повезло и крупному артскладу на Ходынке, образованному так же при царе (станция «Военное поле» Окружной ж.д.). Именно здесь вечером 9 мая 1920 года начался пожар в помещении с динамитом и пироксилином, быстро распространившийся по всей территории и продолжавшийся вплоть до 12 мая. Мощные взрывы артснарядов начались немедленно, а большие количества неразорвавшихся снарядов оказались разбросанными по всем окрестностям. Во время пожара полностью сгорели все до одного хранилища артбоеприпасов (24 сарая-барака), а также пострадали многие соседние здания. – Из Интернета

** Для подкрепления и дополнения тезисов Р.Э. Классона в докладной записке в «ГОЭЛРО» приведем хлесткие материалы эмигрантского «Руля», выходившего в Берлине.

1) За 29 апреля 1921 г., статья «Большевистский «квартет»»:

23-го марта, под жирными кричащими заголовками, сов. газеты опубликовали 5 декретов совнаркома, «проводящие коренную реформу всего хозяйств. аппарата республики», реформу, состоящую в «создании единого хозяйств. центра». Обсуждая эту великую реформу, сов. пресса не жалеет красок в описании того, как плохо обстояло дело до 23 марта. «Организм сов. республики, – говорит «Эконом. Жизнь» (№62), – болен бюрократическим извращением, волокитой, параллелизмом, несогласованностью отдельных частей. В результате полнейшей беспланности – тягчайший хозяйств. кризис». Признание любопытное и довольно неожиданное, если принять во внимание, что доселе большевики во всем ссылались лишь на «империалистов и белогвардейцев». «Эк. Ж.» констатирует, что «создался аппарат, в котором нам самим сейчас приходится разбираться и “копаться”, чтобы получить его ясную картину.

Мы не знали, сколько же за 3 года наплодилось всяких междуведомственных комиссий и совещаний, постоянных и непостоянных». В результате длинных и кропотливых археологических раскопов, в дебрях сов. механизма, большевистским Шлиманам удалось насчитать 50 постоянных междуведомственных комиссий и штук 30 непостоянных, которые однако всеми способами стремились стать постоянными. Число чрезв. комиссий и всякого рода уполномоченных, особых и чрезвычайных, осталось невыясненным. «Будущему историку придется серьезно поработать», – меланхолично замечает газета. Если у семи нянек дитя осталось без глаза, то у 80-ти плюс некоторое неизвестное, бесконечно большое число – младенец оказался при последнем издыхании. «Каждый, подчас даже маловажный вопрос не обходился без ведомственных недоразумений, трений, несогласованности и, наконец, “драчки”». Все эти беспорядки большевики теперь решили устранить раз и навсегда. Все дело в отсутствии плана. Архимеду нужна была точка опоры, чтобы перевернуть земной шар, большевикам нужен лишь «единый план», чтобы Россия вновь стала счастливой и богатой.

Продолжение примечания

И вот приступлено к выработке этого плана. «Схема учреждений, которым это поручается, в достаточной степени проста и стройна» («Эконом. Жизнь» №62). Прежде всего, при СТО учреждается общеплановая комиссия, «для разработки единого общегосударственного хозяйственного плана, способов и порядка его осуществления» комиссии даны чрезвычайно широкие полномочия и права вплоть до того, что ее председателю «предоставляется право непосредственного доклада председателю совета труда и обороны» (!). Расходы по содержанию комиссии производятся из специальных кредитов, а пока что ей отпущен аванс в размере 300 миллионов рублей. «Для устранения параллелизма и несогласованности, для увеличения стройности и упрощения экономического аппарата и создания правильности его частей» учреждаются еще и отдельные плановые комиссии при каждом комиссариате. Все существующие междуведомственные комиссии упраздняются, и впредь их воспрещено образовывать, по крайней мере, «по вопросам, входящим в компетенцию плановых комиссий».

Далее план развивается с необыкновенной простотой. Так напр. «центральная производственная комиссия при В.С.Н.Х. должна впредь заниматься составлением этого плана программы и всей работы В.С.Н.Х. с деятельностью других наркомов [(наркоматов)]. В состав ее входят: председатель, 3 спеца, по одному представителю В.Ц.С.П.С., наркомтруда, Ц.К.П.С. и завед. главуправлением главтопа. Представителям наркомвоенна (или чусс [Чусоснабарма]) и наркомзема дается решающий голос только по вопросам их касающихся. Представители Н.К.В.Т. и комиссии использования, а также и других ведомств, пользуются лишь совещательным голосом (разд. II, §1-2). Промвоенсовет переходит в В.С.Н.Х., причем по отношению к предприятиям военного отдела председатель В.С.Н.Х. получает права чусоснабарма». Ясно, что после такой реформы, особенно когда председатель В.С.Н.Х. получит права чусоснабарма, советская промышленность возродится как по мановению волшебного жезла.

Плохо обстояло с транспортом – подождите, вот по разд. IV §1 «расширяются функции О.Т.К. [Особой транспортной комиссии], с предоставлением ей права включить в свое ведение предметы верхнего оборудования пути и ремонтно-восстановительные работы грузового и пассажирского флота, как речного, так и морского. Примечание к этому параграфу устанавливает, что О.Т.К. не имеет собственного аппарата и пользуется аппаратами Н.К.П.С. и В.С.Н.Х. Вместо этого упраздняются комснегопуть, эвакомсовобороны и совещание по удовлетворению ж.д. [мостовыми и] пролетными строениями». Ну вот, слава Богу, восстановили транспорт. Теперь примемся за топливо. Коренным образом реорганизуется главтоп. Коллегия главтопа упраздняется, а учреждается главное управление главтопа. Кроме того, учреждается комиссия топливного плана. В состав ее входят по два представителя... и т.д. и т.д. (следует половина алфавита, расшифровать которую все равно невозможно). [Раздел V. Топливо. §1. Учредить Центр. Комиссию топливного плана при Гл. Топлив. Комитете для установления программ топливоснабжения. §2. Центр. Комиссия топливного плана состоит из пяти лиц: председателя, которым является председатель Гл. Топлив. Комитета, и из четырех членов: зав. Гл. Управлением Гл. Топлив. Комитета и по одному представителю от Наркомата Путей Сообщения, Центр. Правления Каменноугольной промышленности и Высшего Совета по Перевозкам. – Из декрета СНК «О плановых комиссиях» от 17 марта 1921 г.]

СНК нашел, что и распределение никуда не годится, и, можно сказать, перетряс всю организацию сверху донизу. В результате получилось: «К.И. [комиссия использования] из ведения В.С.Н.Х. передается в ведение С.Т.О. (разд. VI §1). Упраздняются Чеквалап, Коснапром, междуведомств. совещание по численности армии и междуведомств. комиссия по распределению товаров с иностран. складов (§7, [пункты] а-е)». Далее – «Совет снабжения и распределения В.С.Н.Х. преобразуется в отдел снабжения В.С.Н.Х., с изъятием из его ведения составления планов распределения производимых В.С.Н.Х. продуктов». Аналогичные постановления приняты и по отношению к с.х., сооружениям, внешней торговле, финансам, сырью, заготовкам.

Так как декреты занимают целый газетный лист, что даже вкратце остановиться на них нет возможности. Всесокрушающая десница СНК пощадил пока лишь всего только 10 междуведомств. комиссий, в том числе: Гоэлро, Главкооп, совещание при Цусводе, Комитет цен, Высшую коллегия по постройке топл. ветвей и др. Относительно этих таинственных, но несомненно крайне важных учреждений, совету труда и обороны поручено месяц думать, что с ними сделать [(«Декрет СНК «О преимущественном введении в исполнит. органы наркоматов начала единоличия и о деятельности некоторых ведомственных и межведомственных комиссий» от 17 марта 1921 г.)].

Окидывая общим взглядом эту «стройную схему организации единого хозяйств. центра», «Эк. Ж.» находит, что, «хотя жизнь и будет вносить в нее те или др. коррективы, но тем не менее это первый и в достаточной степени решительный шаг по пути уничтожения ведомственной «драчки», ведомственного самолюбия и самомнения, междуведомственной неразберихи и бестолочи».

Окончание примечания

Ну что ж, быть может, если упразднить чеквалапу и заменить ее коснапромом, то ведомственная «драчка» и прекратится (мы лично в этом сомневаемся), но выиграет ли от этого народное хозяйство – that is the question! Но почему-то при чтении всех этих декретов так упорно вспоминаются слова басни:

... друзья, как ни садитесь,
Все ж в музыканты не годитесь!

В. Татаринов

2) Через 2 года, в номере за 4 июля 1923 г., статья «Самодовлеющий режим»:

С каждым днем сов. газеты становятся все более контрреволюционными. С каждым днем все отчетливее сказывается одна основная тенденция – установить, что все «реформы» большевиков, все их усилия заранее, роковым образом обречены на неудачу. В одном из последних номеров (от 26 июня) «Эк. Ж.» подходит к коренному вопросу о Госаппарате. «В настоящее время мы много говорим о нашем госуд. аппарате». Это верно. Только то и делают, что говорят и пишут. И не только в настоящее время, а бесконечно давно.

Теперь, казалось бы, пора бы прекратить разговоры. С введением Нэпа госуд. механизм усовершенствован, штаты сокращены, совместительство уничтожено. Да! На словах все это сделано, и большие завоевания в сов. прессе возвещались.

Но коварная «Эк. Ж.» заинтересовалась некоторыми конкретными данными. В октябре прошлого года была произведена перепись сов. служащих в Москве. Перепись сделана, стоила немалых денег, но результатами ее никто не интересуется, «общественное мнение республики обратило мало внимания». А между тем вместо того, чтобы много, без конца говорить, – не проще ли взглянуть в добытые цифры, которые погружают в тьму низких истин? «Эк. Ж.» рискнула это сделать и обнаружила картину поистине поразительную. Главный вопрос, конечно, в том, какое достигнуто сокращение штатов. Результат получается не весьма внушительный. Сокращение выражается в 22%. Вспоминая, что до Нэпа все русские граждане состояли на службе, можно сказать, что не менее удивительно было бы, если бы 22% было оставлено на службе, а 78% было уволено. И в таком случае скорее можно было бы говорить еще о гипертрофии чиновничьего аппарата. Однако, даже и эта цифра в 22% оказывается фиктивной. Когда «Эк. Ж.» заинтересовалась переписью поближе, то она тотчас же выяснила, что в сущности не только никакого успеха не добились, но «сделали большой шаг назад по сравнению даже с 1919 г. – временем военного коммунизма». Действительно, результаты сокращения получились изумительные. Низший персонал в 1919 г. составлял 48%, теперь он опустился до 31%. Точно такая же пропорция и для прислуги: в 1919 г. – 21%, в 1922-м осталось 17%. Здесь метла действовала усердно и беспощадно. Но зато в обратном отношении оказывается эта пропорция для чиновной аристократии советской. По переписи 1919 г. руководящий персонал составлял 9%, теперь он возрос до 16%, средний персонал с 21% в 1919 г. увеличился количественно до 36%. Иначе говоря, вся тяжесть чистки упала на стрелочников, которые по обыкновению во всем оказались виноватыми. Их преспокойно выбросили на улицу, а сов. верхи остались на месте и продолжают благоденствовать, превращая работу ревтрибуналов в Сизифов труд.

Осуществить столь удачно и блестяще реформу сокращения штатов было далеко не так просто. Для этого требовался гениальный размах, но большевикам его не занимать стать. Осуществить реформу удалось только потому, что «наши учреждения и комиссариаты разбиты на ряд мельчайших отделов, секций, бюро, столов и т.д., во главе которых и стоят эти многочисленные заведующие, пом. заведующих и т.д.». Как посравнить – вспомним великолепного Фамусова – век нынешний и век минувший. Подумайте только! «По центр. учреждениям 13-ти только ведомств оказалось 1921 такое подразделение, в то время как по всем довоенным министерствам их было только 478».

Да! где уж, куда уж! Констатируя это «завоевание революции», контрреволюционная «Эк. Ж.» меланхолически замечает: «разобраться во всех этих столах и секциях простому смертному, выражаясь мягко, конечно, необычайно трудно». Несомненно, что это выражено слишком мягко, подходящую квалификацию найти тоже было «необычайно трудно». Но какое это имеет значение? Разве положение обывателя может служить доводом? Аппаратик ведь сам себе довлеет, и «Экон. Жизнь» сама указывает, что подразделения вводятся для того, чтобы хорошо оплачивать служащих.

Смешно поэтому, что газета призывает уделить этому явлению «приспальное общественное внимание» и предлагает проекты. Ибо вся статья «Эк. Ж.» ясно говорит о том, что какие бы реформы ни предпринимались, они неизбежно дадут те же результаты. И несомненно, что газета это и сама понимает, и если лепечет что-то о реформах, то лишь для того, чтобы смягчить контрреволюционный тон.

А совчиновники, естественно, не решались принимать на себя какую-либо ответственность:

Кроме боязни траты денег большинство учреждений боится еще разрешать что-нибудь. Если учреждение не разрешает чего-нибудь, то оно за это никакой ответственности не подвергается. Если же оно разрешает, то как бы принимает на себя ответственность за это. В результате проще и спокойнее не разрешать. И так всюду и делается: одно учреждение пересылает проекты и сметы в другое, никто не хочет взять на себя смелости решить, и все ограничиваются отписками и указаниями на несоблюдение формальностей. В результате всякая реальная работа стоит, если не совершать правонарушений и не превышать ежедневно своей власти.

Заводоуправление все время колеблется между техническими и юридическими преступлениями: не произвести данной работы нельзя, так как это преступно, ее необходимо сделать в интересах обеспечения города энергией, произвести же работу юридически нельзя, так как она не разрешена, не утверждена. Все время идут колебания в ту или другую сторону. Причем дело еще усложняется угрозами привлечения к суду, как за технические неисправности, так и за превышение власти. Повторяю, условия работы так тяжелы, что спокойнее сидеть где-нибудь в Центральном органе и предписывать другим, стоя вдали от жизни.

«Угрозы привлечения к суду» – это вовсе не красивая фраза, и Роберт Эдуардович вместе с сотрудниками испытывал подобные угрозы, как мы уже видели, на собственной шкуре. Командно-административная система, не оставив предприятиям каких-либо прав, породила в то же время тотальную подозрительность со стороны контролирующих органов:

Самостоятельной работе предприятия препятствует господствующий взгляд, что каждого человека надо строжайше контролировать, не давая ему никакой свободы действий. А priori считается, что каждый человек – мошенник, и если не будет за ним контроля, то он непременно украдет. В этом отношении постановка дела в крупных капиталистических предприятиях была более правильная. Там для крупных должностей выбирались лица, в честности которых можно быть уверенным. Их ставили в благоприятные жизненные условия, предоставляя им полную возможность удовлетворять все свои потребности крупным получаемым жалованием. Пока человек не уличен в воровстве и недобросовестности, до тех пор он имеет право требовать к себе безусловного доверия. Если теперь наблюдается огромный процент преступлений с так называемой корыстной целью, и если большинство преступлений падает на интеллигенцию, как это было засвидетельствовано одним из трибуналов, то это не удивительно. Всеобщая нужда неизбежно создает преступников, а те слои населения, которым приходится тяжелее всего, естественно дают наибольший контингент преступников.

Неповоротливая командно-административная система в то же время стимулировала кадровую чехарду:

Во всех учреждениях происходит непрерывная смена лиц. Работа идет плохо, и вина за это взваливается не на самую организацию, а на лицо, стоящее во главе. Лицо это сменяется другим лицом, но так как сама организация остается прежней, то, естественно, через несколько месяцев опять происходит неизбежная смена лиц. Если же происходит реорганизация, то она ограничивается или изменением числа лиц или той или другой перегруппировкой лиц, но не касается самой сущности постановки дела. Благодаря этому получается чрезвычайная неустойчивость.

Неустойчивость увеличивается еще тем, что подчиненный орган зачастую отменяет и изменяет постановления высших органов, и даже санкции самых высших органов Республики не гарантируют, что то или другое дело будет фактически исполняться.

Пример. Спешность постройки Иваново-Вознесенской районной станции [на торфе] была признана Центральным электротехническим советом, затем Электростроем, ГОЭЛРО и, наконец, признана и утверждена Советом [Труда и] Обороны. Казалось бы, вопрос кончен. Однако в течение последних 5-6 месяцев подготовительные работы на Иваново-Вознесенской станции два раза останавливались и два раза вновь начинались. Несмотря на то, что, казалось бы, постановление СТО не дает возможности никаких толкований в ту или другую сторону. Два раза работы начинались, два раза разлаживались и теперь еще находятся в неопределенном состоянии.

Естественно, что такая неустойчивость вредно отражается на ходе работ, и это явление должно быть коренным образом устранено.

Р.Э. Классон попутно пытался разоблачить и наивную веру большевиков во всеильность «партийного руководства»:

Рациональная организация промышленности чрезвычайно затрудняется распространенным взглядом в некоторых правящих кругах, что эта организация может быть поручена людям экономически и технически совершенно не подготовленным, но вполне политически благонадежным.

Очень резко эта точка зрения была проявлена в прошлом году в письме с Урала, напечатанном в «Экономической жизни», где описывалось тяжелое положение Уральских заводов, разоренных во всех отношениях. Это письмо заканчивалось ликующей нотой, указывалось, что приехал тов. Преображенский и «привез двенадцать коммунистов». Таким образом, указано было в письме, «двенадцать Уральских заводов будет спасено и поставлено на ноги». Суровая действительность, конечно, не замедлила разбить эти детские наивные мечты. Но эта точка зрения продолжает и теперь зачастую проводиться. И пока она господствует, до тех пор ни о каком восстановлении и организации промышленности не может быть и речи.*

Следом разоблачалось «всезнание партийно-советских чиновников»:

В основе принципа сосредоточения всех разрешений в центральных органах лежит основная, совершенно неверная мысль, что всякий чиновник центрального управления компетентен решительно во всем, что ему представляется на рассмотрение. Это приводит к совершенно бесплодной трате времени и труда. Например, опытный инженер промышленного предприятия требует предоставления предприятию известной машины или станка. Для проверки центральное учреждение присылает молодого, совершенно неопытного инженера, который спрашивает первого [встречно], узнает от него, какую роль играет каждая машина или станок в предприятии, отнимает у него много времени и затем, на основании услышанного, дает свое заключение. Это еще наиболее благоприятный случай, когда для контроля присылают хотя бы неопытного, но все же инженера.

* Речь идет о сов. парт. деятеле Евгении Алексеевиче Преображенском (1886-1937), который до января 1919-го был председателем Президиума Уральского областного комитета РКП (б), а затем стал членом редколлегии «Правды» и уполномоченным ВЦИК по Орловской губ. В октябре 1919 г. Преображенский совместно с Н.И. Бухариным написал книгу «Азбука коммунизма». Авторы «Азбуки коммунизма» предполагали, что пролетарская власть Сов. России планомерно развернет политику «военного коммунизма» во все отрасли хозяйства, введет центральное планирование промышленности взамен рыночных механизмов, подтолкнет коллективизацию в сельском хозяйстве в форме добровольных совхозов, коммун и колхозов, которые начнут на рынке состязаться с личным крестьянским хозяйством.

Нередки случаи, когда решение о необходимости поставить тот или другой станок зависит от людей совершенно не компетентных, не имеющих понятия ни о производстве, ни о роли данного станка.

*Такое представление, что чиновник центрального правления, особенно если он политически правоверен, может все что угодно и во всем компетентен, отнюдь не является особенностью переживаемого момента. И раньше в России этот взгляд был очень распространен, чиновник всегда считался компетентным, независимо от своей подготовки и своих знаний. Тот же взгляд господствовал и в городских самоуправлениях. Раз человек избран, например, членом Управы, считалось, что на него нисходит «благодать», и он все знает и все может делать. Недаром в последней Московской [городской] Управе инженер Малинин заведывал медицинской частью, а доктор Дувакин заведывал технической частью.**

* Владимир Феодорович Малинин (1873-1943) окончил Императорское техническое училище в 1895 г., в звании инженера-механика. В московской Управе курировал городские больницы, относился к партии октябристов. Эмигрирует после октябрьского переворота и «попадает в историю» (в газеты) тем, что 12 января 1924 г. сделает доклад в пражском Союзе инженеров о влиянии Нэпа на текстильную хлопчатобумажную промышленность.

Выпускник Московского университета Дмитрий Дмитриевич Дувакин (1854-1934) был практикующим врачом, входил в состав московской Думы как член Управы, часто поддерживал прогрессистов, в 1907 г. при поддержке прогрессистов выдвигался в Товарищи Городского Головы. Начиная с 1905 г. курировал Управление городских электрических железных дорог.

Что касается большевистского режима, то и через 2 года ситуация с «политически правоверными» ничуть не изменится. Из заметки «Всезнайки» в берлинском «Руле» от 27.4.1922:

В №72 «Правды» Як. Окунев передает свои впечатления с XI съезда Р.К.П. Основное убеждение делегатов, что «революционер должен все уметь». Репортер приводит примеры всезнайства делегатов, по его мнению, хорошо справлявшихся и с военным, и с торговым и агрономическим делом, не зная ни одного из них [досконально]. <...>

Из «первоисточника», т.е. «Правды» №72 от 30.3.1922:

Среди делегатов [XI съезда Р.К.П.]

<...> У окна сгрудилась группа делегатов. Притиснутая к подоконнику высокая сухая фигура с измученным зеленым лицом, с копной волос, прихваченных взморозью седины, но с горячими молодыми глазами, выдавливая из себя хриплый кашель, говорит:

– Научились воевать, когда нужен был этот метод [осуществления] революции, научимся и новому методу борьбы – торговать. Вот я никогда до революции не имел касательства к военному делу, а понадобилось – научился.

– Революционер должен все уметь, – поддерживает его товарищ в кожаной фуражке блином.

И тут же рассказывает, как он в своей какой-то лесной дикой губернии, без людей, без навыка, забрал в руки всех местных «спецов» и как они теперь работают:

– Сначала относились с боязливостью. Что, дескать, вы – коммунисты умеете путного делать в коммерции? Но когда поняли, что тут и им перепадет кое-что, принялись за дело, и оно пошло.

Скептик в гимнастерке качает головой:

– Ой, обдуют они вас, эти спецы по коммерции!

– Не без этого. Раз обдуют, другой раз, а в третий – дудки.

Седого делегата я знаю. Он много и подолгу сидел в тюрьмах в царское время, в годы революции я столкнулся с ним в одном западном городке, в военкомате, где он, точно заведомый военный спец, толково и умело руководил военной работой в гарнизоне. И так же, как тогда он сыпал военными терминами, так и теперь уверенно говорит о какой-то сложной коммерческой комбинации, которую он затеял с целью наладить разработку леса в своем уезде. <...> Может быть, мы еще далеко не умеем делать практическое дело строительства, но партия, гибкая как стальной клинок, овладеет и новым революционным методом борьбы, методом Нэпа. В двери круглого [Свердловского] зала вливается вся эта волна делегатов. Рассаживаются по местам. Начинается заседание. Необычные ни для одного партийного съезда в мире доклады – о финансовом вопросе, о валютном вопросе, о способе бить капитализм его же оружием. И люди, умевшие только драться на баррикадах, сидеть в тюрьмах, жертвовать своей жизнью, сумевшие, когда потребовалось, стать военными, сумеют сделаться финансистами, купцами, агрономами, сумеют, овладев Нэпом, разбить капитализм его же оружием.

Сия тема весьма обширна, поэтому отметим лишь, что в 1991 г. социализм все же проиграл капитализму.

Затем Роберт Эдуардович констатировал такое идиотское советское явление как «анкетная мания»:

Чрезмерное вмешательство центральных учреждений в жизнь отдельных предприятий сказывается, между прочим, в феноменальном росте бесполезных и никому не нужных анкет. <...> Каждое учреждение требует анкеты на свой образец. Каждый молодой человек, поступающий в центральное учреждение, где для него нет реальной работы, бросается на анкеты. Анкетные требования предъявляются к нам в невероятном количестве, притом в самой категоричной форме, с угрозами.

И на составление этих анкет, от которых нет, в огромном большинстве случаев, никакой пользы ни нам, ни центральным учреждениям, тратится все время персонала.

Настоящая же деловая статистика совершенно не ведется, так как для нее не хватает времени. Анкеты в большинстве случаев настолько не продуманы, что на них даже отвечать трудно. Нас, например, спрашивают, сколько пара испаряют наши котлы, [u] ответ требуется немедленно под угрозой.

На это мы отвечаем, что котлы в разное время года и в разное время суток испаряют различное количество пара, и спрашиваем, что собственно интересует составителя анкеты. Возникает большая переписка по данному вопросу.

Недавно мы должны были спешно дать справку, сколько людей у нас пьет чай ежедневно и по сколько раз в день. Это не анекдот, а факт. Затем спрашивают, сколько у нас печей, и сколько раз у нас берут ванну. Все это делается для выяснения расхода топлива. А когда мы тратим [на электростанции] сотни пудов топлива без всякого смысла, только из-за того, что нам не дают химического реактива, который нужен для контроля условий сгорания топлива, то на это никто не обращает внимания. А между тем расход этого зря истраченного топлива в сотни раз больше, чем расход на питье чая.

Предлагаем будущим историкам покопаться, изменилось ли что-нибудь в этом анкетном идиотизме после того, как председатель СТО В.И. Ульянов-Ленин в июне 1921-го направил письмо руководителю ЦСУ П.И. Попову с предложением срочно заняться «обслуживанием практических надобностей социалистической реорганизации». В т.ч. – статистическим мониторингом «усиления производства топлива, его доставки, экономии в его потреблении, способов проверки этой экономии».*

* По-видимому, «анкетная мания» при нэпе только укоренилась. 22 июня 1923 г. берлинский «Руль» процитировал «Правду»:

В той же газете [«Правда»] мы находим указания на то, что [многочисленные] администраторы каторжно трудятся. Да и как им не трудиться? Каждый трест обязан ежемесячно доставлять в Москву ответы по 70-ти формам статистических сведений. В этих формах содержится «1077 вопросов, по которым надо дать 12,5 тыс. ответов, и если к этой со вкусом подобранной коллекции прибавить в качестве чисто любительского дополнения еще 211 вопросов по 5-ти 3-месячным формам с 703 цифровыми ответами на них, то в общем итоге получается уже совсем недурной ассортимент в 13 тыс. ответов кругло, которые засим и распределяются между центральными едоками в порядке ведомственной жадности и статистического их аппетита».

А 24 июня «Руль» привел еще более ужасающую ссылку на главный печатный орган коммунистов:

Какой-то тов. Халатов [недавний член коллегии Наркомпути, а с 1923 г. председатель АО «Транспорт» – МК] удостоверяет в той же «Правде», что приведенные астрономические цифры ответов, которые промышленность должна давать на рассылаемые бесчисленные анкеты – отнюдь не рекордные. Нас хотели, говорит он, испугать какими-то 60 тыс. форм и 13 млн. ответов, а вот по ведомству Наркомпути этих самых форм выработано 135 тыс., а ответов требуется 72 миллиона.

Мы не будем здесь разбираться в явных нестыковках (на 3 порядка!) и отсылаем профессиональных историков к оригиналам (т.е. к «Правде» и в архивы). Кстати, при «неонэпе» «анкетная мания» продолжала, похоже, расцветать – см., например, «Руль» от 1 июля 1925 г., с пересказом публикации в «Эконом. Жизни»:

Лишь одно ЭКУ ВСНХ должно получить в течение года 12 000 пакетов со статистическими простынями и 18 млн. цифровых данных на них.

В своей докладной записке «В ГОЭЛРО» Р.Э. Классон коснулся и такого поразительного факта, как невыгодность квалифицированного труда (потому что он регламентирован ничтожными ставками, которые обесценились из-за чудовищной инфляции), по сравнению с еще не регламентированным вознаграждением чернорабочих, и реакционной роли профсоюзов в создании этого парадокса:

Со всех сторон раздаются жалобы на недостаток квалифицированных работников, и действительно квалифицированных работников не хватает, их насильственно привлекают, мобилизуют отовсюду, и все-таки их нет.

Объяснение этого явления чрезвычайно простое, но его почему-то не решаются указать. Дело в том, что квалифицированным работником быть сейчас невыгодно, настолько невыгодно, что квалифицированные работники скрывают свои знания и работают, если только это возможно, как чернорабочие или же по другой специальности, которую еще не успели регламентировать. Слесарь, кузнец, токарь должен работать исключительно по ставкам, в лучшем случае с премией и со сверхурочными. Заработок даже при премии совершенно ничтожен и прокормить никого не может, так как ставки давно отстали от жизни и представляют полнейший анахронизм.

Профессиональные союзы крепко держатся за свои разряды и ставки, хотя жизнь давно доказала явную несообразность их и крайнюю вредность. Во время торфяных работ этого года среди чернорабочих торфяников попадались люди, которые очень ловко и умело обращались при случае со слесарным инструментом. Это были опытные слесаря, но они это тщательно скрывали, так как, работая слесарями, они могли бы заработать гроши. Работая же как чернорабочие по торфу, они получали большой торфяной паек и большую торфяную заработную плату, в общем, по крайней мере, в десять раз превышающую заработок, который они могли бы иметь как слесаря.

<...> Там, где профессиональный союз силен, он всю свою силу и влияние употребляет на нормирование и ограничение заработной платы своих членов, и там рабочим живется плохо. Там, где союза нет, где нет регламентации, жизнь устанавливает известное равновесие, и люди в этих профессиях могут жить не только сносно, но даже вполне благополучно. Извозчики, печники, кровельщики, просто чернорабочие – все они в лучшем положении, чем ценный высококвалифицированный персонал.

<...> Необходимо еще указать на одну ненормальность, созданную неправильной политикой профессиональных союзов: пока работа предприятия идет нормально, все работники получают оплату своего труда по ставкам. Как я уже раньше указывал, на эти ставки жить нельзя. Если, однако, случаются повреждения, аварии, то тут все правила отступают на задний план, тут можно платить и приходится платить во много раз дороже нормального труда. И те же люди, которые голодали при нормальной работе машин, сравнительно благоденствуют, когда машина поломана.

<...> Нельзя создавать такие условия, при которых выгодно ломать машины, нельзя толкать человека на преступление, ради соблюдения схоластической никому не нужной оплаты труда. Надо наоборот, чтобы человек был заинтересован в безупречной работе вверенного ему механизма, а не старался бы незаметным образом его испортить, чтобы на ремонте подкормиться. Странно, что профессиональные союзы сами этого не понимают, и странно, что об этом никто не говорит в печати.

Внимательному читателю предлагается также сравнить беспощадный диагноз Роберта Эдуардовича с «философским взглядом» Л.Б. Красина.

Из письма последнего жене от 23 декабря 1919 г.:

Счастливые были [прежние рождественские] дни. Но ничего не поделаешь, надо, чтобы счастье не было уделом только немногих случайно вознесенных на верх общественной пирамиды, и мы здесь закладываем сейчас фундаментальные камни тому порядку, при котором равномерно будет обеспечено счастье всех, пусть сначала на сравнительно скромной основе, с удовлетворением лишь насущнейших потребностей, но лишь бы начать, а там уж увеличение производительности и общего богатства пойдет сравнительно быстро.

Сейчас мы, конечно, в самом начале строительства, и жить на самой стройке среди груд разрытой земли, нагроможденных друг на друга камней, настроенных кругом лесов, без крыши, без отопления, без мебели – жить в таких условиях еще трудно и неудобно, многие получают болезни, многие и совсем не вынесут этого самого тяжелого подготовительного периода, но и простые человеческие постройки не обходятся без жертв, и надо уметь видеть фасад будущего великолепного дворца в этих лесах, несмотря на груды мусора и щебня.

<...> Конечно, обнищали мы до крайности, и сравнение с осажденной крепостью не просто фигура [речи], а горькая правда. Приемы наши и управления и производства все еще грубы, мало производительны, неуклюжи. И, тем не менее, мы перешли на высшую стадию развития и, будучи сегодня еще на низшей ее ступени, скоро (сравнительно) догоним и много перегоним то положение, в котором были до революции.

Даже вдумчивый Л.Б. Красин, опять ставший правоверным большевиком, не мог предположить, сколько миллионов советских людей погибнет при «закладывании фундаментальных камней тому порядку, при котором равномерно будет обеспечено счастье всех». Да и «счастье» (насущные потребности) в итоге распределялось весьма неравномерно в новой «общественной пирамиде»: существенно больше на каждую «счастливую единицу» – в партийно-военно-хозяйственной номенклатуре, существенно меньше – в низах.

Как вспоминала в 1926-м Н.К. Крупская на вечере памяти Р.Э. Классона, В.И. Ульянов-Ленин неоднократно перечитывал копию докладной записки «В ГОЭЛРО», которая попала к нему по рекомендации Г.М. Кржижановского. Возможно, что некоторые ее предложения были использованы при введении новой экономической политики (нэпа). Правда, эта копия – с пометками председателя Совнаркома, похоже, безвозвратно утрачена. Это становится очевидным из следующего письма И.Р. Классона в марте 1962-го (и ответов на него):

По договору с Ленинградским отделением Госэнергоиздата я в настоящее время редактирую труд инженера М.О. Каменецкого (умершего в конце 1960 г.) «Роберт Эдуардович Классон». В связи с этой работой я позволяю себе просить Вас о том, чтобы в Центральном партийном архиве была сделана попытка найти доклад Р.Э. Классона «В ГОЭЛРО», который был написан 25 ноября 1920 г. (дата указана на стр. 12, строка 3 снизу прилагаемой копии доклада), а несколько позже, вероятно в декабре 1920 г. (менее вероятно, что в январе 1921 г.), м.б. через Г.М. Кржижановского и м.б. в несколько сокращенной редакции, был представлен В.И. Ленину.

<...> Экземпляр доклада «В ГОЭЛРО», который читал В.И. Ленин, интересует меня в том отношении, что может быть на нем сделаны пометки рукой В.И. Ленина, подобно тому, как он делал пометки на докладе Р.Э. Классона от 23 марта 1921 г. о заказах за границей оборудования для Гидроторфа. <...>

В апреле того же 1962 года И.Р. Классон получил копию письма Зам. зав. Центральным партархивом Института марксизма-ленинизма Р. Лаврова в Центральный госархив Октябрьской революции, высших органов власти и государственного управления СССР (теперь – ГАРФ), нач. тов. В.Р. Копылову о том, что в первой структуре доклада Р.Э. Классона «В ГОЭЛРО» не обнаружено, поэтому она просит вторую структуру поискать у себя и сообщить заявителю. В мае нач. отдела ЦГАОР СССР Субботин ответил, что “в просмотренных документальных материалах архивного фонда Совнаркома – ф. 130 за 1920-21 гг. доклада Р.Э. Классона «В ГОЭЛРО» не имеется”. А в начале июня ответила и нач. отдела ЦГАНХ СССР (теперь РГАЭ) Новикова: «в просмотренных неполно сохранившихся документальных материалах архивного фонда ГОЭЛРО необходимого Вам доклада Классона Р.Э. не имеется».

Нет данного сюжета и в биохронике В.И. Ульянова-Ленина, отслеживающей день за днем деятельность председателя Совнаркома и Совета труда и обороны. По крайней мере, с декабря 1920-го по март 1921-го, когда последний обдумывал пути перехода к НЭПу и затем написал брошюру «О продовольственном налоге. (Значение новой политики и ее условия)». Так что нынешние исследователи не имеют никакой возможности ознакомиться с реакцией В.И. Ульянова-Ленина на мягкую критику «военного коммунизма» со стороны своего старого знакомого по марксистскому кружку.

Здесь мы процитируем наиболее дотошного биографа вождя большевиков – Д.А. Волкогонова, из слов которого становится понятной причина такого пристального интереса первого к тезисам инженера-практика и организатора производства Р.Э. Классона:

При всей незаурядности ленинского ума и обширности теоретических знаний глава правительства не только никогда не работал в промышленности, сельском хозяйстве или государственных органах управления, но и не бывал там. Его знания особенностей функционирования различных сфер государства (конкретной экономики, транспорта, военного дела, дипломатии и т.д.) были крайне дилетантскими, поверхностными. (Дмитрий Волкогонов. Ленин)

Но уж к чему точно не прислушались большевики (и, в конечном счете, проиграли соревнование с модернизированным капитализмом), так это к следующему тезису Роберта Эдуардовича:

Другой чрезвычайно распространенный взгляд, который, в конечном счете, принесет неисчислимый вред промышленности, и с которым надо в корне порвать, это взгляд на благотворное значение и целесообразность принуждения. Принуждение является, безусловно, необходимым фактором в военном деле, в отдельных случаях, требующих кратковременной работы, преимущественно вызываемой какими-нибудь стихийными бедствиями. Но строить промышленность на системе принуждения совершенно невозможно. Пока человек лично не заинтересован, пока труд его не удовлетворяет или так плохо оплачивается, что он от него бежит, пока у человека нет стремления переходить в более высокие категории труда, потому что они невыгодны, – до тех пор нельзя создавать промышленности.

Не прислушались большевики, как показала дальнейшая история, и к комплексным предложениям Р.Э. Классона о рациональных организационных формах предприятий и связанной с ними высокой производительности труда:

Самим фактом экспроприации частного капитала сущность капиталистического строя устранена. Из этого, однако, не следует, что надо нарушить и формы, оставшиеся от капиталистического строя. Эти формы в течение долгого времени видоизменялись, совершенствовались и в форме акционерных обществ достигли высокого совершенства.

По сравнению с крупным акционерным обществом прежнее казенное хозяйство являлось чрезвычайно громоздким, инертным и консервативным. Нынешнее государственное хозяйство, осложненное необходимостью работать в совершенно до сих пор никому не известной обстановке, при необходимости подчинения всей промышленности определенным центрам, стало еще более громоздким и еще менее эластичным, чем прежнее казенное хозяйство, т.к. масштаб его гораздо больше, опыта же и знаний стало гораздо меньше.

<...> Достаточно было устранить акционеров и заменить прежние правления новыми, составленными из представителей государственных интересов, и, если нужно, политических партий. Но нельзя было трогать всего остального, годами налаженного и чрезвычайно ценного в экономическом отношении аппарата. На переходное время от капитализма к социализму нельзя было осложнять работу разрушением эластичной прогрессивной организации акционерных обществ, надо было оставить всех опытных работников и ограничиться лишь контролем над их деятельностью.

Здесь мы прервемся на цитировании Р.Э. Классона и процитируем его сына:

Отец говорил мне – в советское время – что у нас полностью упускается из вида организующая роль капитала. Я думаю, что она фактически играла большую роль во время НЭПа. (черновые записи И.Р. Классона, ф. 9508 РГАЭ)

Хотя уже при НЭПе руководители Гидроторфа и предлагали властям преобразовать его в акционерную компанию (см. письмо Ответственного Руководителя Гидроторфа Р.Э. Классона и его Заместителя В.Д. Кирпичникова в Совнарком, через ГУТ, 23 февраля 1922 года в Приложении «Материалы по добыче торфа и Гидроторфу»):

В ответ на письма, присланные Управляющим делами СТО по поручению Председателя СНК, препровождаем два варианта проекта постановления СТО по поводу Гидроторфа с приложением соответствующих положений. <...> Второй вариант – создание смешанного (государственно-капиталистического) акционерного общества – сокращает денежные ассигнования Государства на 2 миллиона золотых рублей и совершенно освобождает от ассигнования средств на дальнейшее расширение Гидроторфа. Государство, передавая акционерному обществу теперешнее имущество Гидроторфа и внося 2 миллиона золотых рублей, становится собственником большей половины акционерного капитала* и остается фактическим хозяином дела, делясь дивидендами с другими акционерами.

Топливный кризис, сравнительная экономичность добычи торфа гидравлическим способом, монопольное право эксплуатации этого способа в России, большое имущество, передаваемое Гидроторфу, участие Правительства, право выпуска гарантированных облигаций обеспечивает возможность привлечения частных капиталов. Привлечение к делу частной инициативы и материальной заинтересованности руководителей акционерного общества в результатах его работы являются лучшим залогом успешного развития дела. Однако пока еще трудно судить о том, созрели ли уже условия для перевода к такой более эластичной и жизнеспособной форме промышленные предприятия, и сейчас еще нельзя с уверенностью в немедленном успехе вступить в этот путь. Поэтому мы просим дать нам возможность попытаться осуществить эту форму с тем, чтобы в случае, если в ближайшее время еще не удастся привлечь частный капитал в достаточном размере, то Государство взяло бы на себя акции, не разобранные на рынке.

* «Преобразовать ныне существующее Управление по делам Гидроторфа в Акционерное Общество с акционерным капиталом в 12 миллионов довоенных рублей и с участием государства в размере не менее 51%» – из проекта постановления СТО, предложенного Р.Э. Классоном и В.Д. Кирпичниковым. (ф. 758 РГАЭ)

Р.Э. Классон в своем служебном кабинете в 1920-е

Продолжим цитирование документа конца 1920-го – о таком суперважном показателе любой общественно-экономической формации, как производительность труда:

<...> Оппозиция, с которой интеллигенция встретила новый строй, относилась не к существу его, а к формам, в которых он проявился. Теперь, когда формы эти несколько сгладились, это мое утверждение вполне подтверждается готовностью интеллигенции работать при этих изменившихся условиях.

Эта готовность была бы еще значительно больше и дала бы крупные плоды в том случае, если бы формы управления предприятиями и формы организации промышленности были бы более рациональны и не заставляли бы людей делать заведомо бесплодную непроизводительную работу, которая им претит.

<...> Недостаточно отремонтировать или даже построить новые машины. Надо еще знать, во что это обошлось, и не были ли при этом принесены в жертву другие интересы. На это обстоятельство никогда до сих пор в прессе не указывалось. Отремонтировали паровоз, и поэтому идет ликование. Для данного момента это, конечно, очень важно, но, с точки зрения состязания между новым строем и старым, этого недостаточно. Тут нет подсчета, что стоит эта работа, конечно, не в деньгах, а в материальных и трудовых ценностях.

На некоторых предприятиях я наблюдаю, к сожалению, чрезвычайное понижение производительности по сравнению с довоенным временем. Количество персонала при неизменной производительности завода возрастает в ужасающей прогрессии, количество «едоков» возрастает, количество же реальных работников падает.

В одном известном мне предприятии в котельном здании с десятком котлов в довоенное время в смене стояло 18 человек, теперь же близко к 60-ти. Это вредно не только для предприятия, но и для самих рабочих. Прежде человеку поручался надзор за целым рядом механизмов, и это было для него полезно в интеллектуальном отношении. Теперь на каждом отдельном механизме сидит человек, которому делать нечего, который развращается от безделья, и работоспособность которого с годами не улучшается, а падает, как у всякого редко работающего механизма.

<...> Конечно, это очень скверно, но ведь надо считаться с фактами, а не с благими пожеланиями. Несомненно, одна из главнейших задач администрации – обходиться минимумом персонала. Но для этого надо иметь в руках стимул, надо иметь возможность заинтересовать этот персонал в работе. Теперь этого стимула нет. Если бы можно было платить кочегару дороже тогда, когда он обслуживает два котла, чем когда он обслуживает один, то и это было бы уже большим успехом.

Прежде администрация имела могучее средство в своем распоряжении: она могла уволить или грозить увольнением работнику. И так как работник дорожил местом, то это крайнее средство – увольнение – приходилось пускать в ход очень редко, достаточно было одного напоминания. Сейчас получается совершенно нелепое положение. Я лично видел, как кочегар, уволенный за то, что он по небрежности упустил воду в котле и чуть не взорвал его, униженно благодарил администрацию и был чрезвычайно рад этому, т.к. увольнение дало ему, как местному крестьянину, возможность перейти на извоз леса и зарабатывать ровно в десять раз более чем в котельной, где его удерживали. Конечно, на это можно возразить, что кочегара можно было посадить в тюрьму, а не увольнять.

Но я лично совершенно не верю во всеисцеляющую силу принуждения и тюрьмы. Если бы тот же кочегар имел хороший заработок, и заработок его возрастал бы по мере того, как он интенсивнее работает, положение было бы легче и лучше. <...> Равномерности оплаты нет и сейчас, и с каждым днем эта неравномерность возрастает, да иначе и быть не может. Но тенденция к нивелированию этого процесса уже принесла огромный вред, т.к. очень большое количество квалифицированных работников, неудовлетворенных своим бесправным и тяжелым положением, ушло, в частности, в Эстонию и другие пограничные государства, и они потеряны для страны.

Сохранение или, вернее, восстановление акционерной формы с установлением премий в зависимости от производительности предприятия и труда каждого лица не представляется единственным способом привлечь к реальной работе тех деятелей промышленности, которые сейчас или не у дел, или занимаются бумажным бесплодным делом. Постановка оплаты квалифицированного труда на целесообразных началах [тоже] извлечет этих работников из деревни и бюрократии гораздо быстрее и полнее, чем всякие насильственные мероприятия. Бесплезно скорбеть о том, что завод не может работать за недостатком каталей, котельщиков и других специалистов, надо только заинтересовать их в возвращении на завод. И они сами вернуться, и это надо делать скорее, т.к. с каждым годом забываются промышленные навыки, промышленное население приобретает крестьянские навыки и интересы и все с большим трудом возвращается к промышленности.

Техническая интеллигенция при этих условиях будет работать не за страх, а за совесть (и за личный интерес, как бы это ни осуждалось с моральной точки зрения!). Большинство ее очень тяготится бесплодной работой в главках, и на призыв к живому делу большинство интеллигенции откликнется и пойдет.

Конечно, администрации должна быть предоставлена свобода действия на заводах и фабриках с соблюдением всех кодексов труда и всех надлежащих постановлений. А охрана завоеваний революции и всех принципов нового строя должна быть возложена на новые правления, которые так же будут направлять деятельность предприятий в желательном для них направлении, как в свое время капиталистические правления направляли в своем.

<...> Резюмируя, я предлагаю перейти от тяжеловесного громоздкого казенного хозяйства, задыхающегося в своей собственной сложности, к вполне испытанной эластичной организации, формально аналогичной прежним акционерным обществам, но по существу измененной устранением из нее роли капитала и водворением в нее широких государственных принципов.

Примечательно, что мысли доклада «В ГОЭЛРО» перекликаются с письмами В.Г. Короленко к А.В. Луначарскому, в частности, с таким тезисом (в 3-м письме, от 4 августа 1920 г.):

Теперь я ставлю вопрос: все ли правда и в вашем строе? Нет ли следов такой же лжи в том, что вы успели теперь внушить народу? По моему глубокому убеждению, такая ложь есть, и даже странным образом она носит такой же широкий, «классовый» характер. Вы внушили восставшему и возбужденному народу, что так называемая буржуазия («буржуй») представляет только класс тунеядцев, грабителей, стригущих купоны, и – ничего больше. Правда ли это? Можете ли вы искренно говорить это? В особенности можете ли это говорить вы – марксисты?

Вы, Анатолий Васильевич, конечно, отлично еще помните то недавнее время, когда вы – марксисты – вели ожесточенную полемику с народниками. Вы доказывали, что России необходимо и благотельно пройти через «стадию капитализма».

Что же вы разумели тогда под этой благотельной стадией? Неужели только тунеядство буржуев и стрижку купонов? Очевидно, тогда вы разумели другое. Капиталистический класс вам тогда представлялся классом, худо ли, хорошо ли, организующим производство. Несмотря на все его недостатки, вы считали, совершенно согласно с учением Маркса, что такая организация благотельна для отсталых в промышленном отношении стран, каковы, например, Румыния, Венгрия и... Россия. Почему же теперь иностранное слово «буржуа» – целое огромное сложное понятие – с вашей легкой руки превратилось в глазах нашего темного народа, до тех пор его не знавшего, в упрощенное представление о буржуе, исключительно тунеядце, грабителе, ничем не занятом, кроме стрижки купонов?

Совершенно так же, как ложь дворянской диктатуры, подменившая классовое значение крестьянства представлением о тунеядце и пьянице, ваша формула подменила роль организатора производства – пускай и плохого организатора – представлением исключительно грабителя. И посмотрите опять, насколько прав [английский историк] Карлейль со своей формулой [(правительства чаще всего погибают от лжи)]. Грабительские инстинкты были раздуты у нас войной и потом беспорядками, неизбежными при всякой революции. Бороться с ними необходимо было всякому революционному правительству. К этому же побуждало и чувство правды, которое обязывало вас, марксистов, разъяснять искренно и честно ваше представление о роли капитализма в отсталых странах.

Вы этого не сделали. По тактическим соображениям вы пожертвовали долгом перед истиной. Тактически вам было выгодно раздуть народную ненависть к капитализму и натравить народные массы на русский капитализм, как натравливают боевой отряд на крепость. И вы не остановились перед извращением истины. Частичную истину вы выдали за всю истину (ведь и пьянство тоже было).

И теперь это принесло плоды. Крепость вами взята и отдана на поток и разграбление. Вы забыли только, что эта крепость – народное достояние, добытое «благодетельным процессом», что в этом аппарате, созданном русским капитализмом, есть многое подлежащее усовершенствованию, дальнейшему развитию, а не уничтожению. Вы внушили народу, что все это – только плод грабежа, подлежащий разграблению в свою очередь.

Говоря это, я имею в виду не одни материальные ценности в виде созданных капитализмом фабрик, заводов, машин, железных дорог, но и те новые процессы и навыки, ту новую социальную структуру, которую вы, марксисты, сами имели в виду, когда доказывали благодетельность «капиталистической стадии».

Отметим здесь, что советская промышленность, хотя малоэффективная и неповоротливая, была все-таки создана, но на энтузиазме одуроченных коммунистической пропагандой людей и на непосильном труде и даже на костях миллионов заключенных.

Какие-то материальные подачки (помимо скудной зарплаты), следует признать, все-таки были. Но они давались лишь при выполнении ранее принятых дутых «социалистических обязательств и планов» и безусловной лояльности работников советскому режиму. А «несознательных» прессинговали административные начальники, профсоюзные боссы, комсомольские и партийные органы. В то же время большевики, построив-таки социализм (и не успев перейти к строительству коммунизма), дискредитировали оный по крайней мере на ближайшие века. Хотя западный капитализм, соревнуясь с социализмом, вынужден был вобрать в себя элементы сильной социальной защиты интересов наемных рабочих перед капиталом.

Не довольствуясь запиской в ГОЭЛРО, Р.Э. Классон вскоре, 9 декабря 1920 г., написал напрямую председателю Совнаркома, констатировав все тот же прискорбный факт – дезорганизацию промышленности:

Сношения с учреждениями идут ужасающе медленно, и невольно приходится касаться вопроса, важнейшего в данное время – вопроса организации промышленности. По этому вопросу я писал ряд докладов в соответствующие учреждения, т.к. считаю, что я, в качестве опытного промышленного деятеля, не имею права молчать, когда промышленность работает плохо.

В начале 1920-х Роберт Эдуардович считал своей важнейшей задачей (наряду с работами по гидроторфу) пытаться сохранить в рабочем состоянии Раушскую станцию (1-ю МГЭС) и «Электропередачу».

Из воспоминаний В.А. Бреннера:

Когда у всех у нас были в помыслах вопросы о «картошке» и «жирах», Роберт Эдуардович постоянно нам говорил, что он о чем угодно может с нами беседовать, только не о картошке, и в то же время он писал длиннейшие доклады в те или иные центральные органы, настоятельно требуя, чтобы работники Московской электростанции были обеспечены продовольствием.

Выполнение задачи по сохранению в рабочем состоянии 1-й МГЭС хоть как-то облегчалось тем, что он оставался ее директором и после национализации «Общества 1886 года». Однако состояние 1-й МГЭС в 1919-й и 1920-й годы, тем не менее, тоже неуклонно ухудшалось: от директора Р.Э. Классона далеко не все зависело. Требовались огромные хлопоты на то, чтобы снабжать станцию топливом и инструментом.

Из-за изношенности оборудования в 1920-м случились две аварийные остановки – каждая примерно по полчаса. Впрочем, эти два перерыва в электроснабжении всей Москвы были как будто единственными за много лет (не считая упоминавшегося ранее форс-мажора от наводнения в апреле 1908-го, см. очерк «Опять в Первопрестольной»).

Вся эта разруха подвигла Роберта Эдуардовича 27 октября 1920 года выступить с докладом на заседании Центрального правления О.Г.Э.С.

Когда же сей доклад, по его мнению, «не дал никаких практических результатов в смысле улучшения положения дела на Московской Государственной Электрической станции», он 15 ноября обратился в ту же инстанцию уже с официальной запиской. Р.Э. Классон имел смелость утверждать, что станция на Раушской набережной «является важнейшим промышленным предприятием в России».

И обосновывал это смелое заявление так:

Любой завод, как бы важен он ни был, может остановиться на несколько часов или даже дней, любой завод может даже надолго выбыть из строя, и все же это не будет иметь такого значения для жизни страны как выбытие из строя хотя бы на несколько часов Московской Государственной станции.

<...> Когда 22 октября Московская Государственная станция остановилась на 23 минуты, а 8-го ноября – на 35 минут, впечатление получилось большое, так как остановилась работа всех правительственных учреждений, телефона, телеграфа, заводов, освещения и проч. Словом, замерла вся жизнь Москвы.

Далее в записке в Центральное Правление О.Г.Э.С. он детально описывал жуткие условия «цепной реакции истощения и порчи» людей и техники при военном коммунизме:

Основным вопросом по-прежнему остается вопрос о персонале. Персонал ослабел, потерял работоспособность и, для того чтобы прокормиться, должен искать вечерней работы на стороне, что совершенно недопустимо теперь, когда станция нуждается в каждом работнике, и должна полностью использовать весь свой квалифицированный персонал. Я уже говорил о кочегарах, которые отказываются от всякой физической работы. То же самое сейчас происходит с машинистами и с кабельным персоналом. Все машины пускаются в ход средним техническим персоналом, помощниками мастеров и мастерами, и на них ложится вся тяжесть эксплуатации, как в машинном, так и в котельном здании.

Так же как и шоферы, машинисты и кочегары голодают до тех пор, пока все машины и котлы исправно работают, так как они вынуждены жить на ставки, давно потерявшие всякое значение. И только тогда, когда идет спешный ремонт, они могут заработать достаточно для своего прокормления. Повторяется та же картина: выгодно, чтобы котел был испорчен, выгодно, чтобы машина сломалась, иначе люди погибают от недоедания.

Особенно опасно это в котельном здании, где, естественно, технический персонал не может все 24 часа наблюдать за котлами и где от кочегаров требуется большая внимательность и непрерывный надзор за котлами. К сожалению, этой внимательности нет и добиться ее мы не можем.

В котельной положение очень напряженное, работают большие котлы, которые испаряют огромное количество воды, и в несколько минут при недосмотре котел может оказаться без воды, если какой-либо из его автоматических механизмов испортится. Кочегары безусловно недостаточно внимательно относятся к своим обязанностям и на все требования технического персонала отвечают, что у них нет сил, что они не могут стоять перед котлами все время и должны отдыхать.

Сейчас идет спешный ремонт котла, который в июле месяце был поврежден по недосмотру кочегара. Это работа чрезвычайно трудная, требующая огромной затраты физического труда, и ее можно было бы легко избежать, если бы персонал был в свое время достаточно внимателен, а это опять-таки зависит от питания.

Прежде, когда кочегары (те же самые, что и теперь) питались достаточно, много лет подряд не было случаев повреждения котлов по недосмотру, теперь же эти случаи все учащаются, и нет никакой уверенности в том, что они не произойдут и в ближайшем будущем. Сейчас в нашей кабельной сети такие же беспорядки. Каждую осень, с наступлением темного времени необходимо контролировать трансформаторные помещения. Прежде для этой цели в сумерки выезжало 10-12 автомобилей, которые за короткое время, пока длится максимум [нагрузки], должны были объехать сотни трансформаторных помещений, всюду произвести измерения и следить за работой трансформаторов. И сейчас это необходимо было бы делать.

Но мы работаем вслепую, не зная, что делается в кабельной сети, так как у нас осталось только два исправных автомобиля. И то один из них несколько дней подряд отбирался у нас по распоряжению Совета Труда и Оборона. Результаты очень печальны: третьего дня сгорело сразу 5 трансформаторов – 3 от перегрузки, а 2 – от порчи водопровода, залившего подвалы водой.

В кабельной сети сейчас накопилось уже свыше 60-ти испорченных трансформаторов. И с каждым днем это число увеличивается. Своевременно отремонтировать их мы не можем вследствие сложности и даже невозможности их доставить в мастерскую. Для того, чтобы вынуть из помещения тяжелый трансформатор, надо послать 10-15 человек чернорабочих.

Таких людей у нас в распоряжении нет, и никогда не было на станции. Но прежде мы брали их у подрядчика, платя ему, конечно, дороже за то, что он держит наготове, в ожидании нашего распоряжения, десятки людей. Сейчас, чтобы вынуть трансформатор посторонними людьми, мы должны составить смету в 8-ми экземплярах и представить ее на утверждение по инстанциям.

Но наша смета не утверждается, так как могут быть утверждены только определенные ставки, помноженные на известный коэффициент, достаточный при нормальной работе изо дня в день. Но за эти деньги совершенно нельзя нанять людей, раз речь идет об экстренной работе, для которой сегодня требуется 20 или 50 человек, а завтра – может быть ни одного.

За ту плату, которую мы имеем право предложить, никто к нам не идет. С Биржи Труда мы людей достать не можем. Увеличить же свой штат на десятки людей, которым временами нечего делать, мы тоже не можем. Да к нам никто и не пойдет, имея возможность в других государственных учреждениях заработать гораздо больше, чем у нас.

В результате больше 60-ти трансформаторов выбыло из строя. С каждым днем число это увеличивается, оставшиеся трансформаторы перегружаются все больше и больше, особенно теперь, когда маловаттные лампы исчезли и всюду ставят волей-неволей угольные лампы. Нагрузка растет, а с нею будут расти и повреждения, так как своевременно мы не можем даже предупредить их, не имея возможности контролировать в городе полторы тысячи трансформаторных помещений за отсутствием автомобилей.

Пешие монтеры отказываются ходить, так как у них нет сапог. Да это и бесполезно, так как проверка должна происходить в течение получаса одновременно в сотне помещений. У нас же мало осталось монтеров, а также осталось лишь немного измерительных приборов.

Как и все предприятия, станция страдает от недостатка квалифицированных работников. Прежде она сама обучала и вырабатывала новых квалифицированных работников. Теперь же и это прекратилось, так как невыгодно быть квалифицированным работником.

<...> Во всякого рода продовольственные организации и комиссии выбираются по преимуществу квалифицированные работники. Если посылается экспедиция за гусями и яблоками, то непременно выбирают в нее слесарей, токарей, машинистов. Хотя мы боремся с этим явлением, но люди, попавшие в продовольственную организацию и пробывшие в ней несколько месяцев, портятся и теряют интерес к прежней профессиональной работе.

<...> Вторым по важности вопросом является вопрос о материалах. <...> Постепенно ломается и портится инструмент. И пополнить его почти невозможно, так как официальным путем, из соответствующих главков, станция получает лишь ничтожное количество. Иногда приходят кустари и владельцы остановившихся мастерских и предлагают свой инструмент, который был бы очень ценен для станции. Но купить его мы не имеем права, так как это является покупкой на вольном рынке, и инструмент этот уходит на Сухаревку. Недавно мы просили 70 шт. отверток, но получили лишь одну. И то за ней пришлось ехать в Марьину Рощу. Если посчитать, во что обошлась эта отвертка, сколько на нее было потрачено переписки, бумаги и труда, то получится буквально золотая отвертка.

Недавно я с ужасом увидел, что в мастерской при станции из котельного железа вырезается большой гаечный ключ, за невозможностью достать таковой. Ключ был нарисован на листе железа, затем было высверлено огромное количество маленьких дыр по очертанию ключа, и наконец он был изготовлен вручную.

Это – египетская работа, требующая затраты огромного труда, и, конечно, возможно было бы найти такие ключи на десятках бездействующих заводов. <...>

В заключение Р.Э. Классон предлагал центральному правлению О.Г.Э.С.:

Московскую Государственную станцию, в виду исключительной важности, необходимо поставить в такие условия, чтобы персонал ее был заинтересован в правильной безостановочной работе станции, чтобы ему не приходилось искать заработка на стороне для поддержания своего существования, чтобы он мог все силы отдавать работе на станции и, кроме того, он должен быть настолько обеспечен одеждой, чтобы быть в состоянии исполнять возлагаемые на него поручения.

Но разруха продолжалась: большевики попали в «цугцванг» после того как они «старый мир до основания разрушили», а «построить наш новый мир» быстро не удавалось (соответствующие документы мы приведем ниже).

9 декабря 1920 г. в «Правде» была опубликована внушительная статья Льва Сосновского «Премия за разверстку или премия за порядок?», публицистика которой отталкивалась от тяжелого положения на 1-й МГЭС и отваживалась даже на критику недостатков планирования при военном коммунизме. Многие факты в ней перекликались с сюжетами из документов, продиктованных Р.Э. Классоном, поэтому мы процитируем ее почти целиком (в главном печатном органе большевиков они звучали более весомо):

<...> Мне задают вопрос, а что если какое-нибудь предприятие имеет столь же важное значение как железная дорога, но еще не разрушено подобно последней? Следует ли поставить это предприятие в благоприятные условия существования сейчас или следует ждать, пока оно погрузится в разруху, станет распадаться, разваливаться? И только тогда усиливать снабжение рабочих, сотрудников, обслуживание инструментами и прочим?

Вот, скажем, московская электрическая станция. Пока она работает сколько-нибудь сносно, мы о ней думаем мало – «на общих основаниях». Но ежели она остановится на день, на два, на неделю – тогда это почувствует вся Москва, вся Россия и, пожалуй, за пределами России почувствуют.

Остановится телеграф, телефон, погаснет свет, перестанут работать многие заводы, государственные учреждения без света не смогут работать вечерами и т.д. Тогда – если бы это на наше несчастье случилось – все закричали бы: «всё для электрической станции!» Стали бы лучше кормить и одевать электриков, снабжать их в военном порядке, без волокиты, и следить, как за фронтовыми сводками, за отчётами о нагрузке станции и пр. Само собой, что сначала бы поискали виновных и не поспешили бы на суровые меры. Так не лучше ли принять некоторые меры сейчас, заблаговременно? Такой мощности станция у нас в России, кажется, всего одна или две. Беречь ее надо. Когда-то еще осуществится всеобщая <нрзб. – явь?> и прочая электрофикация – а она осуществится, и я лично более оптимистично настроен на этот счет, чем другие – но имеющееся оборудование и мощные источники энергии надо беречь. Когда станция испортится, мы будем давать усиленное питание и премии за восстановление ее. Давайте лучше платить премии за сбережение станции. Это выгоднее, приятнее и разумнее.

Износились на станции машины, износились люди. Работа станции и от машин и от людей требует большого напряжения. Когда человек здоров, он не меряет три раза в день температуру, не приглашает врачей, не пользуется особым питанием и вообще он даже не думает: что такое здоровье? Немножко прихворнув, он становится внимательнее к своему организму. Но есть и такие, что занимаются своим здоровьем только тогда, когда их свалит острый, тяжелый недуг. Тогда и медицина, и питание, и покой, и режим, и диета – все будет.

Вот и московская электро-станция уже прихворнула, но близкие ее (электроотдел, центральное правление госуд. электро-станций) еще не очень тревожатся. Доклады, которые посылаются станцией, стыдно и больно читать, но мер надлежащих никто не принимает. Но все замечутся, вплоть до В.Ч.К., когда уже будет поздно.

Кочегар на станции должен особенно внимательно следить за работой котлов. Во-первых, от этого зависит экономия топлива, а во-вторых, целостность котла и прочего оборудования. Кочегары без усиления питания теперь едва ли могут дать столько внимания, сколько давали раньше. А уменьшение внимания влечет за собой перерасход топлива и повреждение котлов. Ремонт котла – дело дорогое, сложное, убыточное. Раньше, при тех же кочегарах, повреждение котла из-за недосмотра случалось очень редко. Теперь все чаще и чаще. Надо этих «часовых у котлов» лучше снабжать и, главное, премировать их натурой **за работу без повреждений**.

На станции или в кабельной сети постоянно происходят повреждения, теперь чаще чем обычно, ибо инвентарь изношен, персонал – то же. И производство невероятно тормозится существующими финансовыми правилами. Перегорел от перегрузки трансформатор где-нибудь в районе. Для того чтобы нанять рабочих, которые бы вынули трансформатор и доставили его в мастерскую, надо составить смету в 8-ми экземплярах и послать ее по инстанциям. Инстанции пропустят ее в таком виде, в каком она **неосуществима**. А трансформаторов испорченных скопилось чуть ли не 100 из 1.500, и каждый день приносит новые повреждения.

Автомобилей, на которых раньше быстро выезжали на места повреждений, теперь не осталось, их систематически реквизируют. Оставшиеся – в плохом состоянии, то и дело портятся, горючей смеси дают недостаточно. Кстати, об автомобилях. Шоферы, не имея рукавиц, валенок и теплой одежды, не могут ездить.* Получаемые ими ставки и паек – очень скудны.

* В 1920-х были еще распространены автомобили с открытым верхом или же на них имелся какой-нибудь тент, но он предназначался лишь для пассажиров.

Но когда случается ремонт мотора, они [*хорошо*] подрабатывают. Следует лучше премировать их за исправное содержание машины и аккуратную езду, а не за ремонт. Нелепо реквизировать автомобили у электрической станции. Наоборот, из реквизированных надо снабдить ее.

То же – со снабжением инструментами. Чтобы получить несколько метелок или десяток простых отверток или пару гаечных ключей – надо привести в движение чуть не весь государственный механизм республики и... встретить отказ. Купить их на рынке – нельзя. В результате – на одну полученную отвертку (вместо просимых 70 штук) потрачено столько бумаги, переписки, хлопот и езды, что несчастная отвертка, по совести, обошлась **не дешевле золотой**.

Гаечный ключ вырезают варварским ручным способом из листа железа, т.к. получить его легальным путем нельзя и купить на рынке – запрещается. Между тем, и ключей, и отверток бездна ржавеет на московских неработающих фабриках и заводах, каких есть сотни.

Еще пример: существуют приборы для точного учета нагрузки машин, дающие возможность экономить расход нефти. Для работы этих приборов нужно 20-40 фунтов едкого кали. Получить его из главков не удалось, купить на рынке – запрещено. Приборы не действуют. Нефть расходуется вслепую и сжигается напрасно 6.000-10.000 пудов в месяц.*

Вот перед вами 2 преступления: 1) сжигать ежемесячно и бесполезно 10.000 пуд. драгоценной нефти, но не нарушить законов; 2) купить у спекулянтов ½ пуда едкого кали и сберечь нефть, но зато нарушить закон. Что вреднее для республики? Лучше всего, конечно, было бы получить едкий кали законным путем, из химотдела. Но что же делать, если в химотделе этого добра нет, а на Сухаревке есть. И так как Сухаревка своих заводов и лабораторий не имеет, то, очевидно, она лучше нас умеет добывать из химотдела едкий кали.

И таким образом – процветают сметно-расчетные правила и тарифы, но гибнет источник света и энергии, гибнет и разрушается чуть не самая мощная электростанция России.

Я опять вспоминаю, что никакие сметно-расчетные правила не помешали председателю Горного Совета, моему старому приятелю тов. Сыромолотову (он же – руководитель счетно-финансового отдела В.С.Н.Х.) организовать при Горном Совете «театр классической комедии и романтики», вопреки здравому смыслу. Ф.Ф. Сыромолотова за истраченный на парики миллион никто не потащит в чрезвычайку. А инженера со станции за покупку на вольном рынке метелок, отверток и едкого кали, пожалуй, потащат. И Сыромолотов рискует, а инженеры не решаются рисковать. Хотя, по-моему, без париков мы кое-как могли бы прожить, а без работы электростанции никак не проживем.

Дело совершенно ясное. Если до сих пор все тревожные доклады руководителей станции шли по инстанциям, никого не волнуя и не давая результатов, то теперь приходится обратить на это внимание партии, рабочих и Совета Оборон. Чем давать впоследствии усиленные премии за восстановление станции, лучше сейчас взяться за сохранение ее в порядке. Это будет выгоднее, разумнее и приятнее.

* Речь здесь идет о тогдашних примитивных «газоанализаторах», с помощью которых на электростанции отслеживали полноту сжигания топлива через более или менее оперативный анализ дымовых газов, едкий кали использовался в них для поглощения углекислого газа и двуокиси серы. В настоящее время используются более совершенные приборы.

Забавно, что в том же номере «Правды» за 9 декабря 1920 года была помещена и заметка «Об электрофикации Советской Республики». Оказывается, 6 декабря на Высших Женских Курсах состоялось собрание фабрично-заводских комитетов Хамовнического района, где тов. Кржижановский прочел доклад. И тов. Кржижановский, отвечая на вопросы, ничтоже сумняшеся заявил: «Мы восстановили наши электрические станции, мы поставили даже новые [временную Шатурку? – МК]». Его бы назначить сменным инженером на 1-ю МГЭС, чтобы он так не завирался насчет «восстановления наших станций»!

Параллельно с публикацией тревожной статьи Л. Сосновского в «Правде» в Первопрестольной, в декабре 1920-го – январе 1921 г., развивался, по-видимому, очередной кризис с топливоснабжением. Мы приведем лишь два факта, характеризующих его.

Первый касался отчета с заседания Москвотопа, опубликованного в «Правде» 1 декабря 1920 г. Он содержал традиционные подзаголовки: «В области заготовки дров», «В области торфяных заготовок», «В области постройки топливных подъездных путей». И последняя тема содержала поразительное по откровенности объяснение ее актуальности: «в виду катастрофического положения с фуражем в этом году и невозможности вывезти необходимое количество дров для Москвы гужевым путем.

Второй факт вытекал из циркулярного документа, опубликованного одновременно в «Известиях» и «Правде» 4 января 1921 г.:

Обязательное постановление ЧК по электроснабжению гор. Москвы

На январь, февраль и март 1921 г. устанавливаются следующие нормы потребления электрической энергии:

а) Для частных абонентов расход энергии определяется 120 квт.-час [(12 квт.ч)] на каждую комнату за январь-март вместе.

б) Для общественных учреждений осветительная норма определяется по расчету 150 квт.-час [(15 квт.ч)] на каждые 5 кв. сажень за указанные три месяца вместе.

в) Для моторных абонентов и крупных учреждений, как то: больниц, театров, аудиторий и пр. нормы устанавливаются по особому каждый раз постановлению.

г) Пользование электрическими нагревательными приборами допускается лишь с особого каждый раз разрешения по особой норме.

*В случае перерасхода частные абоненты будут подвергаться строжайшим взысканиям, а так же лишаться права пользования электрической энергией на определенные сроки; ответственные лица учреждений, согласно постановлению Совнаркома от 15.11.19, будут привлекаться к судебной ответственности.**

Еще более тяжелое положение сложилось на «Электропередаче», которой руководили правление под председательством Г.М. Кржижановского и дирекция из трех человек. Р.Э. Классон был лишь членом дирекции «Электропередачи» – то назначаемым, то отстраняемым.

Вот как он обрисовывал кризисную ситуацию на последней станции в своем письме от 12 января 1920 г. в это правление, после избрания в дирекцию его самого, Г.М. Кржижановского и В.В. Старкова:

* 19 февраля 1921 г. появится постановление Совета труда и обороны, которое еще более ужесточит (задним числом?, со ссылкой на приведенное выше обязательное постановление ЧК по электроснабжению) нормы потребления электроэнергии, в частности в каждой комнате нельзя будет израсходовать более 17 квт.ч в первое полугодие, тогда как ранее ограничивалось потребление за январь-март в размере 12 квт.ч, хотя и понятно что в апреле-июне солнце будет вставать раньше и заходить позже (www.ussrdoc.com/ussrdoc_communizm/ussr_855.htm).

Как, вероятно, известно Правлению, я последние два года почти не принимал участия в административно-технической работе «Электропередачи», ограничиваясь исключительно работами по гидравлическому торффу.

Главнейшие причины, почему я – строитель и основатель «Электропередачи», тративший на нее в прежние годы почти все свое время и свой труд, совершенно отстранился от управления «Электропередачей», лежат в той атмосфере, которая создавалась за последние годы на станции «Электропередача».

За последние два года почти совершенно прекратилась всякая техническая работа, производительность труда, как рабочих, так и инженеров, упала до невероятных пределов, так как все время тех и других было поглощено бесконечными разговорами. Дисциплина на станции упала чрезвычайно. Вопросы политические заслонили все остальные интересы станции, и я, стоя совершенно в стороне от политической борьбы, не мог привлечь внимания персонала к техническим и экономическим вопросам станции.

Постепенно станция приходила во все больший и больший упадок, и сейчас станция из хорошо налаженного предприятия, которым она была в прежние годы, превратилась почти в развалину. Теперь стыдно показать кому-либо станцию, до такой степени вся она запущена, грязно и небрежно содержится и до такой степени нарушены самые элементарные требования техники и экономики. Третьего дня я был на станции и был поражен зрелищем котельного здания, окутанного облаками непроизводительно выпускаемого пара.

Паропроводы парят, уход за котлами недопустимо небрежный – около них редко увидишь кочегаров или зольщиков. Многочисленные кочегары и зольщики сидят за чайными столами, никто не следит за уровнем воды в котлах и за горением торфа. А между тем сейчас для страны каждый пуд торфа должен быть на учете, и к нему надо бы относиться с крайней бережливостью.

Мне приходилось при посещениях станции наблюдать, что кочегары по полчаса и более не подходят к своим котлам, а продолжают сидеть за чайными столами. А Государственная станция ведь не богадельня, и при восьмичасовом рабочем дне (который благодаря 6-7-ми свободным дням в месяц сводится к шестичасовому) от рабочих можно и должно требовать самого внимательного и добросовестного отношения к делу. Надо удивляться, что при таком небрежном отношении со стороны кочегаров до сих пор не было взрыва котла. Расход топлива на киловатт-час очень велик и все увеличивается, и, конечно, тут виноват и старший технический персонал, но он занят не улучшением техники производства, а разговорами в комиссиях и заседаниях. Мало чем лучше машинное здание <...>.

Далее из письма выясняется, что еще осенью 1919-го по просьбе Г.М. Кржижановского Роберт Эдуардович уже приезжал на «Электропередачу» вместе с мастером А.Г. Штумпфом, чтобы установить причины повышенной вибрации турбины №3. Разобрав ее, они определили вероятную причину вибрации и наметили ряд работ, которые нужно было одновременно произвести: не сложных, но требующих усидчивой работы десятка хороших слесарей. Однако московским гостям местные большевики заявили: «эти работы произвести нельзя, так как, хотя в «Электропередаче» и имеется, кажется, 28 слесарей, но из них 25 или около этого, заняты в комиссиях»!

В итоге ремонтом турбины №3 занимались только три-четыре человека, он затянулся на месяцы и не был вполне закончен. Но турбину затем собрали без того, чтобы отдельные стадии ремонта были показаны Р.Э. Классону и А.Г. Штумпфу, которые давно уехали в Москву. Часто приезжать на «Электропередачу» «при настоящих условиях железнодорожного сообщения» они уже не могли.

Поэтому Роберт Эдуардович и просил правление и его председателя Г.М. Кржижановского определиться:

Если не будет реформирована в корне постановка дела в «Электропередаче» введением строгой дисциплины и возложением на администрацию станции технических обязанностей, освободив ее от бесконечных разговоров, то в техническом отношении станция «Электропередача» не может быть поставлена на должную высоту, и тогда участие мое в Дирекции явится бесполезным и излишним.

Нам не удалось установить, что ответил Г.М. Кржижановский или кто-то из местных большевиков Р.Э. Классону. По-видимому, отделались общими словами типа «при строительстве нового мира возможны ошибки, но кто не ошибается».

Но в том же феврале 1920-го Г.М. Кржижановский настоятельно попросил Р.Э. Классона опять приехать на «Электропередачу» и организовать ремонт турбин: из трех две уже вышли из строя после их неграмотной эксплуатации.

Турбины удалось отремонтировать под руководством и при участии мастеров: 1-й МГЭС – Александра Георгиевича Штумпфа и «Электропередачи» – Алексея Васильевича Волкова. Во время ремонта Роберт Эдуардович был вынужден заняться и общим техническим и организационным состоянием станции в трудных условиях того времени. Как мы уже отмечали, не хватало слесарей, ушедших на общественную работу, а производственная дисциплина упала до крайне низкого уровня.

Значительную вину за это Роберт Эдуардович возлагал на председателя заводского комитета (бывшего больничного сторожа!), который, например, требовал явиться в завком дежурного инженера станции, во время его смены.

Р.Э. Классон настоял на увольнении кочегара, упустившего воду в котле, что угрожало взрывом. Однако кочегар был чрезвычайно рад этому, так как увольнение дало ему, местному крестьянину, возможность перейти на извоз леса и зарабатывать на порядок более чем в котельной, где его чуть ли не насильно ранее удерживали.

Именно об этой возмутительной ситуации и с дисциплиной, и с оплатой труда квалифицированного персонала на «Электропередаче» упоминалось в докладной записке «В ГОЭЛРО».

На станции паропроводы парили. Воздух в машинном зале был настолько влажным, что его перекрытие отпотевало изнутри, под ним персоналу пришлось возвести сложную деревянную конструкцию для установки желобов, чтобы вода не капала на генераторы. Под руководством Р.Э. Классона за несколько часов удалось осушить воздух машинного зала посредством изящного инженерного решения: разомкнув цикл воздушного охлаждения работавшего генератора. Деревянное сооружение за ненужностью разобрали. По этому поводу он высказался так: *“Инженеры «Электропередачи» забыли даже законы физики”*.

Упадок «Электропередачи» казался тем более поразительным, что бытовое и продовольственное положение персонала станции было гораздо лучше, чем на 1-й МГЭС: большой паек, приусадебные хозяйства (во многих – козы и даже коровы), квартиры с отоплением, освещением, ваннами. Но коллектив станции был относительно новый, часть рабочих набрали из крестьян соседних деревень.

По просьбе Р.Э. Классона на станцию выехал и навел порядок в административных и профсоюзных делах член правления «Электропередачи» и член президиума Московского губернского союза металлистов Михаил Васильевич Кудряшов. Позже коллегиальную форму дирекции отменили и техническим директором назначили Алексея Ивановича Таирова.

И в следующие годы, до последних дней жизни, Р.Э. Классона то привлекали к техническому руководству «Электропередачей», то отстраняли – официально или фактически. То есть, грубо говоря, большевики вспоминали о нем тогда, когда на подмосковной станции они в очередной раз запарывали дорогостоящую технику.

Здесь стоит привести записку Роберта Эдуардовича от 24 апреля 1920 г. в жилищную комиссию «Электропередачи», которая дает представление о пренебрежительном отношении рядовых коммунистов к заслуженному инженеру, пусть и «из бывших», который с пониманием отнесся к просьбе Г.М. Кржижановского: организовать ремонт вышедших из строя, вовсе не по его вине, турбин. И заодно характеризует «неисправимого» Р.Э. Классона – со всеми, даже с «новыми хозяевами», вести себя с достоинством. Итак:

С апреля месяца я по предложению Правления «Электропередачи» вновь, после двухлетнего перерыва, стал работать на «Электропередаче». Спокойное рабочее настроение, однако, нарушается зачастую действиями Жилищной Комиссии, которая нарушает мои права, как квартировладельца.

Я очень хорошо знаю, что существует острая квартирная нужда в «Электропередаче», что каждый должен ограничить свою квартиру минимальными размерами, и сам провожу это неукоснительно: мой дом, бывший дом Правления, всегда густо населен как служащими Гидравлического Торфа, так в последнее время и лицами «Электропередачи». Лично у меня имеется две комнаты во втором этаже, для меня и моей семьи, и одна маленькая для В.Д. Кирпичникова вместе с А.И. Швальбахом.

Тем не менее, Жилищная Комиссия неоднократно покушается на перераспределение в моем доме, то предполагая в нем устроить комнаты для приезжающих, то, как это было недавно, предполагая поселить наверху двух барышень.

Затем Жилищная Комиссия совершила совершенно недопустимый поступок по отношению ко мне, поместив без моего ведома в лично мне принадлежавших комнатах на ночь трех человек, совершенно незнакомых, которые вторгаются в мою квартиру, ночуют в ней, как будто это была не частная квартира, а ночлежный дом.

По-видимому, Жилищная Комиссия не отдает себе отчета в том, что этим она нарушает основное право человека на неприкосновенность его жилища и не понимает того, что я могу не согласиться на то, чтобы в мое отсутствие в моих комнатах ночевали чужие люди, может быть больные, и после этого в тех же комнатах, на тех же кроватях спала моя семья. Если же Жилищная Комиссия делает это умышленно, то не может быть другого объяснения, как то, что она желает меня таким путем выжить из «Электропередачи». Конечно, это способ очень действительный, так как я предпочту уйти совсем из «Электропередачи», чем подвергаться подобным нашествиям, которым при этом подвергаюсь я один, так как в отсутствие кого-либо из служащих Жилищная Комиссия все же к нему не направляет чужих людей, чтобы они спали в его кровати.

Против подобных действий я заявляю решительный протест и настаиваю на том, чтобы моя квартира не превращалась ни в ночлежный дом, ни в гостиницу. Я сам всегда буду заботиться, чтобы дом был достаточно уплотнен и чтобы в нем жили те люди, которые, с мой точки зрения, в данное время наиболее нужны, притом по моему выбору, как хозяина квартиры.

Копию этого заявления я посылаю в Правление «Электропередачи», Садовники, д.30, т.е. Г.М. Кржижановскому который является председателем правления «Электропередачи».

Однако «чужие люди», по-видимому, продолжали вваливаться в квартирку Р.Э. Классона на «Электропередаче» и «спать в его кроватях», потому что 6 июля ему опять пришлось жаловаться:

Я вынужден вновь обратить внимание Московской Конторы «Электропередачи» на то, что на станции «Электропередача» совершенно нет свободных помещений для приезжих и что поэтому туда нельзя направлять никого из посторонних лиц иначе, как с условием, что они вечером возвратятся обратно.

Все посторонние лица направляются в мою квартиру, и четыре дня тому назад, ночью ко мне в квартиру буквально вломился г. Шпиндлер в мое отсутствие, напугал прислугу какими-то мандатами, требовал в час ночи, чтобы ему ставили самовар, словом вел себя, как в завоеванной стране. Он ссылался на то, что ему в Московской Конторе сказали, что он может остановиться по указанию А.И. Таирова, а так как А.И. Таирова не было, то он счел нужным вломиться ко мне.** Перед этим аналогичная история была с инженерами Главного Торфяного Комитета, которым буквально негде было ночевать и которых мой сын, наконец, принял в наш дом, чтобы им не ночевать на улице. При таких условиях никого нельзя посылать на «Электропередачу», пока не будет достроен и вполне оборудован дом для приезжих. Поэтому я прошу Московскую Контору никого не направлять туда, особенно с указанием на бывший дом Правления.*

Процитированные выше документы были любезно предоставлены автору (в виде ксерокопий) уже упоминавшейся М.С. Абрамовой, которая разыскала их, по-видимому, в Центральном историческом архиве Москвы. Оные ксерокопии находятся теперь в ф. 9508 РГАЭ. Ну что же, большевики всю страну превратили в одну громадную «ночлежку», а затем и в один громадный «лагерь».

6 марта 1921 года берлинский «Руль» опубликовал информашку о вышедшем 19 февраля постановлении СТО о сокращении нагрузки московских электрических станций и установлении крайне ограниченных норм расходования тока для освещения как отдельных квартир, так и учреждений. В Интернете можно найти сей документ (istmat.info/node/45899), из коего следует, что речь шла «лишь» о частичном переводе Трамвайной станции на дрова (15 вагонов в сутки) и о подтверждении декрета Совнаркома от 15 ноября 1919 года о необходимости соблюдения строжайшей экономии электроэнергии.

Электростанции на Раушской наб. (1-й МГЭС), опять работавшей на нефти, это постановление как будто бы не касалось. Кроме директивы о доведении до максимума поставок электроэнергии из Богородского района и принятии мер о немедленном пуске Шатурской станции, постановление СТО предлагало ВСНХ и другим ведомствам в 2-недельный срок «установить список выключения промпредприятий Москвы и Богородского района».

В.И. Ульянов-Ленин, выступая 24 февраля 1921 года на собрании партактива Москвы, в частности заявил:

Ухудшение [внутреннего и международного положения] распространилось и на топливо. Здесь нет точных цифр, ясного вывода сделать нельзя, и нельзя также определить причины топливного кризиса.

* В списках сотрудников Мосэнерго (www.mosenergo-museum.ru) Шпиндлер не значится, во «Всея Москве» за 1917 г. был обозначен инж.-технолог Григорий Яковлевич Шпиндлер. А во «Всея Москве» за 1927 г. – работавший на Заводе Подъемных Сооружений Григорий Яковлевич Шпиндлер, Евсей Максимович Шпиндлер из Всекобанка и инж.-механик Иосиф Яковлевич Шпиндлер, служивший в ВСНХ РСФСР.

** Алексей Иванович Таиров какое-то время занимал должность технического директора «Электропередачи», а в описываемое время входил и в комиссию ГОЭЛРО, которая работала в пристанционном поселке.

Мы пришли к выводам, что имеется недовольство общего характера. Это недовольство надо ловить снизу, если нельзя быстро через советские аппараты, прямо через аппараты партии. Кроме указания на бюрократизм, имеются и ошибки в плане. План надо проверять, когда он составляется, обсуждая в печати и на собраниях. Мы принуждены останавливать предприятия и этим нарушаем работу тех фабрик, которые даже имеют топливо. В чем дело? Ясно, что, кроме ошибок, в плане есть материалы для судебного процесса. Надо двинуть в учреждения пролетарский элемент. Несомненно, что до окончания сплава мы из топливного кризиса не выйдем. Надо использовать, сколько возможно, санный путь и хорошо использовать сплав. Топливный кризис сказался и на текстильных предприятиях, и они не в состоянии выполнить даже минимальную программу.

А на заседании пленума Моссовета 28 февраля председатель Совнаркома как бы «глобально» развил эту мысль:

Продовольственная работа, топливная, уголь, нефть, дрова – все это разнородные работы, и во всех трех областях мы сделали одинаковые ошибки. В голоде, в холоде мы преувеличивали свои силы и не рассчитали их. Мы не рассчитали того, что сразу истратили свои ресурсы, мы не рассчитали тех ресурсов, которые у нас имелись в запасе, и мы не оставили ничего на черный день. Это вообще простое правило, и это правило понятно всякому крестьянину в его несложном обыкновенном хозяйстве. Но в государственном масштабе мы все время находились в таком положении: какой там запас, лишь бы нам прожить этот день, и вот в первый раз, когда пришлось столкнуться с этим запасом, подойти к нему с практической точки зрения, мы и не смогли устроить это так, чтобы этот запас оставить на черный день.

Комментировать тут особенно нечего: ведь социализм – это перманентный дефицит всего и вся.*

* Более детально и предметно о топливном кризисе высказался А.И. Рыков в своем докладе на сессии ВЦИК 19 марта 1921 г.: (www.magister.msk.ru/library/politica/rykov/rykoa013.htm).

Берлинский «Руль» тоже не прошел мимо сего явления, присущего плановой экономике:

Как составляются программы

О порядке, господствующих при составлении важнейших планов распределения ресурсов страны, находящихся в ведении центральных советских органов, можно составить себе представление по полемике, разгоревшейся относительно распределения топлива на 1921 год. В №46 «Экономической Жизни» В.С.Н.Х. заявил, что «детальный план топливоснабжения на 1921 год не мог быть составлен, так как от главнейшего потребителя, народного комиссариата путей сообщения, только во второй половине февраля стали получаться противоречивые заявки». На это указание комиссариат путей сообщения поместил официальное возражение в №50 «Эконом. Жизни». Мы не станем следить за объяснениями, истолковывающими две посланные в феврале не согласованные между собою бумаги, как справки, а не заявки. Существенно лишь отметить следующее сообщение комиссариата путей сообщения: «вопросами составления планов топливоснабжения страны должен был заниматься только главтоп», но главтоп не требовал от комиссариата путей сообщения заявок о необходимом ему топливе; комиссариат о нем и не беспокоился.

«Первой попыткой главтопа составить план топливоснабжения на 1921 год можно признать организованное в главтопе совещание от 9-го декабря 1920 года». Постановления этого совещания не были приведены в исполнение, намеченные же им предположения были 17 января [1921 года] резко изменены В.С.Н.Х. Но, впрочем, плана все же составлено не было. «Мы думаем, заявляет Н.К.П.С., что не имея планов топливоснабжения на 1921 год, надо искать виновных там, где эти планы должны были составляться, а не приписывать Н.К.П.С. того, чего не было».

Как бы то ни было, из полемики выясняется, что по важнейшему вопросу советского хозяйства – топливу для железных дорог – ведомство, заведующее железными дорогами, только в середине февраля удосужилось составить заявку, а ведомство, заведующее топливом, только в декабре [1920 года] стало принимать первые меры по составлению плана, в январе стало менять предположения, в феврале стало получать заявки от главнейших потребителей, а в марте сообщило, что план не мог быть выработан благодаря запозданию заявок, которых оно вовсе и не требовало.

В мае этого же 1921 года большевики усмотрели в падении производительности персонала, поизносившегося и от недоедания обессилевшего, коварные происки меньшевиков! Историю эту мы начнем с «верноподданной» записки Ответственного Руководителя МГЭС В.Д. Кирпичникова, который в отсутствие Р.Э. Классона, уехавшего в Берлин по делам Гидроторфа, 1 марта 1921 года обратился к В.И. Ульянову-Ленину с просьбой помочь погибающей электростанции. Правда, Виктор Дмитриевич, как бывший член РСДРП, в отличие от своего бескомпромиссного шефа, употреблял практически одни приглаженные фразы:

Самая большая в России электрическая станция – 1-ая Московская Государственная является предприятием, сохранившим, несмотря на тяжелые условия последних лет, в целостности как свое оборудование, так и живой аппарат – хорошо налаженную и мощную техническую организацию. Центральная станция все последние годы работала без отказа, производя электрическую энергию в строгом соответствии со спросом и наличием топлива. Мощность ее исправных машин всегда покрывала потребность даже в моменты выключения воздушной линии 70 000 вольт, подающей в Москву энергию со всех станций Богородского района. При том снабжении ее материалами и резервными частями в России и из-за границы, на которое мы надеемся, станция сможет поднять нагрузку в будущем зимнем сезоне до 40 000 кв[m]. (В этом году максимальная нагрузка была равна 26 000 кв[m].)

Окончание примечания

Если бы так велось хозяйство средней руки, оно было бы обречено на разорение. Но так ведется хозяйство России; понятны последствия, даже независимо от переживаемых ею кризисов.

«Руль» (Берлин), 8 апреля 1921 г.

Способ разрешения топливного кризиса

Под этим заголовком помещена статья Зуева в №51 «Экономической Жизни». Оказывается, что пленум цектрана [(ЦК транспортников)] по докладам главтопа и комиссариата путей сообщения, принял резолюцию, объединившую эти органы и предлагающую в качестве основной меры для выхода из кризиса – создать новый «единый, самый чрезвычайный топливный орган, слив в нем все и всех». Автор считает подобный выход несостоятельным: «такой чрезтоп у нас уже имеется в лице комиссии товарища Аванесова [Полномочной комиссии при СТО по топливу, В.А. Аванесов занимал посты члена коллегии ВЧК и замнаркома РКК – МК]... Создавать для этого опять какой-то новый орган или, вернее, комбинацию из старых, но иначе сгруппированных – совершенно безнадежное и никчемное занятие. Примеры налицо – в том же главтопе, где за прошлый год все время шли изменения в группировках, названиях и т.д. ... А учета расхода топлива все же нет». Свой собственный диагноз кризиса автор резюмирует в двух пунктах: «во-первых, анархия в распределении топлива и, во-вторых, анархия в перевозках топлива».

Из сведений сообщаемых советской печатью вытекает с совершенной бесспорностью, что по крайней мере еще один пункт следует прибавить к двум указанным: недостаточность и анархия в добывании топлива. Но, как бы то ни было, и указанного автором достаточно, чтобы и перед безнадежным коммунистом поставить такой вопрос. Вся социалистическая критика буржуазного строя основывалась на идее его хозяйственной анархии. Коммунизм заменил таковую единой организованностью, бесчисленное количество главков, центров, коллегий, комиссий заняты регулированием народного хозяйства; непрерывно создаются новые органы в дополнение или взамен старым, во имя все лучшей организованности. А в результате анархия и анархия.

И все же без риска ошибиться можно утверждать, что ни на секунду не призадумается большевик над социалистической критикой – буржуазной анархии, а будет продолжать к комиссии Аванесова прибавлять комиссию других товарищей и над главтопом громоздить чрезтоп и все шире и все глубже увеличивать анархию. <...> А над всеми хозяйственными комиссиями создана еще новая сверхкомиссия, о которой сообщается в том же номере «Экономической Жизни»: «при совете труда и обороны образована общеплановая комиссия для разработки единого общегосударственного хозяйственного плана». Теперь, значит, пойдет уже музыка не та...

«Руль» (Берлин), 12 апреля 1921 г.

Нельзя, конечно, не отметить известный износ оборудования и отсутствие многих резервных частей, доставлявшихся прежде из-за границы, сношения с которой прекратились шесть лет тому назад. Этот износ несколько понизил мощность станции, ее экономичность и надежность, но все же остановки станции, частичные или полные бывают всего несколько раз в год и продолжаются 25-30 минут.

Однако, если по каким-либо причинам не будут получены из-за границы резервные части согласно первоочередной заявки, составленной в начале прошлого года и позднее (в конце 1920 г.) включенной в импортный план, положение может значительно ухудшиться и непрерывная работа станции при ожидаемой в будущем сезоне нагрузке не может быть гарантирована. Работа сложнейшей кабельной сети, длиною около 2 000 километров, лучше всего характеризуется непрерывным электроснабжением всех государственных учреждений, заводов и районов гор. Москвы.

В настоящее время перерывы подачи тока бывают лишь в исключительных случаях и вызываются обычно внешними, не зависящими от персонала причинами (затопление подвальных трансформаторных помещений, перегрузка самодельными нагревательными приборами). Так, за последние два месяца не выключался ни один питающий сеть кабель. Единственным слабым местом обслуживания сети является авто-транспорт, из-за ветхости существующих машин и отсутствия запасных частей. В этом отношении необходимо принять радикальные меры, так как только наличность хорошего способа передвижения позволит надлежащим образом приготовить сеть к распределению большей нагрузки будущего зимнего сезона.

Снабжение станции топливом можно считать до новой навигации налаженным передачей в наше распоряжение 450 000 пудов керосина и введением строжайшего контроля за расходом электрической энергии. Таким образом, избегнуто крайне нежелательное в экономическом и политическом отношении выключение районов Москвы или московской промышленности.

<...> Для снабжения станции материалами организован большой отдел, непрерывно хлопочущий во всех инстанциях о всевозможных материалах. Работа идет медленно, так как количество инстанций, от которых зависит предоставление, иногда очень велико. Но все же, с урезками и запозданием, материалы получают в таком количестве, что исправная работа предприятия пока может считаться обеспеченной.

В дальнейшем необходимо усилить снабжение предприятия материалами, как для текущего ремонта, так и для необходимого расширения станции и кабельной сети. Эти материалы должны предоставляться снабжающими органами в первую очередь и по возможности без волокиты, которая требует большой затраты излишнего труда, персонала и времени. Особенно плохо обстоит дело с получением исправных автомобилей, без которых может разладиться обслуживание кабельной сети. В этом вопросе, очевидно, необходима помощь высшей власти.

Персонал Московской станции с любовью подбирался в течение долгих годов, вследствие чего большая часть работников является лучшими работниками в своей области. Ввиду полного доверия к техническому и административному персоналу со стороны рабочих масс и Комячейки рабочие органы (общее собрание, Завком, Комячейка) никогда не брали на себя распорядительных функций и не вмешивались в управление предприятием, и таковое осуществлялось по большей части техническими руководителями, работавшими на станции по десяти и более лет.*

* Точнее, выборные, или общественные органы.

Весь персонал организован в стройный технический аппарат, который доказал свою пригодность к делу и работоспособность в тяжелых и неоднократно менявшихся условиях последних лет.

Аппарат Московской Государственной Электрической станции, помимо своей прежней работы, принужден был принять на себя и с успехом справился с рядом новых задач: подвоз и перекачка нефти, заготовка и погрузка дров, дело снабжения станции материалами и продовольствием, разработка проекта Шатурской станции и в самое последнее время – организация большого контрольного органа.

Кроме деловой дисциплины и всегдашнего признания авторитета технических руководителей, персонал психологически привязан к станции, ценит ее и заботится о ее благополучии, как о живом организме и работает не за страх, а за совесть.

Несмотря на откомандирование в другие организации ряда видных коммунистов из числа работников Московской Государственной электрической станции (т.т. П.Г. Смидович, Н.Н. Иванов, М.С. Радин, М.В. Кудряшов и пр.) имеющаяся в предприятии Комячейка достаточно сильна и организована для осуществления политического руководства и контроля.

В настоящее время у персонала тревожное настроение в связи с отменой с 1-го января прежнего (продфазтопского) пайка* и переходом на полуголодную сокращенную норму трудкарточки [литеры] «А». Это естественная тревога людей, не могущих прокормить себя и свою семью, должна быть ликвидирована переводом Московской станции на такой паек, который бы возмещал хотя бы приблизительно расход мускульной, умственной и нервной энергии, затрачиваемой на интенсивную и в высшей степени ответственную работу.

Так же плохо обстоит дело и с обмундированием, которое выдается в ограниченном количестве и не всем работникам, купить же его на вольном рынке не представляется возможным.

С денежной оплатой труда на Московской Государственной Электрической станции в общем и целом [дело] обстоит благополучно, если, конечно, не смотреть на нее, как на замену натуральных выдач. Для этого не хватит никакого денежного вознаграждения. Усиленно применявшаяся последние ½ года сдельная оплата труда, как общее правило, оказалась непригодной, и теперь мы заняты вопросом, чем заменить ее хорошую сторону – поощрение отдельных работников за большую интенсивность труда, срочность, тяжелые условия и пр.

Мы пришли к мысли о необходимости создания большого поощрительного фонда, распределяющегося Заводоуправлением совместно с нормировочными органами предприятия между работниками, работа которых вышла в данном месяце из среднего уровня.

Резюмируя отчет, должен констатировать надежное техническое состояние станции и сети и срочную необходимость обеспечить ее продовольствием, одеждой, значительным поощрительным фондом и исправными автомобилями.

В.Д. Кирпичников вынужден был выразиться достаточно резко лишь по одному поводу – о «полуголом существовании» рабочих 1-й МГЭС, в связи с их переводом с так называемого продфазтопского пайка на паек «литера А». В феврале 1921-го последний включал на одного работающего: русский фунт (0,4 кг) хлеба в день, и за месяц – полфунта сахара, 4 фунта мяса или рыбы, полфунта растительного масла, по 20 фунтов овощей и крупы, а также «мелочь» в виде соли, мыла, суррогата кофе и спичек (см. Приложение «Материалы по добыче торфа и Гидроторфу»).

* Продовольственный паек для фабрично-заводских рабочих и рабочих по топливу.

При этом Ответственный Руководитель 1-й МГЭС в своем докладе Председателю Совнаркома умолчал о скандале, происшедшем в самом начале 1921-го:

Ячейка Р.К.П. и Заводский комитет Московской Городской Центральной Электрической Станции бывш. О-во 1886 год доводят до сведения Народного Комиссариата Рабоче-Крестьянской Инспекции о том, что группа лиц служащих непосредственно в М.Г.Э.С. список коих указан ниже получает неизвестным образом Гидроторфский пайк, который выражается в очень солидных цифрах получая в то же время существующие карточки Трудпайка литер А.

Комячейка М.Г.Э.С. и заводский Комитет просят Народный Комиссариат Рабоче-Крестьянской Инспекции срочно ввиду происходящих волнений среди рабочих станции расследовать обстоятельства этого дела, уведомить о результатах расследования Ячейку Р.К.П. и Завком с указанием фактической нормы Гидроторфского пайка для отчета перед общим собранием работников станции.

Гидроторфский пайк в то время включал на одного работающего или члена семьи: муки 1½ фунта в день, крупы ¾ фунта, мяса ¼ фунта, рыбы 1 фунт, жиров 24 золотника, сахару 6 золотников, овощей ½ фунта, соли 1/9 фунта; суррогата чая или кофе 1 фунт в месяц. А также: мыла ½ фунта, спичек 3 коробка – в месяц.

Для нейтрализации «волнений среди рабочих станции» был прислан старший инспектор Наркомата РКИ Н.В. Горшенев, который установил, что неразбериха с якобы получением одновременно двух пайков некоторыми инженерами была вызвана несвоевременным их перезакреплением – вышестоящими инстанциями – с одного вида пайка на другой. И эти «волнения», возможно, и краткосрочные забастовки, едва не стали поводом, чтобы в том же 1921-м на 1-ю МГЭС едва не наслать для разборок представителей Московского комитета РКП(б) и Московской же ЧК (см. ниже)!

2 апреля, через месяц после получения этого доклада, В.И. Ульянов-Ленин, как сообщает биографическая хроника, знакомится с письмом заместителя ответственного руководителя Гидроторфа и ответственного руководителя Московской государственной электрической станции В.Д. Кирпичникова от 2 апреля 1921 года о положении в Гидроторфе и с просьбой о приеме его по этому вопросу (автором прилагались два доклада о Гидроторфе). В письме сообщалось также о посылке доклада о возникших затруднениях с оплатой сотрудников электростанции:

т. Горбунов! 1) прочтите 2) помогите чем можно (сверить у Милютин) 3) прочтите о гидроторфе и примите Кирпичникова. Ленин

Была ли оказана реальная помощь 1-й МГЭС – «продовольствием, одеждой, значительным поощрительным фондом и исправными автомобилями», нам уже было недосуг разбираться. Может быть, что-то и подкинули из централизованных фондов... Но сама обстановка военного коммунизма на успешно работавшем до Октябрьского переворота энергетическом предприятии выглядит весьма жутко.

А парой месяцев позже В.И. Ульянов-Ленин получил от члена президиума Наркомпрода А.Б. Халатова письмо, где последний сообщал о том, что Московская трамвайная электростанция и «Общество электрического освещения 1886 г.» (читай, 1-я МГЭС) являются оплотом старого меньшевистского гнезда, и предлагал перевести на другие предприятия значительную часть служащих, которые, несмотря на улучшенное снабжение, периодически устраивают «итальянские забастовки».

Председатель Совнаркома тут же обратился с запиской к председателю Госплана:

Т. Кржижановский! Помните, Вы мне говорили о необходимости удаления оттуда меньшевиков. Надо это поручить специальной комиссии. Как ее составить? Как ее работу проверять? Черкните, вернув это 26/V. Ленин

31 мая 1921 года Г.М. Кржижановский сообщил В.И. Ульянову-Ленину, что заведующим электроотделом Госплана даны указания об удалении служащих-меньшевиков с Московской трамвайной электрической станции. Выходит, 1-я МГЭС оказалась ни при чем? Почему «Суслик» не воспользовался удачным моментом, чтобы в очередной раз подгадать своему бывшему шефу, остается только гадать. А возможности сего были очень благоприятные – привлечь к разборкам на 1-й МГЭС и партийцев, и чекистов.

Через месяц председатель Совнаркома вспомнил:

Г.М.! Чтобы не забыть:

Насчет электрической станции. Надо вместе с М.К. или его комиссией + МЧК составить Вам календарную программу очистки от меньшевиков полной к 1.XII. 1921 или к другому подобному сроку. <...> Привет! Ленин

Биографическая хроника проясняет мерзкий сюжет запланированных «чисток»:

25 мая 1921 г. Ленин беседует с членом коллегии Наркомпрода А.Б. Халатовым <...> о необходимости постепенного перевода части служащих бывш. Общества электрического освещения 1886 г. и Московской трамвайной электрической станции (Замоскворецкий район) в другие учреждения.

26 мая 1921 г. Ленин читает письмо члена коллегии Наркомпрода А.Б. Халатова с предложением перевести постепенно значительную часть служащих бывш. Общества электрического освещения 1886 г. и Московской трамвайной электрической станции в другие учреждения; пишет на письме записку председателю Госплана Г.М. Кржижановскому о необходимости создания специальной комиссии по этому вопросу.

25 июня 1921 г. Ленин пишет записку председателю Госплана Г.М. Кржижановскому с предложением составить совместно с МК РКП(б) «календарную программу очистки» Московской трамвайной электрической станции <...>.

Как мы уже упоминали, на Раушской станции (будущей 1-й МГЭС) свили основательное подпольное гнездо, еще при царском режиме, как раз большевики, которые во время Октябрьского переворота 1917-го и командовали: отключить Кремль (когда там засели юнкера), включить Кремль (когда юнкеров удалось выбить).

В 1921 году на 1-й МГЭС убило током помощника мастера котельной И.В. Николаева – П.П. Удалова. Вот как о сем несчастье бесхитростно вспоминал Иван Вячеславович:

Это было 24-го ноября. Роберт Эдуардович в это время находился в Берлине. Когда он узнал об этом случае, то был очень удручен, как это мне потом передавал инженер, который в это время был с Р.Э. Он очень жалел Удалова, много говорил о нем, как о хорошем работнике, и долго не мог успокоиться, так как все время возвращался к этому несчастью. Затем, когда он вернулся в Москву, то при первой же встрече со мной он стал расспрашивать меня, как это все случилось, и я видел, как тяжело он переживал это. Потом он подробно расспросил меня, как живет семья Удалова, сколько у него осталось детей и как вообще они живут.

И, когда я описал безотрадную картину жизни этой несчастной семьи, то он долго сожалел об этом и сказал: «Как-нибудь ей нужно помочь». Через несколько дней он пришел ко мне, дал мне 10 миллионов рублей и просил передать семье Удалова. Потом он еще несколько раз приносил мне деньги для той же цели. Мне хочется сказать, что в то время, когда Р.Э. помогал семье Удалова, то члены его семьи продавали на рынке или обменивали на продукты свои домашние вещи. (Памяти Р.Э. Классона. МОГЭС, 1926)

В январе 1922 г. бумажные рубли надо было переводить в червонные по курсу 200 000/1. Выходит, Роберт Эдуардович «из своего кармана» пожертвовал около 50 червонных рублей!

А вот мнение сына Ивана (тоже инженера-электрика) о предпосылках этого смертельного несчастного случая:

Я уверен, что на Московской электростанции и на «Электропередаче» отец проводил обязательность применения правил безопасности. Я знаю только об одном смертельном случае на 1-й Московской станции: погиб в котле от низкого напряжения 120 вольт переносной электрической лампы помощник котельного мастера Удалов. На этой работе полагалось (как и теперь) питать переносные лампы пониженным в целях безопасности напряжением (теперь – 12 вольт!). Это случилось в 1921 г., во время командировки отца за границу по делам Гидроторфа. М.б. поэтому я не слышал от отца о причинах нарушения требования о пониженном напряжении.

Чтобы закончить с воспоминаниями И.В. Николаева, приведем последний сюжет на благодатную тему «Классон как человек», завязка которого относится к 1900-м:

Роберт Эдуардович иногда любил делать нам подарки, которые я получал от него неоднократно. Однажды он, проходя через котельную, зашел ко мне и, подавая свернутую бумажку, сказал: «Вот это – Вам подарок» и при этом объяснил, что он только что прочитал в английском журнале, как было произведено испытание водотрубного котла. На этом лоскутке бумаги была набросана Р.Э. диаграмма, в которой указывалось, с каким напряжением работает каждый ряд труб в котле. Подарок был для меня интересный. В 1924 году этот подарок был мне нужен. Я взял его в карман и случайно встретился с Р.Э. Показав ему этот лоскуток бумаги, я сказал: «Вот Ваш подарок, который Вы сделали мне 20 лет тому назад». Он посмотрел на него, рассмеялся и ответил: «Мы, Иван Вячеславович, за это время так поумнели, что этот подарок устарел». Так же несколько раз я получал от него подарки, которые он мне привозил из-за границы, много лет тому назад. Из этих подарков у меня сохранились и до сего времени – стальная карманная рулетка и алюминиевый ватерпас.

Из книги М.О. Каменецкого, с восстановленной купюрой:

Классон (со времени участия в марксистских кружках девяностых годов) на всю жизнь сохранил живой интерес к экономическим вопросам. Первое звено ленинской новой экономической политики – замена в 1921 г. продразверстки продналогом – по наблюдениям Классона, оказало огромное положительное влияние на сельское хозяйство Подмосковья. Классон очень часто ездил из Москвы на «Электропередачу» и хорошо знал весь дорожный пейзаж.

И вот, в 1921-1922 гг., он увидел, как были распаханы залежные земли вдоль шоссе, которые он привык видеть пустующими. {Эти земли в последние десятилетия существования царской России, при очень одностороннем развитии народного хозяйства нечерноземных, так называемых потребляющих губерний, превратились в пустыри, не использовавшиеся ни под пашню, ни под огороды.}

Здесь, конечно, нет никакой возможности оценить влияние непоследовательного и недолгого НЭПа на сельское хозяйство страны (тем более что летом 1921 года в Поволжье и многих других местностях разразилась жуткая засуха и возник не менее ужасающий голод), приведем лишь одну информашку из эмигрантской газеты (много других публикаций на эту тему мы разместили в Приложении “Л.Б. Красин и «соратники»”):

Продналог (Гельсингфорс, 10 октября, соб. корр.)

В Харьковской губ. предварительная политическая работа, проведенная для разъяснения крестьянам сущности продналога, по свидетельству сов. газет, очень слаба.

Этим пользуются, по словам «Известий», контрреволюционные агитаторы, старающиеся убедить крестьян, что продналог не является единственным сбором хлеба, а что за ним последует добавочная разверстка. Выясняется, что площадь скрываемой крестьянами земли доходит в некоторых местах до 30 процентов.

«Последние Новости» (Париж), 11 октября 1921 г.

Добавим лишь, что по сообщению тех же «Последних новостей» за тот же октябрь 1921 года:

Цены сегодняшнего дня в Петрограде таковы: фунт хлеба – 3 000 руб., фунт риса – 22 тыс. руб., фунт масла – 40 тыс. руб., поросенок – 250 тыс. руб., корова – 20 млн руб. и лошадь – 30 млн. руб. Месячные оклады учителей, конторщиков и т.д. колеблются между 15 и 20 тыс. руб. в месяц. «Продналог» уже обнаружил свой полный провал: сов. правительство назначило [еще весной] цену в 60 руб. за пуд хлеба. О добровольной сдаче зерна при таких условиях не может быть и речи.

В био-биографической хронике В.И. Ульянова-Ленина имеется такая несколько странная для Р.Э. Классона запись от 12 января 1921 г.:

На распорядительном заседании СТО, на котором Ленин не присутствует, <...> после обсуждения доклада комиссии, назначенной СТО 10 января 1921 г. по вопросу о снабжении Петрограда топливом, СТО постановляет поручить созыв комиссии Р.Э. Классону, а достигнутое соглашение представить на подпись Ленину.

И от 13 января:

Ленин подписывает протокол № 179 распорядительного заседания СТО от 12 января 1921 г. и принятые на нем постановления: <...> о распределении всех видов топлива, поступающих в распоряжение Петроградского отдела топлива (Петротоп), и о мерах для обеспечения Петрограда топливом.

Вообще-то Роберт Эдуардович не был важным советским чиновником (кроме того, что он руководил родным Гидроторфом), поэтому совсем не понятно, как можно было поручить ему созвать комиссию по обеспечению топливом замерзающего Петрограда.

После некоторых размышлений автор сих строк решил покопаться в протоколах заседаний СТО и вот что обнаружил:

12 января 1921 г.

Председательствовал: Аванесов

Присутствовали: Аванесов, Склянский, Фомин, Эйсмонд, Аникст, Халатов, Семашко, Лобачев, Богданов

Докладчики: Муралов, Журавлев, Орлов, Рудаков, Судаков, Циперович, Зоф, Классен, Звавич, Тейх, Сафонов

Слушали:

<...> 8. Доклад комиссии, назн. СТО 10-1-21, по вопросу о снабжении Петрограда топливом (Аванесов). Прот. 178, п. 3-10-г.

Постановили: <...> 8. <...> Созыв комиссии поручить т. Классену. Соглашение представить на подпись т. Ленину. РГАСПИ (бывш. ЦПА ИМЛ), ф. 2, оп. 1, д. 16842

То есть здесь поминается не Р.Э. Классон, а некий Классен (хотя до Октябрьского переворота Роберт Эдуардович проходил по некоторым документам Департамента Полиции и как Классен)!

Хорошо, копаем дальше и находим более ранний документ – Протокол заседания комиссии СТО согласно постановления от 12/1-21г в Главтопе 13/1-1921г. (РГАСПИ, ф. 2, оп. 1, д. 16874), где председателем (заседания или комиссии?) значится В.Э. Классен (присутствовавший от Главтопа).

А в еще более ранний период находим и регалии этого персонажа – В.Э. Классена:
25 июля 1919 г. Ленин председательствует (с 20 час.) на заседании Совета Обороны; <...>. На заседании обсуждаются также вопросы: <...> о мандате члену коллегии Главного топливного комитета ВСНХ профессору В.Э. Классену;

<...> Ленин подписывает мандат члену коллегии Главтопа ВСНХ В.Э. Классену на право проверки наличия запасов и расхода топлива всеми учреждениями и организациями и осмотра технических установок в целях выяснения возможности рационализации сжигания топлива.

То есть редакция этой самой Биографической хроники перепутала, по январю 1921-го, двух персонажей: инженера Роберта Эдуардовича Классона и профессора Московского Лесотехнического института, члена коллегии Главтопа ВСНХ Виктора Эмильевича Классена! Интересно, что инженеры Р.Э. Классон и В.Э. Классен работали параллельно, каждый в своей отрасли (тоже не пересекаясь?), еще до большевистского переворота. Так, последний периодически публиковался в «Вестнике Общества Технологов [в С. Петербурге]». Например, мне на глаза попались такие его статьи: Способы увеличения напоров гидравлических установок во время высоких вод, №№ 11 и 12, 1911 г.; Гидропульсор и его применение, №21, 1913.

А на Тринадцатом Собрании Научно-Механического Кружка Общества Технологов [в С. Петербурге] 7 января 1913 года В.Э. Классен выступил с беседой-лекцией о графических способах решений уравнений, которыми он пользовался на практике в гидравлике. В мае 1914-го он был приглашен участвовать в редактировании вышеупомянутого журнала, причем секретарем его Редакционного Комитета уже несколько лет значился старый знакомый Р.Э. Классона – М.И. Бруснев!

«Пересекались» Р.Э. Классон и В.Э. Классен и, например, на страницах газеты «Коммерсант»: первый в 1914-м дал мини-интервью по поводу предстоящей конкуренции с господином-концессионером Файном, а последний опубликовал в той же газете пару «научпоповских» статей по сложной ситуации с топливом, зашифровавшись под псевдонимом «В. К-н».

В 1920 г. В.Э. Классен регулярно печатался в «Экономической Жизни», где со статьей «К вопросу о растрате технических сил» 12 августа 1921 года выступил и Р.Э. Классон (см. ниже). В общем, мир инженеров был достаточно тесен!! Особенно, московских и петербургских – мы еще приведем свидетельства о существовании неформального, по-видимому, Кружка технологов (выпускников Технологического), душой которого в Первопрестольной был Р.Э. Классон.

В апреле 2015-го автор сих очерков при просмотре номеров «Экономической жизни» за лето 1921 года (для уточнения некоторых частных по МОГЭС, упомянутых в эмигрантском «Руле»), совершенно случайно обнаружил большую публикацию инженера-технолога Р. Классона в номере за 19 августа – «К вопросу о растрате технических сил». В ней Роберт Эдуардович возвращался все к тем же жгучим темам, которые он уже затрагивал в «Докладе в ГОЭЛРО»:

В газете «Известия ВЦИК» от 12 июля сего года помещена статья Григория Ратнера «Растрата технических сил», затрагивающая чрезвычайно важный жизненный вопрос, но освещающая его, по моему мнению, чрезвычайно односторонне.

Меня не менее чем автора статьи огорчает бесплодная растрата технических сил, я считаю большим несчастьем для страны, что квалифицированные работники, в частности инженеры (которых одних имел в виду автор статьи), вырождаются, что силы их тратятся совершенно непроизводительно в чуждых им областях и что они фактически бегут от той работы, к которой призваны по своим знаниям и своей подготовке.

*Никакое возрождение промышленности невозможно, пока этому явлению не будет положен предел. Вопрос весь в том, чем это явление обуславливается и какими мерами ему можно противодействовать. Автор статьи не видит других способов, кроме давно испытанных карательных мер, он считает необходимым объявить беспощадную войну растрате технических сил.**

*Я тоже считаю это необходимым, но [надо противодействовать] совершенно другими способами, чем это предлагается в статье; одними карательными мерами и «суровой ответственностью» ничего достигнуть нельзя. Есть **один** только способ, причем очень простой, для привлечения технических сил к промышленности, это – заинтересовать людей, сделать так, чтобы они **дорожили своим местом**. Если этого нет, если рабочие только по принуждению сидят на местах и рады сделать все что угодно, лишь бы уйти, то никакой рациональной постановки быть не может.*

По-видимому, Р.Э. Классон обратился с этим откликом сначала в «Известия», но там его отфутболил редактор Ю.М. Нахамкис-Стеклов или кто-то из его заместителей – слишком скандальная тема была поднята: не только про бедственную ситуацию с инженерами, но и с пролетариатом? На это указывает более чем месячный промежуток между появлением статьи Г. Ратнера и публикацией отклика в «Экономической жизни».

В основном аргументы статьи «К вопросу о растрате технических сил» повторяли таковые, изложенные ранее в «Докладе в ГОЭЛРО». Но ведь последний был документом «для служебного пользования», а здесь критика в адрес идиотской советской системы тарификации жалования рабочего класса прозвучала на всю страну!

Возможно, публикация Р.Э. Классона была далеко не единственной на эту жгучую тему, и власти, в конце концов, отреагировали. Процитируем, например, такой отрывок из некоего исторического текста в Интернете:

Перевод промышленности на хозрасчет потребовал отказа от сложившейся во времена военного коммунизма системы оплаты труда, которая уничтожала личную заинтересованность в результатах производства. В этот период натуральная оплата труда рабочих, инженеров, директоров и т.д. в виде пайка преобладала над денежной, причем размер его определялся не интенсивностью и квалифицированностью труда рабочего, а размером его семьи. Усредненный рабочий получал столько же, сколько и лодырь, квалифицированный рабочий – тот же паек, что и чернорабочий. К началу 1921 г. натурализация зарплаты достигла своей высшей точки: натуральная часть составляла 94%. Разница в оплате труда рабочих 12-го и 1-го разрядов в это время реально измерялась всего 2%. Дело доходило до того, что в ряде случаев заработок инженера 35-го разряда был ниже заработка наименее квалифицированного чернорабочего или сторожа.

* В статье «Растрата технических сил» автор указывал:

Основной задачей нашего промышленного строительства является рациональное использование технических специалистов старой формации, на опытности которых наша промышленность зиждется. Между тем, в этой области еще ничего не сделано. Не только нет правильного контроля за использованием технических сил, но даже простой учет их поставлен чрезвычайно слабо. <...>

Далее Г. Ратнер приводил примеры нерационального использования инженеров в Наркомпути, в частности:

Из общего числа 3 тыс. инженеров работают на линии, т.е. на непосредственной производственной работе, около 1 175, т.е. 39%. Остальные 61% работают в НКПС, в округах, комитетах по перевозкам и в управлениях дорог. <...> На дорогах мы имеем огромное преобладание числа управленческих инженеров по сравнению с линейными. В среднем в управлениях дорог работают 50% инженеров, доходя в некоторых случаях до дикой цифры 80%. <...>

Все это подтверждало сюжет, разобранный Р.Э. Классоном – «Теперь вопрос: почему же инженеры сидят в главках, а не на заводах?».

Задача изменения системы оплаты труда была поставлена уже в первый год нэпа. В декрете СНК РСФСР от 10.09.1921 г. «Основные положения по тарифному вопросу» указывалось: «Увеличение оплаты должно быть связано прямо и непосредственно с увеличением производительности, со степенью участия рабочих в повышении производства... При установлении тарифных ставок рабочим разных квалификаций, служащим, среднему техническому и высшему административному персоналу всякая мысль об уравнительности должна быть отброшена».

В декабре того же года была введена новая 17-разрядная тарифная сетка. Ставка высококвалифицированного рабочего по ней превышала ставку чернорабочего в 3,5 раза. Осуществлялся постепенный переход от натуральной к денежной форме заработной платы. За 1922 г. удельный вес денежной оплаты труда повысился с 22,2% до 79%, а в первой половине 1923 г. натуральная часть составляла всего 9%. Рабочим предоставлялась возможность с повышением производительности труда увеличивать свой заработок независимо от процентного отношения суммы заработка к основной тарифной ставке.

Можно предположить, что на такие шаги властей в какой-то степени повлиял и вопиющий пример с «тарификацией времен военного коммунизма», приведенный Р.Э. Классоном в письме В.И. Ульянову-Ленину от 10 июня 1921 г., где первый по пунктам отвечал на запросы последнего о нуждах Гидроторфа:

Сейчас уже настало время, когда работать на заводах можно при условии, что в работу не вмешиваются центральные учреждения и союзы. Поясню примером: в последние дни на заводе «Русская машина» доканчивались перед его закрытием наши работы. Работало всего несколько человек, в том числе токарь, который стал работать на двух станках сразу. Казалось бы, это надо приветствовать. Если ткач работает на четырех станках, почему токарю не работать на двух.

Но оказалось, что он при этом заработал около 2 500 рублей в день (меньше стоимости одного фунта хлеба), и за это Гомомезой, как за нарушение тарифа металлистов, был оштрафован управляющий завода. Ясно, что работа прекратилась. Этот же токарь как чернорабочий или даже как токарь, но на частной работе или на работах Комгосоора и других советских учреждений, мог бы заработать 20-30 тысяч рублей в день, но, работая на большом заводе, он на это не имел права, так как это нарушает тариф Союза [металлистов]!

Кстати, в статье «К вопросу о растрате технических сил» повторялся сюжет с уволенным кочегаром, который упустил воду в котле и чуть было не взорвал его:

Привожу пример: в прошлом году я уволил кочегара, который по своей небрежности чуть не взорвал котел [на «Электропередаче»]. На другой день кочегар, встретив меня, очень наивно стал меня благодарить за то, что он как извозчик будет зарабатывать в 15 раз больше, чем зарабатывал будучи кочегаром.

Он – крестьянин и не уходил в извоз только потому что был прикреплен к станции; все остальные сотоварищи с завистью смотрели на его уход. Извольте при таких условиях правильно поставить обслуживание в котельной!

Здесь же Роберт Эдуардович приводил и такой сюжет насчет инженеров:

Теперь вопрос: почему же инженеры сидят в главках, а не на заводах? Во-первых, я указал на трудность обстановки и условий работы на заводах, а во-вторых, служба на заводах, почти нельзя совместить с семьей. Ни заводская работа, ни работа в главках не может прокормить человека, особенно с семьей. Но завод почти всецело поглощает человека, и другой службы брать ему нельзя. Напротив, это вполне возможно, если сидишь в главке.

В конце концов, на 3-4 местах человек получает необходимое количество питательных продуктов, которые, в конечном счете, ему дает государство. Если бы государство за эту сумму продуктов получало реальную работу [(отдачу)] на одном месте, то оно было бы в выигрыше, но теперь оно получает отрывочную, зачастую фиктивную, работу в 3-4 местах, которая данному работнику дает только одно утомление и никакого нравственного удовлетворения, а государству дает убыток.

Сей сюжет – фиктивная работа в 3-4 местах – был массовым явлением не только среди инженеров, но и в среде творческой интеллигенции по всей Советской России. С.Н. Мотовилова так рассказывала о выживании в Киеве в письме сестре Вере в Лозанну:

Начальством у нас был [будущий советский писатель] Мстиславский (одну книгу его я тебе послала). У него имелось одно достоинство, он понимал, что не надо дать погибнуть старой интеллигенции, и когда работал, собирал ее вокруг себя в Киеве.

Это были двадцатые годы, голод, тиф. Сперва я с ним работала в [украинском] Наркомпросе, он заведовал библиотечным отделом. А когда он перешел на железную дорогу в Доркпрофсоюз, он прислал одного юношу пригласить меня работать с ним. Тогда можно было совмещать несколько служб. У меня их было сперва три, а потом даже четыре. Я уходила из дома с утра и возвращалась около двенадцати ночи. В Доркпрофсоюзе нам выдавали хорошие пайки, я получала ежемесячно 4½ пуда черной муки (как это все чуждо и непонятно тебе!). Это было богатство тогда, но мама не знала, что с ней делать, и ее валили в наш гардероб (помнишь Ноев ковчег?), где она пропадала. Только потом мама сообразила, что ее можно давать выпекать за припек, и все наши радовались, что у нас не пайковый, а вкусный хлеб. Я черного хлеба [все же] не люблю. Несмотря на мою загруженность работой я честно отбывала следуемые мне часы в Доркпрофсоюзе.*

В конце публикации в «Экономической жизни» Р.Э. Классон делал категорический вывод: «В конечном счете – все в проигрыше, коэффициент использования технических сил ничтожен, но в этом виноваты постановка дела и боязнь посмотреть открыто и прямо на положение вещей. Необходимо пересмотреть постановку квалифицированного труда и поставить его в то положение, которого он по своему значению в государстве заслуживает».

В начале 1922-го чуть не повторился блэкаут 1920-го, на сей раз из-за очередного обострения дефицита с топливом (перманентный его дефицит наблюдался, по-видимому, еще с начала гражданской войны).**

* По-видимому, это ржаная, темная мука (а не белая, пшеничная).

** Топливный кризис

По вопросу о причинах топливного кризиса разгорелась межведомственная полемика. Письмом в №35 «Эконом. Жизни» главное управление путей сообщения возражает на то обвинение, что кризис явился результатом «систематического невыполнения ж.д. плановых нарядов главтопа». Гл. управление, наоборот, приписывает кризис малой добыче минерального топлива и слабому подвозу к станциям, ибо «отсутствие угля в Донецком бассейне общеизвестно, и фактическая добыча не удовлетворяет потребности даже работающих на твердом топливе дорог Донбасса... То же самое должно быть сказано и о сибирском угле, добыча которого протекает неудовлетворительно». По приводимым за 28 дней января данным – неподачи вагонов под погрузку не было, между прочим недогруз был 70 проц. Примерно такова же картина погрузки дров на дорогах сети за январь месяц, причем опять-таки недогруз дров происходит не потому, что не даются вагоны, а вследствие непредъявления дров к погрузке и слабой погрузки, объясняемой недостатком рабочей силы и необеспеченностью рабочих продовольствием и прозодеждой». Недогруз же минерального и дровяного топлива «лишает возможности выполнять план перевозки жидкого топлива».

«Руль» (Берлин), 10 марта 1921 г.

Продолжение примечания

«Пережог»

Неожиданный для сов. администраторов размер топл. кризиса заставляет большевистских экономистов возвращаться к выяснению причин. Взаимные обвинения так и сыпятся с разных сторон; все чаще повторяется обвинение в хищениях, которые должны были происходить в гигантских размерах, чтобы возможно было ими объяснить столь неожиданные последствия. В большой статье Смирнова (в №11 «Эконом. Жизни» [за 1921 г.] указывается, что «уменьшение [добычи] Донецкого угля объясняется целиком исчерпанием запасов, увеличением потребления и расхищения топлива в зимнее время».

На соответствующие указания главтоп закрывал глаза, «предпочитая основываться на заявлении руководителей юготопа, которому он сам не верил». Причины кризиса автор усматривает «в настоящем бюрократизме со всеми его прелестями». В другой статье того же номера «Эконом. Жизни» причины кризиса уже гораздо определеннее сводятся на хищения. «Именно теперь, когда нет топлива, имеет место ничем не объяснимый, кроме хищения, колоссальный перерасход его, для которого народный комиссариат путей сообщения нашел термин “пережог”». Тут же автор сообщает различные факты хаотического хозяйничанья на ж.д. На Киево-Воронежских дорогах топливо, предназначавшееся для военно-лечебных заведений, захвачено и передано на распределение между ответственными сотрудниками железных дорог. На Юго-Восточных дорогах администрация реквизирует чужое топливо, не принимая никаких мер к продвижению своего.

Чрезвычайно характерно для оценки того, какова подотчетность в железнодорожном хозяйстве, указание на то, что администрация юго-восточных ж.д. «позволила себе представить отчет в расходе угля за ноябрь 1920 года, в котором расход превышает приход на 394 000 пудов» [Столько топлива ведомство Ф.Э. Дзержинского скрало, при перевозке по ж.д., у других организаций!!! – МК].

Трудно сказать, всецело ли сводимы причины кризиса на подобные явления или же здесь проявилась, как думает [советский экономист, член президиума ВСНХ Юрий] Ларин, ошибочная экономическая политика хозяйственных центров. Ларин приводит из доклада [зам председателя ВСНХ Георгия] Ломова утверждение, что «стремление форсировать во что бы то ни стало металлургию юга» привело к сосредоточению для этой цели чрезмерных запасов топлива, благодаря чему произошло «сокращение работ над оборудованием наших предприятий и транспорта», что в свою очередь, благодаря отвлечению угля от железных дорог, привело к сокращению перевозки не только топлива, но и других нужных материалов; благодаря этому в конечном счете «потухли и остановились сами домны южных металлургических заводов, а отчасти были залиты водой некоторые крупнейшие копи» («Эконом. Жизнь» №45 [за 1921 г.]). Так, желание форсировать металлургию привело к потуханию домн, и большевики стали убеждаться, что хоз. механизм обнаруживает некую сложность и что для управления недостаточно одной готовности сочинять программы.

«Руль» (Берлин), 25 марта 1921 г.

Топливный бюджет [(баланс)]

Согласно данным «Экономической Жизни» (№45) топливный бюджет составлял в России в 1920 г. – 1 378 000 пудов топлива (в переводе на 7 000-калорийные). Между тем как в 1916 г. он составлял 7 400 000 пудов, из которых на промышленно-технические нужды шло около 3½ миллиардов пудов (что свыше чем в 2½ раза превышает весь топливный бюджет прошлого года). При этом из указанного количества топлива в 1916 г. – 81,3 проц. было минерального и 18,7 органического [(дрова и торф)], между тем как в 1920 г. отношение изменилось на 35 проц. минерального и 65 проц. органического.

«Руль» (Берлин), 25 марта 1921 г.

Добыча нефти

Нефти добыто в 1920 году во всех районах 233 миллиона пудов вместо 269 миллионов пудов в 1919 году и 555 миллионов пудов в 1913 году. «Такое сокращение объясняется главным образом числа производительных скважин». К концу 1920 года их эксплуатировалось в Бакинском, Грозненском и Урал-Эмбинском районах всего 1 078 вместо приблизительно 4 000 в нормальных условиях. В частности в Бакинском районе была за период национализации приостановлена эксплуатация около 700 скважин «вследствие массового ухода тартальщиков из-за продовольственных затруднений».

Что касается бурения, то по сравнению с условиями нормального времени «можно говорить почти о полном прекращении буровых работ». Причины сводятся к недостатку рабочих рук и материалов («Экономическая Жизнь» №53).

Газета «Руль» (Берлин), 14 апреля 1921 г.

Советские жел. дороги (От собственного корреспондента, Ревель, 17.IV)

Из последнего сюда проникшего номера «Экономической жизни» (№77 от 10.IV) мы черпаем следующие данные о положении ж.д. транспорта в сов. России. По ним [видно] состояние паровозного парка в феврале: больных паровозов было 11 081, или 58,6%, здоровых было – 7 360. Из них годных для следования с товарными поездами – 5 577. «Из приведенных цифр, – пишет сам цитируемый орган, – видно, что положение паровозного парка в феврале значительно ухудшилось».

Р.Э. Классон в будировании властей непосредственно не участвовал, поскольку над национализированными столичными электростанциями был создан достаточно мощный административный аппарат – Управление Объединенными Государственными Электрическими Станциями Московского района (МОГЭС) Главэлектро ВСНХ. Но наверняка переживал за свое детище – Раушскую станцию (это отмечалось выше и будет видно ниже).

Итак, 31 марта 1922 года, после того как столичные электростанции в течение двух месяцев сидели на голодном пайке, Управление МОГЭС наконец-то обратилось в вышестоящие органы с отчаянным призывом (этот материал, как и нижеследующие по топливному кризису, хранится в ф. 130, или совнаркомовском, ГАРФ):

Управление обращает особое внимание СТО на возможную остановку 1-й и Трамвайной Московских Электрических Станций из-за недостатка топлива, имеющегося в данное время в распоряжении указанных Электростанций. Обе Электростанции находятся исключительно на жидком топливе.

<...> Какие же причины привели Московские Электростанции к столь тяжелому топливному кризису? Причина по мнению Управления одна: Московские Электростанции подошедшие к зимнему сезону с запасом топлива в 2.000.000 пудов с установлением новой экономической политики стали для ГУТ'а не такими предприятиями, которые надо спасать при всяких обстоятельствах, как это было всегда до сего времени, а предприятиями, пожирающими громадное количество топлива без всякого смысла, как бы для своего собственного удовольствия.

Начиная с Января месяца наряды на нефтетопливо даются ГУТ'ом из таких пунктов налива, как то: Царицын, Саратов, Батраки – откуда доставить топливо при топливном голоде всех железных дорог заведомо считалось невозможным. Наряды выполнялись в размере 30-50% от заданий и, кроме того, железные дороги реквизировали топливо в большом количестве в пути следования.

Окончание примечания

Что касается состояния вагонного парка, то: «По сравнению с январем, – пишет «Эконом. Жизнь», – положение вагонного парка значительно ухудшилось, причем уменьшился и рабочий парк (в январе – 294 124)».

Из этих официальных данных явствует, что все экстренные меры, принятые советскими властями, не только не дали положительного результата, но, наоборот, положение, как по отношению к паровозам, так и к вагонам, «значительно ухудшилось». То же самое вынуждена констатировать цитируемая газета относительно обеспечения ж.д. топливом. Оказывается, что все ж.д. действующей в настоящее время сети обеспечены дровами в среднем на 22¾, углем – на 4½ и нефтью – в среднем на 11½ дня. При этом лишь северные дороги могут вообще рассчитывать на поставление [(пополнение)] своих запасов. Все остальные дороги будут иметь незначительные запасы топлива. Это при самой оптимистической калькуляции, ибо пессимизмом советские учреждения никогда не грешили.

М.

«Руль» (Берлин), 29 апреля 1921 г.

Топливное положение Москвы

Согласно доклада председателя Москвотопа [Моисея Александровича] Икана, топливное положение Москвы в нынешнем сезоне следующее: Москва будет иметь некоторых видов топлива более, чем в прошлом году, а других – менее, но в общем сумма топливных средств останется примерно та же. Так, в прошлом году имелось 177 тыс. кубов дров, в этом году можно рассчитывать на 151 тыс. кубов. В прошлом году имелось 1 855 000 пуд. торфа, в этом году 1 150 000 пудов. Донецкого угля будет получено не более 1,2 млн. пуд., т.е. значительно меньше, чем в прошлом году. Нефти предполагается получить за всю зиму 7 млн. пудов, из которых 1,5 млн. пуд. пойдет на отопление больших домов, занятых рабочими коммунами. Правительственные предприятия и заводы, вероятно, удастся обеспечить топливом примерно на 50 проц. их заявок. Кооперативам, частным предприятиям и гражданам придется заготавливать топливо путем самоснабжения. От их энергии зависит, будут ли они с топливом на зиму. («Правда», №197)

«Последние Новости» (Париж), 5 октября 1921 г.

Из ближайших пунктов налива за Электростанциями была забронирована только Рязань, на которую сейчас же вслед за забронировкой стали выдаваться наряды и для Казанской железной дороги и для Москвитопа и даже для Московского Районного Нефтяного Комитета и других. В конце Февраля месяца, когда положение с нефтетопливом Электростанций надо было уже признать очень тяжелым в течение 3-4 недель, по распоряжению ГУТ'а производились реквизиции всего топлива, предназначенного в адрес Электростанций и, когда Электростанциям грозила остановка, Управление принуждено было доказывать ГУТ'у невозможность остановки Электростанций и вымалывать разрешение на отпуск керосина.

Что же предприняли власти для того, чтобы не «замерла вся Москва»? Практически ничего.

Через неделю, 8 апреля, врио начальника Главного Управления по Топливу (ГУТ) Г.Л. Пятаков шлет отчаянную телефонограмму наркому путей сообщения Ф.Э. Дзержинскому:

Вследствие неподхода топлива по плану для Московской Электростанции запасы понизились на 4/IV [до] 230 тысяч пудов, что обеспечивает станцию на 9 суток. Если не будут приняты исключительно меры о доставке нефтетоплива, неизбежна остановка станции. Просьба сделать категорическое распоряжение:

1) о полном обеспечении цистернами Нижнего и Царицына, где назначен плановый налив для Электростанции; 2) о срочном передвижении в Москву всего наливаемого для электростанции нефтетоплива; 3) о недопущении каких бы то ни было реквизиций в отношении означенного нефтетоплива.

Здесь стоит обратить внимание читателя на такой позорный факт, как реквизиция (читай, грабёж одного госпредприятия другим госпредприятием) железными дорогами топлива, предназначенного для энергетиков. И все это при явном попустительстве «пламенного чекиста» Ф.Э. Дзержинского, ведавшего одновременно железными дорогами!*

* Приведем статью «Экономика транспорта» в берлинской газете «Руль» от 20 декабря 1923 г., иллюстрирующую, со слов наркома НКПС Ф.Э. Дзержинского, острый дефицит услуг железнодорожного транспорта и его убыточность даже спустя 6 лет после Октябрьского переворота:

<...> Особенный интерес представляет специальное приложение к последнему номеру «Экономической Жизни» (9 декабря, №59), озаглавленное «Итоги и перспективы на ж.-д. транспорте». Вступительная статья «самого» наркома Дзержинского, в последнее время обратившего свое внимание от ГПУ на транспорт, подводит итоги работе ж.д. за истекший [операционный и уходящий календарный] год и намечает задачи на будущее. Основное, что характеризует финансовое состояние ж.д. – дефицитность. «Дефицитность эта вызывалась не только плохим хозяйствованием, хотя в области этой перед ж.д. еще достаточно большие возможности к улучшению, не только огромными разрушениями, причиненными империалистической и гражданской войной, хотя время восстановления этих разрушений весьма чувствительно отзывается на тощем бюджете транспорта.

Главная и основная причина все же лежит в неизбежном полухолостом ходе огромного организма ж.д., при объективной невозможности ни нагрузить его полностью, ни концентрировать в соответствии с современным масштабом работ». Цифры, содержащиеся в приложении, дают картину «неминуемой дефицитности» транспорта. В истекшем операционном году транспорт в общей сложности сделал 34,29 проц. перевозок по сравнению с 1913 г. (против 24,6 проц. от довоенной нормы в 1921-22 [операционном] году).

Ж.д. в истекшем году лишь едва превысили по работе 1/3 довоенного времени в отношении перевозки коммерческих грузов, т.е. основной работы железнодорожного транспорта. Выручка ж.д. составила за истекший год 77,5 проц., тогда как 22,5 проц. покрывалось дотациями государственного казначейства. Кроме того, продолжается еще изнашивание основного капитала ж.д., недостаточно амортизируемого как дотациями, так и поступлениями. «Полотно, строения, подвижной состав все еще ремонтируются и восстанавливаются в недостаточной мере». Таковы признания Дзержинского.

И, наконец, апофеоз топливного кризиса в Москве. Из телефонограммы Управления МОГЭС в ГУТ Г.Л. Пятакову от 12 апреля стало известно, что топлива осталось всего на 6 дней. Мы оставляем профессиональным историкам и экономистам разбираться в том, почему большевистский НЭП низвел электростанции до положения *«предприятий, пожирающих громадное количество топлива без всякого смысла, как бы для своего собственного удовольствия»*.

Отметим лишь, что транспортная схема по доставке нефтетоплива до Раушской станции (наливные баржи по Каспию, Волге, Оке и Москве-реке, трубопровод от Симоновой заставы, где размещались нефтяные склады бывшего акционерного общества «Ока»), доведенная до полного совершенства в 1907-м, к счастью, не была разрушена после большевистского переворота и гражданской войны, к 1922 г. Лишь поставки нефти из Баку и Грозного сократились в несколько раз...

Окончание примечания

А вот какое сообщение напечатали берлинские «Дни» 25 февраля 1923 г., характеризующее «пламенного чекиста» и его аппарат НКПС как бездарных управленцев:

Резолюция Союза железнодорожников о транспорте

Собрание пленума ЦК Союза железнодорожников передало наркому пути следующую резолюцию:

«Пленум Ц.К. констатирует, что, несмотря на ряд принятых мер, положение транспорта продолжает оставаться весьма тяжелым и даже угрожающим безопасности РФ в военном отношении. Энергичные циркуляры и предписания из центра, как всегда, ограничивались угрозами и увольнениями ни в чем не повинных тружеников транспорта. Ни один циркуляр и ни одно предписание не указывало местным правлениям способа борьбы с ж.-д. разрухой, а когда по собственной инициативе принимались те или иные решения по улучшению ремонтов подвижных составов, пути, зданий или по рациональной эксплуатации движения, то центр незамедлительно грозными телеграммами отменял принятые уже целесообразные мероприятия.

Когда задолженность ж.-д. служащим превысила доходы с эксплуатации, НКПС предложил сократить число транспортных служащих, что немедленно отразилось на состоянии дорог и движения; например, кондукторские бригады, сопровождающие в количестве 2-х и 3-х человек груженные составы, не могли справиться с возложенными обязанностями – отсюда бесчисленные разрывы поездов в пути и крушения. То же самое происходит и в других отделах ж.-д. службы. Раньше транспорт выполнял свои задачи за счет основного капитала и усилий работников, в настоящее время эти источники уже истощены.

Пленум предлагает: немедленно ввести изменения в дело финансирования отдельных ж.-д. правлений; установить правильную финансовую политику и предоставить правлениям [возможность] проявлять инициативу там, где это необходимо по местным условиям; обратить серьезное внимание на заготовку шпал и их замену, ибо 70% шпал на всех дорогах республики прогнили и угрожают прекращению движения. Пленум предлагает наркому пути, в целях обеспечения спокойной работы, воздержаться от коренных и резких организационных реформ, которые не спасут положения транспорта, а только окончательно его убьют, т.к. дело не в реформах, а в предоставлении оборотных средств правлениям транспорта и в снабжении их строительными материалами, сырьем, металлами для ж.-д. мастерских и ручным техническим инвентарем для квалифицированных служащих транспорта. Пленум предлагает немедленно осуществить децентрализацию финансово-хозяйственной стороны дела и упорядочить исчисление норм доходов и расходов дорог, а главное – воздержаться от рассылки грозных циркуляров, только путающих правильную эксплуатацию ж.-д. линий и вносящих ряд недоразумений в среду ответственных работников транспорта».

А вот и печатное обнародованное косвенное признание Ф.Э. Дзержинского в своем попустительстве в отношении грабежей топлива на подведомственных ему железных дорогах (правда, это произойдет годом позже), появившееся в совгазетах, а затем перепечатанное 27 февраля 1923 г. берлинскими «Днями»:

Конфликт Дзержинского с комиссией С.Т.О.

Комиссия Совета Труда и Оборона, после обследования ряда крупных рудников [шахт? – МК] Донбасса и совещания с представителями госуд. трестированной и частной промышленности, отклонила предложение Дзержинского о проведении 10-дневных погрузок в марте и апреле исключительно для нужд ж.д., в виду того, что это должно вредно отозваться на промышленности всей федерации. Комиссия решительно высказалась при этом против реквизиции топлива ж.д. Дзержинский, недовольный постановлением комиссии, заявил федеральному совнаркому, что он слагает с себя всякую ответственность за все задания, возложенные на ж.-д. транспорт по перевозке срочных продовольственных грузов и топлива.

В апреле 1922-го Роберт Эдуардович опять вернулся к теме «разрухи в головах большевиков» и к соответствующей хозяйственной разрухе. В записке в Госплан (т.е. в первую голову к Г.М. Кржижановскому, который еще в декабре 1920-го врал насчет «полного восстановления электростанций») он констатировал:

В настоящее время положение станций стало настолько острым, что дальше замалчивать его нельзя. Все инстанции исчерпаны, нигде нужды центральных станций не нашли себе должного сочувствия, всюду они наталкивались только на «экономия».

И потому я решаюсь изложить Госплану истинное положение станций во всем его неприглядном виде, считая, что Госплан, менее чем кто-либо другой, имеет право предаваться необоснованному оптимизму. Я утверждаю, что за последние годы электрификация России, взятая в целом, идет не вперед, а назад, то есть, что сумма мощностей электротехнических сооружений не увеличилась, а уменьшилась.

К сожалению, у нас по отношению к электрификации принято говорить слащаво-оптимистическим тоном, чуждым всякого делового отношения, принято умиляться над тем, что «такая-то деревня освещается электричеством, а там-то даже несколько деревень объединились и совместно освещаются». Все это, конечно, хорошо, но при этом упускается из виду другая история. А именно, в огромном большинстве случаев эти машины сняты с соседних фабрик, которые тем самым обречены на длительное бездействие, а с государственной точки зрения установка динамо-машины на фабрике, вероятно, имеет большее значение, чем установка той же машины в деревне!

И вот печальный итог:

Но не эта сторона важна, и я на ней останавливаться не буду. Сейчас важно положение больших центральных электрических станций <...>.

Что же делает Государство для удовлетворения будущей потребности промышленности и населения? Пока ничего. Больше того, оно, взяв все права, фактически не приняло на себя обязанности поддерживать станции жизнеспособными. Станции медленно, но систематически разрушаются.

<...> Целый ряд механизмов опускается все ниже и ниже за неполучением необходимых средств для ремонта. Но вот результаты экономии: раньше Московская станция производила на каждый пуд нефти 22 киловатт-часа, сейчас же она производит только 17, несмотря на то, что ее котлы работают сейчас образцово, насколько это возможно без термометров, пирометров и прочих приборов. Ежегодно мы теперь сжигаем хищнически много десятков тысяч пудов драгоценной нефти, стоимость которой далеко превышает стоимость запасных частей. Повторяю, экономия превратилась в расточительность. Нигде нужды центральных станций не встречают отклика.

Центральные электрические учреждения непрерывно реформируются, в них с калейдоскопической быстротой меняются лица, и, может быть, поэтому никто в положение электрических станций не вникает.

Возвращаясь к вопросу об электрификации, я прошу противопоставить то, что сделано за последние годы в области нового строительства, тому, что выбыло из строя за те же годы на существующих станциях: две Бакинские станции потеряли свыше 20 000 киловатт; Петроградская станция потеряла половину своей мощности; с Московской станции сняты две машины на 2 000 киловатт (правда, устаревшие) и выбыла из строя одна машина в 5 000 киловатт; еще две машины работают без некоторых дисков и ослабели процентов на десять; на Электропередаче уже около года не работает генератор №2.

Какие же плюсы противопоставить этим минусам, которых можно насчитать еще очень много? К сожалению, только небольшую опытную станцию на Шатуре, котельная установка которой может дать 3-4 тысячи киловатт; затем станцию на Кашире, котлы которой могут дать 4-5 тысяч киловатт; затем несколько мелких станций, не идущих в счет. И это все.

Предстоящий пуск станции в Петрограде (Уткина Заводь) не изменит положения вещей, так как станция имеет только одну машину без резерва. Гидравлические станции могут пойти в ход лет через пять. Остальные строительства приостановлены или ведутся таким ничтожным темпом (Нижегородская), что могут начать играть роль опять-таки только через несколько лет. Все это очень печально, но нельзя на это закрывать глаза, и менее всех – Госплану.

Я считаю, что вся задача ближайшего момента должна свестись к активной и реальной поддержке существующих станций. Ведь ясно, что установка новой, вполне современной турбины на существующих станциях будет стоить в десять раз дешевле, чем установка той же турбины на новом месте, где все надо создавать: и здания, и жилье для персонала, и линии и все прочее.*

* Дополнительный штрих к «ленинской электрификации» 19 июля 1921 г. внес берлинский «Руль», позаимствовав из публикации в московской «Экономической жизни»:

Электрификация

Всем памятна шумиха, поднятая Лениным вокруг вопроса об электрификации России, каковая должна не только спасти Россию от разрухи, но и послужить основой для осуществления социализма. Что эта идея была заведомым блефом – никогда, конечно, не подлежало сомнению. На самом деле, и в электротехнике, как и во всех других областях, дело шло не о дальнейшей организации, а о дезорганизации того уровня, который был уже достигнут за [до]революционное время работой электрических акционерных компаний.

В №132 «Экономической Жизни» мы находим любопытное признание, что в распоряжении московских отделений акционерных компаний, обслуживавших 12 губерний Центральной России, в 1914 г. имелся штат в 75-80 инженеров, 25 техников и около 600 монтеров. Между тем, в настоящее время соответствующая организация в Москве [не МОГЭС, а [Электроротдел ВСНХ – МК](#)] состоит из 20 инженеров, 10 техников и около 100 электромонтеров.

Обращение к первоисточнику – газете «Экономическая жизнь» за 19 июня 1921 г. позволило уточнить диспозицию со штатами и, кроме того, понять, что Н. Мильштейн – автор публикации «Централизация проектно-монтажного дела в области электрификации» пытался сделать хорошую мину при плохой игре, т.е. когда возник острый дефицит квалифицированных кадров во время реализации пафосной программы ГОЭЛРО:

<...> Известно, что наша трестированная электропромышленность представляет собой объединение бывш. электротехнических акц. предприятий, которые в течение свыше 25 лет не только развили крупную электротехническую промышленность в некоторых областях, как, например, в кабельном производстве, покрывавшую в дореволюционные годы всю потребность страны, но и являлись фактическими проводниками электротехники в различных областях жизни и промышленности.

Каждое из предприятий, вошедших в объединение крупных заводов и специальных отделов [[\(Электротрест ВСНХ с численностью сотрудников более 30 тыс. человек\)](#)], имело в крупных городах России целый ряд отделений, назначение которых заключалось в обслуживании прилегающих к ним районов.

Начав свою первоначальную деятельность в конце прошлого столетия с торгово-коммерческих операций, отделения по мере установления связей с своими районами усиливали свою технико-консультационную и проектно-монтажную деятельность, сосредоточив на ней весь центр тяжести своей работы. В крупных промышленных центрах, какими является Москва со своим богато развитым текстильным районом, Петроград со своей тяжелой индустрией, Харьков и Екатеринослав с прилегающим к ним Донецким бассейном [[\(кустом шахт и металлургических заводов\)](#)], Екатеринбург с уральскими железодельными заводами, в этих центрах отделения формировались как технико-производственные организации с своеобразной структурой, отличной от структуры родственных им электромеханических заводов.

Конечно же, Р.Э. Классон в вышеприведенной записке в Госплан касался только своего, пусть и фундаментального, но лишь одного из многих аспектов «жизни под большевиками».

Окончание примечания

Так, если сравнить деятельность отделений бывш. крупных предприятий [(теперь национализированных)] с производством их заводов, мы увидим, что объем работ, производимых отделениями, во много раз превосходит производство этих заводов, иначе говоря, электромеханические заводы производили только некоторую часть тех материалов, которыми оперировали отделения.

Можно с большой точностью утверждать, что вся прошлая электрификация России, за весьма редкими исключениями, была выполнена указанными выше организациями или при их ближайшем участии, а по данным ГОЭЛРО, в 1916 г. в России было оборудовано 250 станций общественного пользования мощностью 450-500 тыс. л.с. и около 6 тыс. частных станций, главным образом фабрично-заводских, общей мощностью 1,5 млн. л.с. Оборудование станций, силовых и общественного пользования, трансформаторных и умформерных подстанций, питательных и распределительных сетей, пуск в ход исполненных установок и, наконец, разработка и составление проектов – вот краткий перечень работ, входивших в круг деятельности монтажных соединений.

Для выполнения таких сложных и разнообразных работ в распоряжении отделений имелся весьма солидный аппарат, который, например, в Москве, обслуживающей в 1914 г. 12 губерний центральной России, состоял из 75-80 инженеров, 25 техников и около 600 электромонтеров. С начала мировой войны кадры эти начинают понемногу редеть, отчасти в связи с мобилизацией, отчасти в связи с репрессиями против немецких граждан, которых, кстати сказать, был весьма небольшой процент. Однако сокращение штата до начала 1917 г. выразилось только в 25%.

После этого времени благодаря начавшейся депрессии хозяйственной жизни страны, ухудшения общего продовольственного положения привело к тому, что целый ряд инженеров, высококвалифицированных монтеров и рабочих-специалистов ушел из этой организации, устроившись на разные военных или ударных предприятиях, где труд их оплачивался лучше, как натуральным, так и денежным довольствием.

И вот, в результате неблагоприятно сложившейся конъюнктуры, мы к настоящему времени имеем в своем распоряжении проектно-монтажную организацию [(Электроотдел ВСНХ)], которая, например, в Москве, с тем же радиусом обслуживания как и прежде количественно состоит из 20 инженеров, 10 техников и около 100 электромонтеров.

Далее автор обзора, Н. Мильштейн, выражал весьма оптимистическую надежду на то, что «после совершаемого ныне объединения проектно-монтажной части Электроотдела ВСНХ с Электростроением подобным органом [(регулирующим монтажное дело)] явится объединяющий их Электроотдел, обладающий для этой цели уже вполне сложившимся организационным и техническим аппаратом и унаследовавшим весь опыт, накопленный лучшими электротехническими предприятиями дореволюционного времени».

Р.Э. Классон с горечью упомянул в своей записке в Госплан: «две Бакинские станции потеряли свыше 20 000 киловатт», т.е. это те объекты, которые он с другими инженерами создавал около двух десятков лет назад. Сей упадок детализирует интервью с начальником треста Азнефть А.П. Серебровским в «Экономической жизни», которое 13 июля 1923 г. перепечатал берлинский «Руль». В нем констатировался жуткий финансовый кризис в тресте из-за того, что Госплан установил тариф на пуд нефти ниже себестоимости – 24,8 золот. коп. вместо 34 коп.:

<...> Кризис в области материального снабжения тем сильнее, что на очереди стоит целый ряд больших работ по строительству, усилению бурения, постройке жилищ для рабочих, проведению шоссейных дорог и т.д. В частности, под угрозой стоит работа двух электростанций, «Красная Звезда» и «Леонид Красин», которые нельзя будет пустить, т.к. нет необходимого оборудования. Между тем полученные из-за границы принадлежности к турбогенераторам и различные части нельзя выкупить с таможен из-за недостатка средств.

Большевики навесили свои идеологические побрякушки на бывшие при царе передовые бакинские электростанции – Белый город и Биби-Эйбат и довели их до упадка, причем последняя станция получила свое новое имя при еще живом наркоме внешней торговле!

Как известно, в 1921/22 году Россию накрыла волна жестокого голода – не только из-за засухи и неурожая, но прежде всего по причине равнодушного отношения большевиков к нуждам простого народа, при реализации своих «высоких замыслов». Зимой 1922/23-го площадь голодающих регионов увеличилась примерно втрое (см. Приложение “Л.Б. Красин и «соратники»”). И вот какой удивительный документ напечатала берлинская газета «Дни» 13 апреля 1923 года:

Электрофикация или спасение голодающих?

Беспартийными крестьянами, членами комитета по улучшению и восстановлению сельского хозяйства С.С.С.Р., подана докладная записка В.Ц.И.К.’у об обращении ассигнованных кредитов по электрофикации ряда губерний Центральной России и Украины на приобретение сельскохозяйственного инвентаря и орудий, рабочего и рогатого скота для населения, пострадавшего от неурожая в 1921-м и 1922 годах, а также на закупку семенного зерна за границей к осенним посевам.

Докладная записка указывает В.Ц.И.К.’у на нецелесообразность расходования государственных средств на электрофикацию, когда более 1½ миллиона крестьян, за отсутствием рабочего скота и сельскохозяйственных орудий, не в состоянии обработать и засеять для своих нужд минимальное количество земли и неделями ожидают освободившихся плугов и лошадей от своих более состоятельных соседей.

Приведем еще вовсе уж анекдотический пример «электрификации», как его описала берлинская газета «Руль» (3 июля 1923 г.), на основании публикации в советской прессе:

Печать

<...> Ежедневно советские газеты сообщают об успехах электрофикации. А тут вдруг «Правда» печатает статью под заглавием «Как у нас электрофицируют», которая представляет настоящий удар в спину.

“На заводе «Динамо» срочно достраивалась электрическая машина для строившейся до революции Ораниенбаумской электрической станции”. В виду важности предмета на завод был прислан специальный комиссар для наблюдения, и советская власть уделила этой постройке величайшее внимание. «Огромная спешка, подробная переписка с ведомством, передавшим заказ, телефонные переговоры, телеграммы, телефонограммы, всяческие возможные в то тяжелое время поощрения работников завода».

Рядом с поощрениями, конечно, и угрозы обвинения в саботаже и т.д. и, наконец, машина построена и отправлена вместо Ораниенбаума в Тулу, на оружейный завод. Это было в 1920 г. Прошло несколько лет. Нэп.

В Электротехнический трест вваливается тип подрядчика-кулака.

– Купите машину.

– Какую машину?

– Какую? Вашу.

– Старье не покупаем.

– Какое старье! Она новая. Ваши ярлычки целехоньки висят. В ящиках, нетронутая. Купите, недорого возьму. Гужону предлагал, говорит: «Обломай железо, чугуны отбери, куплю как лом». Это себе дороже. А машина-то ваша, динамовская. Недорого возьму.

Предложение было принято, и машину «купили по цене ниже лома, погрузили вагон весом около 1½ тыс. пудов и отправили на завод». На заводе не знали, что с ней делать, и на вопрос об этом главный инженер получил указание:

Используйте! В крайнем случае, если не годится, пустите в литье.

Инженер объяснил, что в литье никак нельзя пустить: машина стоит примерно 25 тыс. золот. рублей. Тогда стали искать учреждения, кому бы продать.

“«Калькульнули» и заломили цену дороже, чем стоит вся новая машина.” На этом пока дело и стоит, и «Правда» меланхолически замечает: «Срочно строили и хорошо использовали». Использовали так же, как большевики используют всё вообще.

В июле 1922-го появился на свет следующий удивительный документ, подписанный руководством треста МОГЭС и направленный в Златоуст, Правлению Южно-Уральского горного треста:

Крупнейшая Районная Электрическая Станция «Электропередача», входящая в Трест Электрических Станций Московского района, в силу выпавшей на нее роли в деле электроснабжения Московской промышленности в период времени войны и революции, приведена в смысле технического оборудования и административного управления в полнейший упадок. В настоящее время Управлением Треста предпринимаются меры к коренной реорганизации и восстановлению «Электропередачи».

Но для проведения этого в жизнь необходимо иметь во главе станции опытного и вполне сильного во всех отношениях администратора. В качестве такого нами на основании указания Председателя Госплана Г.М. Кржижановского намечается состоящий на службе в Вашем Объединении Инженер-электрик Николай Павлович Адрианов. Ввиду вышеизложенного и не имея другого кандидата на указанную должность Управление Треста просит Вас сообщить нам телеграфно о Вашем согласии на откомандирование в наше распоряжение Н.П. Адрианова.

Документ удивителен тем, что большевики в очередной раз довели до ручки некогда образцовую и передовую «Электропередачу». Но Г.М. Кржижановский формально был уже как будто ни при чем, ведь он давно возглавлял Госплан! Ф.А. Рязанов в своих воспоминаниях о Н.П. Адрианове (ф. 9592 РГАЭ) так описывал сию кадровую эскападу:

По-видимому, М.А. Шателен считал, что такого работника как Николай Павлович необходимо было привлечь к созданию энергетической системы по плану ГОЭЛРО, и, вероятно, он рекомендовал Николая Павловича Председателю Госплана Г.М. Кржижановскому. Иначе никак нельзя объяснить указание Г.М. Кржижановского Управлению МОГЭСа на то, что для проведения в жизнь коренной реорганизации и восстановления «Электропередачи» следует пригласить Н.П. Адрианова, с которым до этого Г.М. Кржижановский не был знаком.*

<...> В августе 1922 г. Николай Павлович был откомандирован в МОГЭС, причем ему был выдан соответствующий мандат, в котором Районное Правление заводов Горнозаводской промышленности Южного Урала просило все Государственные органы обеспечить инженеру Адрианову и его семье в составе жены и двух детей беспрепятственный проезд до Москвы ввиду государственной важности в срочности прибытия Адрианова в Москву.

<...> В МОГЭСе Николай Павлович был назначен Директором «Электропередачи» (ныне станция имени Р.Э. Классона в Электрогорске), и семья Адриановых поселилась в доме Директора. В то время на станции были установлены 3 турбогенератора мощностью по 5 тыс. квт и монтировался четвертый агрегат в 5 тыс. квт. Однако котельная из 15 небольших, частично старых, весьма изношенных котлов ограничивала рабочую мощность станции всего лишь до 13,5 тыс. квт.

* У профессора М.А. Шателена в Петербургском Технологическом в свое время учился Н.П. Адрианов.

Н.П. Адрианов с семьей на «Электропередаче», на веранде дома Директора, 1922 г.

За период работы Николая Павловича на станции была сооружена новая котельная и установлен новый турбоагрегат мощностью 16 тыс. квт. Мощность станции возросла почти вдвое. При этом была увеличена пропускная способность линии электропередачи напряжением 70 кв на Москву путем подвески на опорах второй цепи и установки как на станции, так и на Измайловской подстанции в Москве дополнительных групп трансформаторов.

Все работы по расширению станции велись в срочном порядке силами эксплуатационного персонала станции при участии лишь шеф-монтеров фирм-поставщиков, и Николай Павлович многим способствовал выполнению в срок этих работ. <...> По окончании основных работ на «Электропередаче» Николай Павлович был назначен в 1926 г. Коммерческим директором Правления МОГЭС и переехал в Москву.

Ну что же, беспартийный спец Н.П. Адрианов смог наладить не только старое хозяйство на «Электропередаче», но и установить «силами эксплуатационного персонала» новое оборудование. Наверняка Р.Э. Классон с симпатией отнесся к своему молодому коллеге, так похожему на него по своей деловитости, активности и организованности.*

* Письмо Р.Э. Классона в управление МОГЭС от 18 января 1923 г. несколько разрушает эту идиллию:

<...> От Электропередачи мы получаем целый ряд счетов, иногда по самым незначительным поводам, вроде счета за поднятие вагонетки [с торфом и опрокидывание ее в бункер]. Затем получаем счета за пользование железной дорогой, телефоном и прочим. Мы до сих пор не представляли обратных счетов, и получается совершенно односторонняя бухгалтерия, при которой нам предъявляют бесконечный ряд счетов.

Мы же таковых не предъявляем, так как боимся, что если мы вступим на путь представления счетов, то наши инженеры будут заняты не делом, которое стоит на первом плане, а выписыванием счетов, и это создаст атмосферу придирчивости и кляуз, в которой всякая реальная работа погибнет.

Однако в конце 1936-го Николай Павлович будет арестован большевиками и вскоре расстрелян по надуманному обвинению в терроризме (см. Приложение «Действующие лица»)! Опять-таки, «обычная» судьба инженера, как и других советских людей, при кровавом сталинском режиме.

Сын Роберта Эдуардовича Иван вспоминал:

В 1922 г. в Сиротском переулке (ныне ул. Шухова) в Москве собиралась из готовых поясов-гиперболоидов радиобашня оригинальной конструкции В.Г. Шухова. С территории завода «Русская машина», где помещалось Управление Гидроторфа, было интересно наблюдать подъем гиперболоидов.

Классон, признавая остроумие этой конструкции, все же считал более экономным, а потому и более правильным инженерным решением конструкцию радиомачт из составных столбов с системой оттяжек».

Этот эпизод в очередной раз подтверждает остроту инженерного взгляда Р.Э. Классона – даже в, казалось бы, чуждой ему сфере башенных металлоконструкций.

Упомянутые выше эксцессы весьма своеобразно трансформировались в приводимом ниже весьма оптимистичном взгляде Л.Б. Красина на «великий исторический поток». Но нарком по внешней торговле в это время опять-таки не руководил каким-либо конкретным предприятием...

Из его письма жене от 10 августа 1923 г.:

Я все более и более убеждаюсь, скоро Россия будет наиболее покойной и удобной страной, в Европе черт знает что делается, и разрушение Германии не может пройти бесследно ни для Франции, ни для Англии, социальные противоречия и конфликты там будут все нарастать. <...> У нас же, хоть многое идет через пень-колоду и хотя власть имущие делают, кажется, все возможное, чтобы все шло навыворот и кое-как, объективное положение страны настолько благоприятно и ее внутренние жизненные силы столь заметно восстанавливаются, что Россия, пережившая варягов, монгольское иго и Романовых, несомненно без большого урона переживет и Наркомфина, и стабилизацию рубля, и литвиновскую внешнюю политику.

Умерший в 1926-м Л.Б. Красин не застал массовых репрессий, организованных «верным учеником» В.И. Ульянова-Ленина – И.В. Джугашвили-Сталиным. Возможно, доживи он до них, то изменил бы свое мнение о советской России – «наиболее покойной и удобной стране», особенно если бы был арестован и тем более приговорен к расстрелу!

Летом 1923-го Р.Э. Классон получил открытку из Лондона от некоего своего знакомого (к сожалению, заковыристая подпись последнего не позволила идентифицировать его):

Многоуважаемый Роберт Эдуардович. Привет из Лондона. Здесь все по-иному, но восторга не вызывает, быть может от зависти. Вижу здесь Ваших Янов[ицкого] и Лов[ина]. Мои дела двигаются очень туго <...>.

Окончание примечания

Нам представляют счета за [принадлежащую Электропередаче] железную дорогу, но, с другой стороны, весь вывоз машинно-формованного торфа Электропередачи идет сейчас на наших четырех паровозах и на наших вагонах. Если бы мы эти паровозы и вагоны отобрали, то Электропередача могла бы работать только одной турбиной [из четырех].

Мы этого не делаем, так как считаем, что между государственными учреждениями, волею судеб работающими на одном местном же предприятии, не должно быть ни мелочных расчетов, ни стремления «подсидеть» другое предприятие. Во всяком случае, в течение этого года мы еще принуждены работать на Электропередаче, и потому желательно было бы установить до осени какой-нибудь способ расчета, дающий возможность избежать мелочных, раздражающих и осложняющих взаимоотношения счетов. <...>

(ф. 758 РГАЭ)

По крайней мере, Н.П. Адрианов почему-то не смог (или не посмел?) одернуть «мелочного бухгалтера» «Электропередачи».

Ну что же, пока большевики не прикрыли окончательно железный занавес, инженеры МОГЭС пользовались редкой возможностью побывать за границей и набраться «передового опыта», заодно контролируя выполняемые там заказы на изготовление оборудования. Живые картинки своего пребывания в Германии, Австрии, Франции и Англии оставил инженер МОГЭС Ф.А. Рязанов (см. его воспоминания в Приложении).

Управляющий трестом МОГЭС К.П. Ловин в 1923-м попал не только в открытку знакомого Роберта Эдуардовича, но и в спецполитсводку ОГПУ за 24 и 25 февраля (istmat.info/node/24483):

21 февраля на общем собрании служащих и рабочих МОГЭС и МГЭС, на котором председатель треста сделал доклад о работе треста, доклад вызвал среди рабочих ироническое к себе отношение, так как докладчик, председатель треста [К.П. Ловин], среди рабочих авторитетом не пользуется. Комячейка и рабочком среди рабочих также не пользуются авторитетом.

Последний сюжет, насчет авторитета коммунистической ячейки и рабочкома, комментировать здесь не будем.

А вот по адресу тогдашнего председателя треста, который получил инженерное образование лишь в 1925-м («без отрыва от производства»), приведем комплиментарные слова инженера МОГЭС Ф.А. Рязанова:

В 1922 г. был образован МОГЭС. Председателем Правления назначили Казимира Петровича Ловина, который до революции работал электромонтером на ленинградской станции, а после Октябрьской революции был комиссаром ленинградских электростанций. Молодой, энергичный, хороший организатор и администратор, он сумел поставить дело на широкую ногу, и МОГЭС при нем быстро развивался. Ловин умел добиваться значительных лицензий как на заказы заграничным фирмам новейшего оборудования для станций и сетей МОГЭС, так и на приобретение для начальства МОГЭС хороших заграничных автомашин.

Кроме того, значительное число ведущих инженеров Управления МОГЭС и станций получали заграничные командировки. Ловин умел хорошо работать и весело отдохнуть. <...> Ловин любил торжественно обставлять годовые отчеты о работе МОГЭС. Один такой отчет провели в 1926 г. на «Электропередаче». Возможно потому, что к этому времени были закончены постройкой двухэтажные деревянные дома для жилья, которые еще не заселили. На отчет пригласили со станций МОГЭС всех руководящих работников вплоть до начальников крупными отделами.

После доклада устроили обильный ужин. Чтобы рассадить многочисленных гостей в большой комнате, составили несколько столов. Ужин проходил довольно оживленно. В конце ужина вдруг открывается дверь, и один из курьеров МОГЭС, которому очевидно было поручено объявить о предстоящем чае, громко и торжественно произнес: «Товарищи! Не вылезамши из-за стола будет чай!!» Я сидел рядом с [моим хорошим знакомым, инженером МОГЭС] Барсуковым, и это «торжественное» приглашение к чаю привело нас в веселое настроение, в течение многих лет мы нередко вспоминали это.

И еще из воспоминаний Ф.А. Рязанова:

В конце 1927 г. [т.е. еще при К.П. Ловине – МК] меня командировали за границу от ВСНХ для ознакомления с положением о выполнении заказов для нашей станции, уточнения неясных вопросов как по заказам для 1-ой МГЭС, так и для других станций МОГЭС. В это время, в связи с реконструкцией 1-ой МГЭС, заграничным фирмам были заказаны мощные котлы и турбины. Я был в Германии, Австрии, Франции и Англии. По-немецки я еще мог объясняться, а с французским и английским языками было хуже.

В Париже, например, в гостинице я объяснялся на немецком языке, так как владелец гостиницы говорил на нем лучше, чем я на французском. При посещении заводов и электростанций меня всегда сопровождали фирменные инженеры, знавшие русский язык. <...> В Германии удалось осмотреть пять больших электростанций, три подстанции и два завода. Во Франции – четыре электростанции, в Австрии – две электростанции и три котельных завода, а в Англии четыре электростанции и два завода – турбинный «Метро и Виккерс» и котельный «Бабкок и Вилькоккс». По возвращении в Москву, помимо отчета о командировке, я сделал подробный доклад на собрании инженерно-технического коллектива МОГЭС.

Кстати, 1 июня 1925 года эмигрантская газета «Руль» сообщила, после появления публикации в «Экономической жизни», о том, что в Берлине, оказывается, побывала ранее делегация Моссовета во главе с председателем МКХ Ф.Я. Лавровым. Последний поделился своими впечатлениями от изучения городского хозяйства и промышленности, в частности он сообщил, что Берлинская электрическая станция дает значительно больше киловатт-часов чем московская, в то время как их штаты сильно различаются в обратной пропорции – соответственно 33 и 500 человек!

Правда, тов. Лавров не уточнил, о какой собственно электростанции он говорил – трамвайной (2-й МГЭС) или же о 1-й МГЭС (на Раушской набережной). Тем не менее, сопоставление вышло далеко не в пользу московского хозяйства.

Как мы уже упоминали, Роберт Эдуардович регулярно ездил за границу лечиться-путешествовать. В черновиках И.Р. Классона зафиксировано: в Берлин осенью 1923-го его отец приезжал с дочерью Екатериной, а осенью 1924-го – со второй женой, Евгенией Николаевной. На открытке с видами гористого Bad Nauheim Иван Робертович пометил: «Здесь лечился Р.Э. Классон осенью 1923-го и 1924 года, в последнем году я прожил с ним около трех недель, здесь он ходил на прописанные [врачами] прогулки».*

* 25 мая 1922 г. берлинский «Руль» опубликовал язвительный фельетон «Советские чиновники» скрывавшегося под псевдонимом «Букин» журналиста:

Против обыкновения, советские газеты писали правду, когда сообщили, что берлинский проф. Клемперер [недавно] приезжал в Москву, между прочим, и для того, чтобы [не только обследовать Ленина, но и] освидетельствовать ответственных коммунистических работников и решить, кто из них нуждается в заграничном лечении. В итоге этого освидетельствования за границу потянулись из Москвы болящие советские сановники. Они пребывают в Берлине в довольно значительном количестве. Когда революция 1905 г. приоткрыла тайники царского бюджета, проф. И. Озеров, внимательно обследовав весь этот бюджет, опубликовал нашумевшую книжку о том, как и куда расходовались народные деньги. И как негодующе зашумели тогда газетные листы, указывая, что казна по Высочайшему повелению отпускала несколько тысяч какому-нибудь сановнику на похороны или лечение или на улучшение какого-нибудь привилегированного курорта или лечебницы.

В Берлин теперь приезжают сравнительно мелкие советские чиновники. Они советуются со всеми знаменитостями. Около них услужливо вертится специальный советский врач д-р Иосилевский. Он поставляет этих советских сановников в берлинские санатории, а там – отдохнув, приодевшись и отъехавшись – они отправляются в модные курорты: в Киссинген, Наугейм, Карлсбад, Висбаден и т.д., и т.д. После этого едут на Nachkur [[долечивание]] куда-нибудь в Шварцвальд, Гарц или к морю.

В одной из дорогих санаторий Берлина советские сановники не переводятся круглый год. Многие лечатся, а то и просто отдыхают зачастую при этом не один, а целую семью. Так как при этом многие из них приезжают с семьями и еще массу денег тратят на одежду и развлечения, то не трудно подсчитать, во что обходится заграничный вояж такого советского сановника. <...>

К Р.Э. Классону эскапады журналиста «Руля» можно отнести, скажем, всего на одну десятую долю. Да, действительно, он служил ответственным руководителем на государственном предприятии «Гидроторф» и, возможно, получал «под отчет» определенные средства на отдых-лечение, но пребывание приезжавших к нему родственников оплачивал, без сомнения, за свой счет. Да и болезнь у него была хроническая и застарелая, которую советские курорты вряд ли могли так же хорошо подлечить, как зарубежные.

Тот же «Руль» публиковал «серию кратких очерков наиболее популярных курортов Германии, учитывая их доступность для русской публики». И вот что было написано в № от 11 мая 1924 г.:

Bad Nauheim. Höhenweg mit Johannisberg
[[Курорт Наугейм. Горная местность с горой Иоганна, 268 м над уровнем моря]]

А вот открытка, отправленная Иваном и Екатериной в сентябре 1923-го отцу в Берлин из германского городка Überlingen на берегу Бодензее:

Дорогой папа! Сегодня наслаждаемся солнечным сиянием и озером вдвоем: [молодые] Старковы уехали на день в Konstanz'у. А мы ждем тебя, чтобы туда ехать. Сегодня Альп не видно. Говорят, к хорошей погоде. Целуем Иван и Курица

Окончание примечания

Наугейм

Небольшой городок с 11 000 жителей находится на восточных склонах Таунуса, в Гессене, на линии ж.д. Франкфурт – Кассель – Альтона, в 45 мин. от Франкфурта. Известный курорт, куда со всего мира стекаются сердечные больные. Крупные горные складки и разрывы в этом месте обусловили выход на поверхность теплых углекислых подземных вод. В Наугейме очень хорошо поставлено научное исследование воздействия местных минеральных источников на человеческий организм. Прекрасные лаборатории и институты курорта за последнее время дали медицинской науке много новых и важных фактов. Гордость Наугейма составляет специальная диагностическая лаборатория, где больной подвергается исследованию со стороны ряда специалистов, пользующихся при этом аппаратами и методами, недоступными отдельному врачу.

Наугейм – одно из самых красивых мест Гессена. Курорт славится своим благоустройством, гигиеной и развлечениями. Наугейм находится в не оккупированной [французами] местности. Цены в этом году назначены от 5 до 12 [золот.] марок [(1-2,5 долл.)] в сутки с полным пансионом. Прошлогоднее распоряжение местной полиции, по которому иностранцы немедленно по прибытии в курорт должны были регистрироваться в паспортном бюро, отменены. Сообщение с Наугеймом очень удобно. Курортное управление зарегистрировало на Пасху большое количество гостей. С 1 мая в курпарке играет большой оркестр, состоящий из 70 музыкантов, и с 12 мая открывается опера: первой постановкой будет опера Бизе «Кармен».

Так что Р.Э. Классон мог не только лечиться, но и вспомнить свою студенческую любовь к операм...

Überlingen на берегу Бодензее

7 ноября 1923 года вся Москва, особенно Садовническая улица, вибрировала от «симфонии гудков» и холостых выстрелов. Вот что писал 8 ноября об этом мероприятии, опираясь естественно на советские газеты, берлинский «Руль»:

Советские забавы

Московский пролеткульт энергично работает по осуществлению в день Октябрьской революции «симфонии гудков». Состоялось заседание представителей заводов МОГЭСа, Арматреста [(Арматурного треста)] и Трубосоединение.

Инженерами представлены проекты создания магистралей для пуска пара в гудки. Гудки, в количестве 75-ти, перевезены с «кладбища паровозов» Московско-Курской ж.д. и переданы для выверки и приспособления на завод Трубосоединение. Магистраль с гудками будет выведена во дворе МОГЭСа, а дирижерская будет устроена на крыше завода [т.е. здания электростанции на Раушской набережной – МК]. <...>

В Интернете удалось найти и подходящий советский документ:

Из обращения Московского Пролетариата к фабрично-заводским комитетам Москвы о симфонии гудков во время празднования 6 годовщины Октября. 23/10/23

"По инициативе Московского Пролеткульта в 6 годовщину Октября во время демонстрации будет исполнена симфония «Ля» на паровой магистрали и гудках Замоскворецкого района и вокзалов. Постройку и установку магистрали взяли на себя МОГЭС, Арматрест и Трубосоединение. Основную массу гудков дает НКПС с паровозного кладбища Московско-Курской дороги. Замысел и музыка симфонии принадлежит [композитору] Ар. Авраамову.

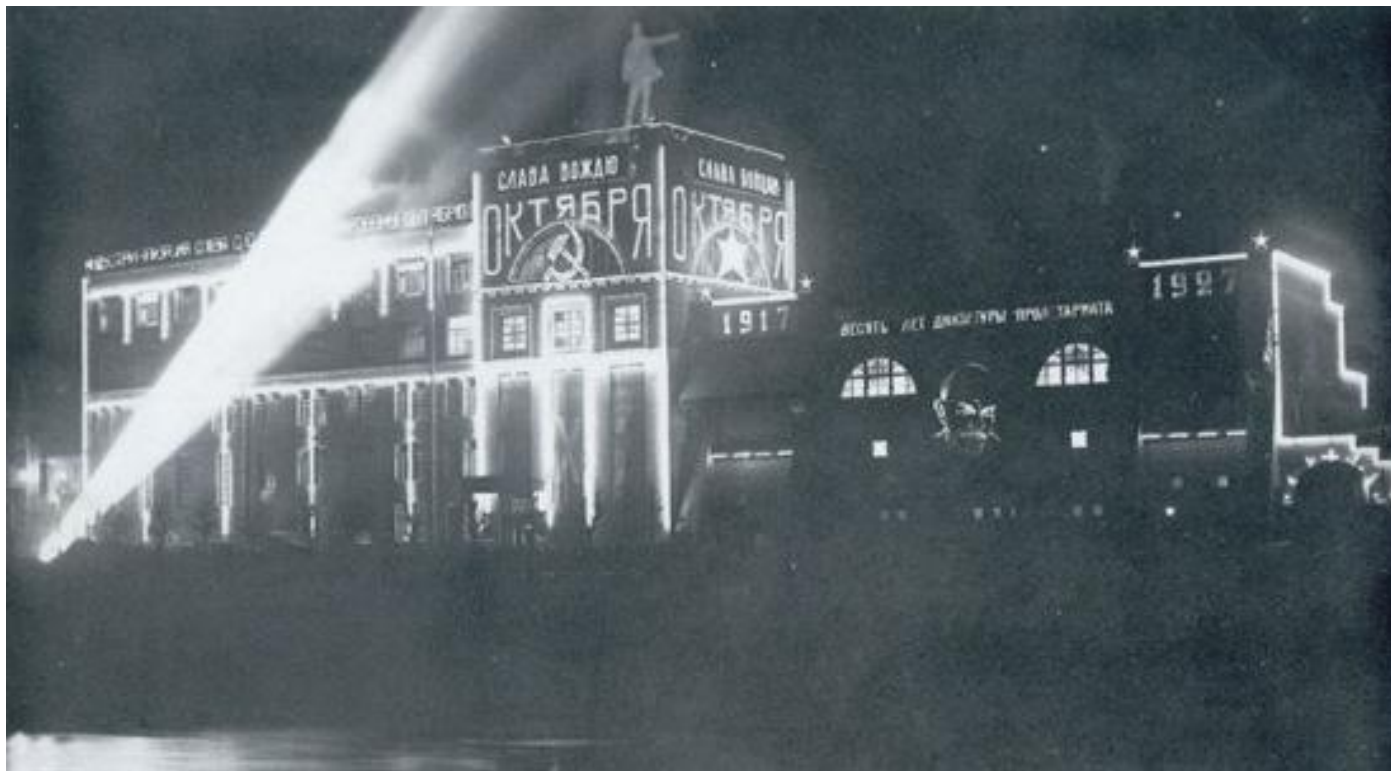
Магистраль (60 гудков) будет установлена на крыше Центральной электростанции (Раушская набережная). Группу «ударных» (пушки, пулеметы, автотранспорт, ружейные залпы) дает штаб РВСР. Санкцию и средства на организацию дал МК РКП(б). Будет исполнено: «Марсельеза», «Интернационал», марш «Молодая гвардия», «Варшавянка» и «Похоронный марш»..."

Можно предположить, что Роберту Эдуардовичу и Екатерине, которые, скорее всего, отсиживались за плотно закрытыми окнами квартиры на Садовнической улице, пришлось терпеть всю эту «идеологическую какофонию» в течение примерно часа...:

В ноябре 1923 года в Москве происходила настоящая фантасмагория: по случаю годовщины революции здесь исполняли так называемую «Гудковую симфонию». Состав «инструментов» был потрясающий – гудки и сирены фабрик, заводов, паровозов, а еще артиллерия: залпы из пушек и стрельба из пулеметов и винтовок. Оборванная фигура автора произведения – музыканта-изобретателя, известного под именем Реварсавр (революционный Арсений Авраамов) – маячила на крыше четырехэтажного дома: он размахивал флагами, дирижируя своим грандиозным и устрашающим детищем.

Композитор был недоволен: руководство города почему-то не разрешило исполнителям «Симфонии» стрелять боевыми патронами – только холостыми! А ведь звук настоящей пальбы был просто необходим для создания нужного музыкального эффекта. «При большой площади разбросанности гудков необходимо иметь для сигнализации хотя бы одно тяжелое орудие и возможность бить из него боевым снарядом, – объяснял он ранее в одной из своих статей. – Опытные пулеметчики (опять-таки при условии стрельбы боевой лентой) не только имитируют барабанную дробь, но и выбивают сложные ритмические фигуры».

Москвичи, скопившиеся на улицах, чтобы послушать произведение, были заинтригованы, но напуганы. По воспоминаниям очевидцев, рев стоял такой, что люди «были озабочены только одним: как бы поплотнее заткнуть уши, чтобы не лопнули барабанные перепонки». В общем, что это была за музыка, никто так и не понял. (www.etheroneph.com/audiosophia/92-priklyucheniya-revarsavra.html)

Здание МОГЭС в Москве ночью, иллюминированное по проекту В.А. Стенберга и Г.А. Стенберга, 7 ноября 1927 года. Фотография. Архив И.М. Бибиковой

В общем, объекты МОГЭС, выходявшие на набережную Москвы-реки, по праздникам использовали по полной – то нашпиговывали паровозными гудками и подводили пар, то иллюминировали, не только при большевиках, но и при царизме. Напомним про иллюминацию в августе 1898 года, по случаю открытия памятника Александру II в Кремле и приезда в Первопрестольную Николая II с супругой:

Исключительной по силе света будет устроена иллюминация Высочайше утвержденным Обществом электрического освещения на Раушской станции. Архитектурная линия карниза будет освещена лампами с вольтовыми дугами. Всех ламп теперь уже установлено до 50 штук; предполагается число их довести до 80. Каждая лампа равняется по силе света 1 500 свечам.

В ноябре 1923-го у энергетиков случился казус, о чем написал опять же берлинский «Руль» 28 ноября:

В Советской России (Из советских газет)

Два советских учреждения поссорились из-за мыши. ОНО [(отдел народного образования)] Краснопресненского района устроило в пользу беспризорных детей киносеанс. Была широкая реклама, большие расходы на артистов, боевая картина, а перед началом второго сеанса погасло электричество. ОНО потребовало возмещения убытков от МОГЕСА [правильно, МОГЭС (Московское объединение государственных электрических станций) – МК]. МОГЭС на это требование ответил: «Перерыв энергии произошел по не зависящим от МОГЭС обстоятельствам, так как при осмотре трансформатора обнаружена обгоревшая мышь, почему и надо полагать, что она и была причиной погашения, т.к. выгорели витки одной фазы [трансформаторной обмотки], получившие соединение с корпусом в то время, когда, вероятно, мышь спускалась с корпуса на витки.

Можно так же предполагать, что мышь начала грызть обмотку верхней катушки. Вследствие чего МОГЭС от возмещения убытков отказывается».

Однако ОНО не успокоилось и передает дело на рассмотрение Московского совета [(Моссовета)], который и должен решить, кто должен нести ответственность – Могес или покойная мышь.

Кстати, у автора сих биографических очерков в 2000-х годах случился подобный же казус: в квартире погасло электричество (но автоматы защиты сети, или «пробки», оставались включенными), и после нашего звонка в ДЭЗ пришел электрик, который установил причину сего местного блэкаута (в двух подъездах). Оказывается, в шкаф с клеммами-шинами залезла мышь и закоротила то ли фазу на землю, то ли фазу и нулевую шину между собой. Электрик достал обгоревшую мышь, и через полчаса электроснабжение у нас было восстановлено!

Ну а чтобы узнать, чем кончилась в 1923-м тяжба между РОНО и МОГЭС, надо покопаться в советских газетах.

4 декабря 1923 года берлинский «Руль» опубликовал очередную подборку «Из советских газет», где был в том числе и такой грустный сюжет:

*В советской России очень распространено так наз. «шефство». О нем очень много пишут и в [властных] сферах ему придают «первостепенное значение». К чему оно сводится на деле, рассказывает «Правда». «Четвертый военный госпиталь, шефом которого является Могэс (Московск. городск. электр. станция), больше чем в чем либо другом ощущает недостаток ...в освещении. При наступлении темноты больные вынуждены слоняться по лестницам, коридорам и палатам, не имея возможности заняться каким-либо делом».**

* 4-й военный госпиталь почему-то уже не значился в справочнике «Вся Москва-1927» (в аналогичном справочнике за 1923-й военных госпиталей вообще не было).

Член правления МОГЭС (Московского объединения ГЭС, как мы уже уточняли) Р.Э. Классон, конечно же, не был виноват в недостатке освещения в городе. Ведь он, как и все советские люди, барахтался в жутком болоте плановой системы, когда все товарные позиции (топливо, запчасти, отпуск электричества) были строго лимитированы. Роберт Эдуардович, правда, пытался полемизировать с большевиками, в начале 1926-го эта полемика выплеснется на страницы Торгово-промышленной газеты (полный сюжет см. ниже):

В последние дни столбцы газет наполнены нападками против правления МОГЭС, допустившего перерасход нефти в первом квартале текущего года. МОГЭС, по мнению Торгово-промышленной газеты, «являет собой печальный образец отрицания принципов планового хозяйства». Несомненный факт, что МОГЭС израсходовал больше топлива, чем ему полагалось по производственному плану, утвержденному на предстоящий год. МОГЭС отступил от плана. Это – преступление. Но чем оно объясняется? Чем оно вызвано? Вызвано это тем, что жизнь не ждет указаний плановых органов, а развивается независимо, не подчиняясь их указке. Если организм принужден действовать, то, соответственно этому, должно развивать дополнительную работу и сердце, и ясно, что сердце расходует при этом больше энергии, чем если бы организм работал слабо.

<...> МОГЭС шел навстречу быстрому развитию промышленности, зная, что без его помощи целый ряд заводов и фабрик был бы обречен на бездействие, зная, что с уплотнением квартир потребность в освещении повысилась в чрезвычайной степени, так как в каждой комнате живут и в каждой комнате жгут свет. Все это МОГЭС знал и должен был жечь столько топлива, сколько нужно было бы для поддержания постоянного напряжения в огромной сети, охватившей всю Московскую губернию <...>.

МОГЭС обязан снабжать всех абонентов светом и силой, и в этом – его естественная и главнейшая задача. МОГЭС проводит ее с полной уверенностью в своей правоте, и его обвиняют только потому, что живые цифры не сошлись с мертвыми цифрами плана.

Период примерно в год, после описанных выше событий, ничем выдающимся не был, похоже, отмечен в жизни Роберта Эдуардовича «под большевиками» (его бурная деятельность в Гидроторфе, само собою разумеется, не прекращалась, как и такая же бурная деятельность «Софьи Власьевны» – пристрастная двойная ревизия предприятия, требование сократить его штат к 1 октября 1924 г. вдвое и все такое), кроме уже упомянутой поездки осенью на лечение в курортный Наухайм (Наугейм) и длительной встречи со старшим сыном Иваном, учившимся в Высшей технической школе под Берлином.*

* Об этом свидетельствуют, кроме надписи на открытке, следующие документы, хранящиеся в РГАЭ:

1) Письмо Ответственного Руководителя Гидроторфа Р.Э. Классона в Президиум ВСНХ РСФСР

26 июля 1924 г. Покорнейше прошу Президиум ВСНХ не отказать выдать мне разрешение на поездку в Германию, в курорт Наугейм для лечения сердца. Разрешение Президиума требуется для представления при получении паспорта. Ни о командировке, ни о деньгах я не прошу, нужно только разрешение.

2) Из воспоминаний И.Р. Классона

Когда я осенью 1924 года жил около 3-х недель вместе с отцом, лечившимся в Наухайме (близ Франкфурта-на-Майне), как-то спросил его, бывал ли он в Висбадене. Отец ответил, что венчался там в православной церкви с мамой, т.к. во Франкфурте таковой не было. Линдлей, узнав о браке Классона, прибавил ему жалование.

Возможно, что Роберт Эдуардович мог лечиться в следующем замечательном месте («информашка» в «Руле» за 8 апреля 1923 г.):

В Наугейме 12 апреля открывается русский пансион-санатория «Englischer Hof» [(«Английский двор»)]. Заведующий доктор медицины З. Израйлович, бывш. директор санатории в Баку. Постоянное дежурство врачей, хороший уход, диетический стол. Свободное право выбора пользующегося врача.

Зато 22 мая 1924 г. в «Правде» появилась удивительная статья сотрудника МОГЭС и, судя по некоторым намекам, кочегара котельной на 1-й МГЭС В. Мороза. Мы воспроизводим сию публикацию целиком, чтобы, так сказать, можно было «почувствовать разницу»:

О подходе к рабочим (М.Г.Э.С. им. тов. Смидовича)

Есть у нас на станции мастер. Хороший человек, ценный производственник, имеющий около 30 лет производственного стажа. Администрация и рабочие очень ценят его как производственника. Но с рабочими ладить, подойти к рабочему по-новому, по-товарищески при всем его желании он не может. Рабочей инициативы не любит. Стоит только рабочему дать свой совет, сделать так или иначе, как он начинает кричать:

– Что вы мне говорите, я лучше знаю...

Лучше не ходи просить у него инструменты или лампочки. Придешь, говорит:

– Потом зайдите!

Зайдешь:

– Придите завтра.

Так иногда рабочий дня три ходит, околавывая порог мастера и озлобляясь. Все это только обостряет отношения между ним и рабочими. А попробовала администрация указать ему на необходимость другого, более современного, товарищеского подхода, как у бедняги совсем пропала инициатива и энергия; по-своему, по-старинному понял товарищеский совет, как начальническую нахлобучку. Очевидно, трудно сломать старые навыки.

А вот пример обратный. Технический директор М.Г.Э.С. Архибуржуазный инженер, тонкий, воспитанный человек, с европейским именем, гр. Классон. Казалось бы, совершенно чуждый рабочему классу человек, между тем, рабочие очень уважают и ценят его. Причина – умелый подход к рабочему. Пример. Приходит гр. Классон в котельную, по правде сказать, сильно запущенную за годы революции. В дореволюционное время всякий винтик блестел, ярко начищенный. Смотрит на котлы, покрытые копотью, и спрашивает кочегара:

– Скажите, какой это номер котла?

Точно кипятильником ошпарило всех старых рабочих, помнящих щегольской прежний вид станции. На другой день все номера котлов [на латунных дощечках] блестели, хоть смотришь в них как в зеркало.

Другой случай. Приходит откуда-то посторонний инженер с гр. Классоном посмотреть котельную. Идет прямо в галошах на зеркально вычищенный рабочими пол. Осматривая котельную, курит папироску за папироской и окурки бросает на пол, чего в котельной делать не полагается.

Ничего не сказав важному гостю-неряхе, гр. Классон мигнул кочегару, чтобы тот шел за ними и подбирал окурки. Инженер это увидел и ядовито спрашивает:

– Скажите, это у вас специально для того рабочий поставлен, чтобы подбирать окурки?

– Нет, зачем же! Но, видите ли, всюду в котельных не полагается сорить и грязнить.

Готовый провалиться инженер вылетел из котельной как ошпаренный деликатным намеком.

Рабочим очень нравится такой подход, без грубостей и шума. Наши рабочие понимают, почему покойный Ильич так ценил этого буржуазного ученого спеца. Ведь умелый подход к рабочим со стороны администрации имеет огромное значение.

В декабре 1924-го Р.Э. Классон опубликовал в «Экономической газете» статью «От безошибочного «ничего неделания» – к творчеству». И после описания благополучного завершения неприятной истории с гаражом Гидроторфа – «как посмел?» (см. очерк «Гидроторф – дело «государственной важности?»») – он переходил к обобщениям.

При этом весьма интересно сравнить содержащиеся в нем тезисы с подобными же, приведенными четырьмя годами ранее, в докладной записке «В ГОЭЛРО».

И попытаться понять: изменились ли за четыре года подозрительность большевиков по отношению к творческой, деятельной работе инженеров и нейтральное отношение к их «отрицательной работе» в многочисленных главках и комиссиях. Практически никак:

У нас создается очень своеобразное положение (вызванное, вероятно, чрезвычайной строгостью контроля и огромностью его аппарата), при котором карается только положительная работа, т.е. если человек что-нибудь сделал или что-нибудь решил.

Отрицательная же работа, если человек чего-нибудь не сделал, отклонил представившуюся возможность, не решил вопроса, а передал дальнейшим инстанциям, почти всегда сходит благополучно, за исключением, конечно, отдельных вопиющих случаев непринятия мер в случае опасности.

Те инженеры, которые настойчиво, упорно и с полным убеждением проводят какую-либо идею, строят что-либо новое и вообще ведут творческую, созидательную работу, всегда рискуют и фактически подвергаются всевозможным обвинениям, и жизнь их тяжела. <...> Если человек работает с полной уверенностью в своей правоте, с любовью к делу, но встречает обвинения, с его точки зрения, несправедливые, то это действует угнетающе на его психику. И невольно его взор обращается на те спокойные места, где бы он сам критиковал и «давал указания».

Ведь критиковать и ревизовать легко, ставить вопросы еще легче, но работать, особенно в атмосфере недоверия и риска, гораздо труднее. Ведь, недаром так бесконечно разрослись всевозможные контрольные органы: все хотят контролировать, и мало кто хочет работать. Ведь помимо легкости работы, состоящей, главным образом, в постановке вопросов, на которые отвечают другие ревизуемые и контролируемые учреждения, контролеры вместе с мандатом на ревизию получают еще незримый мандат на непогрешимость: считается априори, что контролирующие и ревизующие все знают.

И этим объясняются такие курьезы, когда какая-нибудь комиссия, впервые явившаяся на завод или электрическую станцию и впервые видящая их сложную структуру, через несколько недель уже дает «указания» персоналу станции, который десятки лет работает на ней и знает ее в совершенстве! Контроль очень важен, но только контроль вполне компетентный и авторитетный.

За последние 7 лет я видел в двух предприятиях, в которых работаю, деятельность бесчисленного количества комиссий. Все эти комиссии знакомились с делом в течение нескольких месяцев, времени отняли у нас бесконечно много. Но если подсчитать, выражаясь технически, коэффициент полезного действия их деятельности, то получится величина столь скромная, что лучше ее и не вычислять.

То же самое отмечалось и в отношении подозрительного отношения большевиков к бывшим «буржуазным спецам»:

[Немалым фактором, понижающим всякую инициативу и интерес к работе, является также все еще неизжитое вмешательство в административные и технические распоряжения со стороны местных организаций. Приведу пример, не называя имен. Ночью через котельное здание проходит инженер и видит спящего кочегара.

<...> Спать перед котлом – преступление, которое всегда и везде карается немедленным увольнением, так было и в данном случае. Но через неделю тот же инженер, проходя через котельное здание, видит улыбающееся лицо того же кочегара. Оказывается, что Заводской Комитет аннулировал увольнение.]

Что психическая сторона играет огромную роль, я иллюстрирую следующим примером. В этом году работа Гидроторфа подвергалась большим потрясениям. На несколько дней уходил технический персонал, так как целый ряд инженеров изгонялся из квартир, и, конечно, человек, семья которого не знает, где будет ночевать на другой день, не может спокойно работать.

[Второй раз ушли почти все техники-студенты, т.к. шла чистка в учебных заведениях, и им приходилось хлопотать.] Ясно, что и тут нет данных для душевного спокойствия, а следовательно – и для плодотворной работы.

В заключение я утверждаю, что глубоко ошибочно мнение, что «спецы» – инженеры и техники – добросовестно работали при капитале и лишь формально работают при советском строе. <...> Пора это недоверие изжить и пора помнить, что заводский инженер такой же рабочий, как всякий другой, с той разницей, что у него не 8-часовой рабочий день, а гораздо более длинный, что он всегда, днем и ночью, связан с производством и является ответственным не только за свои, но и за чужие ошибки.

Текст в квадратных скобках при публикации в газете был опущен – цензура, однако!

В январе 1925-го газета «Экономическая жизнь» опубликовала еще одну статью Р.Э. Классона – «Студенты и учение о благодати». Автор использовал следующий информационный повод (выражаясь современным языком): студенты высших учебных заведений обратились к Ф.Э. Дзержинскому с жалобой на то, что на заводах им не дают распоряжаться.

Роберт Эдуардович изящно обыгрывал этот сюжет и одновременно выходил на важное обобщение:

Вопрос о новом поколении инженеров, которое должно заменить постепенно старое поколение, представляет чрезвычайную остроту, так как в первые годы революции работа в учебных заведениях расстроилась.

<...> Почему же, как говорят студенты, «специалисты во всех отраслях промышленности недостаточно используют студентов-практикантов, и вся работа студентов сводится к выполнению незначительных технических работ»?

<...> То, что студентам не дают на заводах распоряжаться, по-моему, очень хорошо, хотя это, может быть, и вызовет их негодование. Хорошо это потому, что студенты прежде всего должны учиться и работать и притом очень много работать практически, а не как белоручки <...>.

Студенты должны помнить, что окончание высшего учебного заведения еще не дает им права считаться настоящими инженерами. Для этого нужен предварительно большой практический стаж, нужна активная непосредственная работа, притом не столько в тиши кабинета, сколько непосредственно у машин и станков. Из тех студентов, которые от этой черной, тяжелой работы бегут и стремятся к чисто административным должностям, никогда хороших инженеров не выйдет.

<...> Особенно опасно в настоящее время попасть такому студенту в какую-либо ревизионную или контрольную комиссию. Так как тут вступает в силу учение о благодати: с давних времен в России существовало убеждение, что человек, назначенный начальством на известную должность, тем самым становится вполне пригодным к ней.

В конце статьи Р.Э. Классон приводил такой яркий пример из дореволюционной жизни и тут же резюмировал по поводу «административного ража» у студентов:

Я извиняюсь за некоторое отступление: как-то давно я плавал по Каспийскому морю на парусной яхте, владелец которой ровно ничего не понимал ни в парусах, ни в парусном спорте. Но у него был старый матрос Семен, большой знаток этого дела.

И вот мы, пассажиры яхты, слышим, как владелец тихо спрашивает матроса: «Семен, можно ставить кливер?» (кливер – треугольный парус). Семен так же тихо отвечает: «Можно, г. командир!» Тогда командир вскакивал и орал на все Каспийское море: «Семен, ставь кливер!» При этом он был глубоко убежден, что реально управляет яхтой! Студент, взявшийся преждевременно за административную работу, всегда рискует уподобиться такому командиру яхты и попасть в глупое положение перед рабочими. Вернуться же к учению будет уже поздно и трудно.

В январе же 1925-го Роберт Эдуардович вступил в престижный деловой клуб «Промышленность» (соответствующее удостоверение хранится в ф. 9508 РГАЭ), основанный в апреле 1923-го и размещавшийся на Мясницкой ул. в доме 5. Здесь можно было получить значимую информацию, что называется «из первых рук».

Так в одном только сентябре 1925-го здесь выступили: известный западный профессор Джон Мейнард Кейнс с докладом «Современное экономическое положение Англии», начальник воздушной экспедиции Москва – Монголия – Китай Исаак Павлович Шмидт с докладом «О полете в Китай и впечатления от Китая», Лев Давидович Бронштейн-Троцкий с докладом «Наша хозяйственная ориентировка на мировом рынке».

А в октябре того же года выступил член коллегии Наркомвнешторга Яков Станиславович Ганецкий с докладом «Наши торговые и иные договоры с Германией». 19 октября проходил 3-й клубный понедельник, включавший литературный вечер с участием современных писателей и поэтов, 26 октября – 4-й клубный понедельник, в программе коего значились киновечер и концерт. Роберт Эдуардович мог, по-видимому, приходить на эти клубные вечера с женой Евгенией Николаевной.

7 февраля 1925 года в парижских «Последних новостях», под рубрикой «Советский быт», появилась перепечатка хлесткого фельетона из московской «Правды»:

Шестая могэсовская буква

МОГЭС (московское объединение государственных электрических станций) решено переименовать в МОГРЭС (московское объединение государственных районных электрических станций). Само по себе решение это довольно невинно, и шестая могэсовская буква едва ли возбудит чьи-нибудь подозрения.

Вздыхать по поводу легкомысленных и преждевременных утверждений старого Тургенева о великом и могучем русском языке – это уже наскучило. Принимая во внимание пролетарское происхождение, МОГЭС заслуживает здесь снисхождения: не он первый, не он последний. МОГРЭС? Что ж, пусть называется...

Могэсова буква, однако, оказывается дамой с большими претензиями. Чтобы ввести шалунью в свет, МОГЭС ассигновал предположительно:

1. Замена металлических этикеток на 90 000 счетчиков, по 20 коп. каждая, – 18 000 руб.

2. Новые счета, бланки, штемпеля, печати, штампы, нотариальные заявления, публикации в газетах и проч. – 10 000 руб.

3. 100 штук новых пломбирочных щипцов – 1 500 руб.

4. Перемена вывески – 1 000 руб.

Итого тридцать [с лишним] тысяч рублей!

Одно из последних фото Р.Э. Классона (Германия, 1924 г.)

Люди мы темные, светом могэсовым не просвещены, и проблема шестой могэсовой буквы для нас остается загадкой. Тридцать тысяч рублей, при наших достатках, это сумма, в нормальном бюджете покрывающая на целое полугодие нужды просвещения и здравоохранения по крупному уезду! На эти деньги, например, можно закупить 300 сельских библиотечек или 1 000 сакковских плугов, или содержать в течение года 125 учителей! Предположить, чтобы на могэсову букву ухлопали тридцать тысяч советских рублей только ради дальнейшей порчи русского языка или по причине изощренности умов могэсовских канцелярских маньяков, слишком уж нелепо: чай, в МОГЭСе тоже берегут советскую копейку.

Очевидно, с событием этим, с этим сметным многотысячным ассигнованием связуются немаловажные хозяйственно-политические перспективы. Так вот. Эта шестая буква, будучи втиснута наперекор советскому естеству в могэсовы счетчики, как повлияет она на ход мировой революции? На судьбы советского строительства? На электрофикацию чающих света неестественного советских деревень? На токи самого МОГЭСа, наконец? И какими последствиями грозит самой республике дальнейшее именование МОГЭСа – МОГЭСом, а не МОГРЭСом, коль скоро скромная эта согласная буква обойдется государству в тридцать тысяч рублей?

Буква – существо безгласное, она молчит.

Понятно, что беспартийный Р.Э. Классон был тут ни при чем. Понятно и то, что после такой критической публикации в главной большевистской газете партийные управленцы МОГЭСа быстро забыли о своей сомнительной инициативе. Хотя зуд переименования улиц, площадей и даже больших городов владел большевиками все 70 лет правления «Софьи Власьевны». Достаточно вспомнить о переименованиях Петербурга-Петрограда, Симбирска, Царицына, Самары, Перми, Екатеринодара, Елисаветграда, Новониколаевска и других губернских городов. Некоторые из них до сих пор сохранили большевистские названия. Раскроем здесь и оборот: *«На эти деньги, например, можно закупить 300 сельских библиотечек или 1 000 сакковских плугов, или содержать в течение года 125 учителей!»*.

Те же «Последние новости» 30 декабря 1924 г. напечатали язвительную реплику:

10 миллионов книг

Госиздат пускает в деревню 100 тыс. библиотечек по 100 книг в каждой. Среди авторов – Зиновьев, Рыков, Сталин, Красин, Сосновский, Ходоровский, Карпинский и проч. Будет мужичкам из чего сигарки крутить!

Ну а знаменитые плуги Сакка, наряду с другой сельскохозяйственной техникой, закупались внешнеторговыми организациями (т.е. структурами, стоявшими близко к Наркомату внешней торговли во главе с наркомом и старым знакомцем Р.Э. Классона – Л.Б. Красиным), тем же торгпредством в Берлине, и доставлялись в СССР в жутком состоянии.

Об этом написала «Экономическая жизнь» 12 января 1926 года, а берлинский «Руль» 17 января с горечью перепечатал:

Хозяйничанье торгпредств

Большевики не устают твердить, что монополия внешней торговли является основой социалистического государства. Все товары для России покупаются исключительно при посредстве агентов советского правительства, восседающих в торгпредствах и многочисленных технических и экономических комиссиях при них. Каковы эти товары можно судить из официальных актов о приемке их на местах, в России.

*<...> А вот правление «Сельмаша» дает отзыв («Эконом. Жизнь» №9) о с.-х. машинах, купленных за границей главной технической конторой Госторга и тщательно испытанных (в России) в работе: «Дефекты с.-х. машин касаются несовершенства конструкции и материала, а также плохой упаковки. Плуги евферумские [от названия расположения французской или немецкой шарашки? – МК] в работе дают разное [?] изменение глубины и ширины борозд; в результате 7 тыс. плугов лежат без всякого движения.**

Льнотрепщотки оказались низкого качества. Плуги Сакка №6 оказались в значительной части покрытыми глубоко въевшейся ржавчиной. Огромное количество лемехов оказалось поврежденными. Диски к боронам Бехера в количестве 16 тыс. штук оказались совершенно непригодными, как изготовленные из стали с низким содержанием углерода. Паровые молотилки завода Рустон-Горнсби пришли с поломками барабанного вала, что считается небывалым явлением в теории паровых молотилок.

* Из оригинального текста статьи «Каково качество товаров, ввезенных из-за границы» («Экономическая жизнь» №9, 12 января 1926 г.):

Плуги евферумские в работе дают резкое изменение глубины и ширины борозд, дно борозды получается волнистым, что объясняется тем, что угол, образуемый плоскостью лемеха и дном борозды, слишком мал; это создает тяжелые условия для управления плугом. В результате 7 тысяч плугов лежат без всякого движения.

В сенокосилках Круппа режущий аппарат, вследствие неправильной установки системы сегментов ножа и пластинок, забивался до полной остановки работы. Машинки для чистки и консервирования фруктов оказались сильно проржавленными. Диски сеялки Процкера прибыли с поломанными дискодержателями, подогнутыми железными частями, с массовой утерей болтов и других мелких частей. Триера Гейда [триеры применялись для отделения зерна от семян сорняков – МК] были укупорены в деревянные ящики, настолько тонко и слабо скрепленные, что очень много триеров оказалось помятыми и с утерянными частями.

Можно с уверенностью констатировать, пишет правление синдиката Сельмаш, что техническая приемка с.-х. машин была в высшей степени несовершенной».

Приемка эта совершалась чиновниками торгпредств в Германии, Англии и Франции.

Что касается «просветительской» деятельности советских учителей, приведем характерный пример подобных занятий родственника Роберта Эдуардовича – Сергея Федоровича Гарденина, по его публикации «К вопросу о методах занятий на курсах для взрослых» (Госиздат, 1921 год):

Зимой 1920 года мне пришлось выступить в качестве «лектора» на краткосрочных (двухмесячных) курсах, организованных Внешкольным Отделом Наркомпроса для Просветительного Отдела Политуправления Реввоенсовета. Задачей курсов была подготовка библиотекарей для небольших красноармейских библиотек. Слушателями были красноармейцы, командированные из воинских частей Московского округа.

Мне предложено было провести курс «Советской конституции и принципов советского строительства», применительно к специфическому заданию курсов – подготовке библиотекарей. Некоторым опытом, почерпнутым из этой работы, я хочу поделиться с читателями. <...> Самые занятия были организованы так: я заранее подобрал популярную литературу по вопросам советской конституции и разным отраслям социалистического строительства: около 30 брошюр и книжек. Эти книжки и брошюры были следующие*:

А) Советская конституция.

1. Крупская – Конституция Р.С.Ф.С.Р.
2. Радек [(К.Б. Соболев)] – Письмо к иностранным рабочим о советской конституции.
3. Глебов – Наш основной закон.
4. Осинский [(В.В. Оболенский)] – Демократическая республика и Советская Республика.
5. Стучка – Конституция Р.С.Ф.С.Р. в вопросах и ответах.
6. Карпинский – На чьей стороне справедливость.
7. Текст советской конституции.

Б) Красная армия.

1. Зиновьев [(Г.Е. Радомысльский)] – Что должен знать коммунист-красноармеец.
2. Смилга – Строительство армии.
3. Шлихтер – Гражданская война.
4. Карпинский – Два года борьбы.

В) Советская власть и религия.

1. Свэн [(И.Л. Кремлев)]. О свободе совести и отделении церкви от государства.
2. Буров – Закон о свободе совести.

* Случайный характер набора книг и брошюр объясняется трудностью нахождения подходящей литературы в Москве. Мы не могли получить целого ряда брошюр, например, такой основной как «Азбука коммунизма» Бухарина и Преображенского. – Примеч. С.Ф. Гарденина

Г) Советская власть и семья.

- 1. Бухарин – Работница, к тебе наше слово!*
- 2. Коллонтай – Семья и коммунистическое государство.*

Д) Советская власть и народное образование.

- 1. Крупская – Демократия и народное образование.*
- 2. Керженцев – Культура и Советская власть.*

Е) Продовольственная политика Советской власти.

- 1. [П.М.] Иванов. Кто виноват, что мы голодаем.*

Ж) Земельная политика Советской власти.

- 1. Ленин – Речь на совещании по работе в деревне.*
- 2. Преображенский – О сельскохозяйственных коммунах.*
- 3. В. Мещеряков – О сельскохозяйственных коммунах.*
- 4. В. Мещеряков – Что нужно знать каждому крестьянину.*

З) Экономическая политика Советской власти.

- 1. Осинский [(В.В. Оболенский)] – Строительство социализма.*
- 2. Степанов – От рабочего контроля к рабочему управлению.*
- 3. Милютин – Современное экономическое развитие России.*
- 4. Ленин – Великий почин.*

И) Международное положение Советской России.

- 1. Троцкий – Советская власть и международный социализм.*

К) Итоги Советской власти.

- 1. Иванов – О том, что сделало Советское правительство в России.*
- 2. Зенькович – Два года власти рабочих и крестьян.*

Так что инициатива МОГЭС по добавлению шестой буквы («Р») в свое фирменное название, при ее реализации, оказалась бы существенно более безобидной идеологически и куда менее затратной, чем поставки низкокачественной или же искореженной импортной сельскохозяйственной техники или же печатание огромными тиражами пропагандистской литературы, которая в деревнях могла быть использована при скручивании сигарок или же, пропылившись на складах, шла под нож:

Коллегия Госиздата постановила передать писчебумажным фабрикам 8½ миллионов книг по коммунизму и политграмоте, которые второй год находятся на складах издательства без движения, вследствие отсутствия спроса. Печатание этой литературы обошлось Госиздату в 1 миллион золотых рублей.

«Последние Новости» (Париж), 10 мая 1924 г.

Самое забавное в истории с «Шестой могэсовской буквой» было то, что сия инициатива, по добавлению буквы «Р», исходила не от энергетиков, а от неких «вышестоящих инстанций». Это становится ясно из публикации в «Правде» 10 февраля 1925 года:

«Опровержение»

На этих днях в «Правде» помещен мой фельетон «Буква МОГЭС». Речь в нем, если помнит читатель, шла о том, что МОГЭС, переименовываясь в МОГРЭС, затрачивает на это переименование, т.е. на 90 000 новых пластинок в счетчиках, на бланки, вывески, штампы, печати и публикации – 30 тыс. руб. Сумма эта, по прихоти могэсовских канцеляристов, составляет, как я говорил, стоимость 1 тысячи лучших сакковских плугов, покрывает в нормальном уездном бюджете расходы по здравоохранению и просвещению на целое полугодие, на эти деньги можно содержать в течение года 125 учителей!

Такое бесцеремонное обращение с советской копеейкой, такую бессмысленную расточительность мы считаем недопустимой и возмутительной. В ответ на фельетон МОГЭС прислал следующее опровержение (так и сказано: опровержение).

“В №26 от 1 февраля с.г. помещена статья А. Зорича под названием «Буква МОГЭС», в которой управлению МОГЭС ставятся в вину те непроизводительные расходы, которые вызываются переименованием названия треста. Прежде всего, правление МОГЭС считает необходимым указать, что реорганизация треста, в т.ч. и переименование его названия, производится не по инициативе правления треста, а высшими правительственными органами, в ведении которых находится трест МОГЭС.

Что касается переименования названия, то правление МОГЭС, со своей стороны, считает так же переименование нецелесообразной и вызывающей лишь непроизводительные расходы. <далее следовало цитирование пламенной публицистики тов. А. Зорича, автора статьи, о необходимости беречь советскую копейку>” А. Зорич*

В апреле 1925-го на 56-м году жизни скончался давний знакомый и сослуживец по Баку и Москве Василий Васильевич Старков, на тот момент зам торгпреда в Германии. В связи с этим Р.Э. Классон надиктовал весьма проникновенные воспоминания о нем.

И заканчивались эти воспоминания трагически-лирическими словами о том, как в России талантливые люди не берегут себя, свое здоровье (их, кстати, можно отнести и к самому Роберту Эдуардовичу, которому оставалось жить меньше года):

В 1920 г. В.В. Старков уехал за границу с Л.Б. Красиным и с тех пор всецело посвятил себя работе в Берлинском Торгпредстве. Работа и там была исключительно трудной и хлопотливой, и мне пришлось видеть Василия Васильевича в этой работе, начиная с 1921-го и вплоть до 1924 г. Все время видно было, что человек несет чрезмерную работу. И семья, и друзья убеждали его сократить время, отдаваемое службе, и больше предоставлять работникам. Но В.В. Старков все время работал чрезмерно и тем подорвал свой организм. <...> Сказалась обычная российская скверная черта – нежелание экономно расходовать свои силы и чрезмерная перегруженность отдельных лиц, столь характерная для последних лет. Отдельные лица выбиваются из сил, работают свыше всякой меры, надрываются и погибают на этой работе.

А общая масса сотрудников, хотя и сидит без конца в учреждениях, все же сравнительно мало участвует в этой интенсивной работе и относится к ней пассивно, так что работа с ними до известной степени «скользит», отнимая у них время, но не отнимая в то же время сил. В России во все времена было очень мало деловых людей, которые умели работать.

Те же, которые работали, всегда работали слишком много, и потому русские талантливые люди всегда раньше сходили со сцены, чем аналогичные заграничные деятели, которые, работая чрезвычайно много и интенсивно, отнюдь не меньше, в конечном счете, чем русские талантливые люди, все же берегли свое здоровье и заботились о нем. Очень обидно, что В.В. Старков так рано умер. В Торгпредстве он играл большую роль, и ему оно в значительной степени обязано своим высоким положением. Но, конечно, для всех и, в частности для Торгпредства, было бы лучше, если бы В.В. Старков соблюдал экономию и не тратил так безрасчетно своих сил, «не жег бы свечи с двух концов».

* Сатирический смех и гнев против обывателей, бюрократов, подхалимов вызывали у читателей «Правды» фельетоны А. Зорича (Василия Тимофеевича Локтя). Он пришел в «Правду» в 1922 г. и работал здесь до 1928 г. в бюро расследований. За это время он завоевал всеобщую известность как автор многочисленных фельетонов и рассказов, печатавшихся в «Правде» и в ряде журналов [(в т.ч. в «Крокодиле»)]. – Из Интернета

Почему-то Роберт Эдуардович в своем «некрологе» о давнем знакомом ни словом не обмолвился об истинной причине кончины Василия Васильевича (кроме элегического «жег свечи с двух концов»).

В книге некогда заведовавшего правовым отделом торгпредства в Берлине, а затем «невозвращенца» Александра Юрьевича Рапопорта «Советское торгпредство в Берлине. Из воспоминаний беспартийного спеца», Нью-Йорк, 1981, сообщается об инспекционной поездке эмиссара из Москвы Бориса Анисимовича (Исаака Аншелевича) Ройзенмана, направленного в 1925 году Центральной контрольной комиссией ВКП(б) «чистить» партийные ячейки советских учреждений в Берлине и Лондоне.

И оказалось, что тов. Ройзенман категорически требовал от тов. Старкова, заменявшего прописавшегося уже в Москве шефа Б.С. Стомонакова, снять заведующих отделами торгпредства в Берлине! А Василий Васильевич отвечал, что их некем заменить!! И 24 апреля 1925 года его хватил удар, а через два дня он умер!!! (см. Приложение «Действующие лица»)*

7 мая 1925 г. Р.Э. Классон обратился к своему старому знакомому И.И. Радченко (который в это время не только возглавлял Госторф, но и занимал должность Заместителя Председателя Президиума ВСНХ СССР) с таким письмом:

Многоуважаемый Иван Иванович,

Посылаю Вам нечто вроде статьи по вопросу о тракторах, но характер статьи [(«Электрификация или трактор»)] столь еретический, что, конечно, она не может быть напечатана в газетах.

Эта статья настолько идет вразрез с укоренившимися официальными взглядами, что, вероятно, меня забросали бы камнями, если бы я вздумал ее пустить в печать. Может быть, Вы ее как-нибудь утилизируете, показав людям, достаточно свободным от предрассудков и заинтересованным в судьбах страны.

Здесь имеет смысл напомнить, что Роберт Эдуардович уже несколько лет занимался поисками легкого и удобного трактора для сугубо утилитарной цели – механизации формовки торфяных кирпичей на полях разлива (сушки). Вот несколько примеров из того же 1925 года. В феврале этого года из его письма берлинскому инженеру Борису Абрамовичу Креверу становится известно, что Госторф получил разрешение на приобретение за границей гусеничного трактора, и посему предполагалось заказать его у французской фирмы Пежо.

Из дальнейшей переписки с Главной Технической Конторой Госторга становится видно, что Управлению Госторфа (Р.Э. Классону) пришлось согласиться на условия этой конторы – поставку двух гусеничных тракторов другой французской фирмы, Рено (4-х цилиндровых, мощностью 38 л.с., с тяговым усилием 2,9 тонны и давлением гусениц на почву 0,4 кг/см²) по цене 34 000 франков за один трактор (с учетом 10% от стоимости заказа запасных частей) в течение двух недель, считая от 25 марта 1925 года! Трактора нужны были как тяговая сила для передвижения по полям сушки формирующих барабанов.

* Уже не один год шеф лишь навещался в Берлин, а большую часть времени пребывал в Первопрестольной и на лечении:

По сообщ. «О.Э.» [(Ost-Express)], Стомонаков вернулся в Берлин, чтобы продолжать здесь свое лечение, по окончании которого он уедет в Москву, где займет свой новый пост зам. комиссара Внешторга. «Руль» (Берлин), 28 ноября 1924 г.

Из письма Р.Э. Классона Б.А. Креверу в Берлин от 24 ноября 1925 года:

У нас с Пежо вышел скандал: у трактора Пежо между гусеницами, сзади висел большой масляный ящик с передачей, этот ящик висел как брюхо и гнал перед собой торф, так что перед трактором шла большая волна. По-видимому, у трактора Рено такого брюха нет, но мы с французским торгпредством [т.е. с ведомством наркомвнешторга Л.Б. Красина] боимся теперь вступать в разговоры, зная, что они не отвечают все равно, и, может быть, окажется возможным получить через Вас скорее эскизные чертежи гусеничного трактора Рено одновременно с немецкими [к трактору Комфреш]. Если есть еще какой-нибудь трактор, то мы готовы их прикинуть – может быть, окажутся подходящими. Время у нас пока есть, они нужны только весною!!! Кстати, не получили ли Вы ответа от Амторга по поводу трактора Форда с большими резиновыми шинами?»

Из письма Члена Правления Госторфа Р.Э. Классона в Амторг от 17 ноября 1925 года:

По ходу нашего производства нам нужно пускать по болоту для резки разлитой массы легкие тракторы гусеничного типа, которые тащили бы за собой резательные машины. Торф разливается слоем около 200 мм, который к моменту резки усыхает до толщины около 120 мм. На прилагаемой фотографии Вы это лучше всего увидите. К сожалению, все тракторы, которые мы до сих пор имеем – немецкие типа Напотаг и французские типа Регау, не удовлетворяют нашим требованиям, так как они слишком тяжелы.

К нам приезжал смотреть наш торф американец из Флориды и оставил прилагаемые при сем фотографии американских тракторов, утверждая, что эти тракторы идут по самому мягкому болоту. В Европе мы таких тракторов найти не можем. Мы обращались к этому американцу с письмами, чтобы он указал нам фирму и просил ее сделать нам предложение, но или письма не дошли или по другим причинам, но ответа мы не получили. Не можете ли Вы на основании этих фотографий установить, какая фирма изготавливает эти тракторы, и получить у нее предложение для нас? Нас интересуют следующие вопросы: вес трактора и его мощность, удельное давление, т.е. давление на грунт в килограммах на квадратный сантиметр, оказываемое этим трактором при движении по болоту, сравнительно твердому, так что гусеницы погружаются не все.

Если последнее обстоятельство затрудняет фирму, то это не так важно, мы сами вычислим, но тогда нам нужны размеры тракторов, хотя бы эскизные, и затем фотография спереди, из которой видно было бы, нет ли какой-нибудь части трактора между гусеницами, которая зацепляла бы за налитый торф. Последнее обстоятельство случилось с трактором Пежо, у которого оказалась очень низко сидящей зубчатая передача, и трактор гонит перед собой волну пластичного торфа.

Чрезвычайно важно, чтобы трактор был легкий и сильный. Изображения такого трактора мы не видели ни в одном американском журнале, но мы здесь не получаем специальных автомобильных журналов. Может быть, Вам это будет легче сделать, имея под рукой соответственные каталоги фирм. Так как такой трактор нужен нам уже к сезону будущего года, т.е. к 1 мая, то мы просим не отказать ускорить это дело и, во всяком случае, ответить нам, чтобы мы знали, что это письмо до Вас дошло.

А окончание драматической истории с заграничными заказами тракторов, которых никто не видел до этого, становится известным из письма Р.Э. Классона в Правление МОГЭС от 2 декабря 1925 года:

В настоящее время мы разобрались в вопросе о тракторах, которые нужны для привода в движение формовочной машины. Мы делали опыты, чтобы выяснить то максимальное давление на грунт, которое можно допустить для трактора, и пришли к тому заключению, что это давление должно быть отнюдь не более $0,3 \text{ кг/см}^2$. Тогда трактор будет работать хорошо, и формовка будет идти правильно. Если бы можно было достигнуть $0,25 \text{ кг/см}^2$, то было бы еще лучше.

Далее Р.Э. Классон предлагал Госторгу изменить заказ: вместо французского Рено, конструкция которого не давала возможности приделывать к его гусеницам широкие шпалы, чтобы снизить давление на грунт, приобрести немецкий трактор WD50 фирмы Napomag, мощностью 50 л.с. (и он в 1926 году появится на торфяных полях «Электропередачи»). Из статьи инж. В.Д. Кирпичникова «Результаты применения нового стандарта гидроторфа в сезоне 1925 г.» (журнал «Торфяное дело», 1926, №2):

Формовка. К сожалению, формовки торфа в производственном масштабе провести не удалось, так как два трактора Пежо по 37 л.с. не смогли работать из-за низкого хода, а трактор В.Д. [немецкой фирмы Napomag], [мощностью] 25 л.с. был очень слаб и мог везти за собой вместо 18 дисков [в формующем барабане] всего 14. Он сформовал около 10 гектар торфа и дал очень хороший результат, но его производительность была невелика, как вследствие малой длины барабана, так и из-за необходимости работать все время на первой скорости с неизбежными остановками из-за перегрева. Для сезона 1926 года эти тракторы заменяются тракторами В.Д. [мощностью] 50 л.с.

То есть инженеры Гидроторфа, включая и Р.Э. Классона, стали «большими доками по тракторам». По-видимому, сие обстоятельство плюс, разумеется, «заинтересованность в судьбах страны» и послужили поводом для более общего взгляда на энерговооруженность Советской России.

Здесь мы немного отвлечемся от светлых перспектив «тракторизации всей страны» и процитируем еще одно письмо Роберта Эдуардовича, за 23 февраля 1925 г., Зав. разработками Гидроторфа на Чернораменском болоте под Балахной Н.А. Березкину, а именно такую его часть:

В каком положении у Вас [формовочный] трактор, который в прошлом году повредился? Я боюсь его оставлять не отремонтированным, но так как ремонт стоит денег, то у меня возникла мысль, не отдать ли его взаймы МОГЭС, у которого не хватает трактора на Кержаче, с тем, чтобы МОГЭС отремонтировал его, пользовался бы им летом и затем вернул осенью. Я несколько боюсь этой комбинации, потому что МОГЭС может не вернуть трактора, и мы с ним ничего не поделаем. Поэтому выясните, пожалуйста, сколько будет стоить ремонт. Может быть, нам все-таки выгоднее сделать его за свой счет?

Тут настораживает то обстоятельство, что инженер и крупный руководитель вынужден был уделять свое внимание такой мелочевке как ремонт как-то там формовочного трактора, пусть и импортного. Однако, как мы могли уже понять, сии тракторы были буквально на вес золота, поскольку ввозились из-за границы. И весьма существенным фактором было то, что поставщики (Госторг, Амторг или же напрямую от фирмы-производителя, но через берлинского агента – инженера Б.А. Кревера) после выполнения заказа никак не интересовались судьбой техники, тем более не думали наладить его сервисное обслуживание, хотя бы за счет налаживания поставок запчастей.

Поэтому «строителям социализма» приходилось эксплуатировать и ремонтировать импортную технику своими силами, чуть ли не «на коленке».*

Итак, в упомянутом выше материале Р.Э. Классона («Электрификация или трактор») шла речь о весьма оригинальном предложении – вместе с электрификацией делать упор и на «тракторизацию всей России»:

Потребность в энергии в стране очень велика, но совершенно распылена и централизована только в очень небольшом числе пунктов, около промышленных центров. Вся остальная громадная земледельческая страна совершенно лишена источников энергии. Те маленькие станции, которые открываются там и сям в деревнях, конечно, могут только деревни освещать, но не могут явиться источником движущей силы, так как они слишком малы.

*К ним нельзя присоединить ни молотилок, ни кустарных мастерских просто потому, что они слишком малы и не повезут большого мотора. Настоящая машина для земледельческой России – это трактор, притом трактор простейшего типа, работающий не только на бензине, но и на керосине, чрезвычайно дешевый (фордовский трактор стоит менее 400 долларов, т.е. менее 1000 [червонных] руб. с доставкой и перевозкой). <...> Обращение с простой машиной, каковой является трактор, легко может быть усвоено крестьянской молодежью. И тогда трактор явится действительно совершенно неоценимым фактором крестьянского прогресса.***

* 16 апреля 1925 г. харьковская газета «Коммунист» напечатала интересный материал о сервисном обслуживании сельскохозяйственной техники «до революции и после», а берлинские «Дни» 26 апреля перепечатали его в изложении (понятно, что Гидроторф-Госторф имел кадры опытных мастеров и слесарей для ухода за техникой, а у крестьянина ничего этого не было, кроме, может быть, деревенского кузнеца, тем более этот материал дает почувствовать разницу):

Коммунистические рвачи

«Коммунист» (16 апреля) сравнивает, как раньше частные торговцы продавали крестьянам сельскохозяйственные машины и как теперь «снабжают» коммунистические советские учреждения.

«Как было раньше? Фирма, продавшая машину, продолжала заботиться о ней как нянька: потерялась гайка, начались какие-нибудь перебои, еще что-нибудь – агент фирмы тут как тут! Починил, составил акт о починке, взял расписку с крестьянина и представил свою – директору. Нужны запасные части – крестьянин сейчас же получал преysкуранты и через того же агента мог их выписать. Нужна чистка машины, крестьянин собрать не может – снова ему оказывает помощь фирма... Агенты частных фирм даже без особой надобности заглядывали к крестьянину и спрашивались, не испортилась ли машина, не нужно ли чего поправить. Этот агент присылал даже монтера по сезонам для инспекционного осмотра – бесплатно, конечно».

Так было. А теперь «отношение продающих и снабжающих машинами советских органов носит неприлично рваческий, халтурный характер... Стараются сбыть свой «товар» и после этого считают себя свободными от каких бы то ни было дальнейших обязательств. Укрсельбанк через Внешторг выписывает трактор, сноповязалку и поручает Автопромторгу пропустить данные машины [через таможеню]. Машина сдается, деньги за нее получается, и на этом оканчиваются взаимоотношения между потребителями и советскими органами. Крестьянин в случае порчи машины обращается в ближайшую инстанцию, от которой он ее непосредственно получил. Там говорят, что они не отвечают. Посылается письмо в следующую инстанцию – оттуда получается такой же ответ”.

Если прибавить к этому, что соворганы берут в 2-3 раза дороже частных фирм и часто намеренно стараются, как удостоверял недавно тот же «Коммунист», обманным образом сбывать негодную заваль, то картина будет достаточно полной. И для крестьян она вполне убедительна. Одни только ленинские дурачки до сих пор не понимают, в чем тут секрет.

** Здесь мы приведем пересказ берлинским «Рулем» от 10 января 1926 г. публикации в «Экономической жизни», которая описывала своеобразные формы «обращения с простой машиной, каковой является трактор» (так что до трактора как «неоценимого фактора крестьянского прогресса» будет еще далеко):

В последнем номере «Экономической Жизни» рассказывается <...> относительно пресловутых тракторов. Уже несколько лет как ведется энергичная тракторизация сельского хозяйства. Закуплена была за границей [(у Форда)] масса тракторов, и немало чернил и типографской краски затрачено было на напечатание сообщений о блестящих результатах тракторной кампании.

Трактор будет не только исполнять все земледельческие работы, но и возить тяжести, приводить в движение все сельскохозяйственные машины и зимой будет освещать деревни: каждый трактор имеет шкив, который может передать ремнем энергию на любую машину.

Эту «еретическую мысль» автор обосновывал следующим образом:

Говорить о развитии отечественного тракторостроения совершенно бесполезно до тех пор, пока это тракторостроение не будет поставлено на серьезную, деловую ногу. Т.е. пока не будет построен один настоящий большой завод, выпускающий в год миллион тракторов или, по меньшей мере, полмиллиона. Иначе дело рационально поставить нельзя. Новый завод Форда рассчитан на выпуск миллиона тракторов в год. За истекший год заводы Форда выпустили 2 миллиона легковых автомобилей и двести с небольшим тысяч тракторов.

<...> В заглавии я поставил вопрос: «Электрификация или трактор?». Это не значит, что одно другое исключает. Для промышленных центров, конечно, электрификация является совершенной необходимостью, и то, что в этом направлении до сих пор делалось, целесообразно, но масштаб чрезвычайно мал. Ведь через 1-2 года предполагается закончить постройку начатых станций, и тогда будет исполнено 10% от программы, намеченной ГОЭЛРО, и в работу вступит около 200 тыс. л.с. Цифра эта, если принять во внимание семилетнюю работу со времени утверждения программы ГОЭЛРО, конечно, совершенно ничтожна.

Окончание примечания

И вот наступил момент, когда «Экономическая Жизнь» начинает взывать: «Осторожней с тракторами». Этот горестный призыв появился потому, что, после того как миллионы были затрачены, «недавно Госторгом было предпринято обследование тракторного хозяйства». И что же оказалось? Газета говорит, что получились «весьма любопытные данные». Действительно, данные весьма любопытные. Вот каковы они: «Из 35 тракторов, имевшихся в [таком-то] округе, только 3 трактора используются правильно, остальные... почти все испорчены с самого начала работы и требуют более или менее основательного ремонта». Производительность тракторов совершенно неслыханная. По словам газеты, «в одном месте за месяц запахали только 180 десятин, в другом – 61 десятину и т.д. ... Всюду тракторы поломаны, запашка производится неумелыми работниками в крайне ничтожном количестве».

Далее оказывается, что владельцы тракторов, как частные лица, так и коммуны, и совхозы и т.д. ничего не платят Госторгу: «За большинство тракторов Госторгу еще не уплачено ни копейки». И именно потому с машинами обращаются подлинно по-советски: «Стараются выжать из машины в свой карман все, что только возможно... От трактора при такой работе только ключья летят, как говорится». Газета подводит и окончательный итог, который заключается в том, что предпринятая «тракторизация самым губительным образом отражается на пропаганде тракторного хозяйства в деревне». Какова же мораль всей этой замечательной басни? Теперь газета додумалась до того, что очевидно «нужны не только тракторы, а еще и специалисты, умеющие трактором управлять». И вот теперь, когда [почти] все тракторы лежат уже поломанными, когда миллионы пропали зря, советская власть спохватилась: «Местный госторг принялся уже теперь за организацию транспортных курсов и мастерских». <...>

Ту же скандальную тему затронуло и парижское «Возрождение» 23.1.1926 г. в заметке «Блеф «электрофикации» и «тракторизации» России» автора, укрывшегося за псевдонимом «Экономист»: оказывается Госторг обследовал Черноморскую обл., а написала об этом «Экономическая жизнь» в №3 за 1926 г. (и Роберт Эдуардович вполне мог, с опозданием по отношению к своему письму И.И. Радченко, прочесть об этом). Сейчас это уже невозможно установить достоверно, но предположим, что И.И. Радченко с высот подведомственного ему ВСНХ СССР еще в мае 1925 г. видел подобные советские безобразия и потому не решился предложить статью «Электрификация или трактор?», пусть и инженера Божьей милостью Р.Э. Классона, даже в подведомственную «Экономическую жизнь», а лишь размножил ее и разослал по отделам ВСНХ.

Американские станции, строящиеся в настоящее время, в отдельности каждая равна или больше указанной суммарной мощности всех строящихся в России станций. Затем по окончании этих наших станций, находящихся сейчас в постройке, наступит мертвая полоса, так как постройка новых крупных станций у нас не начинается. Их и начинать нельзя, так как для них не было бы рынка. Потребность в энергии в стране очень велика, но совершенно распылена и централизована только в очень небольшом числе пунктов, около промышленных центров.

Вся остальная громадная земледельческая страна совершенно лишена источников энергии. Те маленькие станции, которые открываются там и сям в деревнях, конечно, могут только деревни освещать, но не могут явиться источником движущей силы, так как они слишком малы. К ним нельзя присоединить ни молотилок, ни кустарных мастерских просто потому, что они слишком малы и не повезут большого мотора.

Настоящая машина для земледельческой России – это трактор, притом трактор простейшего типа, работающий не только на бензине, но и на керосине, чрезвычайно дешевый (фордовский трактор стоит менее 400 долларов, т.е. менее 1000 руб. с доставкой и перевозкой). Нужно, чтобы для этих тракторов всюду имелись запасные части. Притом такие части, которые подходят без всякой пригонки и которые можно купить почти в любой лавке, как это теперь имеет место в Америке.

<...> Завод, выпускающий сотни тысячи тракторов в год по очень дешевой цене, будет иметь значение совершенно ни с чем несравнимое. И не только отдельные участки, расположенные случайно вблизи немногих электрических станций, но и вся страна в целом почувствует благоденствие от этого огромного притока механического источника силы, разливающегося по всей стране. <...> Но, конечно, все попытки раздробить производство и завести тракторостроение на многих заводах заранее обречены на неудачу. Тут нужен или очень широкий масштаб или никакого. Нет смысла строить дорогие тракторы на наших заводах, проще тогда их купить в готовом виде у того же Форда. Единственно рациональное решение, конечно, заключается в том, чтобы построить такой завод, пользуясь огромным приобретенным в этом направлении опытом, у себя дома, в центре страны.

Несколько своеобразно это звучит в устах электротехника, который 34 года работал над постройкой и эксплуатацией важнейших электростанций в России. Но, тем не менее, мне лучше, чем всякому другому, видны те огромные затраты, которые предстоят при электрификации огромных пространств с чрезвычайно редким населением. Об этом говорят обычно очень легко. Об успехах электрификации принято говорить в ликующих тонах, но все это по простой причине, что никто не приводит абсолютных или относительных цифр, но сопоставленных с западноевропейским и американским масштабом.

Сейчас, по американским журналам, строится 19 новых больших станций в Америке мощностью от 200 тыс. до 600 тыс. киловатт каждая, т.е. каждая из этих станций больше того, что будет сделано в России за 7 лет, протекшие со времени [принятия] ГОЭЛРО. У нас постройка таких больших станций совершенно невозможна, так как нет рынка.

<...> Освещение деревень от центральных станций [тоже] совершенно невозможно. Отдельные небольшие исключения [в виде] деревень, освещаемых большими станциями, только подтверждают это положение. Проводка стоит так дорого, что, конечно, она никогда не окупится. Самая богатая страна не могла бы позволить себе такой роскоши.

<...> Итак, заглавие статьи надо изменить и, выкинув слово «или», установить: «Электрификация для крупных промышленных центров, тракторы для остальной земледельческой России». Это не конкурентные, а параллельные решения вопроса, так как техника не знает универсальных решений, и в каждом случае одно решение более верно и более целесообразно, чем другое. Электрификация для всей России в целом невозможна экономически. Наоборот, «тракторизация» вполне возможна, но, конечно, потребует затрат крупных государственных средств, которые окупятся в ближайшие же годы.

Воздействие весомых аргументов, содержащихся в статье Роберта Эдуардовича на советские плановые органы (где могли еще обитать «люди, достаточно свободные от предрассудков и заинтересованные в судьбах страны») требует дополнительного исследования. Во всяком случае, в информашке берлинского «Руля» от 25 июля 1925 года (то есть через 2 с лишним месяца после появления письма в адрес И.И. Старкова) можно было прочитать:

Сельскохозяйственная секция государственно-плановой комиссии [Госплана? – МК] признала необходимым ввезти в Россию 4 000 тракторов. Общая потребность в тракторах исчисляется в 20 000 штук. Сельскосоюз закупил в Америке 1 100 тракторов, которые придут в начале сентября.

Почти через полгода появилось еще одно сообщение об «американских тракторах», на сей раз в «Последних новостях» (Париж) за 17 декабря 1925 года:

Как сообщает нью-йоркский корреспондент «Таймса», советское правительство заключило с Фордом договор на поставку СССР 10 000 тракторов и некоторых других земледельческих орудий на сумму 6 000 000 долларов. Тракторы будут отправлены в течение декабря и января в Новороссийск и Одессу с тем, чтобы они прибыли в земледельческие районы к весне.

В то же время в 1925 году в газетах появлялась информация о «собственных тракторах». Например, 21 сентября «Вечерняя Москва», сообщая об испытаниях в Свердловске изготовленных на Путиловском заводе тракторов, с гордостью утверждала, что они оказались лучше американского трактора «Фордзон» в отношении работы (а в чем конкретно лучше – в надежности, в удобстве эксплуатации?) и в экономии топлива (вообще-то, любое транспортное средство для выполнения своей работы расходует топливо, другое дело, что на единицу транспортной работы можно расходовать больше или меньше бензина и солярки). При этом марка трактора была зашифрована как «Ф.П.», т.е. оной оказалась калька американского «Фордзона», сделанная путиловцами – «Фордзон Путиловец».

Действительно, Википедия подтверждает сие мое «открытие»: речь шла о производстве, начиная с 1924 года, колесного трактора по лицензии компании «Форд», копии американского оригинала Fordson-F, с карбюраторным керосиновым двигателем мощностью 20 лошадиных сил.

А 28 сентября 1925 года та же «Вечерняя Москва» сообщала об испытаниях на полях Тимирязевской с.-х. академии тракторов, выпускавшихся Коломенским заводом и «Большевиком», причем последние предназначались для хозяйств среднего и мелкого крестьянина, в отличие от производства этими двумя заводами в течение уже нескольких лет только крупных, мощных тракторов. Марки оных (как и их мощность) при этом умалчивались.

Тот же Интернет указывает на то, что «Коломенец-1» переделывался из английского трактора «Могул» мощностью 25 лошадиных сил, с резким упрощением трансмиссии и двигателем, работающим на нефти. А «Большевиком» оказался прежний Обуховский завод, который стал выпускать в 1925 году как будто бы полностью «отечественный» трактор мощностью 75 лошадиных сил!*

Но масштабы производства оказались ничтожными, так «Коломенец-1» за несколько лет был выпущен на двух заводах – Коломенском и Брянском – в количестве всего 231 штука. Это, конечно, не могло удовлетворить запросы сельского хозяйства и, тем более, сел (при их использовании в качестве средства электрификации).

По-видимому, Р.Э. Классон, почта советские газеты, и надиктовал статью (докладную записку) «Электрификация или трактор» с еретическими мыслями. Первый крупный тракторный завод, как мы знаем, будет построен в Сталинграде лишь в 1930-м. В следующем году вступит в строй Харьковский, в 1933-м – Челябинский тракторный завод. Причем все эти заводы будет проектировать знаменитое бюро Albert Kahn, Inc. в Детройте («архитектор заводов Форда»). Более того, СТЗ смонтируют сначала в США, а затем его разберут, перевезут в СССР и за полгода смонтируют уже окончательно под контролем американских инженеров. Оставляем историкам проследить влияние вышеприведенных мыслей Роберта Эдуардовича на реальное воплощение советской «тракторизации».

В 1925-м Р.Э. Классон, судя по запросу редакции «Экономической жизни» от 16 сентября, посылал в газету материал «Массовое производство в бедной стране». Речь шла о массовом выпуске дешевых товаров – тех же тракторов, по примеру заводов Форда, лопат, других сельскохозяйственных орудий и о развитой торговой сети, по примеру огромных магазинов Филена (на языке оригинала, Filen) в Бостоне и других городах и торговых предприятий Вульворса (на языке оригинала, Woolworth), продающей массовые товары с минимальной накруткой. В обоснование актуальности последнего он приводил такие аргументы:

Если мы обратимся к крестьянскому рынку России, то мы видим, что он нуждается в таких предметах потребления, которые все чрезвычайно легко поддаются массовому изготовлению и могут быть производимы по столь низким ценам, которые теперь нам кажутся фантастическими. Крестьянину нужен плуг, топор, коса, лопата, серп, колеса, сапоги и пр. – словом, все предметы, которые чрезвычайно легко могут быть изготовлены в массовом производстве.

Но, конечно, для этого нужно, чтобы плуг не выковывался кузнецом и не выработывался кустарным, почти первобытным способом. Даже наши заводы, специально изготовляющие плуги, все еще работают слишком простыми и дешевыми машинами.

<...> Большие машины, штампующие отдельные части плугов, штампующие лопаты и все аналогичные предметы крестьянского обихода, могут выбросить на рынок такое количество дешевых предметов, что они удовлетворят потребности рынка. Но, конечно, при условии, чтобы завод не накладывал огромных накладных расходов на свои изделия. И, самое важное, чтобы посредники, которых всегда имеется целый ряд, не накладывали каждый раз от 50 до 100% на стоимость изделий.

* «Вечерняя Москва» умолчала о результатах испытаний, а вот парижские «Последние новости» 27 сентября 1925 г. перепечатали заметку из «Правды», в коей шла речь о шефском подарке крестьянам самарской деревни Андросовки – купленном в Сельмаше тракторе «Коломенец [заводской] №150»:

2½ месяца пыхтел «Коломенец» на отведенном ему участке в 50 десятин и земли все-таки не вспахал: то подшипники плавятся, то лопаются нефтепровод, то самый корпус вгружает в землю – и день неполной работы чередовался неизменно с недельным простоем у деревенской «кузни» или с поездкой в город для основательного ремонта. Деревня признала, в конце концов, «Коломенец» негодным для пахоты и перевела его на молотьюбу. Но и здесь он зарекомендовал себя не лучше.

Пока ящик гвоздей, выпущенный по сравнительно дешевой цене с завода, дойдет до крестьянина, он повышается в цене в несколько раз. Казалось бы, сеть кооперативов обладает всеми данными для того, чтобы поставить действительно дешевую массовую торговлю. Рынком для него является вся страна с огромным населением, но, к сожалению, кооперативам не мешало бы поучиться у Филена способам дешево торговать. Они [же] накладывают на свои продукты такой высокий процент, что цена продукта, по мере его удаления от источника производства – завода, возрастает как снежный ком.*

* При всей безупречности выкладок Р.Э. Классона стоит все же отметить, что тогдашние заводы не были способны к массовому производству. Из «информашки» в берлинских «Днях» за 5 апреля 1925 г.:

Нам сообщают: Дзержинский, выступая на собрании московских металлистов по поводу программы металлопромышленности, заявил: «<...> В настоящих условиях, при слабой емкости рынков и при ничтожной покупательной способности населения, металлопромышленность осталась бы с полными складами изделий и, имея ничтожные оборотные капиталы, была бы вынуждена к концу 1925 г. вновь резко сократить производственную программу и останавливать предприятие за предприятием, тем более что большинство наших заводов крупного машиностроения совершенно не приспособлено к производству изделий массового потребления, и приспособить их для этой цели представляется невозможным, как в техническом, так и в финансовом и экономическом отношении. <...>».

Более того, в это время в советских верхах возникли залихватские идеи взять да и пересадить в отечественную промышленность такой заморский продукт как фордизм. Из заметки «Промышленника Л.» «Фордизм в Америке и СССР» в «Руле» за 1 октября 1925 г.:

Миллиарды Форда не дают спокойно спать советским «промышленникам». Разоренная на долгие годы страна, полуголодные рабочие и служащие, хронический товарный голод рядом с горами неликвидных фондов, случайные разношерстные заказы – все это так далеко от американских условий; и тем не менее слова: Форд, фордизм, научная организация труда, хронометраж и т.д. не сходят с языка советских заправил, по бредовому мышлению которых:

«Фордизм есть система, принципы которой давно известны, заложены Марксом и составляют закон разделения труда. Раскрепостись Форд в своем мышлении, освободись от наследственных оков века, он сделал бы для фордизма еще более. О Форде в иностранной печати пишут чудеса как о промышленнике, рекомендуют последовать его идеям и примерам его производства, забывая, что подражателей ему в отношении научной организации производства нет или почти нет даже в самой Америке, где были лишь неудачные его последователи. Не место было бы объяснять причину последнего, она по-видимому кроется в талантливости изобретенной Фордом системы, которая, как всякая совершенная система, только и гарантирует лучшую организацию. В своей книге Форд пишет, чему он научился в производстве, но это-то и доказывает, что научившись и создав, он не понял самого производства. Он не понял экономических причин производственного процесса, хотя прекрасно устанавливает его на практике. Вот почему он не понимает фордизма, против которого восстает. Форд против уравнивания зарплаты и не понимает сути своих достижений – силы энергии [инерции?], развивающейся в процессе. Он, наоборот, лишь за увеличение платы, желая тем укоренить в рабочих чувство зависимости от предприятия».

Так пишет в предисловии к русскому переводу книги Форда советский профессор научной организации труда и производства. <...> Недостает только совета Форду изучить производство в советской России. Уже, по-видимому, забыты те разорения, которые были произведены в русской промышленности опытом уравнивания зарплаты: распыление специалистов по деревням, полное падение производительности, уничтожение заводского инвентаря.

Непонятно далее, какие собственно предметы массового производства можно сбывать обнищавшему русскому населению. Невозможно, наконец, обзавестись нужным для массового производства оборудованием при хроническом отсутствии средств у правительства пролетарской культуры.

Большевики просто разрешили все эти затруднения: они применяют «фордизм» так сказать в безвоздушном пространстве – вне производства. Типографские машины выбрасывают ежедневно груды испорченной бумаги о>Note, фордизме и т.д., а кустарно-ремонтная промышленность СССР влечет изо дня в день свое жалкое существование. Ее интересует не фордизм, а вопрос, хватит ли средств на ремонт 30-летнего котла, не научная организация труда, а способы изжить пережиток седой старины – бригадную систему у рабочих (см. «Предприятие», май 1925 г.).

К сожалению, и в современной «демократической России» многочисленные посредники накладывают до 50-100% на стоимость продукции. Возможно, что и по этой причине инфляция в России до сих пор недопустимо высока. Хотя, с другой стороны, в России появились торговые сети, которые привлекают покупателей сравнительно дешевыми товарами и разнообразными скидками.

В итоге статья Р.Э. Классона под заголовком «О массовом производстве» появилась, с некоторыми сокращениями, лишь в декабре 1925-го и не в «Экономической жизни», а в Торгово-промышленной газете. В ней он приводил и такие аргументы:

Когда у нас заводы одновременно выпускают и паровозы, и тракторы, и всякие другие машины, то из этого ничего, кроме бесполезной траты денег, не выходит.

Нельзя оборудовать производство современными машинами, выпуская 70 или даже 300 тракторов в год. Нельзя дешево производить лопаты, если одновременно с лопатами выпускаются сотни других вещей, и все они изготавливаются кустарным способом.

Массовое производство вызывает массовое потребление, но оно требует совершенно определенного, очень дорогого и крупного оборудования заводов.

Плуги надо изготавливать только на одном заводе, но этот завод должен быть огромным и выпускать плуги через несколько секунд, как это делает Форд со своими автомобилями, выпуская каждые 6 секунд по автомобилю.

Лопаты тоже надо производить огромными дорогими машинами, которые будут выбрасывать ежесекундно готовые лопаты, гораздо более совершенные, чем нынешние полукустарные.

Мне скажут, что все это невозможно, что на это все требуются огромные деньги. Это верно, средства нужны большие, но иного выхода, как переход к массовому производству, нет. Мы будем годами биться с дорогими, непроизводительными произведениями промышленности, совершенно не доступными крестьянам.

Ни промышленность, ни сельское хозяйство не могут при этих условиях успешно развиваться, так как первая не имеет рынка, а второе не будет иметь достаточно орудий производства.

В конце статьи «О массовом производстве» отмечалось заодно: «*Вся электрификация страны чрезвычайно затрудняется именно тем обстоятельством, что все, что приходится покупать в области механического и электротехнического оборудования, все несообразно дорого. Массовое производство дало бы в этом отношении чрезвычайно благие результаты. Но производство тесно связано с торговлей, о которой я скажу в следующей статье*».

Последнее обещание осталось невыполненным, по-видимому, из-за смерти автора через два месяца.

Окончание примечания

Поясним, что в 1924 г. на русском языке вышла автобиография Генри Форда «Моя жизнь, мои достижения» (в оригинале «My Life and Work»). Предисловие к ней написал инж. Николай Семенович Лавров, «профессор [по кафедре] научной организации труда и производства», который подвизался на советской службе в ленинградском Горном институте. Книга Г. Форда (с предисловием и послесловием) доступна в Интернете по ссылке (lib.ru/MEMUARY/ZHZL/ford.txt).

Готовя к печати, в качестве приложения публикации своего отца в книге М.О. Каменецкого, И.Р. Классон набросал следующий комментарий к вышеупомянутой статье:

В середине 1920-х (после 1923 года), когда в Германии была введена твердая валюта и началась реконструкция промышленности на средства, которые поступали из США по планам Дауэса и Юнга, имело место массовое паломничество немецких инженеров в США для ознакомления с передовыми американскими технологиями производства.*

После одной из таких поездок профессор Берлинской Высшей технической школы отметил в своем докладе, что, в отличие западно-европейских обычаев, в Америке в то время было принято показывать заводы посетителям: «Нам вообще все показывали, но если мы говорили, что работаем в такой-то области, то в этой области американцы показывали нам уже абсолютно все, во всех деталях!».

Очевидно, такая деловая этика, существовавшая в США в течение нескольких десятилетий, так же как и ряд объективных причин (высокий уровень заработной платы, большой внутренний рынок без таможенных барьеров, отсутствие феодальных пережитков в с.х., длительный процесс освоения новых земель в средних и западных штатах, золотая лихорадка в Калифорнии и затем на Юконе, отсутствие внутренних войн после 1860-х, позднее вступление США в 1-ю мировую войну) способствовали быстрому прогрессу народного хозяйства.

В 1913-14 годах Э.Р. Ульман рассказывал Классону, что на Петербургской станции «Общества 1886 г.» он применял такой метод комплектования автогаража. Приобретались дешевые автомобили американского производства, часть деталей быстро выходила из строя и заменялась новыми, изготовленными в мастерских гаража из дорогой бронзы, должным образом закаленной стали и т.п. После этого американские машины могли надежно работать несколько лет. Экономически это было оправдано по сравнению с покупкой более дорогих автомобилей европейского производства. Интересно, что Форд в начале своей деятельности применял этот же метод наблюдения, какие части выходят из строя при длительной работе нескольких автомобилей, – как наиболее простой способ выявления того, что изготавливать из более прочных или износостойких материалов или более надежной конструкции.

В июне 1925-го Р.Э. Классон посвятил очередную свою публикацию в газете «Экономическая жизнь» «узкому», казалось бы, вопросу – «Комиссия или личность?». Информационным поводом послужил катастрофический размыв плотины гидростанции на ирригационном канале Боз-Су под Ташкентом.**

* В ноябре 1923 года под руководством американского генерала Дауэса и английского финансиста Г. Мак-Кензера начала работать комиссия экспертов по определению платежеспособности Германии. В августе 1924 г. на Лондонской конференции Европе и Германии был продиктован уже сам план Дауэса. 30 августа 1924 г. вышел закон о денежной реформе, и с этого дня план вступил в силу. Теперь Дауэс объявил: в ближайшие пять лет Германия выкладывает «на бочку» по полтора миллиарда марок золотом, потом — по два с половиной. Контроль над немецкой военной промышленностью резко ослабевал, а под право контроля немецких железных дорог и банков Штаты давали Веймарской республике первый кредит в 200 млн долл. на восстановление экономики.

В июне 1929 г. на очередной Парижской конференции директивы Дауэса заменили планом 55-летнего американского финансиста Оуэна Д. Юнга. Впрочем, Юнг занимал еще один пост: главы «Дженерал электрик» (ДЭК) – лучшей подруги АЕГ Ратенау, не считая постов в Федеральном резервном банке и в «Дженерал Моторс» неугомонного Моргана. Германия к 1988 г., по плану Юнга, должна была выплатить 112 «золотых» миллиардов по такому вот графику: до 1966-го – по 2 миллиарда в год, после 1966-го – по 1,6-1,7 миллиарда... Вот как долго Новый Свет намеревался экономически доить свою новую «дойную корову»... – Из Интернета

** На строящейся близ Ташкента гидроэлектрической станции произошел обвал [засыпавший землей 9 человек]. Шестеро, в т.ч. начальник работ инж. Шалдыбин и его помощник инж. Сафронов убиты. Три человека тяжело ранены. – «Руль» (Берлин), 17 апреля 1925 г.

Все предыдущие комментарии, опубликованные в прессе, сводились к тому, что самый проект не был своевременно обсужден и проверен специальной комиссией, затем – что не был поручен комиссии надзор за его исполнением, и теперь, когда произошла катастрофа, была послана специальная комиссия для выяснения причин катастрофы.

Автор давал по этому случаю такой квалифицированный комментарий:

Отличительной чертой современного строительства и руководства промышленностью являются комиссии во всех видах. Вера в спасительную силу комиссий так велика, что во всех случаях приходится слышать, что для такой-то и такой-то цели избрана комиссия, после чего все успокаиваются и считают, что главное сделано, раз назначена комиссия. Я лично в вопросе о целесообразности и полезности комиссий держусь совершенно противоположного мнения.

Я считаю, что в стране, бедной техническими силами, нельзя для разрешения определенного вопроса собирать восемь или десять человек, а то и более, требовать от них решения технических вопросов в области, в которой члены комиссии большей частью совершенно некомпетентны, и считать, что такое коллективное решение является единственно правильным.

<...> Возвращаясь к частному случаю постройки гидроэлектрической станции на мало известном канале, за много тысяч верст от Москвы, <...> правильное решение вопроса, с моей точки зрения, состояло бы в отправке на место двух человек: одного специалиста по гидротехническим сооружениям и одного – по электрическим, – и только, без всякой комиссии. Эти два лица знали бы, что на них падают вся ответственность и вся тяжесть решения. Естественно, что они отнеслись бы к этому делу совершенно иначе, чем если бы они сидели здесь, в Москве, в комиссии.

И в конце статьи Роберт Эдуардович выносил беспощадный диагноз:

Когда мне говорят, что такой-то вопрос был «разработан» в стольких-то заседаниях комиссии, мне всегда становится смешно. Ведь никакого вопроса разрабатывать в комиссии нельзя. Каждый знает, что он, как член коллектива, не несет никакой ответственности за принятое комиссией решение, а потому относится совершенно спокойно и равнодушно к данному вопросу. Попробуйте через год найти лиц, виновных в том, что, участвуя в комиссии, они содействовали принятию неверных решений!

<...> Если бы в комиссии все вопросы окончательно решались в одном-двух заседаниях, то с этим способом работы еще можно было бы примириться. Но вся беда в том, что всякий вопрос, как бы спешен он ни был, переходит из одной комиссии в другую, и никто не считается с тем, что упускается драгоценное время, сезон или вообще то время, которое необходимо утилизировать. В некоторых случаях количество заседаний разных комиссий по одному и тому же вопросу доходит до десятков и даже сотен.

Последнее – не преувеличение: я привожу справку, что по вопросу о Гидроторфе за год, с октября 1923 г. по октябрь 1924 г., было 356 заседаний. Основных вопросов было только два, причем главный вопрос – о размерах производства торфа для Нижегородской электрической станции – так и не был решен к началу сезона, и мы сами его разрешили практически!

<...> Нельзя совмещать работу в производстве с непрерывными заседаниями, и потому каждому предприятию приходится из своей среды выделять несколько инженеров, которые сидят в этих бесконечных комиссиях и постепенно опускаются. Особенно тяжело это сказывается на новых предприятиях, о которых гораздо больше заботятся комиссии, чем о предприятиях старых, устоявшихся.

Например, в таком сравнительно молодом предприятии, как Гидроторф, третья часть инженеров сидит в комиссиях и уже совершенно потеряла всякую связь с производством и всякое знание реального дела. Комиссии тяжелым бременем ложатся на производство, и никакие выгоды, которые сторонники комиссий от них ожидают, не могут покрыть убытков от разрушения технических сил.

<...> Ничего дельного эти комиссии сказать не могут, так как при таком сложном деле, как строительство завода или электрической станции, надо быть вполне компетентными людьми, чтобы в течение нескольких дней не только оценить положение вещей, но и сказать что-нибудь действительно ценное. А так как сказать что-нибудь нужно (иначе выходит, что комиссия зря ездила), то обыкновенно говорят общие фразы, вроде «бесхозяйственно ведется дело», «отчетность поставлена не на должную высоту» или «методы учета производства не согласованы с методами калькуляции» и пр. Такие фразы комиссию ни к чему не обязывают, но на людей, активно работающих в производстве, они всегда производят впечатление.

У нас очень много говорят об ответственности, и слова «ответственность» и «комиссия» так и сверкают на страницах наших газет. Меж тем именно эти два понятия несовместимы: именно комиссия ни за что не ответственна; ответственна может быть только личность. И только личность, знающая, что она должна самостоятельно решить вопрос, будет решать его действительно при полном напряжении сил. Обычно же гораздо выгоднее и проще прятаться за комиссию, потому что многие боятся ответственности и потому сами же предлагают комиссию, сознавая в душе, что это, конечно, нелепый способ решения вопроса.

При этом Р.Э. Классон, предупреждая возможные упреки в свой адрес, вынужден был сделать такое разъяснение:

Говоря о вреде комиссий обычного типа, по назначению или по ведомствам, я отнюдь не хочу уменьшить огромной важности естественно образовавшихся технических и других «содружеств», когда люди, объединенные одной идеей, интересующиеся одной поставленной задачей, дружно и согласно работают совместно, каждый по своей специальности и своим знаниям. Работа в таком содружестве (говорю по личному опыту) приносит глубокое удовлетворение и, вероятно, является наиболее плодотворной формой работы.

*Никто в настоящее время не может охватить всех отраслей знания. Нельзя быть одновременно химиком и механиком или электротехником, и потому многолетнее содружество людей разных «родов оружия», но работающих над общей поставленной задачей, имеет совершенно неизмеримые преимущества перед комиссией, собранной из случайных людей, скучающих или торопящихся сказать свою речь и уйти.**

В июле 1925-го в «Известиях ВЦИК» появилась статья Роберта Эдуардовича «о наболевшем», и ее почему-то не заметили ни М.О. Каменецкий, ни И.Р. Классон. В то же время эта публикация затрагивала такие, чуть ли не фундаментальные сюжеты, возникшие (или лишь приобретшие огромные масштабы?) при «Софье Власьевне», что ее стоит воспроизвести целиком:

Будем охранять электропровода. Электрификация и хулиганство

Наиболее молодая отрасль техники – электротехника, очень страдает от бессмысленных разрушительных инстинктов сравнительно многочисленных групп населения.

* Здесь мы наконец-то приведем ссылку на огромное количество различных и всевозможных комиссий, расплывшихся при большевистском режиме, из 1921 года (возможно, подобные же ссылки имеются и на последующие годы). Их число составляло не одну сотню, и заседали в них не одна тысяча человек!

(www.opentextnn.ru/history/rushist/sovigu/vlast/vcikrfsr/?id=3596)

Этому способствует то обстоятельство, что самая структура электрических сооружений гораздо тоньше и деликатнее и легче подвержена разрушению, чем, например, сравнительно грубая структура железнодорожного пути.

Умышленные разрушения без всякой корыстной цели, с исключительной целью нагадить, испортить и причинить неприятность чрезвычайно распространены [в советской России]. Не только воздушные линии – телефонные, телеграфные и силовые – подвергаются разрушительному нападению, но и всякая машина, оставленная без призора, рискует, без всякой пользы для преступника, быть поломанной и перебитой.

Истекшей зимой на электрической станции «Электропередача» было несколько случаев, когда большие ценные машины, оставленные на месте работ (благодаря их громоздкости их нельзя было отвезти в сарай или в склад) и забитые наглухо досками, подвергались разрушению: отламывались доски ломом, разбивались драгоценные электрические приборы и все, что можно было изгадить, было изгажено. Для производства такой «работы» требуются известные усилия: надо было ломом отламывать доски, затем надо было бить и сокрушать все, что находилось внутри, без какой бы то ни было реальной пользы.

Таким образом были разрушены аппараты на большом электрическом экскаваторе и на машине для складывания торфа в штабели. Всякому известна громадная ценность и значение телеграфа и телефона. Между тем, когда вы едете по шоссе, вдоль которых идут телеграфные и телефонные провода, то вы видите у подножья каждого столба небольшие кучки битого фарфора: это подвизается деревенская молодежь, которая бьет низко расположенные изоляторы и тем нарушает телеграфное и телефонное сообщение.

Безнаказанность этих поступков повела к тому, что они стали вполне обычными и сейчас распространились в чрезвычайной степени на вновь возникающие силовые передачи, работа которых становится затруднительной вследствие чрезвычайного количества хулиганских выходов. Всякая электрическая передача ведет к населенным местам или к фабрикам, и прекращение действий этой передачи останавливает действие фабрик, лишает десятки и сотни людей заработка и причиняет массу совершенно ненужных и бессмысленных лишений населению, которое сидит во мраке из-за того, что какой-нибудь глупый мальчишка бросил камень в изолятор. Такие явления, если они часто повторяются, становятся из просто неприятных – очень вредными и принимают характер общественного бедствия.

Работа фабрик прерывается и становится неустойчивой; персонал электрических станций сбивается с ног, разыскивая повреждения, работает целыми ночами, и опять-таки – все из-за озорства. Чрезвычайно важно, чтобы все население было оповещено о значении электрических передач, знало, что всякое нарушение их действия сопровождается ущербом для всего населения и в конечном итоге – для государства.

И поэтому всякие посягательства на эти сооружения, выражающиеся в том, что разбиваются изоляторы или, еще хуже, набрасывают на провода проволоку, с целью вызвать перерыв тока, являются преступлением против государства.

Пока человек действует неосознанно, к нему еще можно отнестись до некоторой степени снисходительно, но когда он будет оповещен об этом и будет повторять свои действия после того, как ему укажут на их вредность, то по отношению к такому субъекту никакой гуманности больше не должно быть применено.

Московская губерния сейчас быстро электрифицируется. Целый ряд фабрик и заводов бросает свое устарелое [силовое] оборудование и переходит на питание своих машин от электрической энергии районных станций, но одновременно с этим растут жалобы на постоянные повреждения линий и на перерыв в работе.

Конечно, в этих перерывах известную роль играют так же наши технические несовершенства, играют роль и стихийные явления, но все же наибольшую роль играют повреждения, умышленные или небрежные. Нельзя допустить, чтобы лесничий, срубая около воздушной линии высокое дерево, не подумал о том, что дерево упадет на провода и порвет их, а между тем такой случай на днях был. Нельзя бросать проволоку на провода высокого напряжения, но если это делает невежественный пастух, то это меньшее преступление, чем если тем же делом занимается студент высшего учебного заведения – но и такой случай на днях был.*

За границей воздушные линии высокого напряжения идут через чужие владения, через сады, огороды, леса и города; на столбах имеется надпись, что это линии высокого напряжения, и никто этих линий не трогает, не повреждает, или же очень редко случается какое-нибудь умышленное повреждение.

* 21 августа 1925 г. в «Правде» появилась, под рубрикой «Суд», следующая публикация:

Дело о порче электропроводов

Московский губернский суд. 19 августа. Состав: председательствующий тов. Сегал, народные заседатели т. Ряшин и Ермаченко. Рабочие, служащие, учащая молодежь – те, кто в течение 7 час. судебного разбирательства заполнял все места, балкон и проходы Большой аудитории Политехнического музея, с исключительным вниманием слушали этот процесс, активно реагируя на вопросы судей, показания обвиняемого и речи сторон. Такой интерес к делу электровредителя, студента 3-го курса МВТУ А.В. Вихрова, вполне оправдывается как обстоятельствами и последствиями порчи им электропередачи, так и личностью самого подсудимого.

После опроса Вихрова симпатии аудитории оказались далеко не на его стороне. На прямой вопрос председательствующего тов. Сегала: «Занимались вы технической работой?» подсудимый прямо и твердо отвечает: «Нет». А дальше путем наводящих вопросов суд устанавливает, что еще задолго до поступления в МВТУ, в 1916 г., Вихров окончил Комиссаровское техническое училище [в Москве], непрерывно занимал технические должности в царской и Красной армиях, изучал электротехнику, но... вольтаж не проходил.

– Об электрификации-то вы знаете что-либо? Знаете, что мы стремимся электрифицировать страну? – спрашивает подсудимого председатель.

Оказывается, что Вихров знает и о том, и о другом, знал раньше о коротком замыкании и о последствиях «опытов», подобных тому, за который сейчас его судят, и все же набросил на Богородскую высоковольтную линию сажженный кусок проволоки...

Мотивы, которые побудили Вихрова на это действие, не оправдывают настойчивости, с которой проволока несколько раз закидывалась им на этот провод. «24 июня гулял я с товарищем по просеке, где проходила магистраль, – показывает он. – Товарищ отстал. У меня мелькнула мысль: почему на электропровода птицы не садятся, а на телефонные, например, садятся. Не чувствуют ли они притягательной их силы? Решил проверить. Бросил проволоку и – взрыв... <...>».

Суд, после заслушивания в т.ч. свидетеля, монтера Захарова, и эксперта, зам. директора МОГЭС инж. Эйсмана, приговорил Вихрова к лишению свободы, со строгой изоляцией, на 4 года, без поражения в правах. А 8 предприятий (включая богородское отделение МОГЭС), понесшие убытки на сумму свыше 11 тыс. руб., получили право предъявить последнему гражданские иски.

По-видимому, «электровредитель» сумел набросить проволоку на провода местной ЛЭП напряжением 30 кВ, а не на магистральную ЛЭП, шедшую в Москву, напряжением 70 кВ. Примечательно, что Вихров Алексей Васильевич окончил МВТУ в 1929 г., механический факультет, по специальности «технология металлов». Это можно узнать из «Списка выпускников и преподавателей ИМТУ, МММИ, МВТУ, МГТУ с 1865 до 2012 г.» (people.bmstu.ru/index.htm). По-видимому, наша «самая гуманная в мире пенитенциарная система» применила к нему, после отсидки половины срока, условно-досрочное освобождение, и А.В. Вихров смог доучиться в МВТУ.

Охранять линии сторожами совершенно невозможно, т.к. это легло бы таким большим накладным расходом на стоимость электрических сооружений и, кроме того, создало бы такое большое количество людей, не занятых реальной работой, в конце концов, настолько свыкающихся со своей бездеятельностью, за которую им платят как сторожам, что они совершенно развратились бы и стали бы негодными ни для какой настоящей работы. Все усилия в настоящее время должны быть направлены на понижение стоимости производства, но хулиганство и воровство являются двумя факторами, значительно удорожающими производство.

Достаточно упомянуть, что, например, на торфяных разработках приходится [в летний сезон] держать десятки сторожей, которые охраняют машины в ночное время в течение 3-4 часов от воровства и хулиганских выходов. Конечно, содержание этих сторожей тяжело ложится на стоимость торфа, а следовательно и на стоимость всякого производства, зависящего от стоимости топлива.

В конечном итоге, с антиобщественными инстинктами могут бороться лишь школа и общественное мнение. Но путь этот долг, и молодая электрификация не может ждать, пока все население пройдет соответственный путь, и в настоящее время, одновременно с разъяснением в школе, путем газет и листовок, необходимо принять чрезвычайно решительные меры для борьбы с так называемыми «электровредителями», т.е. с хулиганами, умышленно разрушающими и портящими электрические сооружения, в частности линии.

Инж.-технолог Р. Классон

«Известия ВЦИК», 26 июля 1925 г.

Мы здесь не будем вдаваться в причины такого широкого распространения бытового вандализма в Советской России, это выходит за рамки наших биографических очерков. Отметим лишь, что на подобных сюжетах можно было бы защитить не одну кандидатскую и даже докторскую диссертацию по историко-психологическим проблемам сего, не украшающего человечество, явления.

Кстати, на Западе, как и в современной России, бытовой, фанатский, националистический и политический вандализм ныне тоже достаточно широко развит, возможно, он получил развитие одновременно с распространением анархо-коммунистических идей из того же Советского Союза, который в 1920-х широко финансировал разжигание революций во многих странах.

Приведу сугубо автобиографический пример, когда инженер умудрился порвать низковольтные провода при спиливании высокого дерева. Все это происходило в садовом товариществе, располагавшемся недалеко от платформы Алабушево Октябрьской ж.д. Здесь И.Р. Классон в начале 1950-х получил 8 соток не очень плодородной земли и начал их осваивать, вместе с женой и сыновьями.

Параллельно садоводы обязывались правлением высадить деревца на выделенных им участках (вдоль забора) будущей ветрозащитной полосы и ухаживать за ними, пока они не вырастут во вполне взрослые деревья. Мы тогда с отцом ходили в лес, где выкапывали деревца, и высаживали затем их на этой самой будущей ветрозащитной полосе. По-видимому, в рамках этой «ветрозащитной кампании» мы принесли елочку и для себя. Посадили ее на углу рядом с домом.

Прошло лет двадцать-двадцать пять, за это время елочка выросла в огромную ель. Она затеняла садовые посадки, и я решил ее спилить, отец вроде бы не возражал. Однако «схему спила» я выбрал, скорее всего, не очень удачную – забравшись на приставную лестницу, набросил на верхушку веревку, чтобы направлять ствол, при его падении, в безопасном направлении, а затем спилил ель.

При сильном южном ветре она спарусила, веревка порвалась, и ствол упал аккурат на провода, которые подходили к нашему дому со столба воздушной электролинии. Провода порвались, пришлось вызывать электрика, чтобы их соединить, предварительно сняв напряжение. Отец дал ему, если не ошибаюсь, 5 рублей... По-видимому, надо было предварительно, прежде чем валить елку, спилить с нее крупные ветки и тем самым уменьшить ее парусность. Но не только мужики, даже инженеры-электрики бывают крепки лишь задним умом...

Еще помню, что когда я учился в школе и жил еще с отцом в 5-этажном доме Гидроэнергопроекта в Измайловском проезде – напротив острова на Серебряно-Виноградному пруду, какая-то торговая организации затеяла строить на пустыре (на границе будущего зеленого сквера) кирпичное зданье, возможно, под пункт приема стеклопосуды. В выходной день на нем отсутствовал сторож, а какой-то хулиганистый подросток пришел и начал бить кирпичи друг о друга – просто так, для удовлетворения своего бытового вандализма. Тогда отец с балкона 5-го этажа грубо (но без мата) накричал на него, и подросток-хулиган, к моему теперешнему удивлению, ретировался. Скорее всего, здесь у Ивана Робертовича сработали убеждения, заложенные в него в молодости Робертом Эдуардовичем...

В том же 1925-м Р.Э. Классон инициировал в Торгово-Промышленной газете (первая публикация появилась 13 сентября) весьма острую дискуссию по поводу сооружения ДнепроГЭСа, после того как побывал в Главэлектро ВСНХ на совещании, посвященном этому проекту. Инициатором его реализации был будущий академик Иван Гаврилович Александров (не путать с классоновским родственником, тоже будущим академиком, Анатолием Петровичем Александровым).

Этот персонаж, с весьма сомнительным, как оказалось, авторитетом в энергетике, до революции был лишь малоизвестным профессором по курсу статистики (одного из разделов такой обширной дисциплины как «сопротивление материалов») Женских политехнических курсов.

Зато при большевиках И.Г. Александров сделал стремительную карьеру: став членом комиссии ГОЭЛРО, он написал раздел сводного документа «План электрификации РСФСР» – «Электрификация и использование водных сил». А в 1932-м его за разработку пафосного для большевиков проекта ДнепроГЭСа даже провели в академики АН СССР. История чиновно-научного взлета И.Г. Александрова заслуживает отдельного исследования, м.б. в рамках такой небезынтесной темы как «Советская наука: реальные и дутые авторитеты».

Здесь же мы рассмотрим детально лишь такое «узкое направление» как обоснование И.Г. Александровым и его сотрудниками проекта строительства первой гидроэлектростанции на Днестре. В своем выступлении в Торгово-Промышленной газете Р.Э. Классон разгромил в пух и прах первоначальный проект ДнепроГЭСа.* В нем было задано фантастически большое годовое число часов использования мощности первой очереди станции (200 000 киловатт) – 6 000!** Роберт Эдуардович справедливо указывал на то, что лишь одна станция в мире – Ниагарская имеет такой высокий показатель использования своей установленной мощности.

* В популярном виде он был изложен напр., в публикации «Об экономическом значении «Днепростроя» в харьковском «Коммунисте» от 17 июля 1925 г. (istmat.info/node/34656). На этом же ресурсе опубликован и приказ № 1017 от 13.07 председателя ВСНХ Ф.Э. Дзержинского по поводу проекта ДнепроГЭСа.

** В «Обращении Совнаркома УССР в СТО СССР» от 12.7.1924 мощность 1-й очереди была обозначена в 300 тыс. л.с. (225 тыс. квт.), а ее выработка в 1,2 млрд. квт.-ч/год, соответственно при 5 300 час. использования мощности (istmat.info/node/34645), что тоже является «завиральной цифрой» для крупных гидроэлектростанций на равнинных реках.

И только благодаря тому, что она обеспечивает энергией, главным образом, химические заводы, работающие практически без остановки круглый год днем и ночью. Остальные же американские станции, даже снабжающие электроэнергией исключительно промышленность, имеют от 3 000 до 4 000 часов использования своей мощности. У европейских станций этот показатель еще ниже, а в отечественной энергосистеме – МОГЭС он составлял в последние годы около 3 300 часов.

На эту критику «советский профессор» разразился совсем не уместной в научных дискуссиях бранью – вроде «грубо неверно» или «совсем слабая критика» и т.п. При этом упрекнул Р.Э. Классона в незнании американской статистики и торжествуя сослался на данные по 119 американским центральным станциям (из журнала «Electrical World» за 25 апреля 1925 г.). Но эти данные давно были известны Роберту Эдуардовичу, и как раз на их основе он делал свои выводы. А над И.Г. Александровым, как предположил Р.Э. Классон, зло пошутил кто-то из его сотрудников, неграмотно вычислив число часов использования мощности.

Дело в том, что в упомянутых данных были приведены показатели прошедших через американские станции объемов электроэнергии и их максимальные нагрузки, с учетом купленных ими на стороне киловатт-часов! И профессор Александров в этом не разобрался! А правильные цифры (собственная выработка и установленная мощность) находились не в табл. №1, а в табл. №2. К сожалению, на последнюю таблицу в статистических данных журнала «Electrical World» от 25 апреля 1925 г. сотрудники И.Г. Александрова не обратили внимания. Возможно потому, что они раньше не следили за экономическими отношениями между американскими производителями электричества и поэтому «купились» на данные табл. №1.

Был подвергнут системной критике и весь проект (а не только фантастически большое число часов использования мощности):

То обстоятельство, что зимой не будет хватать воды даже для станции первой очереди и что в зимнее время в худшие засушливые годы дебит Днепра опускается так низко, что дает только несколько десятков тысяч киловатт, и недостающую энергию надо будет пополнять из водохранилища, сразу делает невозможным дальнейшее расширение Днепростроя.

Первая очередь, вероятно, останется последней, так как только в весенние и летние месяцы Днепр дает достаточно воды для машин второй очереди. Все же остальное время года пришлось бы пользоваться энергией от паровых резервов. Рассчитывать на паровые резервы, находящиеся на отдельных заводах, – нельзя.

Эти резервы могут обслуживать, в лучшем случае, лишь свои собственные заводы, но отнюдь не могут работать на общую сеть, так как они для этого малы и перегрузились бы в случае включения в сеть. Это понятно всякому станционному инженеру, но, к сожалению, автор проекта именно не станционный инженер, поэтому он не обратил должного внимания на это важнейшее для проекта обстоятельство.

Необходимо обратить внимание и на следующее соображение. Днепрострой, в лучшем случае, будет построен через 7 лет, если точно будет соблюдена программа и не будет опоздания. Может ли южная промышленность ждать 7 лет окончания Днепростроя? Жизнь действительно требует железа и угля, и нельзя на 7 лет отсрочивать развитие железодельной промышленности. Страна изголодалась по железу, которое добывалось лишь в ничтожном количестве в течение первых 7 лет революции, и ждать еще 7 лет совершенно невозможно. Поэтому промышленность, естественно, будет строить свои собственные станции.

С другой стороны, Днепрострой не может жить без парового резерва, так как из графиков водяной силы Днепра видно, что с декабря по февраль этой воды не хватает, и надо иметь в худшие годы паровой резерв мощностью по определению автора [проекта] 59 000 киловатт. Таким образом, паровая станция, работая на дешевом угле, на антрацитовых и других отбросах, стоимость которых недавно в ЦЭС'е была определена в 6 коп. за пуд (для Штеровской станции), может работать очень дешево и, что самое важное, такая станция может быть построена в 2½ года.

Напрашивается естественное решение строить в первую очередь не Днепрострой, а строить одну или две, смотря по расположению наличного рынка, паровые станции, чтобы предупредить распыление построек по отдельным заводам.

<...> Днепрострой уже стоит на границе выгодных гидротехнических сооружений по высоте падения (свыше 30 метров), но режим р. Днепра крайне невыгоден и требует сооружений огромной стоимости, которых вовсе нет у водопадов с высоким падением воды и более или менее постоянным притоком. Эти два обстоятельства – высота падения и режим реки, т.е. соотношение между минимальным расходом и максимальным, определяет выгодность и экономичность гидравлической передачи.

С этой точки зрения, например, Малая Иматра, имеющая лишь 10 метров падения, но очень постоянный и почти не колеблющийся дебит в течение года, выгоднее Днепра, который при 30 м падения имеет колебание воды от 178 до 20 000 куб. метров [в секунду], т.е. в отношении 1 : 112. Огромное количество воды во время половодья, доходящее до 20 000 [куб.] м в секунду, требует устройства плотины в 720 м длины и чрезвычайно удорожает все сооружения.

Те цифры себестоимости киловатт-часа, которые приводятся автором проекта, к сожалению должны быть в несколько раз увеличены, так как за указанные им суммы нельзя построить ни гидравлической станции, ни воздушных линий достаточной мощности и протяженности, чтобы обеспечить сбыт всей электрической энергии Днепра. Все эти цифры придется значительно повысить, а отпуск электрической энергии придется значительно понизить и расходы делить не на 1 200 000 000, а лишь на 600 000 000 – 800 000 000 киловатт-часов в год.

Мне чрезвычайно неприятно возражать против такого интересного и красивого проекта, но как промышленный инженер я не могу не смотреть именно с точки зрения своевременности и целесообразности такого большого сооружения. Отсюда, конечно, не следует делать вывода, что Днепрострой нецелесообразен. Может быть, постройка его и нужна, но в таком случае основные вопросы проекта должны быть обсуждены в первую очередь, все же остальные детали, как гидротехнические, так и особенно электрические, сейчас никакого интереса не представляют.

Заказывать все эти предметы оборудования придется только через четыре года, а электрические – даже через пять. К этому времени многое еще изменится, так что теперь тратить время и силы на детализовку как будто нет основания.

Мое искреннее убеждение в том, что в первую очередь должны строиться станции паровые, на которых Днепрострой будет базироваться и которые он постепенно должен будет разгрузить с тем, чтобы они остались резервными, а он принял бы на себя главную тяжесть нагрузки. Без этих паровых станций Днепрострой навлек бы на себя только упреки промышленности, так как не смог бы поддержать достаточно ровного вольтажа в промышленных районах и не мог бы развить всей своей мощности. Наличие паровых станций даст ему возможность спокойно вступить в работу и постепенно приспособиться к сложной работе в огромном промышленном южном районе.

На эту критику И.Г. Александров опять обиделся, но не на ее конструктивную часть, а на свою характеристику – «к сожалению, автор проекта именно не станционный инженер». Но, самое главное, он при этом цинично обнаружил «вполне социалистический» подход к электроснабжению потребителей.

Из ответа профессора:

Дальнейшая критика касается мощности реки и парового резерва, причем автор[критик] указывает на недостаток воды зимой и на мой неправильный подход к резерву, который я хочу обосновать на резервных агрегатах заводских станций, которые, по мнению, Р.Э. Классона, очень всегда невелики, а потому резервами для большой станции не могут служить. Критик даже ставит мне в упрек, что я инженер не станционный, а станционный-то уже, конечно, поймет, как я неосновательно подхожу к вопросу.

<...> Гидрометрические наблюдения на р. Днепре ведутся в течение 46-ти лет. Все эти годы тщательно проверены в отношении работы станции, причем таких лет, когда воды может не хватить в реке и притом в сравнительно небольшом количестве, имеется 4 года, т.е. 8,5%. Из них выделяется 1921 год, в течение зимы которого требуется в течение 18 дней дополнительная мощность в 59 000 квт.

Обычно при проектировании гидростанций считают, что при таком недостатке мощности гораздо выгоднее не иметь никакого резерва, т.к. содержать резерв в течение 42 лет, чтобы в остальные четыре года по несколько дней в году резерв мог работать, невыгодно.

Лучшим средством здесь обычно является регулирование нагрузки у потребителя на некоторых специфических предприятиях, к которым обычно относят химические заводы, заводы по изготовлению ферросплавов и т.п., где временное сокращение производства не угрожает ходу дела. Многие такие заводы работают даже часть года и в обычное время, что позволяет лучше использовать режим рек, а убытки предприятия компенсируются тем, что такой периодический ток отпускается этим заводам по пониженному тарифу.

Пришлось Р.Э. Классону в своем ответе, написанном в Берлине, где он находился в это время в командировке, не только дискутировать по существу, но и вразумлять не в меру обидчивого профессора (публикация от 13 октября 1925 г.):

И.Г. Александров очень обиделся, что я сказал, что он не станционный инженер. Тут ровно ничего обидного нет, и если мне скажут, что я не гидравлик, то это будет правда и для меня несколько не обидно. Ведь все возражение мне проф. И.Г. Александрова еще раз подтвердило, что он не станционный инженер, иначе не получилось бы конфуза с американской статистикой, и он не отнесся бы так легко к 8½% недостачи воды.

Кроме того, он всюду считает только киловатт-часы, между тем для нас, станционных инженеров, всегда на первом плане киловатты, т.е. мощность, которой мы располагаем или которая от нас требуется.

А вот и ответ по существу:

Я утверждаю, что очень важно и имеет решающее значение для всего проекта Днепростроя, как читать график [водности Днепра] 1921 года. Проф. И.Г. Александров его читает так: в течение 18 дней (зимою) потребовалась бы дополнительная мощность в 59 000 квт. Я тоже читал этот график (под рукой его у меня нет, так как я пишу за границей), но совершенно расхожусь в его оценке с проф. И.Г. Александровым и считаю его катастрофическим для сметной части проекта. Я определяю по тому же графику недостаток воды, а следовательно, размер парового резерва не в 59 000 квт, а свыше 100 000 квт, притом не в течение 18 дней, а свыше 5 месяцев.

Тут не помогут никакие «сильные выражения», тут надо – и это совершенно неизбежно – опубликовать график [водного] режима Днепра в 1921 году. Он очень прост и может быть напечатан в газете, и тогда каждый инженер, взяв циркуль в руки, увидит, кто же из нас прав. График этот лежит в папке VIII-в, и он не был представлен в основном докладе в Главэлектро, но я им интересовался и нашел его в материалах.

И в подтверждение своей правоты Р.Э. Классон ссылался на режим работы 1-й МГЭС:

Проф. И.Г. Александров говорит, что воды в Днестре не хватает только 4 раза в 46 лет, а это всего лишь 8,5%. Я приведу пример из станционной практики <...> Московская станция в три зимних месяца работает очень напряженно, всеми машинами и котлами всегда около 4 часов пополудни. Этот «максимум» <...> длится ежедневно лишь около получаса, и если вычесть субботы и праздники, <...> то за три месяца наберется всего 60-70 дней с этими тяжелыми получасами <...>, менее 1/2% по времени <...>. А между тем этот незначительный по времени «максимум» определяет мощность станции, необходимость ее расширения и чрезвычайно тяжело отражается на ее доходности. Разве нельзя «потерпеть» эти полчаса? Нет, нельзя!

Если около 4 часов пополудни, когда работают все учреждения, освещаются все квартиры и магазины и еще не кончили работать заводы, не хватает энергии, то падает напряжение, лампы горят тускло, абоненты поэтому зажигают лишние лампы, что еще более увеличивает нагрузку станции и еще более понижает вольтаж. На заводах моторы при пониженном напряжении расходуют больше ампер, нагрузка кабелей и потери в них возрастают, вольтаж еще падает, и единственный вывод – тушить целые районы.*

И, наконец, итог «газетной дуэли»:

В «Торг.-Промышл. Газ.», к сожалению, не помещена вся вторая половина моей статьи, в которой я доказываю, что надо в первую голову строить паровую станцию (одну или две) [мощностью] 100 000 квт. Основной проект проф. И.Г. Александрова этого не предусматривает и в смету не вводит, но в своем возражении в «Торг.-Пром. Газ.» эта необходимость им уже признается, а ведь моя статья, главным образом, и имела целью доказать необходимость строить паровой резерв в первую очередь. Зачем же понадобилось говорить, что все это «грубо неверно»?

Р.Э. Классона в своих откликах в Торгово-промышленную газету поддержали многие специалисты. Профессор В. Николаи и инженер А. Эйсман всецело присоединились к мнению, что стоимость первой очереди ДнепроГЭС мощностью 200 мегаватт существенно занижена.

Инженер М. Ломов утверждал, что реконструируемые Приднепровские заводы не могут ждать в течение семи лет постройки гидростанции. Металлурги считали, что для заводов на юге Украины ДнепроГЭС вообще не нужен!

Жизнь подтвердила правоту «станционного инженера» Р.Э. Классона и неправоту «не станционного инженера, хотя и профессора (и уже академика)» И.Г. Александрова. К моменту ввода в эксплуатацию в октябре 1932-го 4 агрегатов ДнепроГЭС мощностью по 62 мегаватта каждый (единичная мощность агрегатов была существенно увеличена по предложению строителя станции А.В. Винтера – с 30 до 60 тыс. киловатт и тем самым впоследствии, при выходе на полную мощность, будет вдвое снижено проектное число часов использования мощности) в Днепроэнерго и Донбассэнерго уже работали тепловые станции.

* Точнее, реактивной мощности. – Примеч. И.Р. Классона на машинописной копии статьи (ф. 9508 РГАЭ)

А сам ДнепроГЭС, в связке с этими станциями, в первую очередь «срезал» пики суточного графика нагрузки. Но в этом и заключается основная ценность гидростанций – быстро предоставлять свою пиковую мощность в часы максимальной нагрузки, а также держать в готовности оперативный и аварийный резервы (последнее – на станциях с крупными водохранилищами).

Кстати, еще в 1924-м Р.Э. Классон получил завиральный проект от другого ученого, на сей раз от «профессора по котлам». Это стало известно из его резкой записки, отправленной сыну Ивану в Берлин:

Посылаю тебе письмо [екатеринбургского] проф. Грум-Гржимайло, а чертеж его котла я тебе пришлю через некоторое время, когда его все у нас здесь посмотрят. Котел настолько сумасшедший, что только профессор, никогда не видевший завода и вообще не знающий котлостроения, мог предложить такую нелепую вещь.

Он в своем письме предлагает трубы в 15 м длиною, но говорит, что это только пока, в будущем же он надеется ставить 20-25 м длиною. Котел при этом получается высотой в 40 метров. Скромно! Очевидно, он совершенно обалдел, и я потерял всякую охоту с ним иметь дело, о чем я и написал Машинотресту. Посылаю тебе его статью в журнале «Тепло и Сила», а когда появится Мокршанский, то он тебе пришлет чертеж нашего котла, который вовсе не так плох, как этот старый дурак думает. (ф. 9508 РГАЭ)

На полях отцовского письма Иван приписал: «Для обслуживания такого котла нужен был бы быстроходный подъемник». В официальном письме профессору Грум-Гржимайло за 10 мая 1924 г. Р.Э. Классон выражался более дипломатично:

Мы <...> видим, что из нашей совместной работы с Вами ничего не выйдет. <...> Мы хотели было разработать идею, казавшуюся нам правильной, относительно отопления котла [горячими газами] сверху вниз и проверить получающиеся от этого выгоды на сравнительно небольшом котле, недостатки которого нам, конечно, хорошо известны. <...> Строить первый котел [(с нагревом сверху вниз, а не снизу вверх, как это было до сих пор принято)] с трубами в 15 м длиною, с нашей точки зрения, было бы совершенно нецелесообразно. <...> Котел Вашей конструкции мы строить не решились бы, так как считаем его конструкцию неправильной, но так как идея принадлежит Вам, то нам нет смысла работать в области, в которой мы столь существенно расходимся с автором нового принципа <...>».

Оставляем историкам котлостроения оценить возможности производства и внедрения в 1920-х (еще до появления мощных блоков электростанций – на 300-1 200 мегаватт) котла высотой в 40 м, т.е. с 13-этажный дом! И это тогда, когда отечественные металлургия и машиностроение только-только выходили из разрухи после 1-й мировой и гражданской войн!! БСЭ давала такую информацию по «котельному профессору»:

Грум-Гржимайло Владимир Ефимович [1864, Петербург, – 1928, Москва], советский металлург, член-корреспондент АН СССР (1927). Брат Г.Е. Грумм-Гржимайло. Родился в семье экономиста. По окончании Петербургского горного института (1885) работал на уральских металлургических заводах. С 1907 адъюнкт, а с 1911 по 1918 ординарный профессор Петербургского политехнического института, затем до 1924 профессор Уральского горного института. Последние годы жизни (с 1924) Г. работал по проектированию металлургических и др. заводских печей, создав в Москве Бюро металлургических и теплотехнических конструкций. <...> Под руководством Г. создавались проекты различных нагревательных печей: методических – для нагрева слитков перед прокаткой, кузнечных – для термической обработки металлов, сушильных, отжигательных, а также мартеновских.

То есть проф. В.Е. Грум-Гржимайло был ученым-металлургом, но никак не проектировщиком котлов электростанций!

В 1925-м (в каком именно месяце, атрибутировать не удалось) Р.Э. Классон обратился со служебной запиской на имя председателя Главэлектро ВСНХ, где обобщал опыт строительства первых электростанций по плану ГОЭЛРО (она уже частично цитировалась в очерке "Гидроторф – дело государственной важности?").

Записка начиналась таким критичным пассажем:

В 1925/26 году заканчивается постройка первой серии районных электрических станций, и необходимо готовиться к постройке второй серии, использовать для этого опыт первых построек. Подводя итоги истекшим строительствам, приходится признать их деятельность неудовлетворительной и на это не следует закрывать глаза и нет оснований говорить в данном конфиденциальном докладе в тех ликующих тонах, которые приняты в прессе.

В общем, можно сказать, что постройка станций обошлась дорого. Значительно дороже, чем она должна была стоить в стране, бедной капиталом, которая в настоящее время должна на внутреннем рынке платить 10% на занятый капитал.

Далее автор записки проводил детальный «разбор полетов».

Первый печальный сюжет касался уровня оплаты труда в бедной советской России и его «уровниловки»:

[В проектах электростанций всегда] очень скромную роль занимают расходы по эксплуатации и оплате персонала. К сожалению, именно в последней области [власти] стараются нагнуть особую экономию, чрезвычайно плохо оплачивая персонал, создавая большие кадры как служащих, так и рабочих, одинаково недовольных своим положением, одинаково недовольных существующей оплатой труда, при которой никакие личные заслуги не могут выдвинуть человека и вознаградить его труд, как бы он ни выделялся среди остальных своих сотоварищей по разряду и классу.

Второму сюжету собственно и была посвящена записка:

Все построенные станции обошлись очень дорого. Дороговизна эта в значительной степени обусловлена совершенно несвоевременным, затяжным финансированием построек. Все эти затяжки опять-таки делались в видах экономии и достигли диаметрально противоположных результатов: чем больше затягивалось финансирование предприятий, тем больше было перерывов и простоев в постройке и тем дороже, в конечном счете, обошлась постройка.

Ясно, что если станция, вместо двух лет, строится пять, а то и шесть, то капитал все время лежит мертвым [грузом]. И, в конце концов, станция, если считать особенно проценты на затраченный в течение нескольких лет капитал, обойдется очень дорого. Кроме того, само финансирование поставлено совершенно неправильно на некоторые предметы.

Например, на электрическое и механическое оборудование станций деньги получить легче, чем на другое, значительно более важное, например на расходы, связанные с удешевлением топлива. Затем у нас существуют некоторые укоренившиеся предрассудки, с которыми очень трудно бороться. Например, гидравлическую энергию у нас принято считать «даровой энергией», и а priori считают, что всякая гидравлическая станция стоит дешевле паровой.

Это, конечно, глубокое заблуждение, и при русских условиях, при низких падениях наличных водопадов и крайне неравномерном режиме рек, гидравлические станции едва ли могут конкурировать в эксплуатационном отношении с хорошо построенными паровыми станциями, а капитальные затраты их далеко превышают затраты паровых станций. Если нужно, это легко доказать.

Возвращаясь к вопросу о капитальной стоимости электрических станций в связи со стоимостью топлива, можно установить общую формулу, что чем лучше и дороже оборудование электрической станции, тем меньше топлива она потребляет.

И наоборот, чем дешевле топливо, тем проще и дешевле можно строить станцию. Поэтому основной задачей будущего строительства является установление того оптимума, при котором наименьшие затраты на капитальные сооружения вместе с наименьшей стоимостью топлива дают наивыгоднейшие результаты.

Но большевики, похоже, упоенные грандиозностью планов ГОЭЛРО, не обращали особого внимания на «такие мелочи» как омертвление капитала.

Как известно, на стадии «зрелого социализма» в СССР все же были приняты ограничения на срок окупаемости капиталоемких гидростанций. Если для большинства объектов народного хозяйства (включая и тепловые станции) он не мог превышать восьми лет, то для ГЭС был установлен льготный, щадящий период – 12 лет.

Гидроэнергетики старались сократить сроки окупаемости своих дорогих объектов за счет ввода агрегатов с временными рабочими колесами на пониженных напорах, при еще недостроенной плотине (наиболее капиталоемкая статья расходов).

Тем не менее, даже «советский недострой» Бурейская ГЭС, после пуска в 2007-м последнего агрегата (но с еще недостроенной плотиной), должен был окупиться лишь через 12 лет. Этот нерадостный факт пришлось признать А.Б. Чубайсу, отвечая на вопрос автора этих строк во время нашей поездки на стройку 20 октября 2007 года, на импровизированном брифинге.

25 августа 1925 года берлинская газета «Руль» дала такую лапидарную информацию:

Улучшение положения спецов (Москва, 23.8). Газеты публикуют постановление ЦК коммунистической партии о предоставлении расширенных прав спецам. Коммунистическая партия высказывается за привлечение спецов и интеллигенции к участию в общественной жизни и за улучшение их материального положения.

27 августа парижские «Последние Новости» перепечатали аналогичную публикацию своих коллег (переведа ее, естественно, с французского):

«Лицом к спецам»

В «Энформасьон» напечатана следующая телеграмма из Берлина:

Из Москвы сообщают, что под влиянием урожая, превзошедшего все ожидания, и все увеличивающегося потребления разных продуктов, вызывающего необходимость расширить производство, коммунистическая партия решила смягчить свою классовую политику. Ц.И.К. решил поставить в лучшие условия специалистов в технической, промышленной и земледельческой отраслях. Детям спецов – мужчинам и женщинам будет облегчено получение высшего образования. Спецы будут даже (!) допущены в состав народных заседателей и судей.

Им будут предоставлены льготы в квартирном отношении, а при выполнении работ выдаваться премии за продуктивность. Руководящий персонал будет защищен от всяких злобных нападок, и отношение к ним будет определяться, принимая во внимание даже их заслуги при старом режиме. Юбилей 200-летия Академии Наук должен, по плану большевиков, явиться манифестацией сближения и примирения с интеллигенцией.

Поясним, что начало масштабного празднования 200-летия Академии наук было запланировано на 5 сентября. И в СССР собирались приехать несколько десятков именитых гостей, приглашенных этими самыми большевиками, которые как будто бы намеревались «сблизиться и примириться с интеллигенцией». Понятно, что более подробное рассмотрение сего сюжета выходит за рамки биографических очерков.

Поясим лишь, что на Роберте Эдуардовиче, которому оставалось жить еще лишь около полугода, это «сближение» вряд ли могло сильно отразиться, а на его сыновьях – тем более, поскольку они еще несколько лет будут доучиваться в Германии...*

* Автор сих биографических очерков решил все же воспроизвести многословное «постановление ЦК»: *Постановление ЦК РКП(б) о специалистах*

В связи с общим ростом народного хозяйства и необходимостью повышения требовательности к качеству работы специалистов и в развитие директивы XIV партконференции об урегулировании труда и положения технического персонала в общей системе управления и руководства промышленностью, ЦК, обсудив вопрос о специалистах, наметил ряд практических мероприятий по обеспечению нормальных условий работы специалистов в промышленности, сельском хозяйстве, транспорте и других отраслях хозяйственной и государственной жизни.

Сущность этих мероприятий заключается в следующем. ЦК признал, что для выполнения поставленных перед специалистами задач необходимо, чтобы ответственность, права и обязанности работников технического персонала были более точно определены и чтобы были созданы условия, способствующие выполнению этим персоналом возложенной на него работы.

ЦК признал необходимым решительно бороться против огульной критики специалистов в органах партийной и профессиональной печати и установить более серьезное и ответственное отношение к специалистам, не отказываясь от деловой критики и указаний действительных недочетов в их работе.

Отметив совершившийся перелом в отношении значительной группы специалистов к совласти и советской общественности, ЦК признал необходимым оказывать всемерную поддержку усилению деятельности инженерно-технических секций профсоюзов и их объединений; секции должны привлекаться профсоюзами к обсуждению вопросов, связанных с назначением специалистов на ответственные посты, а также к проработке производственно-экономических вопросов. Инженеры-коммунисты обязаны вступать в секции инженеров и научные общества, принимая активное участие в их работе.

В целях улучшения быта и условий работы специалистов ЦК признал необходимым выработку соответствующими советскими и профсоюзными органами ряда мероприятий. Важнейшими из них ЦК признал: облегчение вступления детей специалистов в учебные заведения, привлечение представителей соответствующих секций специалистов в качестве заседателей при слушании в судах дел по обвинению специалистов, улучшение жилищных условий специалистов, предоставление им налоговых льгот и восстановление, в целях материального поощрения специалистов, системы индивидуальных и коллективных премий за достижения в области улучшения производства. Наряду с этим ЦК высказался за установление для специалистов особой тарифной сетки с тем, чтобы отойти от системы персональных договоров, и за усиление материального стимула для привлечения специалистов на предприятия, отдаленные от культурных центров, где чувствуется особенно острый недостаток в специалистах. Тарифным и хозяйственным органам поручено усилить и уточнить ответственность специалистов за их работу, добиваясь при этом большей четкости в распределении функций между руководителями предприятий и специалистами и не допуская перенесения ответственности без достаточных оснований с руководителей учреждений на специалистов и наоборот.

При оценке специалистов должно обращать внимание, главным образом, на их производственный стаж (особенно советский), на их заслуги как в довоенное время, так и в послереволюционный период.

ЦК высказался за создание, особенно, на предприятиях, таких условий совместной работы новых кадров специалистов со старыми, при которых была бы максимально облегчена и гарантирована передача опыта старыми специалистами – выпускаемым советскими вузами молодым специалистам и обеспечено повышение квалификации молодых под руководством опытных старых специалистов.

ЦК признал необходимым оказывать содействие изданию специальных журналов и технической литературы, снабжению на льготных условиях специалистов и их организаций соответствующими заграничными изданиями и большей связи их с научным миром заграницы.

«Правда», 23 августа 1925 г.

На следующий день, 24 августа, «Правда» опубликовала верноподданную передовицу «Наш рост и проблема специалистов». Более пристальный взгляд на сию «проблему» появится в «Смене» за июнь 1926 г. – П. Рыбаков. «О специалистах» (smena-online.ru/stories/o-spetsialistakh).

Продолжение примечания

Здесь, помимо мифического «сближения и примирения с интеллигенцией», большевиков поджимал такой немаловажный фактор как дефицит спецов. Еще 30 декабря 1924 г. «Руль» дал информашку:

Из Риги сообщают, что СТО постановил допустить приглашение иностранных специалистов в текстильной, электротехнической и химической промышленности. Соответствующим трестам предложено составить списки нужных им специалистов и предъявить их советскому правительству. Речь идет о нескольких сотнях инженеров и помощников-техников. После проверки списков советское правительство приступит к переговорам с иностранцами, приглашение которых будет признано необходимым.

11 июня 1925 г. политбюро ЦК РКП(б) приняло очередное постановление – «О привлечении иностранных техников и обучении наших техников за границей» (istmat.info/node/28803). А 26 августа 1925 г. берлинский «Руль» опубликует следующую информашку:

По данным бюро промышленной иммиграции при ВСНХ, из-за границы, преимущественно из Германии, Франции и Англии, приглашено свыше 100 работников разных специальностей. Некоторые уже прибыли в Москву и приступили к работам в электротехнической и химической промышленности. В ближайшее время ожидается приезд специалистов текстильной промышленности и автостроения.

А вот что касается «нормальных условий работы специалистов» приведем свежие «реалии»:

«Эконом. Жизнь» снова и снова возвращается к вопросу о тяжелом положении т.н. спецов. Они находятся, говорит газета, в вечном страхе, со всех сторон видят врагов и ждут их из-за каждого угла. «Не говоря уже о прямом начальстве и высших советских органах, он боится и завкома, и ячейки Р.К.П., и Р.К.К., и Р.К.И., и всевозможных комиссий и пр., и пр.». Для того, чтобы выйти из этого тяжелого положения, спец просто не проявляет никакой инициативы, кое-как тянет ляжку, прячется «за спину партийных работников, заботясь лишь о внешнем эффекте, о статистике». Эти печальные утверждения газета иллюстрирует рядом совершенно анекдотических случаев. “Стояла на одном из заводов «большая паровая машина, для производства в данный момент совершенно не нужная, а потому тщательно заколоченная досками». Спец был поставлен чуть не под угрозу расстрела, ибо на него упало тяжелое обвинение, что он бережет машину для старых хозяев. «Машину распаковали. После этого тот же спец, но от другого начальства, получил выговор за небрежное отношение к народному имуществу». А потом сказка началась сначала. Машину опять заколотили и «опять было получено неприятное замечание и т.д. и т.д.»”. В особенности хорошо это «и т.д.», так громко говорящее о безвыходном положении коммунистов. «Руль» (Берлин), 23 сентября 1924 г.

20 января 1925 г. «Руль» опять вернулся (с подачи, понятное дело, советских газет) к сей жгучей теме:

Б. Бруцкус. Муки трудовой интеллигенции

На состоявшемся недавно съезде инженеров глава правительства Рыков произнес речь о положении интеллигенции, имея в виду преимущественно инженеров. Он нашел, что, в согласии с заветами Ленина, советская власть идейно втягивает людей науки и техники в свою работу и что «главная масса интеллигенции ставит ставку на организацию государственного, общественного, советского хозяйства». Правда, отдельные представители интеллигенции ему «неоднократно жаловались, что у нас (рабочая) общественность часто принимает такой характер, так проводится в жизнь, что она не дает ученому и технику возможности работать». Но это Рыков объяснил ошибками обеих сторон, которые скоро будут устранены.

Само собой разумеется, что на съезде никто не позволил себе возражать главе правительства. Но вопрос о положении интеллигенции был выдвинут еще до съезда, и вот неофициальные суждения, весьма компетентных в этом вопросе лиц, совершенно расходятся с мнением главы правительства.

Вопрос этот всплыл в связи с проблемой поднятия производительности труда рабочих. Совершенно ясно, что без особой напряженной и добросовестной работы инженеров невозможно поднять производительность труда рабочих.

И вот при этом случае и коммунисты, и стоящие на вершине специалисты в один голос констатировали, что у специалистов налицо «полное развитие сухого формализма и психология бездушного бюрократизма». Специалисты обнаруживают «равнодушие к тому как в действительности работа протекает и какие действительные результаты получаются». Причины такого положения указанные лица усматривают, во-первых, в мелочном контроле, которому подвергаются предприятия и который отнимает массу времени [в т.ч. из-за заполнения бесчисленных анкет, которые присылают верховные органы], а во-вторых, в персональной неустойчивости аппаратов, в частой смене руководящей головки трестов, фабрик и заводов.

Редакция «Эконом. Жизни» не без основания обеспокоилась по поводу таких категорических заявлений и решила просить хозяйственников и специалистов высказаться по этому вопросу. И вот перед нами 4 обстоятельных ответа компетентных специалистов.

Продолжение примечания

Прежде всего, все они в один голос дали отрицательную оценку работы большинства специалистов и все они признали, что иной она в данных условиях и быть не может. «Политическая активность в духе коммунизма, – полагал бы один из откликнувшихся на анкету, – для специалиста вовсе не обязательна: если он вполне лояльно относится к советской власти и добросовестно, не за страх, а за совесть исполняет свои деловые обязанности». Но в действительности этого оказывается недостаточно. «К нему, деловому интеллигенту, – читаем мы, – относятся, тем не менее, как к батраку, трудом которого пользуются, но присутствие которого в доме доставляет весьма мало удовольствия». «Атмосфера недоверия, которой окружалась у нас в первые годы советской власти работа специалистов, – читаем мы в другом ответе, – еще не вполне изжита. Еще и ныне спец вынужден работать с оглядкой и, как метко отмечается, «собирать на всякий случай оправдательные документы»». «У нас немало специалистов, – сказано в одном ответе, – имеющих в своем «стаже» тюремное заключение, с последующим «прекращением дела»». При бесчисленном количестве контролирующих инстанций «за каждую ошибку, которая всегда возможна при работе, его будут беспощадно обвинять». При малой компетентности контролеров и самые ошибки-то часто только кажущиеся.

Общее мнение среди инженеров таково, что энергично работать, отстаивать свое мнение – значит «идти на риск», от которого никакие прежние заслуги не гарантируют. Т.к. тот не ошибается, кто не работает, то естественно, что инженеры тяготеют к неделанию, к уклонению от всякого ответственного решения, к чисто формальному исполнению обязанностей. Все стремятся пробраться в бесчисленные центральные учреждения, где заседают, критикуют, контролируют, но где не работают и не понимают работы. Инженер уже потому не может нормально работать, что он совершенно не волен в подборе персонала. Его подбор и продвижение зависит от высоких инстанций, в деле совершенно не компетентных.

Что касается вознаграждения специалистов, то оно совершается по мертвой схеме штатов, исключаящую всякую индивидуальность. Но мало того. «Так называемые высокие спецставки, – читаем мы, – о которых так много говорится и вокруг которых идет такая борьба, являются, в конце концов, для получающих их специалистов источником столь больших неприятностей и столь неожиданных расходов, что невольно у каждого из них является мысль рассматривать себя как своего рода жертву издевательства». Неприятности состоят в том, что «зарплата специалиста трактуется как нетрудовой доход», и благодаря этому спец, рядом с торговцем, попадает во всеми третируемый класс граждан[-частников]. Расходы же состоят в повышенной плате за квартиру, за отопление, в громадных платежах за обучение детей, если их из [высшей] школы и не выбрасывают совсем, в высоких ставках подоходного налога и т.п.

Конечно, самого главного специалисты не могли сказать. Они ничего не рассказали [на страницах «Эконом. Жизни»] о роли в промышленности коммунистов, этой второй опричинины, которые ничего не зная всем заправляют, для которых и находятся специалисты. <...>

Здесь мы отметим 2 сюжета. Первый касается удивительной схожести по поводу фиксации прискорбной тенденции: перетекания инженеров с производства в «контролирующие инстанции» – у «Руля» и у Р.Э. Классона. Второй сюжет – о «нетрудовых доходах спецов».

В августе 1925 года Наркомфин постановил освободить с 1 октября от промыслового налога на личные промысловые занятия врачей, зубных врачей, ветеринаров, архитекторов, инженеров, зубных техников, лиц, составляющих планы и сметы, акушеров, массажисток, литераторов, художников, чертежников, артистов, музыкантов и членов коллегии защитников. Возможно, что после выхода постановления ЦК РКП(б) «О специалистах» что-то будет изменено и во взимании налогов с высокооплачиваемых специалистов, работавших в государственных учреждениях...

3 апреля 1925 г. «Руль» посвятил положению советского «спеца» передовую статью (приводим в извлечениях):

Про белого бычка

В числе других очередных вопросов или «фронтон», как из рога изобилия сыплющихся на страницы советских газет, с полгода назад весьма помпезно поставлен был вопрос о спецях. Такой вопрос уместен и возможен только при советском режиме, ибо сводится он к тому, что, с одной стороны, без спецов в промышленности не обойтись, а с другой – коммунистическому строю они, как принадлежность проклятого режима, не только не нужны, но и опасны. Соответственно этому – был найден блестящий компромисс: без спецов не обойтись, значит, их нужно оставить. Но т.к. они опасны – то нужно держать их в черном теле и не давать проявиться их свойствам спецов.

Окончание примечания

Спецы не смели проявлять никакой инициативы и уныло тянули свою лямку, отбывая на заводах скучную повинность. И результат получился тот, какой только и можно было ожидать, а именно обратный тому, который русская пословица выражает словами: и волки сыты, и овцы целы. Здесь волки стали тощать и овцы погибали.

В виду такого результата, принимавшего явно угрожающий характер, и был поставлен на очередь вопрос о спецах, объявлен был новый «фронт». Десятки, сотни статей, бесед, анкет изо дня в день печатались, созывались съезды «красных спецов», и вопрос был выяснен до конца. Сам [председатель ВСНХ] Дзержинский подвел итоги «дискуссии», установив, что положение спецов не только невыносимо, но просто трагично. Он нужен для того, чтобы при помощи своих знаний и опыта держать производство на уровне современных достижений. А между тем горе ему, если он вздумает дать на практике применение своему опыту и знаниям и проявить какую-нибудь инициативу. «Для того, – громко сказал Дзержинский, – чтобы проявить необходимую инициативу, инженер должен иметь очень большое мужество, которое, к сожалению, в 99 случаях из 100 кончается для него очень плохо».

Эти слова Дзержинского увенчали единодушное мнение о необходимости поставить спецов в надлежащее положение, использовать их для тех функций, для которых они предназначены, и оставалось только радоваться, что хотя и поздно, но «ошибки прошлого», наконец, поняты и, употребляя другое любимое советское слово, легко будут «изжиты».

Нельзя было сомневаться, что так оно и случилось, ибо как по мановению волшебного жезла вопрос о спецах бесследно исчез с газетных столбцов, великодушно уступив место другим «фронтам». Ясно, следовательно, что «дискуссия» достигла своей цели, вопрос благополучно разрешен.

Прошло, однако, несколько месяцев, и как ни в чем не бывало «Правда» начинает сказку про белого бычка сначала. Опять мы читаем, что «нередко приходится слышать от преданных советской власти специалистов, что условия их работы крайне неудовлетворительны. То же самое подтверждают сведения, поступающие в инженерные секции профсоюзов».

Если раскрыть старые номера «Правды», относящиеся к моменту, когда велась дискуссия, то там найдутся буквально такие же заявления и те же выводы, которые из них совершенно правильно были сделаны. А именно, что при таких условиях «специалист неизбежно превращается в бездушного формалиста, предоставляющего производство рутинному течению». <...>

Рецидив со спецами после того, как вопрос был так удачно разрешен, чрезвычайно характерен для советского режима. Это не случайное, изолированно стоящее уродливое явление, а конституционная болезнь, делающая празднословием спор о том, может ли советский режим эволюционировать.

Сей решительный вывод оставляем на совести его автора – И.В. Гессена или проф. А.И. Каминки?

Кампания большевиков «по улучшению положения спецов» длилась недолго и скоро переросла в противоположный процесс – перманентное, жесткое преследование оных по разным поводам, наиболее громкими и масштабными из которых стали «Шахтинское дело» (1928 г.) и «Процесс Промпартии» (1930 г.). А вот какой удивительный сюжет появился в 1929 г. и затем начал «внедряться в жизнь»:

Гонения на инженеров (Лондон, 13 ноября)

Рижский корреспондента «Таймс» сообщает: Высший совет народного хозяйства приказал сместить всех инженеров и специалистов из советских учреждений, если они не работают по специальности, и мобилизовать их для работы на фабриках, горнопромышленных предприятиях и т.п. Все, кто откажется занять посты по специальности, будут «деклассированы», т.е. изгнаны из профессиональных союзов, лишены звания инженеров, а главное – лишены пайков. Этот приказ вызван стремлением во что бы то ни стало осуществить 5-летний план. Большевики недовольны тем, что инженеры с большой неохотой едут в провинции. Поэтому отдано распоряжение, согласно которому инженеры, не достигшие 50-летнего возраста, обязаны отправляться туда, куда их назначают. – «Возрождение» (Париж), 14 ноября 1929 г.

На 1-й МГЭС, 1925 г., в центре: Р.Э. Классон, В.Д. Кирпичников, Ф.А. Рязанов

30 августа 1925 года берлинский «Руль» опубликовал следующую критическую статью, которая определенным образом касалась и Р.Э. Классона, как члена Правления МОГЭСа:

Как производится электрификация

Трамвайная станция вырабатывает переменный ток для питания городского трамвая. Мощность ее в настоящее время 18 000 квч. [квт – МК]. Еще в начале 1923 года[, когда] трамвайное движение стало расти быстрым темпом, технический персонал трамвайной станции возбудил вопрос о приведении в порядок оборудования станции и о ее расширении.

Долго тянулось обсуждение этого вопроса. Наконец, разрешились следующим решением: «Закреть к осени 1925 года трамвайную станцию, а нагрузку передать на районную станцию [на «Электропередачу»] с помощью умформеров». От этого, мол, получится экономия в 1 миллион рублей ежегодно благодаря тому, что торф, на котором работает районная станция, дешев и будет год от года дешеветь. Но этот расчет оказался дутым, и торф нисколько не дешевеет за последние три года.

В начале нынешнего года для окончательного погребения трамвайной станции правление МОГЭС заказало 3 умформера и начало постройку специального здания для них [на МГЭС-1], решив затратить на это удовольствие миллион с лишним рублей. Но МОГЭС просчитался.

Нагрузка московских станций в нынешнем году поднялась на 30% против прошлогодней, мощности не хватает. Пришлось пустить для этого уже прикрытые [маломощные торфяные] Павловскую и Глуховскую станции.

Правление МОГЭС шлет на трамвайную станцию приказ: «Усильте бдительность, берегите машины, примите все меры для того, чтобы довести вашу мощность до военной нормы, т.е. до 21 000 квч [квт – МК] вместо 18 000, для чего берите с 1-й московской станции перенесенный туда в 1919 году ваш генератор, и будьте готовы не только питать трамвай, но давать ток и в общую сеть. Мы вас не закрываем, а вы будете пиковой станцией».

– А что это значит? – спрашивали работники трамвайной станции.

А это значит, что три четверти рабочих будут разогнаны, для обслуживания останется лишь одна смена, т.к. станция будет работать всего 3-4 часа в сутки.

В виду быстрого роста нагрузки московских станций высшие планирующие органы всполошились и составили план расширения станций на ближайшее пятилетие. А трамвайную станцию забыли пусть остается она со своим хламом как «пиковая», несмотря на то, что МОГЭС собирается ремонтировать ее оборудование, на что потребуется затратить около 300 000 рублей.

Излагая это печальное положение «пиковой» станции, председатель ревкома [завкома? – МК] тщетно жалуется:

– Наша станция во многих отношениях стоит выше «Электропередачи» и, временами, выше 1-ой московской станции. По мнению наших спецов, легче, дешевле и в два раза скорее расширить в 40-50 тыс. квч. [здесь речь, скорее всего, идет о мощности в 40-50 тысяч киловатт – МК] нашу трамвайную станцию, чем какую-либо из остальных станций Московского района.

Ну, хорошо, сделали ошибку, заказали три умформера, ничего не дающие в смысле мощности, истратили на это дело 1 200 000 рублей, да на ремонт нашего оборудования хотите истратить 300 000 рублей – не делайте же дальнейших ошибок.

Вопрос, однако, в том, ошибка ли это или правильный – с точки зрения определенных интересов – расход в 1 200 000 рублей.

Здесь стоит уточнить немаловажную техническую деталь: трамвайная станция действительно вырабатывала переменный ток напряжением 6 600 вольт, но он затем на подстанциях, при помощи умформеров (электромашинных преобразователей), превращался в постоянный напряжением 600 вольт, который больше подходил для тяговых двигателей трамваев, чем переменный ток. Ну и мощность Трамвайной станции составляла, конечно же, 18 000 киловатт, а не «квч».

Далее автор «Руля» мимоходом пинает, правда, не упоминая ее, «Электропередачу», где «торф нисколько не дешевет за последние три года». Как мы уже могли убедиться в очерке «Гидроторф – дело «государственной важности»?», «великий экономист» Р.Э. Классон со товарищи воевали за каждую десятую доли копейки в себестоимости добычи пуда гидравлического торфа.

Например, в этом очерке использовался следующий сюжет:

По-видимому, в начале 1925-го Гидроторф (уже поглощаемый Госторфом) отправил доклад в Экономическое совещание относительно своего технического положения в конце 1924 года. Мы здесь, конечно же, не будем его приводить полностью, отметим лишь такое утверждение:

*«Мы совершенно убеждены, что при рациональной постановке Гидроторфа в широком масштабе, с применением всех усовершенствований этого года мы можем создать для Центрального района самое дешевое топливо. Вся беда в том, что мы не можем это продемонстрировать в широком промышленном масштабе за отсутствием денег.»**

А все органы, которые ассигновывают средства на дальнейшие работы, считаются исключительно с бухгалтерскими цифрами прошлых лет и никак не могут учесть тех факторов, которые войдут в производство ближайших лет, благодаря изменениям и усовершенствованиям его.

Господствует бухгалтерский, а не инженерский взгляд, и вот почему мы не могли получить достаточного количества денег для переоборудования нашего инвентаря».

По крайней мере, до революции, когда еще не были искажены государственным планированием и государственными ценами экономические показатели, торфяная электроэнергия (еще при ручной добыче торфа) уже была дешевле нефтяной.

Что касается якобы оказавшихся лишними умформеров. При расширении трамвайного движения они так и так востребованы – что при установке на тяговых подстанциях Трамвайной станции, что на МГЭС-1 (рядом с центром трамвайного движения). Они действительно ничего не дают в смысле дополнительной мощности, но они дают преобразованный постоянный ток для питания трамвайных моторов. А работа МГЭС-2 не только на обеспечение трамвайного движения, но и на общую электрическую сеть Москвы, означает не сокращение персонала станции, а, наоборот, усиление ее вечерней смены. В общем, в лихом изложении редакции «Руля» советские плановые органы, да и энергетики заодно, оказались совсем уже придурками...

6 октября 1925 года берлинский «Руль» опубликовал такую заметку:

Катастрофа на московской электростанции. 29 сентября, утром, на московской электростанции, вследствие невыясненной причины, произошло короткое замыкание тока высокого напряжения. Одновременно раздалось несколько оглушительных взрывов, и загорелись кабели. Пять рабочих получили ожоги. Остановились работы на некоторых московских фабриках и заводах. Остальные районы были лишены света в течение всего вечера и ночи.

Похоже, именно этот случай вспоминал Ф.А. Рязанов:

Из дежурных инженеров весьма своеобразным был изобретатель В.А. Варганов. Однажды в его дежурство днем начали взрываться под землей на дворе станции муфты кабелей, соединяющих трансформаторную подстанцию с распределительными 6 кв и 2 кв. Взрывы происходили один за другим через несколько минут. Классон звонит и спрашивает дежурного инженера, в чем дело. Варганов, твердо усвоивший, что дежурный инженер не должен теряться и оставаться спокойным, отвечает: «На станции все спокойно, взрывы продолжаются».

Но все же причины системной аварии оставались непонятными. Пришлось автору сих очерков в январе 2015 года опять ехать в отдел газет РГБ в Химках несмотря на то, что транспортная схема там дополнительно усложнилась из-за «модернизации Бусиновской развязки», вместе со скоростным участком Ленинградского шоссе.

* Из статьи В.Д. Кирпичникова «Результаты применения нового стандарта гидроторфа в сезоне 1925 г.» в журнале «Торфяное дело» (1926, №2):

Полного выявления всех преимуществ нового стандарта и бухгалтерского доказательства указанной себестоимости 7,00 коп./пуд [торфа влажностью 30%] можно ожидать только в 1927 г., как на Чернораменском [под Нижним Новгородом] и Снявинском [под Ленинградом] болотах, так и на Дальнинском [под Богородском], если последнее будет передано «Электропередаче».

Для начала я заказал «Вечернюю Москву» – не могла же эта столичная газета пройти мимо такого ЧП, да еще с отключением части потребителей. И вот что я в ней обнаружил, в номере за 30 сентября:

К вчерашнему взрыву на Владимирском шоссе

От короткого замыкания тока вчера произошло несколько подземных взрывов в помещении трансформатора МОГЭС, установленного в д. 1 по Владимирскому шоссе [(ныне шоссе Энтузиастов)]. От взрывов пострадал ряд подземных кабелей в нескольких районах города и остановилось несколько десятков фабрик и заводов. Многие части города и [юго-восточного] пригорода остались без света.

Директор МОГЭСа тов. М.В. Кудряшов сообщил сегодня сотруднику «Вечерней Москвы» по этому поводу следующее:

Вчера с полуночи повреждения, вызванные взрывом, уже почти устранены. Сегодня с полудня будет восстановлен ток так же в районе Смоленского рынка. Убытки МОГЭСа сравнительно невелики. Подробности и основные причины взрывов будут выяснены в течение ближайших дней.

Однако к этой «горячей» теме «Вечерняя Москва» так и не вернулась. Поэтому попробуем реконструировать сюжет собственными силами (чтобы опять не ехать в Химки – листать старые газеты или же в центральное здание РГБ – листать старые технические журналы).

Скорее всего, в помещении трансформатора МОГЭСа, в д. 1 по Владимирскому шоссе, взорвались кабельные муфты, по-видимому, отечественного производства и потому мало надежные (не выдерживали небольшой перегрузки? через плохую изоляцию проникала влага и вызывала короткое замыкание?). Значит, приведенное выше воспоминание Ф.А. Рязанова относится к похожему, но другому эксцессу, который мог услышать из своей квартиры Р.Э. Классон и позвонить на станцию.*

* Реконструкция автора оказалась недостоверной, это стало понятным, когда автор, не поехав в Химки, а поработав в марте 2015-го в центральном здании РГБ за компьютером и использовав весьма информативный раздел «Удаленные электронные ресурсы» (где в т.ч. выложены PDF-файлы страниц «Правды», «Известий» и «Литературки»), нашел следующую публикацию в «Правде» от 1 октября 1925 г.:

Аварии московской электрической сети (сообщение МОГЭС)

В 10 час. 16 мин. 29 сентября, вследствие неотрегулирования паровпускной части новой Шатурской турбины [номинальной мощностью 16 000 киловатт], работавшей с нагрузкой около 8 000 киловатт, произошло колебание нагрузки на ней в пределах от 2 000 до 14 000 киловатт. В виду этого происходили колебания напряжения в сети, которое вместо нормальных 6 600 вольт, поднималось до 7 500 в. и падало до 5 800 вольт.

Вследствие падения напряжения повысилось потребление тока моторами, и перегорели предохранители в трансформаторном помещении [(ТП)] по Владимирскому шоссе. Вследствие перегорания предохранителей произошло перекрытие [вольтовой дугой] сборки [(шин)] и пожар в этом ТП, при котором пострадали работавшие в тот момент в помещении каменщик, чернорабочий и 2 монтажера (двое из них, пострадавшие более тяжело, помещены в больницу); они получили ожоги от пламени, прошедшего через особые деревянные щиты, ограждавшие место работ.

Длительная вольтова дуга при этом коротком замыкании вызвала перенапряжение в сети, которое и выявило слабые места в кабелях, а именно: сгорел кабель от ТП по направлению к Измайловской подстанции (в Измайловском Зверинце), выключился кабель до ТП на 1-й Мещанской улице – он оказался поврежденным; кроме того, выключился кабель, питающий район Девичьего Поля, и по исследованию в нем оказалось земляное соединение [(короткое замыкание на землю)] на одной фазе.

Вследствие разрушения сборки [(шин)] в ТП по Владимирскому шоссе и повреждения кабелей выключился завод «Серп и Молот» [(бывш. Гужона)] со всем прилегающим районом. После испытания кабелей, идущих в этот район, они были один за другим включены: первые – в 12 час. 01 мин. и последний – в 12 час. 06 мин. После этого момента без тока оставались только Владимирское шоссе, завод «Рускабель» и Перовские мастерские, для которых необходимо было отремонтировать кабель и восстановить сборки [в ТП], что было исполнено к 11 час. вечера. Авария с кабелем на 1-й Мещанской ликвидирована в продолжение 2-х часов.

Зато автору удалось найти в той же «Вечерней Москве» сюжет, касающийся того же инженера МОГЭСа В.А. Варганова. Ф.А. Рязанов оставил такое воспоминание:

Как-то вечером в его дежурство на станцию явился репортер от какой-то газеты. Варганов ознакомил его со станцией. Неизвестно, какие он при этом давал пояснения, но на следующий день в газете появилась статья с описанием станции.

Статья изобиловала образными сравнениями вроде следующих: «паровые котлы вибрировали под большим давлением» или «паровые турбины, как огромные слоники, дрожали на своих основаниях». Долго хранил я эту газету с подобными перлами и очень сожалею, что она пропала.

Оказывается, репортером, посетившим электростанцию, был будущий известный драматург, писатель и сценарист Л. Славин, а репортаж его опубликовала 14 октября 1925 года «Вечерняя Москва» (с которой Лев Исаевич сотрудничал по приезду в 1924 году из Одессы):

Фабрика энергии

Площадь самого большого котла доходит до полуторы тысячи квадратных метров. Таких котлов двадцать три. Когда все они кипят, наполненные доверху нефтью, соединенный их гул превосходит все слышанные когда-либо шумы.

Окончание примечания

Питающий район Девичьего Поля кабель не мог быть пущен в работу, т.к. на нем необходимо было найти место повреждения и отремонтировать его, что было исполнено к 12 час. 30 сентября. Вся его нагрузка с момента аварии, т.е. с начала 12-го часа 29 сентября, постепенно переводилась на один из кабелей, который благополучно работал с некоторым перегрузом до 4 час. 02 мин. [дня] 29 сентября, когда вследствие какого-то толчка [тока] на разветвлениях этого кабеля произошло перегорание предохранителей, сопровождавшееся перекрытием сборки [(вольтовой дугой на шинах)] и взрывом масляного выключателя в ТП на Смоленском рынке. В результате этого взрыва поврежден фидерный кабель около Москворецкого моста [(т.е. шедший от 1-й МГЭС)]. Ремонт этого повреждения закончен к 12 час. дня 30 сентября. Во время короткого замыкания автоматически выключилась новая Шатурская станция, и вся нагрузка Московской сети перешла на 1-ю МГЭС им. тов. Смидовича, которая была наготове и справилась с нагрузкой, так что никаких перебоев в снабжении током остальных абонентов, кроме поврежденных районов, не происходило.

Правление МОГЭС считает необходимым указать, что причины происшедшей аварии должны быть отнесены к разряду неизбежных и непредотвратимых: 1) налаживание работы новой мощности (Шатурская станция), которое могло производиться только в эксплуатационных условиях, и 2) неизбежность слабых мест в разветвленной, длинной кабельной сети (свыше 2 500 км), которые проявляются при явлениях перенапряжения при коротких замыканиях, как это и имело место в данном случае. Такое выявление слабых мест происходит периодически через довольно длительные промежутки времени.

Мы не будем подвергать кардинальному сомнению утверждение правления МОГЭС по поводу того, что «налаживание работы новой мощности могло производиться только в эксплуатационных условиях». Отметим лишь, что 3 турбины по 16 мегаватт для «Шатурки» были заказаны в чехословацком Брюнне (ныне Брно) и для того времени они, с 3 тыс. оборотов в минуту, считались пределом технологического совершенства и мощности (3-ю запустят в 1927 г.).

Но при приемке подобного оборудования на заводе должны проводиться его испытания на стенде во всех режимах – от «горячего резерва» до работы на полную мощность. Далее, на самой «Шатурке» должен был производиться шеф-монтаж турбин и их же «шеф-обкатка». Первая турбина была впервые пущена 2 сентября, а 23-го числа она уже работала на Московскую энергосистему, после чего 29 сентября и произошла системная авария, из-за «неотрегулирования паровпускной части». Не слишком ли поспешно был включен турбогенератор в сеть?

И второе, «летописец Мосэнерго» Г.В. Липенский ни в одной из своих книг ни словом не обмолвился (даже в 500-страничном талмуде «Мосэнерго: этапы становления», 2000 г.) об этой системной аварии, которая произошла незадолго до торжественного пуска станции 6 декабря 1925 года. Почему? Не хотелось «портить ложкой дегтя бочку меда»? В общем, серьезным историкам отечественной энергетики, в отличие от покойного «придворного летописца» Глеба Владимировича, есть еще над чем поработать.

Вообразите восьмимесячную осаду Вердена, сгущенную в одном звуке. Котлы эти, каждый величиной с трехэтажный дом, трясутся на своих основаниях, и сквозь стеклышки – синие, оранжевые и голубые – видно нефтяное разъяренное пламя. Рыжие каскады его с немыслимой силой рвутся куда-то вверх.

Между котлов по длинным безлюдным коридорам бродят двое-трое рабочих в синих проз-костюмах. По толстым изогнутым трубам пары стремятся в следующий этаж. Зал этот еще больше. Он выложен изразцами, лоснится и блестит как танцкласс.

Посреди зала залегли на брюхе одиннадцать огромных турбин, похожие на черных ленивых слоних. Одиннадцать генераторов сосут у них вымя, как слонята. Снаружи ничего не видно, но внутри с бешеной скоростью вращаются эбеновые диски [из эбенового дерева или из эбонита? – МК]. И тут мало народу: два-три человека бродят по залу, пристально оглядывая машины. Только воздух со свистом вырывается из машин. Мертвый электрический ветер бежит по залу, вздувая волосы.

Топки, котлы, паропроводы, турбины, генераторы! Но какова продукция? Что здесь производят? Где товар? Товар есть. Только он невидим. Могес – Московская объединенная государственная электрическая станция – в дни максимальной нагрузки выбрасывает до 50 000 киловольт [киловатт – МК].

Она готова в каждый момент заменить любую из четырех районных станций – или все их вместе. Самая старая из машин установлена в 1908 году. Самая новая привезена в 1923 году из Германии.

Техническое творчество русских конструкторов только начинает разворачиваться. Однако мы уже обладаем рядом достижений, главным образом, по теплотехнике. Настойчивое желание иностранных фирм (преимущественно английских) приобрести эти изобретения лучше всего определяет их высокую ценность.

Так было, например, с инженером В.А. Варгановым. Вокруг его механической непаровой форсунки не одну неделю облизываясь ходили представители английских предприятий. Одно слово – и дождь чеков полился бы на счастливого изобретателя. К чести советского инженера – механическая форсунка была установлена в котлах Могеса. Вот маленький, но весьма поучительный пример. Для того чтобы нефть была приведена в идеальное горючее состояние – она должна быть распылена, превращена в туман. При старом способе это достигалось силой пара. Он давал использование 70 проц. нефти.

Механическая непаровая форсунка винт Те [?] конструкции инженера Варганова повышает к.п.д. нефти до 90 процентов. Экономия в 20 проц. налицо. В переводе на язык золотых рублей [советских червонцев] что это означает?

В 1924-1925 [бюджетном] году расход нефти на станции равнялся 102 238 767 килограмм; предполагая в последующие годы такой же прирост нагрузки при стоимости 1 килограмма нефти в 4,08 коп. – мы получим экономию по одному Могесу:

в 1925-1926 г.	1 224 000 руб.
в 1926-1927 г.	1 790 000 руб.
в 1927-1928 г.	2 620 000 руб.

Если же учесть общее потребление нефти паровыми котлами всего СССР, то для одного 1926 года мы получим минимальную экономию в 13 000 000 золотых рублей.

Вожделения английской промышленности – нам совершенно понятны. Посещение Могеса оставляет неясное удовлетворение. Кажется, что огромные машины жужжат впустую. Выходишь – смутный – на Раушскую набережную. В зеленой воде Москва-реки мчатся опрокинутые трамваи.

*Тогда вдруг тугое обывательское сознание шевельнется, и встрепенувшаяся память мгновенно свяжет желтенькую мигающую лампочку над воротами с бегом и грохотом гигантских стальных машин.**

* В.А. Варганов действительно получил патент на изобретение «Механической форсунки» за №2427 и с приоритетом от 19 августа 1925 г. «В предлагаемой механической форсунке поступающим под давлением струйкам нефти сообщается, до выхода из сопла, винтообразное движение, которое они, по указанию автора, должны сохранить, под действием центробежной силы, и по выходе из сопла». Утверждение автора (Л. Славина или же самого В.А. Варганова?) о значительно большей эффективности работы его механической форсунки (аж на 20 процентных пунктов!?) можно трактовать только как «небывалое советское достижение». По крайней мере, паровая форсунка В.А. Варганова удостоилась чести попасть в том XXV Технической энциклопедии (ОГИЗ РСФСР, 1934 г.):

Последний тип Ф. для жидкого топлива – это паромеханические и воздухомеханические, т.е. те, в к-рые мазут подается под давлением, а пульверизация идет паром или воздухом. В СССР наиболее распространены из этого типа Ф. сист. Бабкок-Вилькоккс и Варганова. <...> Ф. сист. Варганова имеет сердечник для завихривания как мазута, так и пара. Ф. эта, как и Ф. сист. Бабкок-Вилькоккс, кончается камерой распыливания, только с несколько суженным сечением. Ф. сист. Варганова трудно регулируется, требуя постоянства давления пара.

В то же время механические форсунки (без упоминания «выдающегося изобретения Варганова») характеризовались в Технической энциклопедии следующим образом:

В отличие от этих [(паровых)] Ф. имеются т.н. механические или беспаровые Ф., в к-рые мазут подается под давлением, создаваемым насосом или каким-либо аппаратом, находящимся под давлением воздуха. Из последнего типа Ф. в СССР наиболее распространены: «Атом» Григорьева, Бабкок-Вилькоккса, Трейера и Котляренко. <...> Эксплоатация чисто механич. Ф. выявила следующие основные недостатки: 1) износ кладки топки больше, чем при паровых Ф.; для сохранения кладки необходимо применить экранирование топки; 2) сложность регулировки подачи мазута в топку, т.к. при меняющихся нагрузках приходится вводить большее или меньшее число Ф.; 3) растопка холодных топок ведется либо с дымом либо со значительно большим избытком воздуха, чем то бывает в случае паровых Ф.; при форсированной растопке страдает кладка топки; 4) требуют весьма тщательной фильтрации мазута; 5) обслуживание их должно поручаться персоналу с более высокой квалификацией, чем при паровых Ф.

К достоинствам механич. Ф. следует прежде всего отнести сохранение конденсата, т.к. насосы могут приводиться в действие электроэнергией. При механич. Ф. так же создаются более благоприятные условия работы для обслуживающего персонала в силу отсутствия того шума, который производят все паровые Ф. Что же касается расхода топлива, то при одинаково хороших эксплуатационных условиях расход топлива при механической форсунке будет по сравнению с расходом топлива при паровой форсунке на 2-3% меньше.

Итак, речь идет об экономии топлива всего лишь в 2-3% (тоже неплохая вещь)!!! Публикация Льва Славина в «Вечерней Москве» вызвала тогда, в 1925 г., острую реакцию персонала 1-й МГЭС им. тов. Смидовича (в тексте – МОГЭС). «Правда» 31.10.1925 г. опубликовала следующий хлесткий материал своего постоянного автора В. Мороза, сотрудника станции и, по-видимому, рабкора главной партийной газеты:

Как не надо писать о производстве (МОГЭС)

В №235 «Вечерней Москвы» [от 14.10.1925 г.] была напечатана статья «Фабрика энергии». Без хохота и возмущения ни один рабочий нашей станции не мог ее читать. На общем собрании членов клуба стоял неудержимый хохот, когда из этой статьи читали некоторые выдержки.

Автор статьи, некто Славин, пишет: «Площадь самого большого котла доходит до полуторы тысячи квадратных метров. Таких котлов 23». Брехня ровно в 23 раза. Совершенно непонятно, почему Л. Славину понадобилось такое бессовестное преувеличение, когда и котлов-то с такой площадью нагрева нет. Самый большой котел в МОГЭС – с площадью нагрева в 1 400 [кв.] метров, все остальные котлы наполовину меньше по своей площади нагрева. Дальше автор пишет: «Когда они (котлы) кипят, наполненные доверху нефтью, соединенный их гул превосходит все слышанные когда-либо шумы». Для ясности автор рекомендует: «Вообразите 8-месячную осаду Вердена, сгущенную в одном звуке». От шума котельной у автора, видимо, что-то случилось с головой. Иначе совершенно непонятно, откуда он взял нефть, когда всем известно, что всюду, в т.ч. и в МОГЭС, в котлах обычно кипит вода. По той же, видимо, причине у автора котлы эти «трясутся на своих основаниях». Нас удивляет, как это он еще вышел из нашей котельной цел и невредим.

Почему мы здесь (по крайней мере, в примечании к статье Л. Славина) уделили так много внимания сему чисто техническому сюжету – механической форсунке В.А. Варганова? Потому что он (сюжет, а не В.А. Варганов) постоянно был если не в фокусе внимания, то хотя бы в ряду постоянных забот Роберта Эдуардовича.

Из выступления В.Д. Кирпичникова на вечере памяти Р.Э. Классона:

Поражает настойчивость, с которой он добивается своих целей. Вот, например, беспарные форсунки. Роберт Эдуардович с этими беспарными форсунками начал заниматься и их пропагандировать, если я не ошибаюсь, с 1903 года: 23 года настойчиво ежегодно возвращался к этому вопросу и только за год до кончины, наконец, на Московской станции эти форсунки удалось осуществить. Тем не менее, за два дня до своей смерти Роб. Эд. опять возвращается к этому вопросу и ставит своей задачей добиться снабжения всех котлов Московской станции беспарными форсунками.

Кстати в том же номере «Вечерней Москвы» от 14 октября 1925 года была опубликована, под рубрикой «Суд и быт», и такая заметка:

Счета МОГЭСа

Артельщик МОГЭСа, Прокушев, обвинялся в том, что, собирая деньги с абонентов МОГЭСа, путем подлогов увеличивал сумму счетов плательщиков за электрическую энергию. Таким образом, он увеличил счета: Филиппова, Чуваева, 1-й школы стенографии и др. на 14 руб., а также не сдал в кассу МОГЭСа полученные им по счетам 193 руб. 86 коп.

– Нужда заставила меня совершить преступление: семью не мог содержать на заработок, – объясняет свой проступок Прокушев.

Суд под председательством тов. Кондратьева приговорил Прокушева к лишению свободы на один год, но, учтя обстоятельство, толкнувшее его на преступление, снизил наказание до трех месяцев. Гражданский иск МОГЭСа удовлетворен.

Вот так, на одном и том же предприятии, служили «бескорыстный изобретатель» и «вороватый артельщик»...

А теперь развернем во всей «советской красе» заключительный аккорд деятельности Роберта Эдуардовича со товарищи на 1-й МГЭС. 5 декабря 1925 года «Известия» опубликовали весьма интересное интервью о работе МОГЭС:

Наши беседы / Электроснабжение Москвы

(Беседа с председателем правления МОГЭС К.П. Ловиным)

– Происходящие за последнее время перебои в электроснабжении Москвы и Московского района вызывают целый ряд пререканий со стороны потребителей, обвиняющих МОГЭС в неприятии своевременных мер.

Окончание примечания

Автор не обошел молчанием и наши турбины. «11 генераторов, – пишет он, – сосут у них (турбин) вымя как слонята. Только воздух со свистом (ну, ну!) вырывается из машин!». Нечего сказать, хороши были бы у нас машины со свистом! Тоже похвалил, называется. Хотелось бы так же узнать, целы ли волосы у автора от «мертвого электрического ветра», который, как он пишет, «бежит по залу, вздувая волосы». У нас, тов. Славин, тоже волосы дыбом становятся от вашего описания. В пору хоть комиссию создавать для проверки котлов и турбин, во избежание несчастных случаев, коли, по-вашему, все кипит, трясется, свистит и вот-вот взлетит на воздух.

Вот еще последняя выдержка, особенно показывающая невежество автора. Он пишет: «МОГЭС в дни максимальной нагрузки выбрасывает до 50 000 киловольт». Это все равно, что написать – пароход делает в час 15 прыжков. Автор делает вывод: «Посещение МОГЭС оставляет неясное неудовлетворение. Кажется, что огромные машины жужжат впустую, выходишь смутный на Раушскую набережную». Да, гр. Славин, мы согласны, что более смутно, чем вы написали, не напишешь. <...>

Всем известно, что за последние годы, в связи с восстановлением промышленности, к сети как московской, так и загородной в спешном порядке присоединяются фабрики и заводы, вызывающие соответствующее необычайно быстрое увеличение нагрузки.

Для иллюстрации работы электростанции [(1-й МГЭС)] можно привести несколько цифр: наибольший отпуск электрической энергии в дореволюционное время был в 1916 году, в расцвет военной промышленности, когда с московской станции было отпущено за год 120 289 тыс. квт-ч. В настоящее время отпуск электрической энергии за год составляет 430 млн. квт-ч, а максимальная нагрузка станций МОГЭС составляет 105 000 квт, причем максимальная нагрузка одной московской станции (на Раушской наб.) равна 100% установленной на ней мощности машин и свыше 95% установленной мощности котлов, т.е., другими словами, станция работает без всякого резерва. Это до чрезвычайных пределов возросшее потребление электрической энергии вызывает и перегрузку кабелей и трансформаторов.

Лицам, сколько-нибудь знакомым с эксплуатацией центральных электрических станций, должно быть хорошо известно положение станций, работающих изо дня в день со 100%-ной нагрузкой, и состояние технического персонала на такой станции.

Требования на электроэнергию на 1926 год, которые предъявлены к МОГЭС, уже сейчас настолько велики, что не могут быть покрыты имеющейся мощностью московской и районных станций [плюс Трамвайной станции, или МГЭС-2]. Отсюда следует, что необходимо немедленно дать заказы на целый ряд оборудования для станций и сетей. Только при этих условиях можно надеяться улучшить положение электроснабжения, и на это следует смотреть открытыми глазами, иначе могут произойти ошибки, которые в будущем будет трудно, если не совсем невозможно, исправить.

Технический персонал МОГЭС, как на станции, так и в сети, прекрасно сознает всю тяжесть положения и принимает все меры к предупреждению аварий и к возможно быстрой их ликвидации. Повторяю, когда станция работает с нагрузкой в 100%, а кабели и трансформаторы перегружены свыше всех норм, техническому персоналу приходится, выражаясь натурально, ходить по канату, а населению Москвы и московской промышленности следует учесть то чрезвычайное положение работы станций МОГЭС и то нервное напряжение, которое должны испытывать при такой работе рабочие и служащие станций и сетей.*

* Приведем из статьи Федора Алексеевича Рязанова «Работа и ремонты 1-й МГЭС им тов. Смидовича» («Известия Теплотехнического Института», 1925, №10) о мучениях персонала с одной только турбиной №23 германского завода MAN мощностью 10 мегаватт, установленной еще в 1914 г., – в одном лишь 1925 году:

13 января 1925 г. имела место следующая авария турбины. При работе турбины с нагрузкой в 3 800 кв[т], лопнула чугунная втулка заднего сальника и обгорели угольно-графитные кольца, а так же и арматура колец. При этом из зазоров заднего сальника вырвалось пламя и посыпался целый сноп огненных искр, длиной до 2 м. Генератор был быстро выключен, пар в турбину закрыт; для ускорения затормаживания турбогенератора в ротор генератора было дано напряжение от полос постоянного тока.

После разборки турбины оказалось, что:

1) Чугунная втулка заднего сальника имела две трещины: одну вдоль всей втулки, вторая продольная трещина не доходила до одного края на 100 мм. Часть втулки выперло таким образом, что край трещины находился на 5 мм выше первоначальной внешней поверхности втулки.

2) Повреждена одна и помято несколько лопаток последнего диска со стороны выхода пара вылетевшими из заднего сальника кусками графита и меди.

При этой разборке также были обнаружены трещины у 60 шт. лопаток (из 108-ми) последнего направляющего аппарата в местах скрепления их с чугунным ободом. Для укрепления лопаток пришлось пропустить через них два ряда проволоки и припаять проволоку к лопаткам серебром. Задняя лопнувшая втулка была удалена, причем пришлось перерезать ее автогенным способом на месте, чтобы не снимать главной муфты.

Продолжение примечания

Взамен угольно-графитного уплотнения в сальниковую коробку поставлены вновь выполненные бронзовые гребенчатые разъемные втулки. При работе с такой гребенчатой втулкой очень хорошего вакуума, конечно, достичь невозможно, но выполнение настоящих лабиринтов заняло бы много времени, а турбину необходимо было срочно включать в работу, вследствие большой нагрузки станции и отсутствия резерва. Возможно, что причиной аварии являлся неправильный допуск, принятый на заводе при расточке втулки; может быть, играло значение качество чугуна втулки. Во всяком случае, эта авария подтвердила, что станция была права, когда в 1913 г. выбросила паровое уплотнение сальников у всех турбин с угольно-графитными кольцами.

6 февраля 1925 г. турбина была развернута, но для правильной проточки и установки гребенчатого уплотнения турбину несколько раз пришлось останавливать и в регулярную работу турбина включена 12 февраля. 26 февраля через люк обнаружено, что в последнем диске вылетела одна лопатка, помяла две соседних и вырвала часть бандажа.

3 мая появилась заметная вибрация турбины. Через люк установлено, что из последнего диска вылетело несколько лопаток. Не поднимая крышки турбины, были вырублены лопатки, диаметрально противоположные вылетевшим. На следующий день турбина была включена в работу без 24-х лопаток в заднем диске.

16 июля вылетело еще 6 лопаток из заднего диска; диаметрально противоположные так же удалены. С 23 июля по 8 августа турбина разбиралась для снятия размеров Ленинградским Металлическим Заводом, которому сдано было изготовление лопаток и бандажей для 7-го и 8-го дисков, 7-го и 8-го направляющих аппаратов, лабиринтовых сальников, а также производство ремонта со сдачей этой турбины на ходу. При этой разборке лопатки дисков ротора турбины были очищены от накали и на 8-м диске пропаян бандаж у лопаток в ослабленных местах. Вместе с тем, у шестого направляющего аппарата обнаружены такие же трещины лопаток, как и у последнего аппарата и потому заказан Ленинградскому заводу новый шестой аппарат.

8 августа 1925 года турбина включена в регулярную работу.

24 ноября 1925 года в 3 ч. 50 мин. дня при нагрузке турбины в 8 000 кв[m] в турбину попала вместе с паром вода, вследствие перекачки питательной воды в присоединяемый к паропроводу котел. При этом водяным ударом пробило прокладку между фланцем дроссельного вентиля и паропроводом и через щель показался пар и брызги бурой воды; температура пара перед турбиной упала до 175° с 290° ; чрез водомер Зульцера пошла красновато-бурая вода.

Турбина №23, находившаяся первой на пути водяного удара, приняла его почти целиком; на соседних турбинах отмечено было лишь небольшое понижение температуры пара. Так как это произошло перед самым вечерним максимумом нагрузки и остановка турбины сопровождалась бы выключением части абонентов, вследствие отсутствия резервных турбин, турбину №23 не выключили и она продолжала работать. Но скоро заметили, что сильно повышается температура масла в гребенчатом подшипнике. Путем усиления охлаждения масла и перегрузки других турбин, турбина №23 доработала с нагрузкой в 5 000 кв[m] до 10 час. 20 мин. вечера, когда, по условиям нагрузки, ее можно было остановить. После остановки был открыт гребенчатый подшипник. Он оказался сработанным на 0,6 мм, причем баббитом затянуло часть канавок и отверстий для входа масла. Подшипник подшабрили и вечером 25 ноября турбину вновь включили в работу. При нагрузке до 5 000 кв[m] температура у гребенчатого подшипника была высокой, но допустимой (около 70° Ц), нагружать же свыше 5 000 кв[m] не представлялось возможным из-за сильного повышения температуры масла.

На следующий день турбину вскрыли. Обнаружено следующее:

1) Гребенчатый подшипник сработался еще на 0,5 мм, так что зазор увеличился против установленного на 1,1 мм. Подплавленным баббитом затянута канавка и отверстия для масла.

2) Направляющий аппарат колеса Кертиса (Umkehrapparat), разрезанный прежде на 4 секции, сильно вырос. Зазоры между секциями с 5 мм уменьшились до 2 мм. Кроме того, вследствие большого зазора в гребенчатом подшипнике, при работе 25 ноября передняя часть Umkehrapparat'a начала задевать о заднюю сторону первого ряда лопаток колеса Кертиса. К счастью, турбина была вовремя остановлена, и этим предупредили аварию с колесом Кертиса.

3) Первые четыре направляющих аппарата выросли на величину от 0,5 до 1 мм.

4) В последнем диске выломаны три половинки лопаток, погнуты соседние и сорван частично бандаж.

5) Против ожидания лопатки оказались не очень загрязнены. По-видимому, налип смыв с лопаток водяным ударом, и этим объясняется сильное помутнение конденсата, наблюдавшееся при ударе в водомер Зульцера.

Казалось бы, большевикам, заседавшим во множестве советских учреждений, и партийным бонзам, жившим в Кремле, надо было сдувать пылинки с энергетиков, по первому запросу удовлетворять все их требования по поставкам оборудования, запчастей, реагентов, приборов и, конечно же, топлива. Иначе все эти совчиновники, начиная с Кремля, могли бы остаться в разгар зимы без электрического освещения, случись на той же МГЭС-1 или на протяженной сети кабелей затяжная авария...

Ан нет, как мы увидим, большевики были, оказывается, недовольны деятельностью энергетиков – они, оказывается, перерасходовали нефтетопливо, чтобы освещать не только Кремль и советские учреждения, но и окраины Москвы, а также удовлетворять возрастающий спрос фабрик и заводов на моторную нагрузку.

В связи с недовольством планирующих органов в феврале 1926-го, незадолго до своей смерти Р.Э. Классон опубликовал 2 февраля в Торгово-промышленной газете статью «План или жизнь?», затронув важную тему – тотального планирования большевиками всей номенклатуры товаров, включая выработку электроэнергии и потребление топлива. Однако этой публикации предшествовали весьма драматические события, относительно возможности бесперебойного функционирования МОГЭС не из-за работы со 100%-ной нагрузкой, а из-за нехватки нефтетоплива. Попробуем изложить их в публикациях «Экономической жизни» (возможно, подобные же были и в других газетах).

Топливные затруднения МОГЭСа

*Сокращение запасов нефтетоплива угрожает работе московских электростанций
Вследствие недогруза нефтетоплива для Москвы МОГЭС испытывает серьезные топливные затруднения. По этому поводу председатель правления МОГЭС К.П. Ловин сообщил нашему сотруднику следующее:*

– Московские электростанции работают на нефти, которую они получают с так называемой ленинской группы нефтескладов. Однако твердой брони нефтетоплива станции не имеют.*

Окончание примечания

б) По краям масляного бака оказался густой налет, и результаты анализа указали на непригодность масла (установлено присутствие минеральных кислот).

При произведенном ремонте выполнено следующее:

- 1) Поставлен новый гребенчатый подшипник с зазором 0,3 мм.*
- 2) Зазоры между секторами Umkehrapparat 'а увеличены до 3,5 мм.*
- 3) Срублены 4 первых направляющих аппарата на 1-1,5 мм.*
- 4) У последнего диска удалено 9 лопаток; остальные в слабых местах связаны проволочным бандажом и пропаяны. Диск оказался в результате без 48-ми лопаток.*
- 5) Очищены лопатки дисков от накипи.*
- 6) Пригнаны угольно-графитные кольца переднего сальника, причем сменено 4 кольца.*
- 7) Притерты клапаны вспомогательного масляного насоса и уплотнение заднего сальника.*
- 8) Уплотнено 200 трубок конденсатора.*

1 декабря 1925 г. турбина была вновь собрана и пущена в работу. До сего времени турбина пока работает спокойно и нагружается до 10 000 кв[м], но, как одна из самых неэкономичных турбин, она включается лишь к вечернему максимуму. Весной [1926-го] Ленинградским Металлическим заводом будет произведен ремонт турбины с заменой трех последних направляющих аппаратов и облопачиванием 7-го и 8-го дисков.

** Из книги М.О. Каменецкого:*

В том же [1907] году, используя бакинский опыт, Классон проложил нефтепровод от нефтяных складов акционерного общества «Ока» в Симоновой (ныне Ленинской) слободе к станции. Это избавило эксплуатацию от внутригородской перевозки топлива.

На 1 декабря на складах имелось 2,5 млн. пуд. нефтетоплива, что обеспечивало электростанции на 3 месяца [работы], но к 10 января эти запасы уменьшились до 850 тыс. пуд. В виду быстрого роста потребления электрической энергии в Москве городские электростанции вынуждены были в первом квартале [(октябрь-декабрь, 1925-26 бюджетного года)] форсировать свою работу сверх производственной программы, что привело к пережогу топлива за первый квартал в количестве 650 тыс. пуд., т.е. примерно на 25%.

В связи с этим планирующими органами заявка МОГЭСа на январь сокращена с 900 тыс. пуд. до 600 тыс. пуд., что еще более усугубляет положение. На вопрос, какую угрозу для электроснабжения Москвы создает обострение топливного вопроса, тов. Ловин ответил, что если положение с топливом не улучшится, то МОГЭС будет поставлено перед необходимостью остановить одну из своих нефтяных станций.

Так как трамвайное движение нужно будет во что бы то ни стало сохранить, придется пойти на то, чтобы приостановить работу 1-й московской станции им. Смидовича, иначе говоря, в период высокой нагрузки московской электрической сети – снять 46 тыс. квт. Эта мера повлечет, конечно, соответствующее сокращение отпуска энергии абонентам, временное выключение ряда районов и т.д. На серьезное топливное положение МОГЭС обращено внимание ВСНХ, Госплана и других органов, но никаких решительных мер к урегулированию положения пока не принято.

Положение это могло бы быть урегулировано в том случае, если бы для МОГЭС можно было грузить из Петровска [(нынешней Махачкалы)] 80 цистерн ежедневно. Но так как это для НКПС затруднительно, МОГЭС предлагает, наряду с возможным усилением подвоза, забронировать за ним все остатки нефтетоплива на ленинской группе нефтескладов. В крайнем случае, МОГЭС считает возможным использовать для московских электростанций имеющиеся на московских нефтескладах большие запасы керосина.

«Экономическая Жизнь», 15 января 1926 г.

Между прочим, в одной из публикаций «Вечерней Москвы» конца 1925 года сообщалось, что в нынешней коммунистической столице имеется около 10,5 тысяч уличных фонарей, причем часть из них были керосиновыми! Однако эти керосиновые фонари планомерно заменялись электрическими. Да и население, подключаемое к благам электрического освещения, само собой разумеется, отказывалось от керосиновых светильников. Возможно, что из-за этого и возник очередной «социалистический перекосяк в плановом хозяйстве».

Директивные органы после угрозы погашения Москвы малость зашевелились и надавили на кое-кого. Но ответственные товарищи стали «переводить стрелки» на других:

Топливные затруднения в Москве

НКПС приняты чрезвычайные меры. По поводу топливных затруднений МОГЭС, о которых сообщалось в №12 «Эконом. Жизни», нашему сотруднику сообщили в НКПС, что нефтепродукты направляются в Москву преимущественно в адрес Нефтесиндиката или других его потребителей, по указанию Нефтесиндиката. Следить за тем, как снабжаются потребители нефтью и в какой мере выполняются их планы, не входит в компетенцию НКПС. <...> «Эконом. Жизнь», 19 января 1926 г.

Далее представитель НКПС бодро рапортовал, что налив нефти идет успешно, и в течение первой декады января «план налива выполнен на все 100 процентов». Правда, в Петровске за это же время было налито не 800 цистерн, по существующей норме, а лишь 733, или 92 процента к заданию.

Кроме того, оказалось, что «из-за резкого изменения всей конъюнктуры нефтеперевозок средняя длина рейса увеличилась с 1220 до 3500 км, что вынудило НКПС пустить в работу все наличие здоровых цистерн, парк которых весьма ограничен и едва обеспечивает намечаемые размеры налива».

Почему ведомство не побеспокоилось заказать заблаговременно недостающие цистерны машиностроительным заводам, чиновник НКПС объяснять не стал.

В этом же номере «Экономической Жизни» за 19 января 1926 года начальник отдела топлива горного директората Цугпрома (Центрального управления государственной промышленности) В.Г. Прорвич констатировал:

В трудное положение попали и те потребители, которые строили свой топливный бюджет на потреблении нефтетоплива. В связи с выявившимся недостатком нефтетоплива они должны теперь переходить на донецкий уголь.

31 января из публикации той же «Экономической Жизни» станет известно, что горный директорат Цугпрома предлагал в первую очередь перевести с нефти на другие виды топлива Люберецкий завод, предприятия Тверского [хлопчатобумажного] треста, Моссукина, Красно-Пресненского треста [(хлопчатобумажные фабрики)], Резинотреста, фабрику бывш. Цинделя и др. 1-я МГЭС в этот «скорбный список» убогости советской промышленности (сокращение потребления нефтетоплива на 6-8%) вроде бы не попала...

В общем, в замечательной плановой экономике почему-то постоянно возникает дефицит то того, то другого...

Из статьи «Налив нефти усиливается» в «Экономической Жизни» за 27 января 1926 года:

В целях усиления налива нефти для МОГЭС НКПС, по соглашению с Нефтесиндикатом, предоставлено 260 цистерн [Нефтесиндиката] для вывоза солярового масла из Нижнего и, кроме того, дано распоряжение о задержании 4 составов цистерн из числа прибывших из Петровска для направления их в Кинешму, под налив нефтегрузов для МОГЭС.

Далее зашевелились другие соворганы:

Как урегулировать электроснабжение Москвы

Проектируется перевод некоторых предприятий на ночную работу

В Главэлектро состоялось совещание представителей МОГЭС, ВСНХ и ряда московских трестов для выработки мер к ослаблению топливного кризиса московских электростанций, работающих на нефти.

На совещании выяснилось, что одной из причин перерасхода [нефте]топлива на станциях МОГЭС является крайне неравномерная нагрузка московской сети на протяжении суток. В то время как от 9 час. вечера до 9 час. утра Москва имеет минимальную нагрузку, и обслуживается одной машиной [(из двух имевшихся к тому времени, по 16 тыс. квт каждая)] Шатурской [торфяной] станции, в период от 4-х до 8 час. вечера нагрузка сети поднимается до таких пределов, при которых требуется работа всех московских и районных электростанций. Таким образом, нагрузка сети колеблется в пределах от 16 тыс. до 160 тыс. квт.

Весь вопрос сводится к тому, чтобы понизить нагрузку в вечерние часы и повысить нагрузку в ночные часы. В связи с этим был поднят вопрос об изменении часов работы на промышленных предприятиях, работающих в 2 смены, с таким расчетом, чтобы работа второй смены производилась от 9 час. вечера до 9 час. утра.

Для разработки вопроса, какие предприятия могут перенести часть работы на ночное время, выделена специальная комиссия.

Кроме того, на совещании выяснилось, что МОГЭС в целях экономии нефти намерен перевести московскую трамвайную станцию на уголь. Соответствующие топки имеются, т.к. эта станция раньше работала так же на угле. Перевод трамвайной станции на уголь даст экономию около 9 тыс. пуд. нефти в сутки.

«Экономическая Жизнь», 30 января 1926 г.

Правда, ранее в той же газете появлялись публикации о том, что добыча и вывоз донецкого угля (особенно зимой) в центральный промышленный район тоже сопряжена с определенными трудностями. Поэтому совчиновники укоряли некоторые предприятия в том, что они еще летом не создали запасов угля и потому сейчас – зимой сами виноваты в своих трудностях.

Что же касается Трамвайной станции (МГЭС-2), то, как известно, она располагалась на Болотной набережной. Чтобы создать там угольные склады, требовались большие средства и трудоемкая работа. Да и совчиновники, которые вскоре (в 1931 году) расположатся для своего комфортного проживания совсем недалеко – в Доме на набережной, могли бы закидать Совнарком громкими жалобами на то, что Трамвайная станция травит их своим густым дымом, содержащим к тому же сернистые газы.

Из статьи «Рост электроснабжения Союза» («Экономическая Жизнь», 7 февраля 1926 г.) можно узнать, что абоненты Москвы за прошлый год (календарный или операционный, который закончился 30 сентября 1925 года?) потребили 292,2 млн. квт-ч, из них на освещение – 86,3 млн., на промышленные цели – 152,8 млн. и на трамвай 51,1 млн. квт-ч.

По сравнению с предшествующим годом потребление энергии на осветительные нужды увеличилось на 30%, на технические нужды – 53% и на трамвай – на 19%. Но ведь все эти приросты многочисленные планирующие органы обязаны были учесть как минимум два года назад, чтобы соответственно увеличить добычу того же нефтетоплива. Но, как мы уже отмечали, плановой экономике, которая не имеет оперативной обратной связи с хозяйствующими субъектами, имманентно присущи дефициты.

В «Экономической Жизни» за 20 февраля 1926 г. (т.е. уже после смерти Р.Э. Классона) из заметки «Теплоснабжение московских электростанций» можно было узнать:

Для 1-й московской электростанции МОГЭСу отпускается добавочно 800 тыс. пуд. [нефтетоплива] и 1 млн. пуд. донецкого угля для трамвайной станции, что вполне обеспечивает их работу.

Выходит, если большевики поскребут по сусекам, то для одного из важнейших предприятий Москвы можно было найти необходимое топливо?*

* Тем не менее, общая ситуация в топливоснабжении Центрально-промышленного района была аховая. С сочувствием относясь к читателю, который вынужден почти через 100 лет разбирать всю эту мозаичную информацию «эпохи планового хозяйства», мы все же рискнем процитировать некоторые материалы всего лишь из одного номера парижского «Возрождения» за 2 февраля 1926 г.:

В Москве не хватает донецкого угля и нефти

Экономическое совещание РСФСР обсуждало этот вопрос и признало, что «Донбасс не имеет возможности полностью удовлетворить предъявляемый спрос и что результатом этого являются перебои в снабжении топливом промышленных предприятий». В связи с этим «признан неизбежным переход ряда предприятий, недавно переведенных на нефть и донецкое топливо, на местное топливо – дровяное, минеральное и торфяное». Специальное совещание при областной плановой комиссии Центрально-Промышленной Области с участием представителей Госпланов, ВСНХ, Москугля призвало состояние топливоснабжения Центрально-Промышленной Области напряженным».

Дзержинский признал тяжелое положение с топливоснабжением

На состоявшемся под председательством Дзержинского заседании президиума ВСНХ Дзержинский заявил, что положение с топливом требует принятия экстренных мероприятий. Он указал, что «возможно сокращение производственных программ трестов по топливным соображениям».

Продолжение примечания

На этом заседании было констатировано, что «план дровозаготовок выполнен лишь на 5-20%», что «транспортные затруднения привели к серьезному осложнению в области снабжения топливом основных потребляющих районов». В смысле нефти, в особо тяжелом положении оказалась Москва и Центрально-Промышленный район, где запасов нефти имеется всего лишь на 8-10 дней. На этом заседании образована особая комиссия под председательством Пятакова, которой поручено следить за проведением плана топливоснабжения.

Положение с топливом с каждым месяцем будет все грознее

Ломов, член специальной топливной комиссии, в «Правде» от 27 января так характеризует переживаемый топливный кризис: «Данные об исполнении полного [планового?] топливоснабжения за первый квартал года [(октябрь-декабрь)] рисуют чрезвычайно тяжелое положение Центрального Промышленного района и Северо-Западной области. Опыт истекшего квартала говорит о том, что потребители – промышленность и железные дороги – до сих пор не осознали всех трудностей топливного положения Республики. Перерасход против плана замечается по многим промышленным потребителям, особенно по Центрально-Промышленному району. Основной прорыв плана топливоснабжения в текущем году совершается по линии слабо идущих дровозаготовок. Недостаточно энергичное развитие дровозаготовок привело к тому, что потребители Центрально-Промышленной области набросились на минеральное топливо. Недогруз донецкого угля еще более усилил топливное напряжение. При недостатке угля и дров спасти положение пришлось в целом ряде отдельных случаев нефтью, на плечи которой свалилась непосильная задача. Но ресурсы нефтяного топлива чрезвычайно ограничены. Положение с топливом с каждым месяцем будет грознее. Размах промышленности больше тех топливных ресурсов, которые у нее имеются. Надо признать за топливным голодом значение не только текущего времени, он имеет длительный характер. На будущий год обострение топливного кризиса будет еще сильнее».

Мрачные перспективы топливоснабжения

Председатель союзного Топлана [В.М.] Свердлов следующим образом характеризует перспективы топливоснабжения: «Главной причиной топливных затруднений в первом квартале были перерасход и пережог топлива и вообще невыполнение установленного топливного режима, что еще более усугубилось несвоевременным поступлением заграничного угля. Следует ожидать еще более напряженного положения в отношении снабжения топливом, если по-прежнему будет происходить пережог топлива и, в частности, нефтетоплива, а также будет продолжаться недовывоз топлива против плана. Необходимо, чтобы потребители провели самую жестокую экономию сжигания топлива и строго придерживались установленного для них топливного режима. Должны быть приняты решительные меры к усилению дровозаготовок. Необходимо взять твердый курс на развитие мелкой и средней каменноугольной промышленности Донугля. К этому делу должен быть привлечен частный капитал. Особенно остро будет испытываться недостаток нефтетоплива. Уже теперь принимаются экстраординарные меры к подаче нефти. Нефть перевозится из Петровска в цистернах на протяжении 2,5 тыс. верст. Принято решение о разворачивании добычи кустарной нефти. Должна быть проведена решительная борьба с недозрузами и простоями по вине грузоотправителей. В наиболее угрожаемых пунктах необходимо создание особых районных топливных комиссий. Такие топливные комиссии необходимы в Сев.-Зап. области, Центр.-Промышл. области и на Урале. В задачи этих комиссий должны входить выяснение и учет имеющихся запасов и действительных расходов топлива».

Железные дороги у большевиков

Крайне пессимистические заявления о состоянии и работе железнодорожного транспорта делает в своей беседе в «Экономической Жизни» (см. ном. от 22 января) зам. наркома путей сообщения Борисов. Он заявляет нижеследующее:

В нынешнем году транспорт выпускает для текущих перевозок весь запас своего подвижного состава. Мы должны иметь на 1 октября текущего года 400 000 ваг. и 10 350 паровозов, а между тем это осуществимо лишь при условии, если заводы и наши мастерские выполнят производственные программы; за недостатком у них материалов выполнение программы внушает серьезные опасения. Промышленность должна быть приспособлена к удовлетворению потребностей транспорта, которому должны быть предоставлены преимущества перед всеми остальными потребителями. В действительности же мы этого не имеем. В истекшем году железные дороги не были обеспечены металлами для оживления подвижного состава и путевых устройств. Дороги вошли в новый операционный [1925-26] год без всякого запаса металла. Для оживления товарных вагонов недостает упряжных [(сцепных)] комплектов и болтовых изделий на 10 тыс. вагонов. Чрезвычайно острое положение создается в транспорте, вследствие установления промышленностью невыгодных сроков поставки металлов.

Кстати, в «Экономической Жизни» за 12 февраля были помещены траурные объявления от Президиума ВСНХ РСФСР и Правления МОГЭСа о смерти Р.Э. Классона. В первом сообщении указывалось на то, что Роберт Эдуардович «умер внезапно на посту во время заседания топливного плана 11 февраля, в 3 час. 30 мин.». Также в этом номере публиковался некролог от Правления МОГЭСа, с примечательным абзацем:

Все работающие в промышленности знают, в каких подчас тяжелых условиях протекала деятельность ответственных администраторов в годы революции. Работа Роберта Эдуардовича в этом отношении не составляла исключения. Обладая необычайно чуткой и отзывчивой душой, он особенно болезненно реагировал на все, мешающее плодотворной работе, что, конечно, не могло не отразиться на быстром развитии недуга, которым он страдал в течение многих лет (грудная жаба)».

Но более подробно о «чуткой и отзывчивой душе» Р.Э. Классона мы расскажем в следующем очерке – «Жизнь после жизни».

Параллельно с публикациями в «Экономической жизни» о «топливных затруднениях» в Торгово-Промышленной газете тоже появлялись подобные же материалы, но мы приведем здесь в выдержках один лишь отчет, напечатанный 26 января 1926 года.

2 февраля 1926 года парижские «Последние новости» так его пересказали:

С топливом плохо

Надвигается острый топливный кризис. В заседании президиума ВСНХ под председательством Дзержинского выяснилось, что недогруз донецкого угля в первом квартале составил 28 милл. пудов, а перерасход нефти против плана составит до 30 милл. пудов.

Особенно остро обстоит дело с дровяным топливом. За первый квартал 1925-26 [бюджетного] г. [(октябрь-декабрь)] план дровяных заготовок выполнен всего на 15-20%. Избрана комиссия в составе Пятакова, Ксантрова, Ломова, [председателя союзного Топплана В.М.] Свердлова и Любимова для выработки мер борьбы с кризисом. («Правда»)

Ну а теперь приведем выбранные нами выдержки из Торгово-Промышленной газеты, касающиеся только МОГЭС:

Вопросы топливоснабжения. Вчера президиум ВСНХ, под председательством Ф.Э. Дзержинского, рассматривал вопросы о топливоснабжении промышленности.

Окончание примечания

Транспорт вынужден получить [лишь] в конце года около 60% своих заказов. Далее, пришлось снизить заказ 4-осных большегрузных товарных вагонов до 1 325 единиц вместо 3 300, с заменой недостающего числа большегрузных единиц 2-осными вагонами. По капитальному ремонту подвижного состава и для постройки новых заводов недостаточно обеспечиваются всеми потребными материалами, что вызывает опасения за выполнение заказов транспорта. Сомнительно также осуществление программы заготовки шпал в 27 млн. штук. Пропитка шпал находится под угрозой программного невыполнения за недостатком хороших антисептиков; пропитка по-прежнему будет производиться мало удовлетворительным хлористым цинком.

Крупным дефектом в хозяйстве транспорта стала вносящая дезорганизацию перманентная перемена топливного режима. Совершаются бесконечно частые переводы с угля на нефть; в текущем году нам отказано в отпуске почти 1/3 потребного нам нефтетоплива, отпускаются угли невыгодных для дорог марок, значительно усиливается отпуск антрацита и высокопарафинистой нефти. Вдобавок клиентура транспорта бесхозяйственно использует наши перевозочные средства. Встречные перевозки, массовые переотправки, огромный простой вагонов под выгрузкой имеют место и в нынешнем году. В результате образовавшийся в конце декабря непогруженный остаток в 18 тыс. вагонов, преимущественно сконцентрированный на четырех дорогах, переполнил грузовые склады, нанося этим удар отправкам первоочередных грузов и проч.»

После доклада А.П. Чубарова последовала такая реплика Ф.Э. Дзержинского:

<...> Следует указать, какие меры должны быть приняты, чтобы ввести действительную дисциплину в отношении расхода топлива и пресечь такие явления, какие имели место на предприятиях [(электростанциях)] МОГЭСа.

Из обмена мнениями:

Г.И. Ломов заявил, что, по исчислениям Нефтесиндиката, перерасход нефти по сравнению с планом исчисляется до 30 млн. пуд. Многие предприятия московской промышленности, в т.ч. и МОГЭС, уже взяли в первом квартале [(октябрь-декабрь 1925 г.)] 50% и более их годовой потребности. <...>

<...> Тов. Кукель-Краевский (Главэлектро) заметил, что на единицу [отпущенной] энергии МОГЭС теперь затрачивает меньше топлива, чем в довоенное время: причиной перерасхода нефти является включение новых потребителей, которых оказалось на 12% выше, чем то было установлено программой. Чтобы уменьшить потребление нефтетоплива на предприятиях МОГЭСа, необходимо отказаться от новых присоединений и одновременности потребления энергии.

Резюме Ф.Э. Дзержинского. <...> Объяснения, данные здесь относительно перерасхода нефти на предприятиях [(электростанциях)] МОГЭСа, не оправдывают правления МОГЭСа. Поэтому я предлагаю объявить правлению МОГЭСа выговор за нарушение плана расходования топлива и несвоевременное сообщение президиуму ВСНХ СССР о включении новых потребителей. Надлежит в отношении тех предприятий, которые нарушают планы расходования топлива, принимать самые решительные меры взыскания.

Не превращая плана в фетиш, мы должны сказать, что пересмотр планов, в целях их соответствия изменившимся условиям, должен происходить исключительно в плановом порядке, а не в порядке самочинного изменения плана отдельными организациями.

Здесь нет возможности проследить, какие документы подавало правление МОГЭС в надлежащие инстанции на пересмотр «плана потребления топлива» в связи с динамичным присоединением новых потребителей, сколько времени эти документы бродили по инстанциям, сколько надо было провести совещаний, чтобы выработать какое-то решение и провести его опять же через надлежащие инстанции. Посмеем предположить, что все это устаканилось бы не ранее как к концу 1925-26 операционного года, т.е. тогда, когда фактические объемы топлива уже были сожжены, потребители получили уже почти необходимые объемы электроэнергии и все такое. И кому был нужен такой «план, прошедший все инстанции в плановом порядке»?

Итак, приведем наконец-то анонсированную выше статью Р.Э. Классона «План или жизнь?» полностью, поскольку и она, и мерзкое отношение регулирующих органов к доблестной работе энергетиков вполне того заслуживает:

В последние дни столбцы газет наполнены нападками против правления МОГЭС, допустившего перерасход нефти в первом квартале текущего [операционного] года [(октябрь-декабрь 1925 г.)]. МОГЭС, по мнению Торгово-промышленной газеты, «являет собой печальный образец отрицания принципов планового хозяйства». Несомненный факт, что МОГЭС израсходовал больше топлива, чем ему полагалось по производственному плану, утвержденному на предстоящий год. МОГЭС отступил от плана. Это – преступление. Но чем оно объясняется? Чем оно вызвано?

Вызвано это тем, что жизнь не ждет указаний плановых органов, а развивается независимо, не подчиняясь их указке. Если организм принужден действовать, то, соответственно этому, должно развивать дополнительную работу и сердце, и ясно, что сердце расходует при этом больше энергии, чем если бы организм работал слабо. Сейчас силовое хозяйство на целом ряде фабрик и заводов, которые при быстром росте промышленности принуждены были начать работать, разорено, восстановить его долго и трудно, и естественное решение – присоединиться к сети МОГЭС, – и МОГЭС был обязан это сделать.

Так, в 1924 г. МОГЭС присоединил Мытищинский район с нагрузкой около 4 000 квт. По инициативе Моссовета в 1924-25 [*операционном*] году были электрифицированы рабочие окраины, и присоединено около 60 000 ламп, которые все попадают в максимум [*нагрузки*] и требуют около 1 900 квт.*

Что касается трамвайной станции**, которая тоже принимала участие в перерасходе нефти, то она, ведь, должна дать столько тока, сколько соответствует выпускаемым коммунальным хозяйством вагонам: раз вагонов много – много требуется и нефти. Ведь, в том же и состоит сущность электрификации, что старые и плохие [*паровые*] машины [*у потребителей*] заменяются энергией от мощных электрических станций. Но раз абонент присоединен к сети, уже не сеть влияет на него, а он влияет на нагрузку сети, и с ней приходится считаться. МОГЭС шел навстречу быстрому развитию промышленности, зная, что без его помощи целый ряд заводов и фабрик был бы обречен на бездействие, зная, что с уплотнением квартир потребность в освещении повысилась в чрезвычайной степени, так как в каждой комнате живут и в каждой комнате жгут свет.

Все это МОГЭС знал и должен был жечь столько топлива, сколько нужно было бы для поддержания постоянного напряжения в огромной сети, охватившей всю Московскую губернию. В противоположность фабрике МОГЭС не может отказать абоненту и потребовать, чтобы он не работал.

МОГЭС обязан снабжать всех абонентов светом и силой, и в этом – его естественная и главнейшая задача. МОГЭС проводит ее с полной уверенностью в своей правоте, и его обвиняют только потому, что живые цифры не сошлись с мертвыми цифрами плана.

Так мы подходим к наиболее важному обстоятельству. МОГЭС все годы своего существования протестовал против плана распределения отпуска энергии и всегда утверждал, что распределение, которое делалось плановыми органами, грешит чрезмерным оптимизмом в пользу передачи нагрузки строящимся районным станциям.

* 8 марта 1925 г. «Известия» сообщали: В текущем строительном сезоне МОГЭС проведет большие работы, которые позволят осуществить, за небольшими исключениями, электрификацию всех рабочих районов Москвы, находящихся в черте Окружной железной дороги. Часть этих районов, не охваченных работами в текущем сезоне, а также районы, расположенные за чертой Окружной железной дороги, будут электрифицированы в 1926 г. Работы по электрификации в текущем сезоне охватят не только московские районы, но и коснутся уездных районов, где энергия получается от сетей МОГЭС, Богородска, Орехово-Зуева, Павлова-Посада. В 1925 г. электрическое освещение получают 3500 владений, всего около 35 тыс. лампочек. Из этого числа 15 тыс. будет установлено МОГЭСом бесплатно, в квартирах трудящихся, по указаниям районных Советов. В довоенное время стоимость электроэнергии для освещения составляла 25 коп. за киловатт-час, теперь тариф для квартир 11 коп. и 16 коп. для рабочих и служащих, т.е. примерно вдвое дешевле, нежели в довоенное время. Для торговых предприятий плата установлена в 80 коп. взамен 22 копеек довоенных.

** Располагалась на Болотной набережной Москвы.

Плановые органы сводили роль 1-й Московской станции почти на нет, передавая все обязательства неготовым районным станциям, и МОГЭС против этого протестовал, но его не слушали. Районные станции развивались слишком медленно, на них ассигновывалось недостаточно средств, притом всегда слишком поздно, а жизнь требовала своего*.

Вот и сейчас, в предстоящем 1926 году, по вине отнюдь не МОГЭС'а, который настаивал и доказывал с полной убежденностью в бесчисленных комиссиях, что нельзя таким медленным темпом вести строительство станций, энергии для питания сети Московской губернии не хватит, и придется думать о выключении тысяч абонентов в текущем зимнем сезоне.

Более того: несмотря на протесты инженеров МОГЭС в бесконечных заседаниях, до сих пор ничего не заказано для строительства в 1927 г., и мы утверждаем, что если эти заказы не будут даны в ближайшие же дни, то в 1927 г. Московская губерния останется неудовлетворенной электрической энергией. Сейчас, по нашему мнению, даже поздно устанавливать турбины на районных станциях – часть из них не успеет, и могут успеть только две турбины, которые было решено Госпланом ставить на Московской станции. Но, увы, и этот вопрос все же окончательно не решен, турбины не заказываются, а время уходит, и мы предвидим, что в 1927 г. будет трагедия с электроснабжением Москвы.

Никто лучше МОГЭС'а, вернее – его инженеров, не знает, сколько требуется энергии для снабжения Москвы, сколько для этого потребуется топлива и проч., и все же кабинетные составители планов указывают МОГЭС'у ту или другую программу.

Ведь, МОГЭС'у и его техническому персоналу было бы во много раз легче ограничиться производственной программой, не пытаясь снабжать все население энергией, а ограничиваясь только указаниями программы. Районные станции опоздали и, кроме того, на них произошли аварии машин, которые были целиком замещены Московской станцией. Вместо этого работа на Московской станции всегда шла полным ходом, и все требования жизни удовлетворялись.

За последние два месяца на одной Московской станции в разное время выбывало из строя четыре турбины, которые ремонтировались нами безостановочно 24 часа в сутки, чтобы только удовлетворить требования на ток. Следуя производственной программе, мы могли бы быть спокойными, неторопливо ремонтировать эти машины, и вся наша работа была бы неизмеримо легче. Очевидно, мы зря работали день и ночь, если теперь представляем собой «печальный образец отрицания принципов планового хозяйства».

Но мы сейчас же можем эту нашу грубую ошибку исправить и с завтрашнего дня начать работать по производственной программе. Для этого требуется только указание, кому в пределах производственной программы давать ток, а кому не давать. Правление МОГЭС никогда на это не решалось, считая своей высшей задачей снабжать Москву во что бы то ни стало, ценою каких бы то ни было усилий. Оно и сейчас считает свою точку зрения правильной, но оно готово подчиниться производственной программе.

Член правления МОГЭС Р. Классон

* Например, в Московской губернии в 1922 г. был пущен первый агрегат Каширской станции мощностью 6 МВт, а первые 2 турбогенератора по 16 МВт Шатурской станции были введены лишь в декабре 1925 г. В то же время пуски Иваново-Вознесенской и Нижегородской станций затягивались из-за недостатка средств. Все это – объекты плана ГОЭЛРО, принятого еще в 1920-м! – Примеч. М.И. Классона

Примечание редакции. Когда мы писали, что МОГЭС, допуская без всякого предупреждения перерасход топлива, дал «образец отрицания планового хозяйства», мы все-таки полагали, что грех МОГЭС'а коренится в недочете и несоразмерности случайного порядка.

Если судить, однако, по статье Р.Э. Классона, дело обстоит хуже. Ибо, если, по Р.Э. Классону, цифры жизни – живы, а цифры плана (всегда ли?) мертвы, если «жизнь не ждет указаний плановых органов, а развивается независимо (всегда ли?), не подчиняясь их указке», то перед нами уже не «случай», а целая теория отрицания планового хозяйства, и тогда заголовок статьи «План или жизнь?» – совершенно понятен. Но так ставить вопрос абсолютно невозможно. Конечно, под планом нужно разуметь не абсолютизированную, раз навсегда данную директиву, а очерк основных вех, рожденных в процессе хозяйственного строительства и охватывающих изменения жизни.

Корректировать планы не только можно, но и должно, но нужно это делать не анархически и не в порядке отрицания плана вообще. Если мы отбросим идею плана, то неизбежно попадем во власть самой слепой стихии...

Торгово-промышленная газета, 2 февраля 1926 г.

Оказывается, весь приведенный выше трагический сюжет вкратце воспроизвел 28 февраля 1926 года берлинский «Руль», в своей постоянной рубрике «Печать»:

На днях в Москве во время заседания топливной комиссии скоропостижно скончался инженер Классон. Советские газеты посвятили ему некрологи. Они вспомнили о том, что лишь благодаря его авторитету и энергии в 20-м году, когда замерла почти вся хозяйственная жизнь, московская электрическая станция продолжала работать. Кроме того, Классон изобрел новый, гидравлический способ добычи торфа, что облегчило топливный голод.

Отмечая это, [берлинский] «Социалистический Вестник» в последнем номере замечает, что когда прочтут эти громадные объявления и теплые некрологи, посвященные Классону советскими газетами, то «иные российские обыватели умилятся: умеют и большевики заслуги ценить».

Но вот как относились к этому «герою труда» при жизни. Только недавно, по предложению Дзержинского, «был объявлен выговор Могэсу, т.е. правлению московской городской электрической станции [Московского объединения государственных электрических станций, включая и МГЭС-1 – МК], допустившему максимальный пережог нефти».

Директором Могэса был именно Классон [на самом деле, Р.Э. Классон лишь входил в правление МОГЭС, а его председателем (директором) на тот момент был, как мы уже видели, К.П. Ловин – МК]. Он-то и получил этот выговор. А в ответ на этот выговор покойный за несколько дней перед смертью напечатал статью в «Торгово-Промышленной Газете», в которой признал, что действительно отступил от плана, но «о плане должны были думать те, кто в последнее время вводил производство в ранее закрытые предприятия, не думая о том, где взять для них энергию».

*На Могэс взваливали не только новые предприятия, но и электрифицированные окраины Москвы. «Постройка районных станций запоздала, а на тех, что были построены, произошли аварии машин, и их всю нагрузку пришлось взять на себя Могэсу».**

* По-видимому, речь идет, прежде всего, о масштабной системной аварии, случившейся 29 сентября 1925 г. по вине Шатурской станции. Но аварии 4-х турбин за последние два месяца происходили на самой МГЭС-1.

Таким образом, продолжает предсмертная статья Классона, мы «представляем собой печальный образец отрицания принципов планового хозяйства». Произошло это потому, что составители плана с ним совершенно не считались.

Что же касается изобретения гидроторфа, то «все одобряют на словах, и все остается лишь пустыми словами». Вообще, говорит «Социалист. Вестник», вся статья – «спокойный, но скорбный рассказ о том, как рутинная и волокитная работа словно спрут сжимали и мешали работать». И вот, после всего этого в заседании той же самой топливной комиссии, которая выходила из советской волокиты нашла в объявлении выговора Классону, сердце его не выдержало, и он умер.*

* Парижские «Последние новости» 12 марта отвели 2 больших «подвала» под статью В.И. Талина «Трагедия русского инженерства», отталкиваясь от публикации в том же «Социалистическом вестнике» №4:

Шло заседание ВСНХ по топливу. Вдруг один из присутствовавших необычно побледнел, тихо простонал и – замолк. Навсегда. Умер тут же на заседании ВСНХ по вопросу о топливе от разрыва сердца. Это был Роберт Эдуардович Классон.

«Великий ум и неисчерпаемая воля, – писал о нем в некрологе [в «Известиях» от 27 февраля] Л. Красин. – Один из наиболее блестящих и способных инженеров, первый по стажу русский электротехник, бессменный в течение 35 лет организатор, строитель и руководитель крупнейших, остающихся еще и по сейчас образцовыми, центральных электрических станций. В этой области Классон не имел у нас себе равных, да я не думаю, чтобы и за границей у него было много соперников».

«Учитель целого поколения инженеров-практиков». «Лучший из лучших». «Настоящий человек дела и вместе с тем прекрасный товарищ». «Революционер техники»... И много еще другого, вполне справедливого, мы можем найти в статьях и заметках советской прессы, посвященных этому редкому человеку высокого ума, железной воли и чистой души.

Но... но ни одно советское издание не посмело сказать, что этого человека убили, замучили, вогнали в гроб коммунистические хозяева русской жизни, русского технико-экономического развития. Они не посмели публично отчитаться в этой грозной символике самого момента смерти Р. Классона... на заседании ВСНХ по вопросу о топливе. [Берлинский] «Социалистический Вестник» (№4) кстати напомнил, что предшествовало этой смерти.

Человек с такими исключительными заслугами перед Россией, перед самой советской промышленностью, человек, от которого в восторг приходил Ленин, человек, спасавший русское электрохозяйство в самые страшные моменты разрухи и коммунистических неистовств – этот человек получает незадолго до смерти публичный выговор от чекистствующего хозяйственника и хозяйствующего чекиста Дзержинского за перерасход нефтепродукта на Моск. Городской Электростанции (МОГЭС). Орган ВСНХ, «Торгово-Промышленная Газета», печатает статью, в которой МОГЭС рекомендуется как «печальный образец отрицания принципов планового хозяйства». 26 января публикуется выговор, а 2 февраля Классон печатает свои объяснения.

Что может сказать в казенном издании саврасам коммунистического хозяйства непартийный, связанный по рукам и ногам человек дела?

«Несомненный факт, – пишет он, – МОГЭС отступил от плана... Вызвано это тем, что жизнь не ждет указаний от плановых органов, а развивается независимо, не подчиняясь их указке». Объяснения Классона по существу перерасхода вскрывают картину дикой бездарности и наглого невежества тех, кто «страха ради» разрешают себе раздавать выговоры.

Открывались новые предприятия. Электрифицировали московские окраины. А об энергии для всего этого не думали. С постройкой районных станций запоздали. На построенных произошли аварии машин. В итоге нагружали МОГЭС без всякой меры. Естественно, что произошел перерасход топлива. А когда он произошел, то ВСНХ рассердился. Безобразия! Против плана! И – выговор.

А Классон деловито объяснял: «Следуя только производственной программе, мы могли бы быть спокойными, вся наша работа была бы неизмеримо легче. Очевидно, мы работали зря день и ночь, если теперь «представляем собою печальный образец отрицания принципов планового хозяйства». Но мы готовы исправить эту грубую нашу ошибку... и начать работать по производственной программе... Требуется лишь указание, кому давать ток и кому не давать» Классон при этом предупреждал, что «несмотря на бесконечные заседания, до сих пор ничего не заказано для строительства районных станций в будущем году. Если заказы не будут даны в ближайшие дни, мы утверждаем, что в 1927 г. будет трагедия с электроснабжением Москвы».

Продолжение примечания

Спор о топливе продолжался. Топливный кризис обострялся. На заседании ВСНХ Дзержинский одержал последнюю свою победу над человеком, желающим и могущим работать для блага России. Сердце Классона не выдержало. И тогда альтернатива, поставленная в заголовке своего разъяснения: «План или жизнь?» – получила свое роковое разрешение...

Ни жизни, ни плана, а – смерть... Оно [(разрешение)] пришло в хорошее место и в надлежащее время. В момент крушения множества советских планов – в капище, где идола этому советскому приносятся жертвы изобильные, тут окончилась и жизнь выдающегося человека, изнемогавшего в 14 советских учреждениях – в борьбе против мертвых планов за живую жизнь.

И тогда пришел к его гробу Л. Сосновский и возложил на него цветы своих воспоминаний. «Классон болел душой, видя понижение трудовой дисциплины, но он никогда не брюзжал на рабочих, не жаловался. Если он на что жаловался, если чем возмущался, так это бумажным потоком, разливом бюрократизма, мешавшим работе. У меня до сих пор хранятся составленные им справки: сколько сил у него отнимали хождения по мытарствам при составлении и утверждении смет, заполнение бесчисленных анкет, переписка по поводу приобретения какой-нибудь метелки для подметания двора». («Рабочая Газета» №37)

Ах, эти поздние, быстро вянущие могильные цветы надмогильных признаний... «Склоним головы над его преждевременной могилой». А когда опять поднимут головы, то отправятся в ВСНХ и другие капища, где вновь начнут приносить в жертву своим идолам – жизнь, работу и людей, только жизни, только работе поклоняющихся.

Не сомневаюсь, что смерть Классона острой болью отозвалась в сердцах всего русского инженерства, в сердцах младших и старших носителей технического прогресса России. Не только потому, что Классон был «свой» сословно, «свой» как товарищ и учитель – практик, вникавший сочувственно в быт армии технического труда. Нет – тут каждый русский инженер и техник в малом переживает ту трагедию, которую Классон переживал в большом. Судьба Классона – судьба многих и многих.

Я беру пачку «Труда» за самое последнее время, и вот пригоршнями черпаю отсюда детали из печальной повести о том, как живет и работает русский инженер-техник под советским ярмом. Сломился такой крупный человек как Классон. Как не сломиться тысячам гораздо менее сильным и стойким?

Вот положение инженерно-технических сил в Бакинском районе. Заработок их ничтожен. Приступают к разработке для специалистов новых ставок и... отстраняют от их выработки инженерную секцию. В результате «спецставочниками оказались управленцы из конторского персонала, а производственники или совершенно не включены в список на спецставки или получили снижение». Инженер-инспектор по котлам и механизмам главных мастерских Каспийского пароходства получает ставку в 160 руб., а управленцы – 275 руб.

Специалисты бегут куда глаза глядят. В Баку в одном только Заводском районе не хватает 35 специалистов. Начинается ловля специалистов. В уезде додумываются до таких фокусов: «Специалиста обвиняют в каком-нибудь нарушении законов, присуждают его за это к принудительным работам и... точка: теперь уж специалист никуда не удерет». («Труд» №38)

В Казани и всей Татарской Республике такая же картина. Средняя ставка инженера 100 руб., техника – 10 руб. «За год оставили пределы Татарской Республики 74 инженера». Уходят «сильные люди». Слабым, конечно, деться некуда. В итоге повального бегства технических сил «в Казани закрыт политехнический институт, а оставлен только техникум. Есть опасность, что закроется и техникум, если зарплата специалистов будет оставаться на существующем низком уровне». Бегут техники и от невероятной путаницы хозяйского командования и своего бесправия. «Нужно избавить инженеров от технически несостоятельных приказов сверху... Следует пресекать огульные осуждения специалистов». («Труд», №277, 1925 г.)

В том же № иллюстрация на ту же тему. Несколько месяцев Ликинская мануфактура Московской губ. ищет ткацкого специалиста и не может найти его. На фабрике за 2 года сменилось уже множество людей. Когда приглашают на работу спеца – он [отбивается] руками и ногами: «Нам уже говорили...». «И заранее зная, что вместо поддержки в работе они будут слышать только язвительные колкости, совсем не желают ездить к нам. Так и работаем без руководства».

А [председатель ВЦСПС] Томский, зная про эту провоцированную коммунистами же болезнь спецеедства, хочет ее лечить таким образом, чтобы задержать рост заработка спецов и вообще улучшение их бытового и социального положения. «Мы не можем какой-нибудь слой выдвинуть, чтобы это казалось несправедливостью в глазах рабочего класса, т.к., если мы хотим спаять инженерство с рабочими массами, мы должны равнять и зарплату».

Продолжение примечания

Быть может, это тяжело, но всякий, кто оглянется назад, скажет, что иного выхода нет. Всякий отрыв, всякий толчок ведет часто к антиспецовскому настроению, начинают говорить низкие инстинкты, невежество открывает свой рот». Это говорится на собрании инженеров в Петербурге. («Труд» №34)

Низость этой аргументации бросается в глаза. Нужно «спаять инженерство с рабочими массами» и для этого надо противиться улучшению положения инженеров. Потому что есть «низкие инстинкты и невежество открывает свой рот». Вот от этого зависит жизнь и труд технических работников. Томский не видит, что не о спайке с рабочими массами идет у него речь, а о спайке с самыми худшими, демагогизированными и невежественными его элементами, с коммунистической шпаной, чувства которой потрясены тем обстоятельством, что человек, кончивший среднее и высшее учебное заведение, ведущий ответственную работу, на подготовку к которой он затратил минимум 15-20 лет, будет получать больше и жить лучше, чем неквалифицированный рабочий.

Вот эти контрагенты «спайки» и были людьми, которые довели до самоубийства инженера московского водопровода *Островского* [речь идет о самоубийстве в 1922 г. инж. *Ольденборгера*]. Томский вспоминает об этом случае. «Я помню, – говорил он петербургским инженерам, – негодование Владимира Ильича, его речи о недопустимости такого отношения, его суровое требование наказания для виновных, хотя уголовного преступления с их стороны тут не было. Они виновны были в том, что благодаря нетактичности, непониманию, мелочности с их стороны, были созданы условия, которые сделали невозможным положение для выдающегося работника».

Но ведь сам Томский рекомендует инженерам равняться на этих темных, нафанатизированных самими коммунистами людей. Но что же: в самом ли деле русский инженер живет такой жизнью, что является опасность обострения чувств социальной зависти, а отсюда и социальной ненависти широких рабочих масс? Блажь это и демагогическая чепуха!

В отношении пресловутых «прав» советского человека инженер находится в гораздо худшем положении, чем рядовой рабочий. В отчете о заседании комиссии ВСНХ по вопросу о льготах для спецов мы читаем, что «комиссия признала необходимым установить для специалистов оплату за коммунальные услуги на общих основаниях с рабочими и служащими независимо от размера их заработка». Это пока еще только комиссионное пожелание. А вот еще пожелания: «В отношении предоставления мест в дома отдыха и санатории высказывались пожелания, чтобы специалисты были приравнены к рабочим».

«Тов. Сенягин выдвинул необходимость предоставления специалистам 42-часового недельного отдыха... Оказывается, что недельным отдыхом специалисты пользуются далеко не всюду». («Труд» №47) И еще вы найдете пожелания об уравнивании инженеров в правах с рабочими на страховое вознаграждение, на определение своих детей в вузы, в получении лечебной помощи и т.д.

«Докладчик по тарифно-экономическому вопросу испытал это на собственном опыте:

– Мне сказали, что я достаточно здоров в то время, когда я был совершенно болен. Очевидно, нужно смертельно заболеть, чтобы признали необходимость лечения». («Труд», №6) На совещании при совете съездов государственной промышленности было указано, что «отпусками по болезни за весьма редкими исключениями в 1924-25 г. специалисты почти не пользовались». («Экономическая Жизнь» №51) Можно ли это сказать о среднем рабочем и можно ли тут найти материал для социальной зависти или ненависти?

Вот я читаю описания жизни специалистов-горняков на Украине. «На свое содержание, – пишет топограф, получающий 100 руб., – могу дать лишь один фунт мяса в день на 6 человек семьи. Остальная пища состоит из разных каш, черного хлеба и чая с сахарным песком. Белый хлеб бывает только по праздникам. Молока [в нашем рационе] совсем нет. Масло употребляю исключительно растительное». 70% обследованных спецов ничего не тратит на книги и журналы. У других расход на театр, кино, книги и газеты составляет 80 коп.-1 руб. в месяц.

И этих задавленных, заморенных людей добивают еще без меры и числа всякого рода посторонними работами по линии пресловутой «общественности». «Специалисты работают не менее 14 час. в сутки, т.е. в размере опасном для их здоровья и жизни», – пишет отчет донецкой инженерной секции. («Труд» №46) Вследствие бегства значительной части инженеров имеющаяся работа наваливается на оставшийся, крайне ничтожный, персонал. Тут инженер – и швец, и жнец, и в дуду игрец. И дуда тут – увы порою коммунистическая. Люди гаснут физически и духовно, а когда возникает вопрос об отправке их в дома отдыха, то оказывается, что «местов нет».

Приведем здесь еще одну информашку из Торгово-промышленной газеты от 2 марта 1926 года, которая показывает, как были живучи еще одни идиотизмы советской плановой системы, против которых не один год боролся Р.Э. Классон, но так и не смог побороть их. Итак, газета опубликовала очередную подборку материалов под рубрикой «За режим экономии. Что делают хозорганы во исполнение приказа ВСНХ СССР №431 о сокращении накладных расходов». И в одном из этих материалов отчитывался МОГЭС:

Инж. В.И. Яновицкий, зам. председателя правления МОГЭС, отмечает крайнюю перегруженность персонала треста бумажной работой по отчетности. Мы тонем в этом бумажном потоке, и здесь необходимы самые решительные меры, чтобы эту отчетность довести до минимума, упростить и тем самым сократить непроизводительные расходы.

Далее должно обратить внимание на чрезвычайно большое количество заседаний, на которых бывают заняты наши лучшие ответственные работники. Если перевести на деньги потерянное на заседаниях время, присоединив сюда время, потраченное на ожидание перед заседанием, плюс все то время, которое тратит персонал на подготовку материалов к заседаниям, то окажется, что здесь мы имеем большой источник для сокращения накладных расходов.

Приказ №413 принят нами к неуклонному исполнению. Мы еще раз самым тщательным образом пересмотрим все свои накладные расходы для их дальнейшего сокращения.

Окончание примечания

Ко всем этим физическим и духовным невзгодам присоединяются еще невзгоды морального свойства. Оборудование советских предприятий таково и охрана труда поставлена так блестяще, что несчастные случаи растут с угрожающей быстротой. Перед рабочей массой непосредственно отвечает инженер, технический руководитель. Это на нем вешают всех собак, это по его адресу посылаются проклятия вдов и сирот, это на нем видят следы невинно пролитой крови.

А между тем реально эти люди в большинстве случаев должны быть совершенно свободны от ответственности за эти фабрично-заводские драмы. Как здесь обстоит дело, об этом мы можем узнать из отчета о совещании по технике безопасности в №236 «Труда» [за 1925 г.]. Здесь мы читаем: «Есть случаи, когда лица, ответственные за технику безопасности, представляют смету на необходимые усовершенствования, заявляя, что всякое промедление угрожает несчастьями. Смета идет по 80-ти инстанциям, за это время происходят несчастные случаи, и ответственное лицо идет под суд. Создалось положение, когда 90% лиц, ответственных за технику безопасности, сознают себя просто козлами отпущения». Направить гнев и ненависть рабочих, видящих это легкомысленное преступное уничтожение жизни и здоровья, на действительных виновников всего этого ужаса никто, конечно, не решает. Гораздо легче здесь подставить забитую фигуру инженера и призывать: распни его!

Так создается обстановка, в которой живет и работает русский инженер. Так гибнут сотни и тысячи людей, гибнут физически и духовно в обстановке спецеедства, сдобриваемых утешительными речами коммунистических Маниловых на тему о том, что техника – о, вы не знаете, какую громадную, исполинскую роль играет техника в строительстве социализма. А затем, на скрещении крупных бедствий погибают большие люди – Островский [инж. Ольденборгер] и Классон. А на скрещении мелких бедствий – повседневных, мучительно тяжких – погибают люди среднего и малого калибра.

И тогда на могилы больших приходят генералы с букетиками цветов запоздалых признаний и льют слезы – крокодиловы слезы.

В итоге большевики со своей пресловутой «плановой системой» проиграли экономическое соревнование с «капиталистами»: в конце 1991-го рухнул не только Советский Союз, но и тотальная плановая система. При этом мало кто подвергает сомнению необходимость государственного планирования и прогнозирования важнейших макроэкономических и макрофинансовых показателей, но «мелочи» (включая спрос потребителя на топливо и электроэнергию и предложение последних со стороны поставщиков) должна балансировать «невидимая рука рынка», естественно при госрегулировании «правил игры».*

* Здесь мы, в поддержку своего обывательского неприятия плановой системы, приведем мнение более компетентного человека, а именно главного редактора «Независимой газеты» Константина Ремчукова, который в 1996-2009 гг. изучал экономику социализма и даже читал лекции

(echo.msk.ru/programs/personalno/1860940-echo):

<...> О. Журавлёва – И, вот, на вопрос Сергея, что, разве невозможна при социализме хорошая жизнь, немножко поделитесь своим опытом государственного планирования.

К. Ремчуков – Да. Много вопросов вот от этих утопистов, которым кажется, что возможна плановая экономика. И реальность нашей плановой экономики была такова, что в конечном итоге это и привело к краху Советского Союза.

О. Журавлёва – То есть не Афганистан, не цены на нефть, не происки американцев?

К. Ремчуков – Ну, это были поводы, какое-то конъюнктурное ухудшение ситуации. Главная базовая вещь – советская экономика перестала производить потребительные ценности, которые нужны были людям. И она не могла в принципе производить, потому что плановые методы управления в народно-хозяйственном комплексе... План может быть хорошей вещью до определенных пределов внутри корпорации, там, где есть один собственник. Когда этот один собственник есть, он может чего-то там планировать, и то он сильно зависит от рынка. То есть он может спланировать «Я произведу столько-то», а рынок скажет ему, что в этот момент тебя китаец выдал с этого рынка, и ты полетел. Но, в принципе, деятельность надо планировать.

Под планомерностью мы понимаем сознательно поддерживаемую пропорциональность. Сознательно поддерживаемая пропорциональность в национальных масштабах, в национальной экономике невозможна из единого центра. Только рынок в состоянии поддерживать пропорциональность, в том числе за счет признания части затрат ненужными.

О. Журавлёва – Ну, объясните, вот, совсем просто.

К. Ремчуков – Совсем просто объясняю. План. Чтобы составить план того, что нужно людям в стране, чтобы мы хорошо жили. Потому что Маркс же придумал план как антитезу рынка, поскольку он считал, что рынок – это анархия, и часть труда, которую люди затрачивают, именно на рынке признается ненужной, и он считал, что это нелепое расходование человеческого ресурса. И его критика капитала заключалась в том, что «Ну как же так? Общество – мы же все такие умные (Маркс очень апеллировал к силе ума), можем себе позволить». Поэтому он говорил: «Не надо ждать, пока товары встретятся на рынке, вернее, продукты твоего труда. И часть продукта превращается в товар – это та часть продукта превращается в товар, которая кому-то нужна, она обладает так называемой меновой стоимостью. А тот продукт, который [человек] произвел, и он никому не нужен, он так товаром и не стал, он идет в отход. А потратили энергию, материалы, красители. Зачем это надо?»

И они придумали план, планирование как способ организации экономики социалистического типа, где будет один центр, который учтет все потребности людей и на основе этих потребностей нагрузит всё производство так, чтобы все всё произвели. И это очень такое, примитивное при примитивной модели управления устройство экономики.

Но пока начиналась индустриализация на ранних этапах, пока было всего, там я не знаю, одному народному комиссариату нужно было курировать 4 завода каких-нибудь, 4 стройки – в Сталинграде, в Харькове...

О. Журавлёва – Это работало как в корпорации. [Как мы выше видели, большевики споткнулись в своем планировании еще в конце 1925 г., когда МОГЭС «шло от живой жизни, а не от мертвого плана» – МК]

К. Ремчуков – Это работало, потому что это один человек ездит и там чего-то распределяет [среди] людей. А когда экономика разрослась и к 1982 году одновременно в нашей стране производилось 25 миллионов наименований вот этих вот потребительных стоимостей, то как спланировать разумно и рационально их производство, уже не знал никто, поскольку не было инструментария даже внутри планирования.

Продолжение примечания

Потому что план действует таким образом. Чтобы составить план, есть такая методика народно-хозяйственного планирования. Там говорится о том, что для плана я должен получить от вас как руководитель предприятия заявку, сколько вам нужно чего, сколько нужно металла, сколько нужно песка, сколько нужно гвоздей. Если я получу от вас, я получу от него и от него, я это сведу и скажу, что столько металла, столько песка, столько гвоздей и распределю между заводами. А вы, которые предприятия, вы мне в ответ отвечаете, а как я узнаю, сколько мне нужно металла, сколько мне нужно гвоздей и песка, если я не получил от вас плана? План же закон. Я думаю, что мне 100 нужно машин, а, может быть, вы мне 110 спустите. Я говорю: «Ты не болтай. Пей давай [План давай?]».

В результате исходные показатели очень сильно отличались от реальности. А поскольку план, все-таки, был главный оценочный показатель деятельности, то оценивался труд, в том числе премии, ордена, медали и переходящие красные знамена и вымпелы давались по результатам выполнения плана, то эта система при Сталине вела к тому, что очень часто тот, кто не выполнил план [жестко наказывался] (а он и не мог его выполнить подчас, потому что хаотично были организованы вот эти поставки)... Масса фильмов, романов о том, что 28 дней в месяц люди стоят, у них нет [сырья и комплектующих], а потом начинается аврал. Аврал – это когда к какой-то дате нужно, там, к 7 ноября или к концу месяца выполнить план.

О. Журавлёва – Дать 400% плана.

К. Ремчуков – Поэтому качество никогда не было в советской экономике важным фактором, нужно было количество.

Так вот при Сталине постреливали таких людей, да? Потому что очень сложно разобраться: ты не выполнил план, потому что вот такая плохая организация и бесхозяйственность, или ты не выполнил, потому что ты вредитель, троцкист-бухаринец?

О. Журавлёва – Как раз, по-моему, очень просто разобраться.

К. Ремчуков – Поэтому, скорее всего, люди склонялись к тому, что, конечно, нормальный советский человек не мог не выполнить план, а, вот, троцкистско-бухаринская сволочь, конечно, могла. Поэтому стреляли. А раз стреляли, то трудно осуждать людей, которые начали заниматься очковничеством и корректировкой этих планов.

Но при Брежневе корректировка планов достигла фантастических масштабов. План (масса показателей) корректировался уже 4 раза в год. Не просто к концу года, а они уже в квартал.

О. Журавлёва – А это, ведь, пятилетний план был.

К. Ремчуков – Да даже и не пятилетний – это уже внутри года 4 раза. Потому что ничего не выполняется, а, значит, у тебя не будет премии за квартал. Вот, они приходят в Госплан и начинают: то в баню они пойдут, то еще что-то. «Ну, давай мы скорректируем». И получилось, что...

О. Журавлёва – Я прошу прощения. «Скорректируем» – это значит, что вместо 300 я на самом деле произведу 200?

К. Ремчуков – Да, и оформим так, что это твой будет план.

О. Журавлёва – «Я произведу 201, получу премию»?

К. Ремчуков – Да. Поэтому экономика привела к тому, что на 1982-й год из каждого рубля произведенной промышленной продукции 77 копеек шло на склад. Это были нормативные и сверхнормативные запасы, это просто омертвление нашего труда. А только 23 копейки – это был наш национальный доход. Поэтому план выполняли все, а дефицит товаров, которые нужны, был огромен. И я уже приводил примеры, поскольку вот эти статистические сборники... Это обычная статистика народного хозяйства – она показывала, что мы производили 880 миллионов пар кожаной обуви в год (Советский Союз). А ФРГ, Италия, Франция и США производили 800. Вот, 4 страны. А мы – 880. Ну, кто ходил в советских «Скорородах»? Мало кто. Поэтому это всё шло в отвал, это уничтожалось, это было такое затупление.

В общем, экономика не могла существовать, поскольку на каждый вложенный рубль фондоотдача падала-падала-падала, и мы начали проедать себя, то есть на каждый вложенный рубль уже в 1979 году была отдача копеек 79-80.

Поэтому социализм изжил себя просто как экономическая система. И вот эти вот фантазеры, которым кажется, что они могут сейчас организовать, это притом, что еще действовала философия (ну, особенно в сталинское время), что человеку нужны простые вещи. То есть там не говорили, что почему я в такой блузочке, почему я в таком галстуке? Вещи назывались своими именами просто: «Нужно две пары ботинок. Нужно два френча. Тебе нужна одна юбка и одни колготки. Точка».

Вот этот вот изменившийся мир, когда потребительство становится частью как бы жизни, чтобы человек отделился от другого... Никто не ходит в одинаковых теннисках, никто не ходит в одинаковых... Нужно какое-то отличие. Уже социализм на это не реагировал.

При большевиках предприятия перманентно сидели «на голодном пайке», даже в 1980-х. По данным Центрального диспетчерского управления Единой энергосистемы СССР, продолжительность работы с частотой ниже 49,8 герц (т.е. хуже допустимого минимального показателя ГОСТа) в 1980-м составила 6548, а в 1985-м – 5232 часа. Аварийный недоотпуск электроэнергии потребителям (при их отключении по команде с диспетчерского пункта ЦДУ ЕЭС из-за недопустимо низкой частоты в энергосистеме) в 1980-м составил 0,2 миллиарда, а в 1985-м – 0,4 миллиарда киловатт-часов.

И это несмотря на жесткое администрирование объемов потребления (типа приказов директорам предприятий: «ограничивай свое потребление в рабочие дни – в часы максимума нагрузки, если не выполняешь план – устраивай субботники и воскресники, а иначе – партбилет на стол»).

В 1988-м диспетчеры ЦДУ ЕЭС неимоверными усилиями сократили продолжительность работы с частотой ниже 49,8 герц до 1 часа, но сделали это, по-видимому, за счет резкого увеличения – до 0,9 миллиарда киловатт-часов – аварийного недоотпуска электроэнергии.

Известный советский ученый, а затем диссидент Юрий Федорович Орлов глубоко философски обосновывал принципиальную важность для большевиков тотального планирования при строительстве социализма:

В социалистической идее по существу предположено, хотя ясно не говорится, что природные ресурсы и возможности интеллекта ограничены. В таком случае на первый план выступает задача оптимального потребления и распределения ресурсов.

Это надо делать на централизованной плановой основе, потому что при постоянстве ресурсов улучшение жизни одних связано с ухудшением жизни других и нельзя давать людям свободы улучшать свою жизнь самовольно, нарушая баланс.

Изобретение новых потребностей, улучшающих жизнь за счет ресурсов, необходимо в такой системе ограничить. Заметьте, что система согласована сама с собой: когда изобретательство ограничено, то и ресурсы остаются ограниченными, потому что, чтобы найти существенно новый ресурс, скажем, энергетический, нужно пойти на риск может быть огромных затрат – при не определенном заранее результате. Такая авантюра в системе, не рассчитанной на риск, может разбалансировать всю экономику.

Окончание примечания

О. Журавлёва – И это и есть общество потребления, которое мы так ненавидим.

К. Ремчуков – А надо его любить, потому что оно двигает прогресс, потому что люди живут хорошо, у них дезодорант появляется, хорошая зубная паста, они лучше пахнут, одеколоны. Ведь, не было же этих вещей. А почему? Потому что ракеты и тяжелая промышленность имели приоритет, а вот эти товары группы «Б» (потребительские) – они были по остаточному принципу. Вот и сейчас у нас то, что сказали нам наши плановики, оно, конечно, удручает.

О. Журавлёва – Я прошу прощения, один момент. Константин Вадимович, люди тут с вами дискутируют. А откуда вот эти вот цифры и сведения, которыми вы?..

К. Ремчуков – Из моей прошлой научной деятельности. Я был заведующим кафедрой макроэкономического регулирования [Российского университета дружбы народов]. А до того, как она стала макроэкономического регулирования, эта кафедра называлась «Планирование народного хозяйства». Я читал курс лекций, который назывался «Экономика России переходного периода», 26 недель. И часть лекций была подготовлена предпосылкой, как бы, демонстрация социалистической плановой системы, и в то время я готовился...

О. Журавлёва – Слушайте, а когда вы сидели – планировали, вот, в самом этом плановом заведении, вы понимали, что это катастрофа?

К. Ремчуков – Конечно, все понимали. Ну, все же – умные люди.

<...> Иерархическая структура сверху вниз – центрального планирования – отключила автоматически миллионы людей от принятия собственных личных решений и от личной ответственности. Результат – чудовищная деградация той инфраструктуры, которая определяет каждодневную жизнь людей.

<...> На семидесятом году социалистической революции среди простого народа уже трудно найти дурака, который бы верил в догму глобального «научного» центрального планирования, эту не человеческую, а рассчитанную на автомат, и потому не работающую, не научную догму; который верил бы в фантастические цели, спускаемые сверху вместе с принудительными методами, без которых таких целей невозможно достичь даже на время. («Опасные мысли», 1992 год)

Ну что же, Р.Э. Классон в 1920-м и Ю.Ф. Орлов в 1990-е достаточно тесно совпали в своем резком неприятии «военного коммунизма», каковым по существу был, пусть и с вариациями-отступлениями на тот же НЭП и нео-НЭП, социализм все 70 лет правления «Софьи Власьевны».

Возможно, что резкие нападки совпрессы на Р.Э. Классона были вызваны ее раздраженным восприятием общего экономического кризиса, переживаемого Советской Россией – и провалившийся экспорт зерна, и слабость червонца, и непреодолимая убыточность государственной промышленности.

За несколько дней до смерти Роберт Эдуардович получил открытку из Германии:

Шлю сердечный привет из этих дивных [гористых] окрестностей Мюнхена! Живу неделю уже здесь и наслаждаюсь прогулками и всеми видами зимнего спорта.

Ваш (подпись)

Несколько заковыристая подпись все же позволяет предположить, что «сердечный привет» прислал с заграничного зимнего отдыха Александр Иванович Эйсман, заместитель председателя правления МОГЭС. Он затем станет главным инженером строительства Бобриковской станции в Тульской губернии, по завершении которого вернется в Москву на должность зам. управляющего Мосэнерго. Однако 27 ноября 1936-го он будет арестован, а 31 мая 1937 года – расстрелян. «Обычная» судьба инженера при кровавом сталинском режиме... К подобным примерам мы еще не раз обратимся. Ну а Роберт Эдуардович весьма своевременно умер, что мы вскоре вполне обоснованно докажем.

Как вспоминал сын Иван, из общественных инженерных организаций – Императорского Русского технического общества и его VI отдела, Всероссийских электротехнических съездов и Кружка технологов Р.Э. Классон наиболее активно участвовал в последнем, вступив в оный еще в конце 1890-х.

Его деятельность прервалась после большевистского переворота и возобновилась примерно в 1922-м – в виде неофициальных и нерегулярных товарищеских собраний у Р.Э. Классона на Садовнической улице. Очередное собрание было назначено на 14 февраля 1926 г. (а 11 февраля Роберт Эдуардович скончался).

Как известно, Р.Э. Классон умер после полемического выступления в ВСНХ РСФСР, по поводу недофинансирования инновационных потребностей Гидроторфа.

Его речь, по-видимому, не стенографировали, но понять, какие аргументы он выдвигал, можно понять из уже цитировавшейся в очерке “Гидроторф – дело «государственной важности?»” статьи «Кризис топлива и роль торфа», вышедшей в журнале «Торфяное дело» уже после его смерти.

Он, в частности, писал:

В настоящее время в целом ряде заседаний, комиссий и учреждений выносятся постановления о том, что необходимо уделить больше внимания торфу. Недавно с совершенной ясностью в заседании совета съездов промышленности констатировано, что те предприятия, которые в этом году озаботились заготовкой торфа, оказались в вполне благополучном положении по сравнению с теми, которые все свое благополучие строили на привозном топливе. Вопрос этот сам по себе совершенно ясен и, как будто, не требует доказательств, а между тем еще год тому назад в топливных плановых органах существовала обратная тенденция – торфом пренебрегали и всячески хотели поставить промышленность на привозном топливе. Сейчас кризис топлива уже настолько остр, что необходимость спешных мероприятий для увеличения торфоразработок никем не оспаривается.

Что же реально делается для осуществления этой задачи? Как будто бы ничего.

Добыча торфа может быть реально поставлена только тогда, если своевременно будут финансированы торфоразработки, т.е. своевременно будут даны деньги на подготовку полей летом, а не зимой, и если машины будут заказаны по крайней мере, за год, а то и более для того, чтобы они вовремя успели к торфяному сезону.

Так как торфяные разработки всегда финансируются лишь на один год, и деньги на них отпускаются уже поздней зимой, то ничего из подготовительных работ вовремя сделано быть не может, и торфяные разработки хронически опаздывают. После чего им делается упрек, что они «не исполнили задания».

Здесь стоит опять обратить внимание на то, что пресловутая плановая система большевиков, кроме различных перекосов в снабжении и тотального дефицита всего и вся, во второй половине 1920-х, когда царское золото и буржуйские бриллианты были уже протрачены (в т.ч. и на «мировую революцию»), постоянно проваливалась в своем «плановом финансировании» из-за срывов в экспорте сырья – зерна, леса, пеньки.

Наиболее резким оказался такой финансовый провал по итогам 1925 года. Вот что сообщал эмигрантский «Руль» (Берлин) 24 ноября 1925 года – естественно, опираясь на советские публикации:

Провал хлебно-заготовительной кампании и невозможность выполнить даже принятые на себя заказы хлебно-экспортного характера лишает советское правительство осуществить намеченный весной [1926 года] план за-граничных покупок. На ряде экстренных совещаний в совете народного хозяйства выяснилась необходимость сократить импортный план с одного миллиарда шестисот миллионов рублей до 1 100 000 000 рублей. В настоящее время выясняется, что у внешторга нет средств даже на осуществление этого сокращенного плана, и потому поднят вопрос о его дальнейшем сокращении до суммы 850 000 000 рублей.

Но Гидроторф, раздербаненный на различные производственные подразделения и «пошедший по рукам» электростанций и других предприятий, все же просил от лица своих руководителей, пристроенных в Госторфе не очень больших сумм валюты для постройки нового завода искусственного обезвоживания торфа и для заказа за границей некоторого другого оборудования.

Основная часть финансирования требовала рублей, продуктов питания и различных других отечественных ресурсов. Но и этого плановая система большевиков, как мы уже видели, обеспечить своевременно была не способна.

Из выступления на Новодевичьем кладбище представителя кружка ленинградских технологов и Общества русских электротехников Всеволода Алексеевича Белоцветова:

Наши собрания проходили не только в бытовых товарищеских разговорах, на них часто поднимались глубокие темы, и они подымались преимущественно нашим дорогим Робертом Эдуардовичем. Этим нашим центром покойный был с первых лет нашей организации, около 25 лет тому назад, и до самых последних минут своей жизни. Над нами судьба сейчас зло подшутила – сегодня [\[14 февраля\]](#) как раз должно было быть у него на квартире наше очередное товарищеское собрание, которое он, в своих обычно приветливо-шутливых тонах, назначил за полчаса до своей смерти <...>.

Вместо квартиры, где была уже не очень подходящая обстановка (в частности, безутешная вдова Евгения Николаевна, закрытые черным крепом зеркала) знакомые Р.Э. Классона 25 февраля собрались в Доме ученых, где выступили с воспоминаниями упомянутый В.А. Белоцветов, Г.Б. Красин и В.Д. Кирпичников.

В заключение этого очерка затронем такую острую тему как возведение большевиками «железного занавеса» на границах России и барьера для недопущения в советские вузы детей «буржуазных спецов», на примере семьи Роберта Эдуардовича.

Для зачина приведем пассаж из письма С.Н. Мотовиловой И.Р. Классону:

Вы и Ваш брат должны были поступить в вуз, и Вас и Вашего брата не приняли. Ваш брат даже одно время был шофером? Не приняли Вас, потому что вы были дети интеллигента. <...> Классон написал об этом, т.е. о Вас, Крупской. Надежда Константиновна была очень возмущена и послала статью в «Правду».

Что у нас, мол, те же нравы как в царской России, где были особые привилегированные заведения (как пажеский корпус, лицей и пр.), куда принимали только детей из определенных семей, ну и теперь у нас то же самое. Статья эта вызвала восторг за границей. Ее всюду перепечатали и писали, что вот, мол, до чего у них дошло, сама Крупская возмущается.

После этого вышел приказ (очевидно от Сталина?), чтобы статьи Крупской проходили какую-то цензуру, как статьи простых смертных. Но, к счастью, у Классона был в Германии какой-то патент на какое-то изобретение и благодаря этому он смог обоим своим сыновей послать за границу. Ну, напишите, что тут правильно, а что неправильно. (здесь и ниже – из ф. 9508 РГАЭ)

Стоит переадресовать возмущение Н.К. Крупской к ее мужу и другим соратникам-большевикам:

В июне 1922 года Политбюро по инициативе Ленина рассмотрело вопрос об антисоветских группировках среди интеллигенции. <...> Предписывалось осуществлять «фльтрацию студентов», имея в виду «установление строгого ограничения приема студентов непролетарского происхождения и установление свидетельств политической благонадежности» <...>. (Дмитрий Волкогонов. Ленин)

А теперь приведем вполне справедливые слова первой леди советской России (в то же время не приемля большевистское «воспитание в коммунистическом духе» для получения «верных слуг пролетариата») из статьи «О классовом приеме в ВУЗы» («Правда», 15 августа 1923 г.):

<...> Старая власть закрывала двери учебных заведений для рабочих и крестьян. Высшие учебные заведения предназначались, главным образом, для детей дворян, капиталистов, чиновников, интеллигенции. Советская власть широко открыла двери всех учебных заведений для трудящихся.

Так как сын какого-нибудь инженера стоит в несравненно более выгодных условиях в отношении подготовки, чем сын рабочего или крестьянина, то равный доступ в ВУЗы для них означал бы на деле привилегию для первого. Под видом равенства на деле существовало бы самое вопиющее неравенство, существовала бы старая привилегия.

Вот почему советская власть поступает совершенно правильно, когда принимает ряд мер, чтобы облегчить прием в ВУЗы детям рабочих и крестьян, создает рабфаки и т.д. Привилегия для рабочих и крестьян при поступлении – дело простой справедливости. Но всякую, самую хорошую идею можно извратить, внося в нее мертвый бюрократизм, превратив ее в объект демагогии.

<...> Или, талантливый юноша. Сын инженера. Каждодневно слышит разговоры о машинах, с детства изучил конструкции машин, бредит авиацией. Отец оказывает крупные услуги советской власти, работает по 12-14 часов в сутки. Сына не допускают ни в один ВУЗ: нетрудовой элемент. Разве это дело? Разве в Советской России можно швыряться талантами!

Одно дело – делать все, чтобы открыть доступ в ВУЗы детям рабочих и крестьян, другое – создавать из образования привилегию, культивировать дворянство наизуоборот. Формализм и демагогия затемняют совершенно правильно взятую линию. Демагогия на почве классового приема в ВУЗы отодвигает на задний план, затемняет еще другое, чрезвычайно важное полезное.

<...> Нужно в этом отношении держаться образа действий либеральной буржуазии, у ней учиться: нельзя нервничать по поводу каждого попавшего в ВУЗ сына инженера. Если преподавание в ВУЗах будет поставлено как следует, каждый студент будет воспитываться в коммунистическом духе, будет выходить из ВУЗа верным слугой пролетариата.

И тогда что за беда, если в вуз будет попадать известный процент интеллигенции. ВУЗ превратит сыновей инженеров, врачей, профессоров в верных слуг пролетариата.

Правда, «талантливый юноша, сын инженера», если Надежда Константиновна намекала на сына Р.Э. Классона Ивана, в это время уже учился в Германии...

Когда И.Р. Классон в 1962-м прислал С.Н. Мотовиловой выступление в «Правде» ее старой знакомой, она живо откликнулась:

Не могу Вам сказать, как я Вам благодарна, что Вы нашли и прислали мне статью Крупской, которую я мечтала найти все эти годы, с тех пор как Классон маме рассказал о ней. <...> Но я конечно во многом с ней не согласна.

По-моему, должны быть равны все граждане одной страны. Я ненавижу колониализм, ненавижу, ибо два года жила под немецкой оккупацией, и всюду были надписи «nur für Deutsche» [(«только для немцев»)]. Постоянное сознание, что ты человек 2-го сорта. Люди 1-го сорта имели право на электрическое освещение, отопление и прочее, а мы, люди 2-го сорта, всего этого были лишены.

Точнее не скажешь: не только нацисты, но и большевики разделили всех людей на два сорта: первый и второй (хотя, попадая в ГУЛАГ, они существенно перемешивались)!

Кстати, попытки Р.Э. Классона преодолеть «железный занавес» для своих родных зафиксированы в биографической хронике В.И. Ульянова-Ленина и записях его дежурных секретарей. Началась эта эпопея 7 сентября 1921 года, когда Особая комиссия под председательством Л.Б. Красина постановила командировать за границу начальника Гидроторфа Р.Э. Классона для заказа машин (14 сентября аналогичное решение принял и Совнарком). В группу для поездки в Берлин были включены пока еще гражданская жена и сын Роберта Эдуардовича, с «соответствующими служебными функциями».

Это следует из письма Гидроторфа в Наркомат Внешней Торговли от 27 сентября:

<...> Управлением по делам Гидроторфа срочно командировается в Германию Ответственный руководитель «Гидроторфа» инж. Р.Э. Классон, в сопровождении личного секретаря Е.Н. Виноградовой и техника «Гидроторфа» И.Р. Классона.

Настоящим обращаемся в Наркомвнешторг с просьбой снабдить за счет Гидроторфа упомянутых Р.Э. Классона, Е.Н. Виноградову и И.Р. Классона необходимым денежным довольствием, выдав таковое авансом в Москве николаевскими денежными знаками по нормам Внешторга для Р.Э. Классона как специалиста первого разряда, для Е.Н. Виноградовой и И.Р. Классона – по общим нормам, а также дать распоряжения представителям Р.С.Ф.С.Р. в Латвии и Германии о снабжении упомянутых лиц денежным довольствием в соответствующих валютах по тем же нормам.

Однако выезд Е.Н. Виноградовой и И.Р. Классона за границу был запрещен. Итак, приведем соответствующие выдержки из Биографической хроники В.И. Ульянова-Ленина, журналов дежурств его секретарей и найденные нами подходящие документы:

19 октября 1921 г. Ленин пишет письмо заместителю председателя ВЧК И.С. Уншлихту по вопросу поездки за границу Е.Н. Виноградовой и И.Р. Классона (письмо не разыскано).

Примеч. ред. ПСС Ленина к его письму И.С. Уншлихту от 18 марта 1922 г. (см. ниже). 7 сентября 1921 г. Совнарком постановил командировать за границу начальника Гидроторфа Р.Э. Классона для заказа машин. В группу для поездки в Берлин был включен сын Классона, старший техник Гидроторфа И.Р. Классон. По указанию В.И. Ленина от 19 октября 1921 г. выезд за границу И.Р. Классону был запрещен.

22 октября. Ленин читает письмо заместителя председателя ВЧК И.С. Уншлихта от 22 октября 1921 г. по вопросу о запрещении выезда за границу Е.Н. Виноградовой, начальнику Гидроторфа Р.Э. Классону и его сыну старшему технику И.Р. Классону. На письме делает пометки «т. Молотову», «в архив Цека о Классонах».

Т. Ленину

Согласно Вашего распоряжения от 21.10.21 паспорта на выезд за границу
1) Евгении Николаевны Виноградовой 2) Ивана Робертовича Классон – нами отобраны. Но кроме них разрешение на выезд получил и проехал б/Х границу Роберт Эдуардович Классон, отец Ивана, инж[енер] электрич. станции 1886 г. Все три упомянутые лица имеют рекомендации [Л.Б.] Красина и Радченко.

22.10.21

Уншлихт

(РГАСПИ, ф. 2, оп. 1, д. 21540)

19 декабря. Ленин поручает Л.А. Фотиевой: направить председателю Госплана Г.М. Кржижановскому на отзыв записку замнаркома внешней торговли А.М. Лежавы о командировании в Берлин старшего техника Гидроторфа И.Р. Классона; <...>.

На бланке секретаря Совнаркома, 19 декабря 1921 г.

Глеб Максимилианович

Владимир Ильич просит Вас дать отзыв в 2-х словах по прилагаемой записке Лежавы. Он предполагает, что Красин спутал отца с сыном.

Привет

Л. Фотиева

<...>

Записка Г.М. Кржижановского на четвертушке бумаги

В.И.

Отъезд И.Р. Классона – сына, с моей точки зрения отнюдь не существенный вопрос. Вероятно, догадка Ваша совершенно верна.

19/XII

Г. Кржижановский

На бланке Наркомвнешторга, Управление Делами, Админ-Орг. Отдел

17 декабря 1921 г.

Председателю Совнаркома. Тов. В.И. Ленину

ВЧК отказала в разрешении выезда в Германию для приемки и испытания имеющих быть заказанными на германских заводах машин гидроторф, а также для химических работ по гидроторфу технику И.Р. Классону, командируемому совместно с инженером Р.Э. Классон, имеющим специальные задания от Центрального Управления по добыче торфа.

Народный Комиссариат Внешней Торговли 4 раза возбуждал перед ВЧК ходатайство о пересмотре решения, указав на то, что командировка И.Р. Классона крайне важна для нас как по техническим, так и экономическим соображениям.

На предпоследний запрос по этому поводу от ВЧК получен ответ, что Классону отказано в окончательном смысле, копия этого ответа при сем прилагается.

Ныне поступила телеграмма от тов. [Л.Б.] Красина, указывающая, что приезд Классона в Берлин существенно необходим, чтобы иметь возможность протолкнуть к весенней кампании наши торфяные заказы и следить за своевременной доставкой.

Принимая все это во внимание, Народный Комиссариат Внешней Торговли просит не отказать в Вашем содействии к скорейшему выезду техника И.Р. Классона в Берлин.

Приложение: копия ответа ВЧК за №76579.

Заместитель Народного Комиссариата Внешней Торговли Лежава

Копия ответа Иностранного Отдела ВЧК, 9 декабря 1921 г.

Ино ВЧК сообщает, что гр. Классону И.Р. отказано в окончательном смысле и дело его пересматриваться не будет.

Замначинотдела ВЧК

Апетер

Нач. Бюро виз

Угаров

(РГАСПИ, ф. 5, оп. 1, д. 609)

Письмо Р.Э. Классона

Берлин 15/XII 21

Многоуважаемый Владимир Ильич

Я обращаюсь к Вам с покорнейшей личной просьбой – разрешите моему сыну (22 года) выехать за границу с тем, чтобы он мог здесь учиться в Политехникуме. Лично у меня не хватает времени основательно ознакомиться со всеми достижениями науки и техники последних лет, но все же я вижу, что наши профессора очень отстали, утратив связь с Европой, и я хотел бы, чтобы по крайней мере мой сын, если мне уже не суждено, имел возможность изучить новейшую физику и химию.

Пока я еще жив, я, благодаря своим знакомствам, могу предоставить своему сыну возможность практически работать на лучших заводах Германии и Швейцарии.

Мой сын три года работал со мною по Гидроторфу, и я считаю, что он до известной степени уже заработал себе право учиться, а я в свою очередь решаюсь просить о предоставлении мне этой льготы, так как считаю, что моя 7-летняя упорная работа по Гидроторфу способствовала тому, что в области торфодобычания русская техника стоит выше европейской.

Я не просил и не прошу для себя ни вознаграждений, ни льгот, не прошу и денег для учения сына, а единственно только чтобы мне было разрешено дать ему то техническое образование, которое я считаю наиболее ценным.

Я потому позволил себе обратиться к Вам, что мой сын уже имел разрешение на выезд, но пока получалась немецкая виза, это разрешение истекло, а в возобновлении ему отказывают. Я хотел бы его здесь устроить, ввести на заводы, а затем вернуться в Москву. Здесь у меня еще работы недели на три.

Искренне уважающий Вас

Р. Классон

«На заключение Г.М. Кржижановского. 30/XII» – виза В.И. Ульянова-Ленина?

«Вопрос поставлен в форме личной просьбы, и я не нахожу возможным что-либо сюда добавить. 30/XII 21. Кржижановский»

«Кн. Вл. Ил. 24/А 10/1-22 г. Тов. Молотову» – резолюция секретаря Ленина?
«вх. ЦК №183/с 12/1-22 г.»

(РГАСПИ, ф. 5, оп. 1, д. 2991)

на журнале 2. м. Архив
 Берлин 15/12 21
 21/12
 Вопрос поставлен в
 форме письма профессору и в не малой
 степени является по существу, когда друг
 многому благодарен
 Владимир 3/31
 12/1-2011
 Милостивый
 Я обращаюсь к Вам с некоторой
 личной просьбой - разрешите
 моему сыну (22 года) выехать за гра-
 ницу с тем чтобы он мог здеш-
 учиться в Политехникуме. Легко у
 меня не в последнее время основательно
 ознакомился со всеми достижениями
 науки и техники последних лет,
 но все же ввиду того наши профессора
 реж. отстали, утратив связь с Европой,
 и в котом бы чтобы по крайней
 мере мой сын, сам или уже не
 сумевший, иметь возможность изучать
 новейшую физику и химию.
 Пока я еще живу в, благодаря своим
 знакомствам, могу представлять своему
 сыну возможность практически ра-
 ботать на лучших заводах Германии
 и Швейцарии.
 Мой сын три года работал со мной
 по Гидротехнику и в итоге того он
 до изобретения системы уже заработал
 себя право учиться, и в своем
 переде мечтаю просить о пред-
 ставлении или хотя бы о том как

Письмо Р.Э. Классона из Берлина В.И. Ульянову-Ленину, 15 декабря 1921 г.

31² об
 Считаю что мой 7 месяцев учив-
 ная работа по гидроторфа содей-
 ствовала тому что в области
 гидроторфа обитавший русский техника
 стоит выше европейской. Я не
 прошу и не прошу для себя ни
 вознаграждения ни лавры, не прошу
 и денег для семьи своей, а един-
 ственно только чтобы мой труд было
 признано дайте ему то же самое
 высокое образование, как у своего
 наиболее чуждого.

Я потому прошу себя обработать
 к Вам, что мой сын уже имеет
 разрешение на выезд, но пока
 не могу ехать по немецкой визе, это
 разрешение не дано, а в возво-
 стновении ему отказывают. Я хо-
 тью бы его здесь устроить, ввести
 на завод, а затем вернуться
 в Москву. Здесь у меня еще ра-
 ботать надом на туре.

С уважением уважающий Вас
 Р. Э. Классону

Письмо Р.Э. Классона из Берлина В.И. Ульянову-Ленину, 15 декабря 1921 г. (оборот)

На бланке Управления Гидроторфа

Председателю Совнаркома тов. В.И. Ленину

К письму на Ваше имя, написанному Р.Э. Классоном 15-го Декабря в Берлине, Управление по делам Гидроторфа имеет сообщить в пояснение следующее.

Особая Комиссия, назначенная Председателем Совнаркома, под председательством Л.Б. Красина, 7-го Сентября 1921 г. постановила командировать Р.Э. Классона и с ним одно или несколько лиц за границу для заказа машин для Гидроторфа. Управление по делам Гидроторфа назначило в командировку в Берлин с Р.Э. Классоном старшего техника Гидроторфа Ивана Роб. Классона. Наркомвнешторг утвердил эту командировку.

В последних числах Сентября Особый Отдел ВЧК поставил на паспортах визу разрешения на выезд, и Р.Э. Классон, заранее имевший германское разрешение на въезд, 6 Октября выехал из Москвы в Берлин.

Германское разрешение на въезд для И.Р. Классона было получено в Германском Представительстве в Москве лишь 26-го Ноября. Между тем около 10-го Ноября Особый Отдел ВЧК отменил <прежнее?>* разрешение И.Р. Классону на выезд за границу. Этот отказ остается в силе до сих пор, несмотря на повторные настояния Замнаркомвнешторга т. И. Радченко.

* Эта и следующие лакуны обусловлены физической ветхостью документа и соответствующей утратой части текста.

Управление по делам Гидроторфа считает необходимым пребывание в Берлине лица, которое могло бы оставаться там до полного окончания всеми заводами заказов Гидроторфа и отправки всех заказанных механизмов в Россию. Без сомнения, во время монтирования [на «Электропередаче»] завода для искусственного обезвоживания торфа будет возникать ряд вопросов, которые потребуют чрезвычайно быстрого освещения <фирмами?>, работающими по этим заказам, что можно будет сделать довольно быстро и толково, имея в Германии человека, достаточно знающего Гидроторф. Было бы до чрезвычайности нецелесообразно, чтобы <монтаж?> задерживался по всем таким поводам за границей, и И.Р. Классон по всем перечисленным вопросам мог бы его [(человека, достаточно знающего Гидроторф)] до некоторой степени заменить. Конечно, Управление по делам Гидроторфа не имеет возражений, если И.Р. Классону будет разрешено более длительное пребывание за границей, которое даст ему возможность учиться.

29 декабря 1921 г. Заместитель Ответственного руководителя Гидроторфа В.Д. Кирпичников

Приписка от руки (за подписью А. Лежавы). НКВТ совершенно бессилён получить от ВЧК визу для сына Классона.

(РГАСПИ, ф. 5, оп. 1, д. 2704)

30 декабря. [(В декабре 1921 г. Р.Э. Классон обратился к В.И. Ульянову-Ленину с письмом, в котором просил разрешить его сыну Ивану выехать за границу для продолжения учебы и прохождения практики на заводах Германии и Швейцарии.)]

Без № Кржижановскому о выезде за границу сына Классона. «Письмо Классона о разрешении его сыну выезда за границу дано мною на заключение Кржижановскому, записано в книге без №».

10 января 1922 г. Кржижановский возвратил [письмо Р.Э. Классона с пометой В.И. Ульянова-Ленина «На заключение Г.М. Кржижановского. 30/XII» и] с резолюцией «10.1. Тов. Молотову за вх. №24/Л».*

10 января. Ленин дает поручение секретарю СНК направить на рассмотрение в ЦК РКП(б) письмо начальника Гидроторфа Р.Э. Классона с просьбой разрешить выезд за границу его сыну, старшему технику Гидроторфа И.Р. Классону.

11 января. Молотов ответил, что послал на заключение ВЧК 10/1.

13 января. Тов. Молотов ответил, что ВЧК не разрешает сыну Классона выезд за границу. Пришлет письменное заключение.

На бланке РКП(б)

Центральный Комитет, 14 января 1922 г. В.Ч.К. В. Срочно

Тов. Уншлихту

По поручению т. Молотова посылаю на Ваше срочное заключение просьбу т. Классона о разрешении выезда за-границу его сыну.

Зав. бюро Секретариата

Н. Смирнов

(помета Уншлихта: «Запросить Вл. Ильича устно. 15/1 22»)

* Как мы уже видели, это не резолюция Г.М. Кржижановского, а виза, скорее всего, секретаря В.И. Ульянова-Ленина: «Кн. Вл. Ил. 24/А 10/1-22 г. Тов. Молотову» (см. ниже: «Ленин дает поручение секретарю СНК направить на рассмотрение в ЦК РКП(б) письмо начальника Гидроторфа Р.Э. Классона...»). А свою «резолюцию» Г.М. Кржижановский написал еще 30 декабря 1921 года!

2-й экз. письма
Тов. Молотову

Президиум Сов.-Секретно. Лично Ц.К.Р.К.П.
18 января 1922 г. На №-183/с от 14/1-1922 г.
Отказ в визе И.Р. Классону вызван соображениями секретного характера
и сделан по предложению В.И. Зампред ВЧК [Уншлихт]
(РГАСПИ, ф. 5, оп. 1, д. 2991)

Письмо Р.Э. Классона
в Наркомвнешторг
20 февраля 1922 г.

Управление по делам Гидроторфа при сем препровождает мандат И.Р. Классона с двумя копиями за №61а от 20 с/м., срочно командированного в Берлин вследствие телеграммы В.В. Старкова от 8/II с/г. за №560 для приемки и переправки грузов Гидроторфа в Москву. (РГАЭ, ф. 758)

Из письма Р.Э. Классона
в Наркомвнешторг
3 марта 1922 г.

<...> Только сегодня мы получили разрешение отправить агентов в Ревель и Ригу, где уже скопились грузы. К сожалению, мы получили отказ ВЧК [(ГПУ)] на отправку агента в Берлин* для сортировки грузов прямо на заводах с назначением на определенный адрес, и потому мы вынуждены будем разбирать все грузы в Москве и переправлять их на места разработки торфа, что конечно сопряжено с потерей времени. (РГАЭ, ф. 758)

Март, не ранее 17-го. Ленин читает письмо председателя Госплана Г.М. Кржижановского от 17 марта 1922 г. по вопросу о выезде за границу старшего техника Гидроторфа И.Р. Классона. Делает надпись на конверте о направлении документа в архив.

На четвертушке бумаги

Дорогой В.И. Думаю, что по настоящей ситуации нет уже смысла задерживать сына Классона. Личная роль Классона, при теперешней организации Гидроторфа и Московских станций весьма невелика.** Кроме сына Ивана у Классона в России еще 1 сын и 2 дочери. А, в общем, это дело малое.
17/3 22 Г. Кржижановский
(РГАСПИ, ф. 2, оп. 1, д. 22936)

* Речь шла об И.Р. Классоне.

** Напомним здесь о вредной роли самого Г.М. Кржижановского. Из черновых записей И.Р. Классона: В 1917-20 гг. Кржижановский, будучи председателем правления «Электропередачи», в той или другой форме отстранял отца от руководства этой станцией и допускал разложение дисциплины. В феврале 1920 г., когда в результате технического и организационного разложения на станции вышли из строя два из трех турбогенераторов, Кржижановский предложил отцу организовать их ремонт. На замечание отца, что при последней, проведенной Кржижановским реорганизации руководства «Электропередачей» он, Классон, вообще был выведен из него, Кржижановский ответил, что это не будет иметь никакого значения. Если и последний турбогенератор выйдет из строя, то тогда никто не станет разбираться в таких [не существенных по сравнению с прекращением энергоснабжения Москвы «Электропередачей»] вопросах.

18 марта. Ленин направляет письмо И.С. Уншлихту о своей согласии на поездку старшего техника Гидроторфа И.Р. Классона за границу, делает на бланке Председателя Совнаркома надпись: «Секретно. Лично т. Уншлихту (от Ленина)».

Отрывок из публикации в журнале

<...> Ленин никогда не забывал данного им поручения и не только строго проверял его исполнение, но и вносил в него, по мере [появления] новых обстоятельств, свои изменения. Для иллюстрации привожу следующее письмо:

Секретно

18/III-1922 г.

Тов. Уншлихт!

Помните, я Вам писал однажды о том, чтобы не пускать за границу сына Роберта Эдуардовича Классона? По наведенным мною теперь справкам, надобность в этом отпала. Значит с моей стороны препятствий к его выезду нет.

С ком. пр[иветом] Ленин

(И.С. Уншлихт. Воспоминания о Владимире Ильиче, [1934] //

«Вопросы истории КПСС», 1965, №4;

оригинал воспоминаний, машинопись – РГАСПИ, ф. 2, оп. 1, д. 25609)

Письмо Гидроторфа в ГПУ от 20 июля 1922 г.

Управление по добыче торфа гидравлическим способом настоящим удостоверяет, что старший техник И.Р. Классон, Заведующий Опытным полем Гидроторфа, находится в командировке на разработках гидроторфа при Государственной Электрической станции «Электропередача» для руководства работой во время испытания группы машин Комиссией ГУТа и потому не может лично подать заявление и вести дело о своем выезде за границу. Ввиду всего вышеизложенного Управление Гидроторфа просит Госполитуправление принять упомянутое заявление И.Р. Классона от агента И.П. Егорова.

(РГАЭ, ф. 758)

В справке, посланной Управделами Гидроторфа В.И. Богомоловым в январе 1922-го тов. Л.С. Сосновскому, содержалось такое обобщение «невыезда за границу» И.Р. Классона:

7 сентября 1921 года особая Комиссия под председательством Л.Б. Красина, назначенная Председателем Совнаркома для рассмотрения дел Гидроторфа, постановила командировать в Германию Ответственного Руководителя Гидроторфа Р.Э. Классона и с ним одно или несколько лиц для заказов за границей машин для добычи торфа и машин для завода обезвоживания торфа.

Управление по делам Гидроторфа назначило в командировку с Р.Э. Классоном старшего техника Гидроторфа И.Р. Классона, как специалиста по добыче торфа гидравлическим способом, знакомого в то же время с работами Гидроторфа по искусственному обезвоживанию торфа. Эта командировка была утверждена Цуторфом и Наркомвнешторгом. Наркомвнешторг обратился в установленном порядке в Отдел виз Наркоминдела, и 26 сентября последним были выписаны заграничные паспорта, на которых в последних числах сентября или первых октября была поставлена виза ВЧК – разрешение на выезд за границу. Р.Э. Классон еще в августе запросил и получил германское разрешение на въезд. Поэтому после визы ВЧК он смог сейчас же получить германскую визу и 6 октября выехать из Москвы в Берлин.

Для И.Р. Классона германское разрешение было получено в Германском Представительстве в Москве лишь 26 ноября. Между тем около 10 ноября Особый отдел [ВЧК] сообщил Наркомвнешторгу о своем отказе в разрешении на выезд за границу И.Р. Классону. Этот отказ остался в силе до сих пор. (ф. 758 РГАЭ)

Мы можем сейчас лишь теряться в догадках, какие были у «Софьи Власьевны» весомые основания «секретного характера» не пускать за границу И.Р. Классона в ноябре 1921-го и по каким причинам надобность в запрете отпала в марте 1922-го. За границу последний выехал, тем не менее, в сентябре 1922-го и уже только для учебы в Германии (см. очерк «Классонята»).

Небольшой штрих по поводу ситуации в 1922-м с загранпаспортами и временными или «на всю оставшуюся жизнь» выездами за границу «творческой интеллигенции»:

Худой и слабый физически, Ходасевич внезапно начал выказывать несоответственную своему физическому состоянию энергию для нашего выезда за границу. С мая 1922 года началась выдача в Москве заграничных паспортов, одно из последствий общей политики нэпа. <...> Для разрешения на выезд нужны были две подписи, одну дал Юргис Балтрушайтис, посол Литвы в Москве, другую – все тот же Анатолий Васильевич [Луначарский]. В паспорте была графа «причина поездки». Там было вписано: «для поправления здоровья» (в паспорте Ходасевича), «для пополнения образования» (в моем паспорте). – Нина Берберова. Курсив мой

В письме своему московскому корреспонденту С.Н. Мотовилова так рассуждала на эту острую тему:

Я думаю о том, почему Вас не сразу пустили учиться в Германию? Сын Луначарского Тотошка был женат три раза. Его первая жена – американка. Она, кажется, упала с лошади и уехала лечиться в Америку. Он хотел поехать к ней, но его так и не пустили, сказали, что «достаточно у нас детей и родственников наших наркомов, которые не хотят вернуться к нам, и остались за границей». Сын Коллонтай. Семья Красина, полпреда в Англии. Это правда? Жена Красина (урожденная Миловидова, мы ее знали в Лозанне) так и не вернулась в СССР?

<...> Вы не думаете, что Радченко и Кржижановский могли завидовать Классону? Как инженер он был лучше их, и более знаток как марксист? Видите, я, может быть, ошибаюсь. Но и Радченко, и Кржижановский, став коммунистами, оказались выше Классона. Много вреда принесло стране это недоверие к русской интеллигенции, которая сразу же пошла работать с большевиками. Ежели ты «член партии», значит, тебе доверять можно, а не «член», значит подозрителен. Ведь как раз наоборот. Если человек хочет вредить, он постарается влезть в партию, так как тут вредить лучше. И в первые годы революции партия разбухла за счет лиц, ничего в марксизме не понимающих! Ну, «благодать» сразу же сходила на них.

И.Р. Классон не совсем обоснованно считал, что виновником запрета на его выезд за границу был давний недоброжелатель Роберта Эдуардовича – Г.М. Кржижановский. Вот его черновая запись от 20 мая 1965 года:

По сообщению сотрудника Института Маркса-Ленина тов. Цирульникова (ему нужно было получить от меня основные данные обо мне – год рождения, должность и место работы для помещения в указатель имен тома 54 5-го издания «Полного собрания сочинений В.И. Ленина»), в этом томе будет впервые (вообще) опубликована секретная записка Ленина Уншлихту от 18 марта 1922 года, отменяющая более раннюю записку ему же о том, чтобы не давать разрешения на выезд за границу Ив. Роб. Классона.

Надо пояснить. Р.Э. Классон хотел, чтобы я еще осенью 1921-го поехал учиться в высшем учебном заведении в Германию или Швейцарию и обращался с соответствующей просьбой к Ленину. Однако разрешение на выезд за границу получено не было. Отец был уверен, что отказ исходил не от самого Ленина, но не мог догадаться – от кого?

Позднее (в конце 1922-го) ему стало известно, что его просьбу Ленин, как не знавший меня, переадресовал на усмотрение Г.М. Кржижановского, его отрицательный ответ и стал в этом деле решающим. В августе или сентябре 1922-го ходатайство было возобновлено через [Председателя Главторфа] И.И. Радченко, работавшего тогда и заместителем наркома Внешторга, где в такой же должности работал и Ягода. Отец и я не знали тогда, что отказ в разрешении моего выезда за границу был уже отменен (еще в марте) и самим Лениным!*

Радченко получил тогда разрешение (он же и один из его помощников давали за меня ручательство), и я получил заграничный советский паспорт и 14 сентября выехал из Москвы через Ригу, а 18 сентября приехал в Берлин, где учился сначала в качестве вольнослушателя, а после сдачи «дополнительных экзаменов по курсу прусского реального училища» – действительным студентом Берлинской высшей технической школы.

*Еще в сентябре 1922-го я встретил в Берлине, в семье Старковых, Г.М. Кржижановского и [его жену] Зинаиду Павловну**. Однажды зайдя еще раз к Старковым, я застал у них дома одного Кржижановского. Он должен был через несколько дней вернуться в Москву. Пожимая мне руку, он с чувством сказал, что желает мне найти здесь (т.е. в Германии) то, что я ищу (т.е. учиться в высшей школе). Я тогда же чисто интуитивно почувствовал, что эта фраза была не случайна, что препятствовал моему учению за границей именно он. Позже благодаря случаю я узнал, что это так и было, и сказал отцу.*

Как мы видели из приведенных, далеко, по-видимому, не полных документов, инициатива запретить сыну бывшего буржуазного инженера выезд за границу исходила, скорее всего, от председателя Совнаркома, а Г.М. Кржижановский подчеркнуто не занимал определенной позиции в переписке (возможно, был более категоричен в телефонных разговорах?). Как известно, В.И. Ульянов-Ленин подозрительно относился к интеллигентам и к их детям. В годы перестройки широко тиражировалось хамски-грубое высказывание «самого человеческого в мире человека»: «Интеллигенция – это не мозг нации, интеллигенция – это г<...>но». Он, естественно, имел в виду «недобитую буржуазную», а не нарождавшуюся «рабоче-крестьянскую» интеллигенцию.

Если уж быть точным, то в письме А.М. Пешкову-Горькому в сентябре 1919-го этот «недоучившийся интеллигент» так прошелся по известному писателю В.Г. Короленко, остро выступавшему против большевистского террора:

«Интеллектуальные силы» народа смешивать с «силами» буржуазных интеллигентов неправильно. За образец их возьму Короленко: я недавно прочел его, писанную в августе 1917 года, брошюру «Война, отечество и человечество». Короленко ведь лучший из «околокадетских», почти меньшевик.

* Как мы уже видели из документов, это не совсем так, например: «Отъезд И.Р. Классона – сына, с моей точки зрения отнюдь не существенный вопрос» (Г.М. Кржижановский в записке В.И. Ульянову-Ленину от 19 декабря 1921 г.); ««Вопрос поставлен в форме личной просьбы, и я не нахожу возможным что-либо сюда добавить» (Виза Г.М. Кржижановского от 30 декабря 1921 г. на письме Р.Э. Классона из Берлина В.И. Ульянову-Ленину от 15 декабря того же года)

** В.В. Старков был женат на сестре Г.М. Кржижановского – Антонине Максимилиановне.

А какая гнусная, подлая, мерзкая защита империалистической войны, прикрытая слащавыми фразами! Жалкий мещанин, плененный буржуазными предрассудками! Для таких господ 10 000 000 убитых на империалистической войне — дело, заслуживающее поддержки (делами, при слащавых фразах «против» войны), а гибель сотен тысяч в справедливой гражданской войне против помещиков и капиталистов вызывает ахи, охи, вздохи, истерики.

Интеллектуальные силы рабочих и крестьян растут и крепнут в борьбе за свержение буржуазии и ее пособников, интеллигентов, лакеев капитала, мнящих себя мозгом нации. На деле это не мозг, а г...но. «Интеллектуальным силам», желающим нести науку народу (а не прислуживать капиталу), мы платим жалование выше среднего. Это факт. Мы их бережем. Это факт.

«Справедливая гражданская война против помещиков и капиталистов», как известно, растянулась, как минимум, до расстрела рабочих в Новочеркасске в 1962-м и обошлась в десятки миллионов жертв коммунистического режима. Заодно отметим здесь и беспринципность В.И. Ульянова-Ленина.

В январе 1913-го в письме тому же А.М. Пешкову-Горькому он так оценивал роль будущей «империалистической войны»: *«Война Австрии с Россией была бы очень полезной для революции (во всей Восточной Европе) штукой, но маловероятно, чтобы Франц Иосиф и Николаша доставили нам сие удовольствие».*

Оставляем будущим исследователям «самого справедливого на земле строя» определить попутно ответственность причастных ведомств и совчиновников (в т.ч. председателя Совнаркома В.И. Ульянова-Ленина и председателя Госплана Г.М. Кржижановского) в «политическом обосновании» временного запрета на учебу за границей всего лишь одному сыну бывшего «буржуазного инженера» Р.Э. Классона.

А также установить возможные поводы, возникшие, вероятно, к ноябрю 1921-го и поведшие к запрету выезда И.Р. Классона за границу. Например, невозвращение в советскую Россию некоторых лиц — интеллигентов, важных совслужащих или их родственников.

Историк и писатель Владимир Генис в предисловии к своему произведению «Неверные слуги режима: первые советские невозвращенцы (1920-1933)», (М., 2009, Книга 1. «Бежал и перешел в лагерь буржуазии», 1920-1929) указывал:

Вопрос «О работниках сов<етских> хоз<яйственных> учреждений за границей, отказавшихся вернуться в СССР» впервые был вынесен на рассмотрение Секретариата ЦК ВКП(б) в августе 1928 г. Тогда, после нескольких месяцев изучения материалов, имевшихся в распоряжении ОГПУ и учетно-распределительного управления Наркомата внешней и внутренней торговли СССР, обнаружилось, что общая численность только официально зарегистрированных с 1921 г. «невозвращенцев» достигла 123 человек, из которых 18 являлись ранее членами большевистской партии, а треть из них — еще и с дореволюционным стажем.

В докладной записке, направленной 14 августа начальником учетно-распределительного управления и членом коллегии Наркомторга СССР А.А. Платоновым своему наркому и одновременно кандидату в члены Политбюро ЦК ВКП(б) А.И. Микояну, копии — членам Секретариата ЦК В.М. Молотову, А.П. Смирнову, Л.М. Кагановичу, заведующему орграспредом ЦК И.М. Москвину и зампредседателя ОГПУ М.А. Трилиссеру, отмечалось, что более двух третей всех невозвращенцев — 72% — составляют ответственные работники и специалисты.

Из них 80 человек или 73% служили в торгпредствах, еще 6 человек или 4% – в полпредствах и консульствах, а остальные – в заграничных представительствах разных хозяйственных и внешнеторговых организаций. При этом 67 невозвращенцев были зафиксированы в Германии, 16 – в Англии, 9 – в Турции, 7 – во Франции, 5 – в Латвии, по 4 – в Италии и Финляндии и т.д.

Исходя из «побудительных причин», вызвавших отказы служащих вернуться на родину, все они делились в записке на:

«1) лиц, изобличенных во взяточничестве, казнокрадстве, связях с фирмами, растратах – 79 человек – 64%; 2) лиц, уволенных из советских учреждений по политическим соображениям (связь с эмиграцией, антисоветскими партиями, фашистскими организациями, иностранными разведками и пр.) – 29 человек – 23,7%; 3) лиц, отказавшихся вернуться по личным мотивам (родственники и пр.) – 12 человек – 10%».

К большому сожалению, Владимир Генис обратился почти исключительно к «драматическим судьбам наиболее ярких фигур «из неверных слуг режима»» и пока не затронул не менее драматические судьбы родственников совчиновников или детей каких-нибудь полезных «Софье Власьевне» других персонажей (вернувшихся из-за границы или оставшихся за «железным занавесом»).

Из аннотации Владимира Гениса к книге 2 («Третья эмиграция», 1920-1932):

Впервые анализируется феномен советского невозвращенчества конца 1920-х – начала 1930-х гг., рассказывается о составе, численности, политической и литературной деятельности «третьей» эмиграции, ее взаимоотношениях с русским зарубежьем и судьбах наиболее ярких фигур из «неверных слуг» сталинского режима.

В числе героев повествования – высокопоставленные дипломаты Г.З. Беседовский и С.В. Дмитриевский, нелегальный резидент ОГПУ Г.С. Агабеков и военно-морской атташе А.А. Соболев, торгпред С.Е. Ерзинкян и бывший зампреда Совнаркома Грузии К.Д. Какабадзе, «советский анархист» Ф.П. Другов и «красный профессор» И.И. Литвинов, а также ближайшие родственники кремлевских «вождей» (в том числе брат М.М. Литвинова и племянник В.И. Ленина), старые большевики и беспартийные «спецы», чекисты и сотрудники Коминтерна, академики и писатели.

Тем не менее, мы приведем сюжеты командировок (поездки и т.п.) за границу по линии Наркомпроса и других ведомств в 1920-21 гг., которые показывают сложный механизм выдачи разрешения на оные и заодно обнаруживают нервную реакцию властей на «невозвращенцев» (заранее прося извинения у автора за снятие многочисленных ссылок):

В конце гражданской войны и в начале нэпа за границу мечтали уехать многие – от аполитичных, измученных страхом и лишениями «военного коммунизма» беспартийных «спецов» и представителей художественной интеллигенции до идейных оппонентов режима и даже, казалось бы, ярых коммунистов. Но для того, чтобы покинуть Россию, требовалось не столько командировочное удостоверение от одного из советских учреждений или зачисление в штат какой-либо из отбывающих в Европу миссий, сколько разрешение на выезд со стороны высшей партийной инстанции и ВЧК, без санкции которых НКВД не имел права на выдачу заграничного паспорта.

Впрочем, еще 19 апреля 1921 г., указывая ЦК РКП(б) на участившиеся случаи ходатайств «отдельных лиц и целых театров» о разрешении на выезд за границу, которые «систематически поддерживаются тов. Луначарским», глава чекистского ведомства Ф.Э. Дзержинский с негодованием заявлял: ВЧК на основании предыдущего опыта категорически протестует против этого.

До сих пор ни одно из выпущенных лиц (как, например, Кусевицкий, Гзовская, Гайдаров, Бальмонт) не вернулось обратно, некоторые – в частности Бальмонт – ведут злостную кампанию против нас. Такое послабление с нашей стороны является ничем не оправдываемым расхищением наших культурных ценностей и усилением рядов наших врагов.

Первый из упомянутых Дзержинским невозвращенцев – замечательный контрабасист-виртуоз и дирижер Сергей Александрович Кусевицкий (1874-1951), руководивший при большевиках Государственным симфоническим оркестром и бывшей Мариинской оперой в Петрограде. Отпросившись еще в мае 1920 г. в Берлин под предлогом возобновления там деятельности своего нотного издательства, Кусевицкий уже не вернулся в Россию и, обосновавшись в США, в 1924-1949 гг. состоял главным дирижером Бостонского симфонического оркестра. Следом за ним, в июне 1920 г., выехал, под поручительство Бухарина и Луначарского, в полугодовую творческую командировку знаменитый поэт «серебряного века» Константин Дмитриевич Бальмонт (1867-1942), но, прожив недолгое время в Ревеле, он перебрался в Берлин, а оттуда в Париж, где перешел на положение эмигранта.

Наконец, уже в ноябре [1920 г.] отправились в разрешенные им зарубежные гастроли актеры Московского художественного театра Владимир Георгиевич Гайдаров (1893-1976) и его жена Ольга Владимировна Гзовская (1889-1962): в Берлине они создали Русский художественный передвижной театр, много снимались в кино, но в 1932 г. вернулись на родину.

Поскольку в упомянутой записке Дзержинский предупреждал ЦК РКП(б), что очередное ходатайство наркома просвещения касается выезда из России группы актеров 1-й студии Московского художественного театра, которая якобы, по вполне достоверным сведениям, «находится в тесной связи с американскими кругами, имеющими очень близкое отношение к разведочным органам», 7 мая 1921 г. Политбюро ЦК дало поручению Луначарскому «представить точный список отпускаемых за границу и справку, сколько из отпущенных за границу лиц из ученого и артистического мира вернулось, послав все сведения в Особый Отдел ВЧК для дополнительного заключения».

Требуемый список был представлен, но Луначарский указывал, что из 22 лиц, получивших возможность покинуть страну «с разрешения Наркомпроса», всего лишь один «порвал с РСФСР», еще один вовсе никуда не уехал, пятеро вернулись на родину, а большинство остальных «поддерживает отношения» с его ведомством.

Правда, в числе последних оказались как вернувшиеся в конце концов в Россию академики Н.Я. Марр, Ф.И. Щербатской и некоторые другие лица, так и ставшие невозвращенцами дирижер С.Л. Кусевицкий и филолог-германист профессор Федор Александрович Браун (1862-1942?), который, будучи командированным за границу «для закупки учебных пособий и других книг», впоследствии преподавал в Лейпцигском университете.

Не вернулся в Россию и некогда весьма близкий к социал-демократам Иван Иванович Манухин (1882-1958) – доктор медицины, автор работ по иммунологии и инфекционной патологии, специалист по лечению туберкулеза и личный врач М. Горького, который чуть ли не целый год уговаривал власти разрешить этому «крупному, может быть, гениальному ученому» заграничную командировку в Институт Пастера.

Но «свой человек, большевичок», как называл Горький Манухина, с большой неохотой выпущенный чекистами из России в январе 1921 г., возвращению на советскую родину предпочел жизнь в Париже, где и обосновался вместе с женой Татьяной Ивановной Манухиной (1885-1962), ставшей известной в эмиграции под литературным псевдонимом «Т. Таманин».

Так же не вернулась в Россию двоюродная сестра и одновременно свояченица композитора С.В. Рахманинова – Софья Александровна Сатина (1879-1975), преподававшая до революции на Московских высших женских курсах и участвовавшая в основании Музея наглядных пособий, она получила в Нью-Йорке докторскую степень и написала ряд трудов по вопросам ботаники и генетики.

Ознакомившись с представленным Луначарским списком «командированных», руководство ВЧК в лице заместителя ее председателя И.С. Уншлихта и <...> начальника Иностранного отдела Давыдова (Давтяна) уже 18 мая 1921 г. вновь апеллировало к ЦК РКП(б), обращая его внимание на «совершенно недопустимое отношение Наркомпроса к выездам художественных сил за границу».

Огромное большинство уехавших, доказывали чекисты, «являются потерянными для Советской России, по крайней мере на ближайшие годы», а «многие из них ведут явную или тайную кампанию против нас». Поскольку же авторы письма указывали, что 1-я студия Московского художественного театра назад не вернется, а некоторые из ее актеров «тесно связаны с иностранными миссиями», 28 мая Политбюро отклонило просьбу труппы о зарубежных гастрольях.

Кстати, всего неделей раньше, 21 мая, рассмотрев ходатайство «о выпуске за границу артиста Подгорного Н.А.», который заведовал труппой МХТ, Политбюро решило передать материал о нем «на заключение ВЧК с просьбой отнестись к вопросу серьезно», а 4 июня вынесло свой вердикт: «Выезд запретить».

Больше повезло Федору Ивановичу Шаляпину (1873-1938), которому Политбюро еще 10 мая разрешило выехать в Ревель «при условии гарантии со стороны ВЧК за то, что Шаляпин возвратится», но с пояснением: «Если ВЧК будет возражать, вопрос пересмотреть». Хотя требуемая «гарантия» от чекистов была, видимо, получена, и 31 мая Политбюро все-таки согласилось «отпустить Шаляпина за границу», из очередных гастролей, в которые он уедет летом 1922 г., певец уже не вернется...

Небезынтересно, что Луначарский несколько раз, в мае-июне 1921 г., предлагал ЦК РКП(б) организовать «круговую поруку» выпускаемых за границу «артистов всех родов искусства», для чего разрешать временный выезд из России, «сроком не свыше как на 4 месяца», только пяти лицам. Когда один из них вернется назад, можно будет послать в Европу следующего кандидата на выезд, а «нарушение слова и уход за границу навсегда автоматически закупоривает соответственную очередь». Луначарский полагал, что «скандальное бегство за границу прекратится только тогда, когда мы будем осторожным путем давать возможность артистам уезжать за границу на время».

Но в своем желании ни за что не выпускать из страны художественную интеллигенцию чекисты получили неожиданную поддержку со стороны полпреда РСФСР в Италии В.В. Воровского, который 10 июня из Рима пенял Менжинскому:

«Из Москвы была выпущена семья композитора Рахманинова (читал в газетах). А известно Вам, что Рахманинов – один из самых злостных контрреволюционеров и ненавистников большевиков.

Из Питера выехал за границу некто профессор западной литературы Андрей Левинсон. Теперь он – сотрудник берлинского кадетского «Руля».

О Бальмонте и говорить нечего. Несколько дней тому назад он поместил в пражской «Воле России» злопыхательский фельетон, где под заглавием «Кровавые лжецы» обливает вонючими помоями советскую власть.

Надо бы быть поосторожнее с несчастными литераторами, в частности – с рекомендациями некоторых наркомов...»

Поскольку же в ИНО ВЧК находились заявления о выезде за рубеж, данные еще рядом литераторов, в частности – А.А. Блоком, З.А. Венгеровой, Ф.К. Сологубом, неудивительно, что, ссылаясь на письмо Воровского, чекист Давыдов (Давтян) уже 28 июня обращается в ЦК РКП (б) с секретным отношением, в котором пишет:

«Принимая во внимание, что уехавшие за границу литераторы ведут самую активную кампанию против Советской России и что некоторые из них, как Бальмонт, Куприн, Бунин, не останавливаются перед самыми гнусными измышлениями, ВЧК не считает возможным удовлетворять подобные ходатайства.

Если только у ЦК РКП нет особых соображений, чтобы считать пребывание того или иного литератора за границей более желательным, чем в Советской России, ВЧК со своей стороны не видит оснований к тому, чтобы в ближайшем будущем разрешать им выезд. Во всяком случае, мы считали бы желательным разрешение подобных вопросов передавать в Оргбюро».

Но, хотя ЦК согласился с предложением чекистов «на внесение в Оргбюро вопросов о выезде литераторов за границу в тех случаях, когда ВЧК находит это нужным», окончательное решение зачастую принималось членами Политбюро. Именно на совести его членов лежит преждевременная кончина Блока, о выезде которого для лечения в Финляндию еще в мае 1921 г. ходатайствовал Горький. 7 июня по этому же поводу к Ленину обратилось правление Петроградского отдела Всероссийского союза писателей, но тщетно.

«Мы в буквальном смысле слова, не отпуская поэта и не давая ему вместе с тем необходимых удовлетворительных условий, замучили его», – писал 8 июля Луначарский Чичерину, копия – Менжинскому, поясняя, что Блок «тяжело болен цингой и серьезно психически расстроен». Но Менжинский убеждал Ленина, что за границу Блока «выпускать не стоит», ибо «произведет на него дурное впечатление какая-нибудь история, и он совершенно естественно будет писать стихи против нас».

Поэтому, рассмотрев 12 июля «ходатайство тт. Луначарского и Горького об отпуске в Финляндию А. Блока», Политбюро тремя голосами (В.И. Ленин, Г.Е. Зиновьев и В.М. Молотов) против двух (Л.Б. Каменев и Л.Д. Троцкий) решило: «Отклонить».

Но одновременно Политбюро согласилось выпустить за границу писателя Ф.К. Сологуба, которому покровительствовал Троцкий, что вызвало резкий протест Луначарского. Обращаясь 16 июля к ЦК РКП(б), он напоминал, что Блок «заболел тяжелой ипохондрией и выезд его за границу признан врачами единственным средством спасти его от смерти».

Решение же Политбюро означает только одно: «Высоко даровитый Блок умрет недели через две, а Федор Кузьмич Сологуб напишет по этому поводу отчаянную, полную брани и проклятий статью, против которой мы будем беззащитны, т.к. основание этой статьи, т.е. тот факт, что мы уморили талантливейшего поэта России, не будет подлежать никакому сомнению и никакому опровержению».

Об этом же писал Ленину Горький: «Честный писатель, не способный на хулу и клевету по адресу Совправительства, А.А. Блок, умирает от цинги и астмы, его необходимо выпустить в Финляндию, в санаторию. Его – не выпускают, но в то же время выпустили за границу трех литераторов, которые будут хулить и клеветать, – будут. Я знаю, что Соввласть от этого не пострадает, я желал бы, чтоб за границу выпустили всех, кто туда стремится, но – я не понимаю такой странной политики...».

Доводы Луначарского и Горького произвели, видимо, на Ленина должное впечатление, и 23 июля, пересмотрев свое постановление, Политбюро разрешило поэту выехать за границу. Но было поздно: 7 августа 1921 г. Блок скончался...

Что же касается автора столь, казалось бы, ценимого большевиками романа «Мелкий бес», то он уже и до этого неоднократно, но безуспешно обращался к Ленину, Троцкому, Луначарскому и Каменеву с просьбой отпустить его хотя бы на месяц в Ревель для устройства своих литературных дел.

Так, в письме Каменеву от 6 мая 1920 г. Сологуб заявлял:

«Повторяю то, что я уже не раз писал в своих ходатайствах: я очень люблю Россию, и даже временная разлука с нею для меня тяжела; я не политик и не публицист и никакой активной политикой никогда не занимался; я смотрю на явления и на людей, как поэт и беллетрист, подходя к ним, конечно, не с классовым, а только с художественным критерием. В прошлом моем и моей жены было оказано достаточно услуг делу освобождения России, достаточно для того, чтобы люди, имеющие глаза, уши и незатемненный разум, могли дать себе отчет в наших политических симпатиях; кроме того, ответ на подобные вопросы я дал в двадцати томах моих сочинений, а мой долг народу уплатил 25-летним служением в качестве народного учителя.

В настоящее время я лишен даже грошовой учительской пенсии, потерял мою страховку на дожитие, неоднократно был выселяем с квартиры и с арендуемой мною дачи под Костромю, куда мы с женой вложили наш личный труд и трудовые деньги. Я болен, но все-таки должен ежедневно гнуть спину над переводами, чтобы заработать то на фунт сахара, то на фунт масла, которые приходится приобретать по фантастическим ценам вольного рынка. Очень прошу Вас оказать мне и моей жене содействие в получении разрешения выехать на короткое время, хоть 2-3 месяца, за границу для лечения, отдыха и устройства моих литературных дел...».

Не дождавшись положительного ответа, Сологуб обратился 5 июня к Ленину с аналогичным по содержанию прошением, отправленным на рассмотрение тому же Каменеву, резолюция которого гласила: «Я не верю, что Сологуб не будет поливать нас грязью за границей...»

Лишь в феврале 1921 г. Сологуб, наконец, получил на себя и жену заграничные паспорта, но через три недели их у него отобрали, и 19 мая Секретариат ЦК РКП (б) в очередной раз отказал писателю в возможности уехать. Правда, уже 12 июля члены Политбюро неожиданно согласились его выпустить, хотя Луначарский, возмущаясь отношением к Блоку, предупредил их, что Сологуб – это «старый писатель, не возбуждающий более никаких надежд, самым злостным и ядовитым образом настроенный против Советской России, везущий с собой за границу злобную сатиру под названием "Китайская Республика равных"».

Но 23 сентября отчаявшаяся жена Сологуба покончила с собой, бросившись с Тучкова моста, и потенциальный невозвращенец уже больше не пытался уехать из России.

Тогда же, летом 1921 г., в Оргбюро ЦК РКП(б) решался вопрос, выпускать ли за границу еще одного известного писателя и старшего брата не менее знаменитого театрального деятеля – Василия Ивановича Немировича-Данченко (1844-1936), у которого накануне революции вышло ни много, ни мало как 50-томное собрание сочинений.

<...> Как и все прочие лица, мечтавшие во что бы то ни стало выбраться из России, Немирович-Данченко старался убедить большевиков в своей политической лояльности и, обещая вернуться на родину, еще 19 апреля 1921 г. писал Ленину:

“Глубокоуважаемый Владимир Ильич,

Я давно работаю над обширным сочинением «Народные вожди, трибуны и мученики революции». Цель моя – дать в художественной форме живого рассказа Четью минуей героев освободительного движения. Его победа только упрочится в массах, когда в их глубины будет брошен героический эпос борьбы за социальное и политическое раскрепощение. Завоевать народную толщу можно только, действуя на сердце, память и воображение, сказаниями о его богатырях и страстотерпцах.

Каждая глава пишется так, что все произведение отдельными очерками может быть распространяемо в школах, деревнях, в войсках, на фабриках и заводах. У меня уже готова часть этого труда. Государств<енное> Книгоиздательство в Москве, признав его полезным, заключило со мной договор на первые сто листов. Продолжение зависит от источников и материалов в архивах Ватикана, Барселоны (Torre Aragon), Авиньона, Праги и др. То, что есть в России, даст только остов таким рассказам, но не их беллетристический облик, не детали и краски, не плоть и кровь. Комиссариат Народн<ого> Просвещения с этой целью дал мне командировку за границу. Такой же – Инстр<анных> дел разрешил выдачу паспорта, но Особый отдел ВЧК не согласился на мой выезд из России на зиму с правом и обязательством возврата весной.

Мне 77 лет (род. 24 декабря 1844 г.) Я начал работать в печати в 1861 г. Таким образом отказ ВЧК был единственной благодарностью России в шестидесятилетний юбилей мой. Мои сочинения (154 тома) носили всегда освободительный характер, что было признано и Советом Раб<очих> и Красноарм<ейских> депутатов, издавшим в Петрограде одиннадцать моих книг за 1919-20 годы. Я полжизни провел на солнечном юге. Зимы севера для меня смерть. В последние две я вынес воспаления легких. У меня в комнате было 4⁰°R, при крайне скудной пище, граничащей с голодовкой. К чему Особому отделу жизнь такого старика, не могу понять. Читаниями и лекциями я служил Советской России по мере сил. Подозревать меня в желании повредить ей, помимо обиды мне и моим убеждениям, не значит ли слишком преувеличивать мои гаснущие силы?

Если Вы, глубокоуважаемый Владимир Ильич, захотите по-человечески отнестись к старому писателю и помочь мне остальные две-три зимы, может быть последние, провести в тепле и покое и таким образом закончить работу, являющуюся венцом моей трудовой жизни, – Вам стоит для этого сказать только слово. Оно разумеется будет иметь решающее значение, Я хочу уехать один. Моя семья остается здесь. Мои внуки и внучка – все на службе Советск<ой> России. Разрешения я прошу на первый раз на шесть-семь месяцев.

Пользуюсь случаем засвидетельствовать Вам искреннее почтение”.

В ответ на запрос управделами Совнаркома Н.П. Горбунова, к которому послание Немировича-Данченко попало только в начале июня 1921 г., Луначарский подчеркивал, что всемерно поддерживает его просьбу о разрешении на выезд за границу:

«Когда Особый отдел решительно в этом отказал, я написал ему письмо, что жестоко держать больного старика, который может только умереть в России, который, как бы он ни хотел, не может причинить нам ни малейшего зла и который, кроме того, этого зла нам причинять не хочет. Я указывал Менжинскому, что у меня нет средств поставить этого писателя в удовлетворительные условия. Но Особый Отдел вообще никогда ни на какие просьбы внимания не обращает. Я и в настоящее время настаиваю, не только из тех литературных соображений, на которые ссылается сам Василий Иванович, но из соображений простейшей гуманности, что его надо, как можно скорее, выпустить за границу».

Письма Немировича-Данченко и Луначарского были переправлены Горбуновым Молотову, и 27 июня Оргбюро ЦК РКП(б) согласилось-таки на выезд писателя за границу, но с приостановкой его до выяснения «характера заключенных Немировичем-Данченко договоров с Госиздатом». И хотя 11 июля Оргбюро подтвердило свое решение о том, чтобы «приостановить постановление ЦК от 27/VI до разрешения вопроса о заключенном Госиздатом с Немировичем-Данченко договоре», в конечном счете писателю все-таки удалось вырваться в Берлин, где он, естественно, напрочь забыл о своем обещании вернуться на родину. <...>

Помимо Немировича-Данченко, в 1921 г. навсегда покинул Россию упоминавшийся Воровским член редколлегии издательства «Всемирная литература», профессор Петроградского института истории искусств Андрей Яковлевич Левинсон (1887-1933), который, отправившись в апреле в Берлин «для изучения текущей художественной литературы», преподавал впоследствии в парижской Сорбонне. В августе был выпущен за границу и самобытный писатель Алексей Михайлович Ремизов (1877-1957), который, выехав через Ревель в Берлин, в 1923 г. тоже перебрался в Париж и, хотя в 1947 г. принял советское гражданство, на родину так и не вернулся.

<...> Но большевистское руководство гораздо больше волновали «измены» в советских зарубежных представительствах, о чем свидетельствует, например, «Доклад по Наркоминделу», подготовленный Иностранным отделением Особого отдела ВЧК для Ф.Э. Дзержинского, который 4 декабря 1920 г. предложил ознакомить с названным документом В.И. Ленина, Л.Д. Троцкого, Н.Н. Крестинского, И.В. Сталина, Л.П. Серебрякова, Л.Б. Каменева и Г.Е. Зиновьева.

В докладе констатировалось, что «нет миссии, над которой бы не повисла густая сеть всяких скандалов, обвинений, басен и склоки», а ответственные представители РСФСР за границей, «полагаясь на свой жизненный практический опыт, не всегда протекавший в недрах партии, приближают к себе людей подозрительных или беспартийных, вступают на этой почве в конфликт с сотрудниками-коммунистами и создают совершенно невозможные условия работы», в результате чего – «хаос в делах, нелепые сделки, сплошное надувательство нас спекулянтами, предательства со стороны наших сотрудников».

Столь невозможная обстановка, по сведениям ИНО ВЧК, сложилась, в частности, в миссиях РСФСР во главе с И.Э. Гуковским в Эстонии, А.Е. Аксельродом в Литве и В.Л. Коппом в Германии. Так, говорилось в докладе, «за короткое существование нашей миссии в Ревеле мы имеем девять лиц, открыто перешедших на сторону белых и порвавших официальные связи с нами», а коммерческий секретарь Гуковского – Эрлангер, которого НКВД и ВЧК около полугода тщетно пытались отозвать в Москву, в конце концов скрылся, уехав в Швецию.

Не лучше обстоит дело и в Ковно, где «курьер, посланный Аксельродом, по дороге в Москву сбежал», а еще два его курьера арестованы по обвинению в шпионаже. В отношении же Берлина ряд товарищей указывает, мол, «на засилье меньшевиков и бундовцев в персонале Коппа».

Чекисты жаловались, что НКВД «абсолютно ничего не предпринимает для организации правильного подбора сотрудников в миссиях» и «тщательного отслеживания элементов подозрительных, для проверки личной и политической физиономии каждого сотрудника, отправляющегося за границу». Более того, до сих пор отсутствуют точные сведения о кадровом составе зарубежных миссий, и лишь по инициативе ВЧК был поднят вопрос о воспреещении им принимать новых служащих без санкции Москвы.

Партийное руководство вполне разделяло обеспокоенность чекистов, и уже 25 апреля 1921 г. Оргбюро ЦК РКП(б) утвердило текст директивного письма «Об отъезжающих за границу товарищах», в котором, напоминая о значительном увеличении числа зарубежных представительств РСФСР, высказывало недовольство, что нередко подбор сотрудников для них «делается крайне спешно». Секретариату ЦК, НКВД, Наркомату внешней торговли и всем ответственным руководителям центральных ведомств предписывалось «относиться к посылке лиц за границу с сугубым вниманием и осторожностью и руководствоваться при этом не личными заявлениями о желании поездки и работы за границей, а исключительно интересами дела, способностями и надежностью уезжающих».

На руководителей зарубежных миссий возлагалась «строжайшая ответственность за качественный подбор своих сотрудников и дальнейшее постоянное наблюдение за их работой и поведением». Кроме того, Оргбюро ЦК решило создать комиссию из представителей наркоматов рабоче-крестьянской инспекции, юстиции, внешней торговли, по иностранным делам и ВЧК «для выработки положения (в советском порядке) об ответственности руководителей заграничных посольств, а также руководителей ведомств, рекомендующих работников в заграничные представительства». Одним из первых, кто поплатился «за доверие к беспартийным», стал полпред РСФСР в Литве А.Е. Аксельрод, отмечавший в автобиографии, что из-за отказа своего управделами вернуться в Москву он был не только отозван из Ковно, но и «исключен из партии на один год»! В постановлении ЦКК от 23 мая 1921 г. говорилось, что «т. Аксельрод, доверившись совершенно чуждым советской власти сотрудникам Ивановым, не оправдал возложенного на него доверия в качестве уполномоченного представителя РСФСР и нанес этим значительный ущерб республике». Но, учитывая, что он – член партии с 1901 г. и, «может быть, еще не совсем потерял для пролетарского дела», ЦКК исключила Аксельрода из РКП(б) «с правом вступить в нее через год, если не будет протеста со стороны какой-либо коммунистической организации», а также лишила его «права занимать административные советские посты».

Если верить меньшевикам, служившим в берлинской миссии, глава НКВД Г.В. Чичерин, пытаясь остановить бегство своих подчиненных, уже 11 мая 1921 г. разослал по всем заграничным представительством циркуляр № 4215, объявлявшийся личному составу под расписку. В нем указывалось, что, ввиду повторяющихся случаев как «самовольного ухода» с государственной службы, так и выхода из российского гражданства, не проведенных в установленном законом порядке, подобные действия служащих «будут рассматриваться как нарушение лояльности по отношению к РСФСР и вызовут репрессии по отношению к их семьям и ближайшим родственникам, находящимся на территории РСФСР»!

Комментируя данный циркуляр, меньшевистский «Социалистический вестник» с сарказмом замечал, что «какой бы вопль подняли гг. коммунисты, если б где-либо какое-нибудь буржуазное правительство позволило себе по отношению к чиновникам подобную угрозу мстью ни в чем неповинным женам, детям, братьям и родителям?» Впрочем, угрозы суровых кар не останавливали первых невозвращенцев...

Но в Европе рвались не только беспартийные «спецы», но и коммунисты, что подтверждает секретное, запрещенное к опубликованию, циркулярное письмо всем партийным организациям, текст которого был утвержден Секретариатом ЦК РКП(б) 9 ноября 1921 г.

«За последнее время, – говорилось в циркуляре, – среди части членов партии наблюдается тяга за границу. Как общее правило, к этому стремлению нужно относиться отрицательно, ибо оно является своего рода демобилизационным настроением и желанием на законном основании освободиться от тяжелых обязанностей, налагаемых партией на своих членов, и перейти на обывательское положение на месте, где строгого контроля со стороны партии быть не может, сохраняя в то же время возможность вновь связаться с партией, когда это предоставляется удобным».

В циркуляре объявлялось, что «никакая поездка за границу партийных товарищей по своим личным делам, как-то свидание с родными, устройство своих дел, не разрешается», что, естественно, вынуждало коммунистов, у которых вне России оставались близкие им люди, всеми правдами и неправдами добиваться разрешения на выезд под предлогом службы или лечения.

<...> Тем не менее количество заграничных командировок постоянно росло, и, как докладывал 16 февраля 1922 г. полпред РСФСР в Германии Н.Н. Крестинский члену коллегии НКВД М.М. Литвинову, только с июня 1921 г. («несколько случаев относятся и к более раннему периоду, но не ранее апреля») из России было затребовано 259 виз на въезд в Германию, в том числе «37 для лечения, 24 для работы в Полномочном Представительстве, 102 для постоянной или временной работы в Торговом Представительстве, 10 с кооперативными целями, 8 для членов покойного Компомгола и 82 в качестве командированных с различными целями от разных ведомств».

Крестинский указывал, что с каждой почтой к нему поступают требования исхлопотать визы для 5-7-10 человек, хотя в числе рвущихся за границу «много ненужных людей», малопригодных для зарубежной работы и притом усталых и нетрудоспособных. «Мне казалось бы, – отмечал полпред, – что не только вопрос о посылке товарищей за границу для лечения должен согласовываться в ЦК, но ЦК или какое-либо другое неведомственное учреждение по его поручению должны контролировать и все другие командировки за границу».

Поскольку Литвинов вполне разделял негодование Крестинского по поводу «командировочной вакханалии», он добился, чтобы Политбюро ЦК РКП(б) приняло 27 февраля 1922 г. постановление «Об ограничении командировок за границу и установлении соответственного контроля», в котором говорилось:

«Признать желательным предоставление Наркоминделу права до выдачи заграничных паспортов запрашивать уполномоченных НКВД за границей в отношении лиц, командированных НКВД, и полпредов в отношении лиц, командированных другими Наркоматами, насколько приезд командированного лица действительно вызывается необходимостью...»

Свой контроль осуществляли и чекисты, но еще 24 ноября 1921 г., рассмотрев «просьбу ВЧК дать директиву по вопросу о выдаче разрешений на выезд за границу командированных учреждениями лиц», Политбюро разъяснило, что «ВЧК дает заключение только политическое, с мотивировкой в случае отказа». Причем 5 декабря было вынесено решение «проверить личный состав работников заграничных учреждений всех ведомств со стороны работоспособности, надежности и необходимости каждого из сотрудников по данной работе», а также «провести в жизнь фактическое сокращение служебного персонала путем откомандирования излишних сотрудников в распоряжение центральных учреждений своих ведомств».

Но реализовать последнее фактически не удалось: благодаря восстановлению дипломатических отношений и интенсивному развитию торговых и культурных связей с зарубежными странами численность командированных туда советских граждан стремительно увеличивалась.

Выходит, И.Р. Классон попал в «командировочную вакханалию», в число «82-х, в качестве командированных с различными целями от разных ведомств» или все же был секретный приказ В.И. Ульянова-Ленина ГПУ?

Тем не менее, мы имеем определенные основания сделать следующие предварительные выводы по «командировочной истории» с сыном Р.Э. Классона. До Октябрьского переворота 1917-го оба «исторических персонажа» (Председатель Совнаркома и Председатель Госплана) бесцеремонно пользовались вниманием и заботой Роберта Эдуардовича.

Вспомним, что последний специально мотался в мае 1895-го из Петербурга в Лозанну, чтобы через свою родственницу А.А. Эрн-Мотовилову нелегально свести В.И. Ульянова-Ленина с Г.В. Плехановым, проживавшим под Женевой. А Г.М. Кржижановского Р.Э. Классон пригласил под своим боком, устроив его в 1909-м на работу в Москве, после подлизульного письма «Суслика» из Петербурга.

Что касается доли ответственности обоих «исторических персонажей» в запрете на выезд И.Р. Классону за границу осенью 1921-го. 19-22 октября того же года между председателем Совнаркома и зампредом ВЧК И.С. Уншлихтом шла интенсивная переписка (а возможно, были и телефонные разговоры), от которой сохранился лишь слабый след (см. выше). Тем не менее, он указывает на достаточно активную роль «вождя мировой революции» в этом позорном деле: «согласно Вашего распоряжения от 21.10.21». А как же иначе могло быть в государстве якобы «диктатуры пролетариата»?

Как было видно дальше, И.С. Уншлихт хранил письма В.И. Ульянова-Ленина, но приводил их в своих воспоминаниях за 1934 г. (опубликованных лишь в 1965-м, после реабилитации в 1956-м) весьма выборочно, скорее всего, чтобы отлакировать образ последнего (например, он процитировал письмо от 18 марта 1922-го, но умолчал о письме от 19 октября 1921-го).

Почему-то при аресте этого чекиста 11 июня 1937 г. ленинские письма отобраны у него не были (как утверждал писатель Лев Эммануилович Разгон, при обыске старых большевиков чекистами первым вопросом был: «Ленинские письма и оружие есть?»), возможно, он их уже уничтожил. Поэтому ссылки на эти письма в Полном собрании сочинений и Биографической хронике В.И. Ульянова-Ленина идут исключительно по адресу машинописных воспоминаний И.С. Уншлихта. (РГАСПИ, ф. 2, оп. 1, д. 25609)

Остались «белым пятном» и действия «Софьи Власьевны» в ноябре 1921-го в отношении командировки сотрудника Гидроторфа, кроме внешне ничем не мотивированного решения ВЧК: *«около 10 ноября Особый отдел сообщил Наркомвнешторгу о своем отказе в разрешении на выезд за границу И.Р. Классону»*. Понятно, что этот шаг опять-таки не мог быть предпринят без «распоряжения тов. Ленина».

Приведем еще один, косвенный документ того же времени, из архива Валентина Скурлова (skurlov.blogspot.ru/2009/01/blog-post_9443.html):

РХЦИДНИ [(РГАСПИ)], Ф.5, оп.1, д.2614. Письмо № 75106 начальника иностранного отдела ВЧК С. Могилевского В.И. Ленину с сообщением о причинах задержки разрешения на выезд в Финляндию академику Ферсману. 20.09.1921.

Л.1: Владимиру Ильичу ЛЕНИНУ. Академик Ферстнер (так в тексте. Надо: Ферсман. – В.С.) командирован Наркомпросом в Финляндию для переговоров с финляндскими учеными о выработке условий обмена заграничных научных изданий на русские. С той же целью командирован академик Ольденбург. Их поручители – М. Горький и профессор Линкевич.

Так как из дела Таганцева выяснено, что белогвардейцы умеют пользоваться добросердечием М. Горького, а возложенные на академиков Ольденбурга и Ферстмана (надо: Ферсмана – В.С.) поручения легко могут быть выполнены без ущерба для дела одним из них, мы решили не выдавать Ферстману (надо: Ферсману – В.С.) паспорта до предоставления рекомендации лиц, которые в случае необходимости могли бы понести ответственность за свое поручительство. К тому же тов. Молотов предложил нам принять меры к сокращению выпуска за границу и впуска к нам из за границы.

Начинотдела ВЧК С. Могилевский. 20.09.1921, № 75106.

К сожалению, в РГАСПИ не сохранилось каких-либо документов за этот период (ноябрь 1921-го) – ни в объемистых фондах В.И. Ульянова-Ленина, ни в фонде председателя ВЧК Ф.Э. Дзержинского (фонд «врага народа» И.С. Уншлихта заведомо не мог быть создан), ни в фонде тогдашнего члена ЦК ВКП(б) В.М. Скрябина-Молотова.

Запрашивал ли или звонил В.И. Ульянов-Ленин своему «коллеге тов. Кржижановскому», пока тоже неизвестно. Вполне возможно, что запрашивал, вполне возможно, что «Суслик» рекомендовал не пускать сына Классона за границу. Но последнее слово, конечно же, оставалось за «главным начальником».

И, действительно, И.С. Уншлихт в своем ответе в ЦК РКП, тов. Молотову от 18 января 1922-го, напуская туману, одновременно проговаривался, чьей на самом деле была инициатива: *«Отказ в визе И.Р. Классону вызван соображениями секретного характера и сделан по предложению В.И.»*.

Да еще сохранилась ответная записка Г.М. Кржижановского от 17 марта 1922-го: *«Думаю, что по настоящей ситуации нет уже смысла задерживать сына Классона»*. Хотя остается совершенно непонятным, а какие же изменения произошли во внешне- и внутривнутриполитической ситуации для советской России с октября по март? Или, может быть, Классоны дружными рядами вступили в ряды РКСМ или же, не дай Бог, в ВКП(б)? Ничего подобного! При этом «Суслик» в очередной раз обмарал своего бывшего начальника: *«Личная роль Классона, при теперешней организации Гидроторфа и Московских станций, весьма невелика»*.

Ну, а «вождь мирового пролетариата» не упустил случая предстать перед своими подчиненными «белым и пушистым» да еще при этом важно «надуть щеки»: «Помните, я Вам писал однажды о том, чтобы не пускать за границу сына Роберта Эдуардовича Классона? По наведенным мною теперь справкам, надобность в этом отпала. Значит с моей стороны препятствий к его выезду нет».

Для контраста сравним предыдущий сюжет (В.И. Ульянов-Ленин напускал секретного тумана и тянул целых полгода, несмотря на настойчивые обращения к нему) с нижеследующим (когда «вождь мирового пролетариата» реагировал почти незамедлительно и требовал от подчиненных быстрее разрешения дела).

4 апреля 1921 г. начальник Главторфа И.И. Радченко, бывший подчиненный Р.Э. Классона, а ныне авторитетный совчиновник обратился к председателю Совнаркома со следующей инициативой (здесь и ниже цитируемый документ – из ф. 5 РГАСПИ):

Главторф считает необходимым ежегодно в интересах дела командировать в Финляндию, Швецию, Данию, Германию, Австрию и Канаду на 3 месяца группу работников в 10 чел. (2 рабочих-металлистов, 2 десятника, 2 техника, 2 инженера и 2 руководителя) для ознакомления и изучения постановки торфодобыывания. Это не роскошь, а необходимость, которая окупится всегда и сейчас.

Чтобы такие поездки не вышли прогулкой – надо их организовать, т.е. послать вперед 2-3 чел., хотя бы в ближайшие места Финляндии, Швеции Дании, чтобы они совместно с нашими представителями собрали материалы, выработали маршрут и исхлопотали всяческие разрешения. <...>

Одной из заграничных поездок хотел я лично воспользоваться – пополнить свое самообразование по торфу. Об этом уже как-то говорил с т. Рыковым, на что последний выразил свое согласие. Через месяц после пуска торфяной кампании, к 17 июня, без вреда для дела я мог бы выехать.

Что нужно сделать.

<...> 2) Поручить Внешторгу и Ком. Ин. Дел оформить командировку от Главторфа 10 чел. сотрудников (за поручительством т.т. Радченко и Смилга) в Финляндию, Швецию, Данию и Канаду для ознакомления постановки дела торфодобыывания.

3) Отпустить необходимую сумму денег.

4) Отpravку организовать так, чтобы к 1 мая выехали три человека и остальные – к 1 июня.

5) Главторф обязать представить отчет.

По каким-то причинам (был сильно занят решением срочных вопросов об ударности Гидроторфа?) В.И. Ульянов-Ленин на это письмо в тот же день или на следующий не ответил и возможно поэтому И.И. Радченко еще раз обратился к нему, 6 апреля:

Главный Торфяной Комитет <...> находит необходимым периодически отправлять за границу, в частности Финляндию, Швецию, Германию, экспедиции чисто научного характера для изучения постановки торфяной промышленности.

<...> В первую очередь требуется послать в текущем году в Финляндию не позднее 1 мая экспедицию, состоящую из десяти лиц, в состав которой вошли бы, кроме ученых специалистов, инженеров и химиков, также техники-практиканты Торфяной Академии, один десятник, один слесарь и один артельный староста. <...> Для достижения скорого разрешения въезда в Финляндию надлежит вменить в обязанность торговому представителю в Финляндии тов. Игнатьеву немедленно по приезде туда войти в Финляндский сенат с представлением о разрешении вышеупомянутой комиссии въезда в Финляндию, а также о предоставлении права осматривать все торфоразработки Финляндии.

В тот же день председатель Совнаркома пишет в Президиум ВСНХ, А.И. Рыкову:

Тов. Радченко просит:

1) оформить командировку от Главторфа 10 человек сотрудников (за поручительством товарища Радченко и тов. Стилги) в Финляндию, Швецию, Данию и Канаду для ознакомления с постановкой дела торфодобыывания; 2) отпустить для этого необходимую сумму денег; 3) отправку организовать так, чтобы к 1-му мая выехало три человека, а остальные к 1-му июня.

Прошу это дело двинуть в срочном порядке, но обязать Главторф по окончании командировки представить подробный отчет о проделанной работе.

Р.С. Настаиваю на необходимости чрезвычайно ускорить это дело и обязательно известить о фактическом исполнении. (Ленинский сборник, 1932 г.)

Вот это, как говорится, «оперативное реагирование и замечательная чуткость»! При этом реализация пожелания И.И. Радченко (с учетом регулярной, ежегодной посылки за границу десятка работников Главторфа, да не только в Европу, но и, в перспективе, в Канаду) обойдется госказне на два порядка ощутимее, чем посылка одного старшего техника Гидроторфа в Берлин!! Причем в первом случае это обосновывалось «ознакомлением и изучением постановки торфодобыывания», то есть целями пусть и полезными, но не оперативными, а во втором – весьма актуальным снижением немалого ущерба от грядущей неотвратимой высылки навалом (а зачастую и по неверным адресам) массовых грузов для Гидроторфа.

Из письма Ответственного Руководителя Гидроторфа Р.Э. Классона замторгпреду В.В. Старкову в Берлин от 5 июля 1921 г.:

Мы получили уже целый ряд вагонов, все пришло в полной исправности, но шло фантастически долго – с апреля по июнь. К сожалению, не пришли еще транспортеры фирмы Ширм, и пока нет о них известий. Очень обидно, что вагоны приходят вслепую, совершенно без всякой спецификации, на них [(т.е. на ящиках)] просто написано – насосы или моторы. И поэтому приходится все вскрывать и портить упаковку вместо того, чтобы посылать их прямо на место. Благодаря отсутствию спецификации не знаешь, все ли получено или что еще впоследствии придет.

Письмо в Гидроторф от 19 октября 1921 г.:

Управлением Связи и Электротехники НКПС получены из Московской таможни три Масляных выключателя на 6 000 вольт 3-х фазного тока. При детальном осмотре была замечена надпись на немецком языке «Гидроторф Москва». Предполагая, что означенные выключатели адресованы Вам, просим прислать представителя для выяснения означенного вопроса, снабдив его соответствующими документами.

Из уже приводившегося письма Р.Э. Классона в Наркомат Внешней Торговли от 3 марта 1922 г.:

Только сегодня мы получили разрешение отправить агентов в Ревель и Ригу, где уже скопились грузы. К сожалению, мы получили отказ ВЧК [(ГПУ)] на отправку агента в Берлин для сортировки грузов прямо на заводах с назначением на определенный адрес, и потому мы вынуждены будем разбирать все грузы в Москве и переотправлять их на места разработки торфа, что конечно сопряжено с потерей времени.*

Весьма занимательные обстоятельства «жизни после жизни» Роберта Эдуардовича Классона мы приведем в следующем очерке, который так и назван – «Жизнь после жизни».

* Речь шла об И.Р. Классоне.